

Сергей Дашков

ЮСТИНИАН

ЖЗЛ

ЮСТИНИАН

Сергей
Дашков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1949

(1749)

Сергей Дашков

ЮСТИНИАН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2018

УДК 94(100)“653”
ББК 63.3(0)4-91
Д 21

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-04158-5

© Дашков С. Б., 2018
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Писать эту книгу было нелегко.

Во-первых, никогда наперед не знаешь, какой читатель откроет твой труд. Будет это некто искушенный в знании о прошлом и желающий лишь проверить текст на наличие фактических ошибок? Не исключено. Или человек, для которого история Византии ограничилась (увы!) школьной программой? Тоже вероятно. Это может быть юноша, жадно любопытный ко всему новому, и некто зрелый, за долгие годы привыкший не удивляться даже самым невероятным поворотам событий. Книга может попасть как в руки любителя художественного слова, так и к ценителю исторического факта, для которого повествование должно быть сжатым и сухим. «Риторике, — наставлял главный писатель Юстинианова времени Прокопий Кесарийский, — подобает красноречие, поэзии — вымысел, истории — истина». Хорошо бы создать текст, подходящий абсолютно всем, но это нереально: жанр «ЖЗЛ» смешанный, а текст — один!

Во-вторых, рассказ о людях неоднозначных простым не бывает — ведь практически любой факт их биографии можно интерпретировать с разных точек зрения. И дело здесь не только в том, что каждый мыслит по-своему. Мировоззрение человека с годами меняется. Так, я сам в 25 лет Юстинианом восхищался, но повзрослев, вряд ли выражу свое отношение к нему словом «восхищение».

В-третьих, о Юстиниане написано чрезвычайно много. Один лишь список первоисточников — это десятки произведений на разных языках (греческом, латыни, сирийском, армянском, персидском, арабском и т. д.). Еще обширнее литература, созданная исследователями Нового времени. Что, в каком объеме взять для сплетения нитей, из которых

будет соткана ткань рассказа? В любом случае объять необъятное не получится: какие-то моменты будут неминуемо упущены, с чем-то не согласится тот или иной профессионал. Мемуаров Юстиниан не оставил. Да, сохранились законы, которые он либо писал, либо читал и подписывал. Их много, и они весьма содержательны. Однако для характеристики Юстиниана ими следует пользоваться весьма и весьма осторожно: высказанное в них — это, скорее, не его образ мыслей, но *то, как он хотел, чтобы о нем думали, что он так думает*. А главное, это *описание необходимого*, величественное царское «θέλω καὶ βούλομαι» («[так] хочу и [так] постановляю»). Тем не менее определенное впечатление об императоре эти тексты дают: в них чувствуется личность. Все это осложняло задачу, вынуждая избегать двух ловушек: превратить биографию человека в описание свершений государства при нем или фантазировать, реконструируя события по источникам.

В-четвертых, книга писалась для российской серии, а наше общество до сих пор не пришло к единому мнению о том, что *для нас* Византия. Для одних это объект благоговения, для других — негодования. Одни видят в Византии истоки духовных смыслов, другие полагают, что византийское наследие ограничилось для нас заимствованием лишь внешних элементов церемониала. Оценки — полярны, мнения — диаметрально противоположны, и длится этот спор как минимум полтора столетия. Петр Чаадаев и Тимофей Грановский, Алексей Хомяков и Константин Леонтьев, Федор Тютчев и Максимилиан Волошин, Иосиф Бродский и Сергей Аверинцев, Александр Дугин и Сергей Иванов, Андрей Домановский и митрополит Тихон (Шевкунов)... Перечислять «разномыслящих искусных» в оценках Византии можно долго. Юстиниан же остается, наверное, самым «византийским византийцем» для российского образованного читателя.

Немалые терзания были связаны и с выбором принципа повествования. Первое, что приходило в голову, — систематизировать многочисленные деяния Юстиниана и рассказать о его жизни в привязке к ним: внешняя и внутренняя политика, войны, религия. Однако при таком подходе жизнь замечательного человека больше напоминает главу из учебника истории. Кроме того, так уже сделал Шарль Диль, чей труд о Юстиниане — классика. В итоге было выбрано построение по временным отрезкам. Это позволяет увидеть, какие задачи император решал более или менее

одномоментно, но насыщенность повествования событиями получается неравномерной.

И так далее и так далее...

Одним словом, уважаемый читатель, прошу меня извинить, если не получилось безупречно. Как сказали бы во времена Юстиниана, *cetera desiderantur*¹.

Но я старался.

* * *

Юстиниан пришел в этот мир через несколько лет после того, как Западная Римская империя растворилась в варварском мире, словно кусок сахара в кипятке. Сейчас принято говорить о ее «падении», но современники вряд ли считали эпохальными событиями низложение последнего императора Ромула, смерть изгнанника Юлия Непота² и даже последующую отправку знаков императорской власти из Италии в Константинополь. В отличие от, скажем, взятия Рима готами в 410 году или вандалами в 455-м, что произвело действительно шокирующее впечатление.

Дело в том, что императорская власть на Западе исчезла не сразу. Мятежи узурпаторов и убийства императоров на фоне замещения дряхлеющей старой власти новой, варварской, отличали весь беспокойный V век³. В течение же третьей его четверти носители громкого императорского титула превратились в марионеток, от имени которых правили всякие герулы, бургунды, свевы и им подобные. И вот настал день, когда необходимость в императоре отпала даже для соблюдения традиции⁴.

¹ Об остальном остается желать (*лат.*).

² Юлий был убит в начале 480-х гг. относительно недалеко от места рождения Юстиниана, в Далмации. Он был последним официально признанным в Константинополе императором Запада: его преемник Ромул на Востоке считался одним из узурпаторов.

³ При этом западная половина империи была существенно «беспокойнее» восточной. Так, с момента смерти в 395 г. Феодосия Великого до 476 г. на троне Западной империи побывали 13 императоров с титулом августа, и еще шесть (все — при Гонории) объявили себя таковыми в провинциях. Из всех перечисленных 12 или 13 были умерщвлены и один (Приск Аттал) изувечен. Востоком за то же время правили восемь императоров, из которых насильственной смертью умерли только двое — узурпатор Василиск и его сын Марк.

⁴ 4 сентября 476 г., низложение Ромула Августула. Этот день сейчас принято считать условной датой начала Средневековья в Европе.

В общем, к моменту, когда Юстиниан родился, западная часть римского колосса представляла собой конгломерат варварских королевств. На их территории постепенно смешивались носители старой культуры (чьим языком в основном была латынь) и варвары — как пришедшие совсем недавно, так и успевшие там пожить одно, два, а то и три поколения. Однако полностью Римское государство не исчезло: покачиваясь под ударами внешних врагов и мучаясь от недугов внутренних, всё же стоял Восток со столицей в Константинополе. Нам привычнее называть его Византией.

Придя к власти в 527 году, Юстиниан остановил и повернул вспять жизнь всего Средиземноморья. К моменту, когда он умер, империя снова владела Италией, частью Испании, Северной Африкой. Однако византийцы не смогли удержать свои завоевания даже в течение двух столетий и, шаг за шагом, их утратили. Более того: жертвы (прежде всего людские) и разрушения, которыми сопровождалось «освобождение» с Востока, оказались такими значительными, что земли эти в своем развитии отстали. А вот Галлия, вернуть которую византийцы даже не попытались, вышла вперед и в конечном итоге как административно, так и культурно сформировала средневековую Европу: через государство Каролингов.

Помимо завоеваний Юстиниан оставил после себя иные свидетельства своих грандиозных устремлений — постройки. Никогда строительство в империи не было столь масштабным. За период правления Юстиниана (527—565) на всей территории страны, от Далмации до Сирии и Армении, от Италии до Триполитании и Египта, были укреплены стенами, перестроены или возведены заново многочисленные большие и малые города. Это не говоря об отдельно взятых постройках — а какими они были! Даже если бы от всего сооруженного его велением осталась лишь Святая София в Константинополе, за нее одну Юстиниана следовало бы чтить вечно. Превращенная мусульманами в мечеть, а в 1934 году ставшая музеем, она является и символом Города, и символом Византии.

Созданный по инициативе Юстиниана (а в части конституций — непосредственно им) свод римского права стал итогом более чем тысячелетней законотворческой деятельности римлян и заложил основы всего европейского гражданского законодательства. Причем не только средневекового: наработки юристов VI века в той или иной степени использовали юристы, готовившие «Кодекс Наполеона». А ведь это 1804 год!

Деятельность Юстиниана в религиозной сфере — еще один важный фактор, на столетия вперед определивший развитие нашей цивилизации. И то, что упорные попытки царя примирить монофиситство с ортодоксией не принесли ожидаемых плодов, не помешало православной церкви признать его святым.

Трагедия Юстиниана заключалась в том, что он прекрасно осознавал, каких огромных материальных, а главное — людских ресурсов потребовали его начинания. Войны, затеянные им, вкупе со случившейся в 542 году эпидемией чумы обескровили империю. К моменту смерти василевса завоевания в Италии буквально висели на волоске: туда двинулись лангобарды. На северо-восточные границы усилилось давление со стороны новых варваров — славян, антов, и противопоставить им было нечего; эти свирепые племена порой бесчинствовали прямо у стен Константинополя. Что же касается внутренней политики, то в народе многие считали императора злобным демоном, потрясшим самые основы государства и потопившим в крови многие народные волнения. Одно только восстание «Ника», закончившееся в январе 532 года, стоило жизни тысячам столичных жителей!

Юстиниан был умным человеком. Скорее всего, на закате жизни он задавался вопросами: верно ли правил? что из сделанного можно было устроить лучше? что из возможного к свершению осталось несвершенным? О том, как отвечал он себе на эти вопросы, нам остается лишь гадать. Зато мы знаем наверняка: за всю дальнейшую историю (а это девять веков!) Византия не знала второго периода, столь же масштабного в плане преобразований и их последствий.

Жизнь Юстиниана — пример того, как энергичный, работоспособный и одаренный человек творит историю мира.

* * *

Несколько слов не о Юстиниане.

Греческие термины и имена в авторском тексте приводятся в основном по рейхлиновой системе¹ (за исключением

¹ Система транскрипции греческих слов, восходящая к средневековому гуманисту Иоганну Рейхлину, в основе которой лежало позднегреческое, близкое к византийскому произношение — в отличие от системы другого гуманиста Средневековья Эразма Роттердамского, опиравшегося на свои представления о древнегреческом произношении. Пример: «вивлиофика» или «Зинон» — это рейхлинова транскрипция; «библиотека», «Зенон» — эразмова.

слов явно латинского происхождения или случаев, когда иная транскрипция общеупотребительна). В цитатах же сохранено оригинальное написание, что ведет к определенному разнобою.

При спорных датировках предпочтение отдавалось «Оксфордскому словарю Византии» А. П. Каждана и современной «Православной энциклопедии».

Большая часть фотоматериалов сделана автором (кроме специально оговоренных случаев).

Фотографии монет сделаны В. В. Артевым, панно в люнете Вестибюля воинов собора Святой Софии — К. А. Перовым.

Выверку большинства цитат произвел Д. Е. Гончаров.

Благодарю за помощь в разрешении некоторых спорных вопросов старшего научного сотрудника Музея Востока М. Н. Бутырского и доктора исторических наук профессора С. А. Иванова.

Неоценимую помощь оказала мне Элла Олеговна Шиманская, замечания которой к первоначальному тексту рукописи я постарался учесть.

Я также благодарен доктору исторических наук профессору Александре Алексеевне Чекаловой, с которой ранее неоднократно советовался. Эта книга написана уже после ее ухода, но с благоговейной памятью о ней.

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ ДО ЮСТИНИАНА

Стоял апрель 1934 года. В Стамбуле было теплее обычного. У мечети Айя-София¹, по декрету президента Кемаля Ататюрка недавно превращенной в музей, отцветающие магнолии наполняли воздух слегка навязчивым, но приятным ароматом. В один из дней рабочие собрали над северо-западным входом металлические леса, подводя их к нише над дверями в нартекс. На следующее утро двое ассистентов по команде Томаса Уиттмора, изящно одетого американца с худым вытянутым лицом, начали снимать штукатурку с узором, почти век назад положенную сюда по приказу султана Абдулмеджида. Когда под очередным отвалившимся куском блеснула смальта, еще мутная от извести, стоявший рядом с Уиттмором молодой человек — русский эмигрант Анатолий Фролов (несмотря на возраст, один из лучших искусствоведов того времени) — решительно полез наверх.

Здрав голову так, что неизменная мягкая черная шляпа еле держалась на затылке, Уиттмор почти приплясывал от нетерпения:

— Есть? Есть? Она там? Ну? Анатолий, вы нашли ее?

Фролов водил рукой по запорошенной стене, ощупывая кусочки стекла с тщательностью мастера:

— Не будем торопиться, Томас. Как говорят у меня на родине, «тише едешь — дальше будешь».

— У вас на родине — это в Саратове, на Волге? — проявил осведомленность американец.

— В России так говорят везде, — вполголоса повторил Фролов уже по-русски, отряхнул руки, повернулся к ассистентам и жестом показал на ведро с инструментами. Отложив шпатели, они взялись за кисти и тампоны...

¹ От греческого Ἁγία Σοφία — Святая София.

Много месяцев трудились люди, проявляя то, что было спрятано веками. Пользоваться жидкостями было нельзя, и буквально каждую tessera чистили зубо­врачебным инструментом — мягкими аккуратными движениями, стараясь не повредить остальную поверхность. Кое-где поле мозаики приходилось укреплять, просверливая отверстия и вводя в слой основы специальные штифты. Работа была окончена 1 июня 1935 года. На полностью открытой и восстановленной картине Богородице предстояли две императорские фигуры: «во святых великий» Константин с макетом основанного им города и «досто­славный» Юстиниан с макетом построенного его радением собора.

Ниша, в которой открыли это украшение, расположена над нынешним туристическим выходом из музея. Когда-то он назывался Вестибюлем воинов, а сама Айя-София была главным храмом главного города главной христианской державы мира.

Описанное выше — не более чем фантазийная художественная зарисовка. Но факт состоит в том, что после присвоения мечети Айя-София музейного статуса мозаика Вестибюля воинов была явлена миру и изучена. Ее создали много позднее самого собора — во времена Македонской династии, в славные дни империи, когда и Юстиниан, и Константин были для Византии осязаемым, но уже довольно далеким прошлым. Жили они в разное время, однако их соседство на изображении символично и вполне объяснимо. Если прибегнуть к метафоре, в истории Византии было два гиганта — Константин I и Юстиниан I, с которыми никто из правителей не сравнился по значимости свершений.

Спросите человека, более или менее знакомого с древней историей, кто такой Юстиниан, и в подавляющем большинстве случаев вам ответят: «византийский император». Это правильный ответ. Но задумываемся ли мы, употребляя слова «Византия», «византийский», «византизмы», над их настоящим значением? Ведь для государства со столицей в Константинополе название «Византия» никогда не применялось официально — по крайней мере в годы, когда империя была еще жива. Тогда чем же на самом деле правил наш герой?

Как известно, Римская империя возникла на рубеже старой и новой эры. Ее столицей был город Рим. Именно там находился сенат и отправляли должности выборные магистраты, включая номинальных глав государства — двух

консулов. Официально Римская империя считалась республикой — *Res Publica*, «общее дело» римлян, хотя в ее государственном строе функции республиканских институтов постепенно переходили к императору (процесс этот не прекращался и в эпоху Юстиниана). Номинально государство по-прежнему возглавляли два консула, но их уже не выбирали собранием («по комициям» — как в древности), а назначал император.

В республиканском Риме титулом «император» солдаты награждали полководца за выдающиеся заслуги. Императорами были и Сулла, и знаменитый Гай Юлий Цезарь, и фактический основатель империи Октавиан Август. Однако официально Август и его преемники именовались «принцепс сената» — первый в сенате (что дало название эпохе первых императоров — принципат). Начиная с Августа, титул императора давался каждому принцепсу и в конце концов заменил его.

Принимая власть, новый принцепс немедленно провозглашался народным трибуном¹. Дело в том, что носитель трибунского звания, во-первых, обладал личной неприкосновенностью, а во-вторых, имел право налагать вето на решение любого выборного магистрата (консула, претора, курульного эдила, то есть высших выборных должностных лиц) и даже сената. Таким образом, принцепс получал нужный ему для абсолютной власти статус, формально оставаясь в «республиканских границах» и не занимая для этого высшие должности — консула или диктатора. Императоры могли как становиться, так и не становиться консулами — в их статусе это ничего не меняло, — но трибунат получали ежегодно². Императоры (до Грациана включительно) также принимали на себя титул верховного жреца, великого понтифика — *pontifex maximus*, тем самым как бы сакрализуя

¹ Народный трибун защищал права плебеев от возможного посягательства аристократии, патрициев.

² Год трибунской власти на значительной части императорских монет (до конца III в.) позволяет их точно датировать. Стандартная формула примерно такова: IMP CAESAR XXX AVGUSTUS P M TR P YY COS ZZ — «император Цезарь такой-то Август, великий понтифик, трибунская власть в такой-то, YY раз, консул в такой-то, ZZ раз». Это может показаться забавным, но римляне, к формальным вопросам относившиеся серьезно, уважение к трибунату соблюдали и память имели долгую. Так, в письме римскому сенату, датированном 28 июля 516 г., император Анастасий писал о 25-й годовщине своей трибунской власти (Кулаковский, 2004. Т. I. С. 438). Традиция!

свою фигуру, становясь сопричастными служению всем богам Рима.

Принцепс не являлся царем. Подчиняться царю (rex полтавыни или βασιλεύς по-гречески) римляне считали уделом преимущественно или варваров, или греков — которых, хоть и уважали за культуру и не относили к варварам, рассматривали как народ подчиненный.

Принципат оказался довольно крепким образованием. Под властью принцепсов римляне распространили свое влияние на обширные территории в Европе, Азии и Африке: от нынешней Бельгии до Туниса, от Британских островов до Сирии и Армении. «Вечный Рим» (Roma aeterna) — горделиво чеканили императоры на своих монетах. Но ничто в земном мире не бывает вечным. В середине III столетия империя вступила в полосу затяжного кризиса. Начались долгие гражданские войны; то тут, то там, опираясь на подчиненные им легионы, появлялись самозванцы. Не случайно это время называют эпохой «солдатских императоров». Их происхождение было самого разного свойства — от варвара (Максимин Фракиец, 235—238) до сенаторов-аристократов (Деций, 249—251 и Валериан, 253—260). Некоторым из них удавалось получить признание от сената (Максимин, Гордианы I, II, III, Деций, Валериан), о ком-то история не сохранила почти ничего, кроме имени (Эмилиан, Марий, Лелиан, Авреол), а некоторые известны лишь по редким или вообще единичным экземплярам монет (Пакациан, Иотапиан, Регаллиан, Силбаннак).

В 259 году империя фактически разделилась. Галлию захватил самозванный император Постум, после гибели которого в 268 году и до 273 года правили его преемники, такие же узурпаторы Викторин, затем Тетрик. Одновременно Рим потерпел тяжелейшее поражение на восточных границах — в 260 году под Эдессой персам сдалась в плен шестидесятитысячная армия во главе с императором Валерианом и значительным числом высших должностных лиц государства. В сирийской Пальмире провозгласил себя императором Септимий Оденат, после убийства которого в 267 году власть получили его вдова Зенобия и сын Вабаллат. В итоге значительная часть Востока (Сирия, а вместе с ней Египет и часть малоазиатских провинций) на несколько лет также отпала от империи.

С течением времени римлянам удалось преодолеть кризис. Император Аврелиан (270—275) вернул под власть Рима и Галлию, и Сирию.

Гибель Аврелиана и его преемника Проба (276—282) вследствие военных мятежей (по тем временам случай стандартный) уже не привела к каким-то масштабным потрясениям в государстве, но говорить о стабильности было рано. В ноябре 284 года восточные легионы выбрали императором иллирийца Диокла — человека совсем незнатного происхождения, благодаря способностям, труду и, конечно же, Фортуне, поднявшегося до поста комита доместиков. Он стал править под именем Диоклетиана, и период его правления (284—305) историки считают началом эпохи домината (от слова *dominus* — «господин», «государь»), сменившего принципат и окончательно включенного в официальную титулатуру правителей. Именно этому весьма незаурядному человеку за двадцать лет удалось осуществить целый ряд реформ в сферах экономики, государственного управления, военного дела, религии. Не все они оказались удачными. Не была в конечном итоге достигнута и вожденная стабильность¹.

Диоклетиан официально ввел принцип тетрархии, когда государством управляли четыре человека: по одному старшему императору с титулами августа на Востоке и на Западе и по одному их помощнику в ранге цезаря. Августы должны были уходить на покой после двадцати лет правления, цезари занимали их места, назначали себе новых и т. д. Этот, казалось бы, разумно сконструированный механизм поломался сразу же после первого запланированного отречения (Диоклетиана и его соправителя Максимиана Геркулия в мае 305 года). Преемники вместо взаимодействия бросились сражаться между собой, огромная империя в который раз стала ареной разорительных гражданских войн. В результате этого соперничества к началу 307 года правили, то враждуя, то заключая друг с другом союзы, пять августов (Галерий, Флавий Север, Константин, Максенций, Максимиан Геркулий) и один цезарь (Максимин Даза). В следующем году Флавия Севера уже не было в живых, зато в Карфагене объявился самозванный август Александр; Максимин Даза назначил себя августом сам, а Галерий сделал еще одним августом Лициния. Августов стало семь (!): шесть действующих и

¹ Примером тому сам Диоклетиан, добровольно удалившийся на покой после двадцатилетнего правления и вынужденный, по слухам, принять яд, предпочтя добровольную смерть высоковероятной казни от рук получившего власть Константина.

находящийся на покое Диоклетиан. Не империя, а какое-то общежитие!

Среди всех этих людей наиболее успешным оказался Константин, сын Констанция Хлора — цезаря при Диоклетиане и законного августа после его отставки.

К началу 20-х годов IV века Константину удалось победить соперников и остаться единодержавным властелином. Осуществленные при нем финансово-экономические и административные мероприятия позволили, наконец, стабилизировать положение государства — по крайней мере до середины IV столетия.

Константин умер 22 мая 337 года, оставив потомкам совсем не то государство, в котором когда-то родился. Именно тогда в общих чертах появилось то, что позднее историки назовут «византизмом»: основные «приметы» Византии как государства. Другими словами, полувековой период поздней Римской империи от начала правления Диоклетиана до смерти Константина кардинально изменил ее облик. Рим эпохи домината не был похож на Рим первых августов или великих Антонинов. Это была уже Византия.

Поздней Римской империи здорово не повезло с оценкой потомками. Для историков Нового времени она стала объектом снисходительного сожаления: непрекращающийся кризис, деградация, падение нравов и т. д. «Decline and Fall»¹, — словно припечатал великий историк Эдуард Гиббон государство римлян после «Золотого века Антонинов».

Отметим, что называть империю времен Константина или Юстиниана «Византией» (а такова традиция!) означает отказывать византийцам в праве считаться римлянами, противопоставлять «Рим» и «Византию», что неверно². Римская империя и Византия — это не два разных государства, а одно и то же. И хотя с течением времени сменилось всё — и столица (Константинополь вместо Рима), и язык (греческий вместо латинского), и вера (христианство вместо язычества) — Византия осталась наследницей Res Publicae римлян, просуществовав до 29 мая 1453 года, когда войска османского султана Мехмеда II штурмом взяли

¹ Упадок и падение (англ.).

² Тот же Гиббон это отлично чувствовал — и свою знаменитую «Историю упадка и гибели Римской империи» назвал именно так, доведя империю до Палеологов и взятия Константинополя турками. Ничего себе падение — тринадцать веков!

Константинополь. Да и по поводу «поздней Римской» можно поспорить: какая же она «поздняя», если от Августа до Константина — триста с небольшим лет, а от смерти Константина до 1453 года — втрое больше! Но уж если следовать привычной традиции, то, произнося слово «поздняя», стоит хотя бы избавиться от негативного настроения. «Поздняя» — не «дряхлая», но «зрелая». О да, именно так! Цвета этой зрелости — золото и багрец, язык ее напыщен, искусство тяготеет к схематизации и застывшей форме, в сравнении со временем Августа она выглядит медлительной и статичной. Но есть во всем этом какое-то свое, тяжеловесное обаяние. Если разглядеть его сквозь дымку веков и искривленные стекла суждений, то вполне можно почувствовать созвучное описанному поэтом *Юстинианова* времени Павлом Силенциарием:

Краше, Филинна, морщины твои, чем цветущая свежесть
Девичьих лиц, и сильней будят желанье во мне,
Руки к себе привлекая, повисшие яблоки персей,
Нежели дев молодых прямо стоящая грудь.
Ибо милей, чем иная весна, до сих пор твоя осень,
Зимнее время твое лета иного теплей¹.

Вопрос о том, с какого момента «начинается Византия» и, главное, в чем ее своеобразие, непросто², однако некоторые факторы, определяющие «византийскость», назвать всё же можно. Безусловно, данный список не претендует на исчерпывающую точность (для этого существуют учебники и научная литература). Он нужен, чтобы лучше понять, какое государство Юстиниан получил, каким государством управлял и какое передал потомкам.

Основав в 330 году новую столицу на Востоке и переехав туда вместе со своим аппаратом, Константин принципиально изменил подход к элите общества. На Западе она традиционно пополнялась за счет старой аристократии (что отнюдь не означало полной закрытости, но все-таки ограничивало вертикальную подвижность, пресловутые «социальные лифты»), а вот на Востоке сформировалась за счет выдвинувшихся при Константине людей самого разнообразного происхождения, которые за поколение-дру-

¹ Павел Силенциарий, перевод Л. Блуменау.

² Желая избежать повтора, отсылаю интересующегося читателя к своим работам: *Дашков*, 2017 или *Дашков*, 2015. Книга *Дашков*, 1996, широко представленная в Интернете, в этом плане все-таки устарела.

гое породнились между собой и с представителями греческой провинциальной аристократии. (Не будем забывать и о происхождении самого Константина: плод связи между офицером невысокого ранга и дочерью трактирщика.) Эти люди достигли высокого положения благодаря государственной власти и, в большинстве своем, были лично обязаны государю. Не случайно восточный сенат («синклит» по-гречески; он появился в Константинополе в середине IV века), в отличие от западного, редко конфликтовал с императором. И если в Риме не сенаторы приходили к императору, но император сам являлся в сенат, то в Константинополе общение государя с синклитом происходило ровно наоборот.

К моменту получения Юстинианом верховной власти изрядная часть сенаторов Востока состояла из потомков колбасников, торговцев, солдат, даже вольноотпущенников — в общем, людей, добившихся всего, как некогда Диоклетиан, способностями, усилиями и везением. Благородство происхождения заслуживало уважения и похвалы, но не определяло ценность человека для государственной должности. Это касалось и императора: «Никто не должен хвалиться происхождением от благородных предков: прах есть общий прародитель всех, — как тех, которых украшает порфира и виссон, так и тех, которых угнетает нищета и болезнь; как тех, кои носят царские венцы, так и тех, кои просят милостыни. И так станем не происхождением своим из праха гордиться, но приобретать уважение непорочностью нравов», — писал Юстиниану диакон Агапит¹.

Еще одним кардинальным отличием Византии от «традиционной» Римской империи явилось изменение статуса христианства. После нескольких веков гонений, особенно сильных в середине III — начале IV века (при Деции, Валериане и Диоклетиане), оно в самых различных своих течениях не только не исчезло, но вовлекло наиболее активных представителей общества. Бессмысленность борьбы с ним прежними мерами стала очевидной. 30 апреля 311 года в Никомидии мучительно умиравший август Галерий издал эдикт, которым разрешил исповедовать «заблуждения хри-

¹ *Aganum*. С. 249. Нужно подчеркнуть, что для византийской идеологии (особенно в докомниновский период, до XI в.) подобные установки были едва ли не общим местом. Впрочем, в данном конкретном случае могла присутствовать и лесть: Агапит обращался к государю, незнатное происхождение которого ни для кого не было секретом.

стианства». Спустя два года в Медиолане августы Константин I и Лициний опубликовали аналогичный по смыслу, но уже без выраженного негатива в отношении христианства документ. Через девять лет, в 324 году, новый закон Константина о веротерпимости разрешил исповедовать уже «заблуждения язычества». В июне 325 года Константин I, не приняв еще крещения, председательствует на Никейском соборе христианских епископов. Сын Константина, Констанций II, наложил запрет на публичные отправления языческих культов.

Язычество сопротивлялось, но даже при поддержке энергичного Юлиана Отступника не смогло вернуть былых позиций. В 381 году христианство (в его никейском варианте) фактически стало государственной религией империи, а в 391 и 392 годах Феодосий I четырьмя конституциями объявил вне закона любые проявления язычества (жертвоприношения, возлияния в честь богов и т. д.), установив для нарушителей совершенно разорительные наказания¹. Ситуация поменялась: теперь толпы черни громили языческие храмы, порой убивая тех, кто в них молился. В результате одного из погромов был уничтожен александрийский Серапиум, от рук мародеров серьезно пострадала (а по некоторым сведениям, полностью погибла) размещавшаяся при нем знаменитая библиотека. Еще через два года состоялись последние в древней истории спортивные игры в Олимпии. Язычество, прячась, просуществовало в империи до времен Юстиниана или даже несколько дольше, но осталось уделом ничтожного числа людей (впрочем, порой довольно влиятельных). К середине V века, при императоре Феодосии II и его сестре августе Пульхерии, двор, как считали некоторые современники, «превратился в монастырь». Тот же Феодосий II законом 426 года предписал уничтожить любые алтари древних богов, если они где-либо еще остались, и на их месте водрузить кресты. Император Лев запретил ристания в священный для христиан день воскресенья, а Анастасий — борьбу человека со зверями и праздник весны с песнопениями и плясками².

¹ См.: Кузнецов, 2013.

² У Анастасия с этим языческим обычаем были личные счеты: в 501 г. во время такого праздника в Константинополе случились беспорядки с метанием камней и применением оружия. В схватке и последовавшей затем давке погибло около трех тысяч горожан и в их числе — побочный сын императора. В 520 г. император Юстин снова разрешил актерам плясать перед народом.

Однако признание христианства сопровождалось яростной борьбой между различными его толками. Четвертый век прошел под знаменем противостояния ортодоксии и арианства, пятый — ортодоксии и, с одной стороны, монофиситства, с другой — несторианства. Ко времени воцарения Юстиниана монофиситская проблема была наиболее важной, ибо к этому течению принадлежала значительная часть христиан Сирии и Египта.

Арианство, несторианство, монофиситство

Арианство — учение, основателем которого был александрийский священник Арий (?—336). В отличие от православных ариане полагали, что Бог-Сын не мог существовать до своего рождения, а значит, имел начало и не был равен Богу-Отцу. Позднее в этом учении образовалось множество направлений — вплоть до таких, которые считали Сына не одной из ипостасей Троицы, но лишь «превосходным творением» Отца, ему не единосущным (ὁμοούσιος) в ортодоксальной трактовке, а подобосущным (ὁμοιούσιος), подобным (ὁμοιος) и т. п. Христос некоторых ариан — не Бог, но герой; эта точка зрения была понятна и близка варварским народам империи, многие из которых (вандалы, готы, отчасти франки и др.) восприняли христианство в изложении последователей Ария. Арианство было осуждено на Никейском соборе 325 г., но впоследствии возобладало в империи, особенно в правление Констанция II (337—361) и Валента II (364—378). В 381 г. арианство окончательно признали ересью.

Несторианство — учение, основателем которого был столичный архиепископ Несторий (428—431). Несториане (а они существуют и поныне) считают раздельными божественную и человеческую сущности во Христе и не признают божественного материнства Девы Марии (Несторий называл ее не Богородицей, но Христородицей).

Монофиситство (монофизитство), «одноприродие» (гр. μόνος, один + φύσις, природа) — христологическое учение, в своей крайней форме евтихианства отрицающее человеческую природу Христа вообще. Монофиситы более умеренного характера признают наличие у Христа человеческой природы, но отличной от нашей, обычной. Монофиситство развилось из философии св. Кирилла, патриарха Александрийского (414—444).

Сам Кирилл говорил о «единой природе Бога-Слова воплощенной», понимая под этим умаление во Христе человеческой природы, своего рода поглощение низшей человеческой природы природой высшей, божественной. Но так вышло, что самого Кирилла церковь сочла православным и канонизировала на V Вселенском соборе. Наиболее четкой границей между развитым монофиситством и ортодоксией можно считать отношение к IV Вселенскому собору в Халкидоне (монофиситы его не признают).

Сегодня принято различать монофиситство в его крайней форме и «миафиситство», «единоприродие» — исповедание веры восточными церквями (эфиопской, коптской, яковитской и т. д.). Как православие, так и католицизм считают вышеуказанные течения ересями. Некоторые современные исследователи (например, М. В. Грацианский) считают, что вместо термина «монофиситы» корректнее употреблять «антихалкедониты».

Всё большую роль в жизни страны (в основном на Западе) начинают играть варвары, преимущественно германцы. Уже с середины IV века основная часть армии Запада и значительная — Востока комплектовалась не из римских свободных граждан, а из иноплеменников-федератов. Многие римляне понимали, что стремительная варваризация армии и государственного аппарата — путь страшный.

«У империи, как у больного тела, воспалены многие члены, — писал, обращаясь в речи «О царстве» к императору Аркадию, епископ африканского Пентаполиса философ Синесий, — инородные частицы (варвары. — С. Д.) мешают ей восстановить покой и здоровье. Но для того, чтобы излечить отдельное лицо, как и целое государство, нужно устранить причину зла: это правило употребляют как врачи, так и императоры. Ибо не заботиться о защите от варваров, как будто они нам преданны, и в то же время позволять гражданам быть свободными от военной службы, что это значит, как не стремиться к гибели! Скорее, чем позволять скифам (здесь в смысле «варварам худшего сорта». — С. Д.) носить оружие, должно требовать от нашего земледелия людей, которые им занимаются и которые готовы его защищать. Исторгнем поэтому философа из школы, ремесленника из мастерской, торговца из лавки; призовем эту чернь, шумящую и праздную, проводящую время в театрах, пока есть еще время действовать — если она не хочет в скором

времени перейти от смеха к плачу; пока еще нет никакого препятствия для создания собственной армии из римлян. ...малейшего предлога достаточно, чтобы вооруженные пожелали стать господами граждан и не приученные к войне могли быть вынуждены сражаться с опытными в военном деле. Но прежде чем дело дойдет до этого, до чего отчасти и дошло, нам следует возвратить римские помыслы и приучиться самим добывать себе победы, причем варвары не должны в этом принимать никакого участия, — их нужно удалить из всех учреждений.

Сперва должно им запретить доступ к высшим должностям и исключить их из сената, потому что они презирают эти почести, считающиеся у римлян высочайшими. При виде того, что теперь происходит, бог войны и богиня Фемиды, присутствующая на собраниях, должны часто, я думаю, скрываться от стыда: полководец, одетый в звериные шкуры, командует воинами, одетыми в хламиды; варвары, завернувшись в грубый плащ и надев сверху тогу, приходят рассуждать с римскими магистратами об общественных делах, восседая в первом ряду после консулов, выше стольких почетных граждан. Потом, выйдя из сената, они снова надевают одежды из звериных шкур и смеются с своими товарищами над этой тогой, одеждой, как они говорят, неудобной для людей, которым нужно носить меч. <...> Император должен очистить свою армию, как очищают хлебные поля, отделяя дурные зерна и чужеродные семена, заглушающие рост чистой пшеницы»¹.

Но что было делать, если многие граждане предпочитали жить за счет подачек государства, при этом нимало не беспокоясь о его защите? Империя все активнее нанимала одних чужеземцев для противостояния другим. Варваризация Запада в конечном итоге привела к передаче варварам власти над всеми территориями Рима. Восток этой участи избежал, но поменялось само отношение к иноплеменникам: исповедавший православное христианство гражданин империи считался ромеем независимо от того, кем он родился — исавром, готом или славянином. Такая формули-

¹ *Синесий*. Творения. Речь «О царстве», 19, 20. С. 74—76. Синесий знал, о чем писал: в 377 г., когда он был еще ребенком, среди вестготских федератов Мезии, недовольных притеснениями римских чиновников, вспыхнуло восстание. 9 августа 378 г. в битве при Адрианополе восточноримское войско потерпело от вестготов сокрушительное поражение.

ровка многое упрощает, но суть имперской политики того времени по отношению к инородцам отражает верно.

Впрочем, мы отвлеклись. Давайте хотя бы вкратце рассмотрим, как развивались события на Западе и Востоке империи и каким было государство к моменту появления на исторической сцене Флавия Петра Савватия Юстиниана.

Итак, основатель Византии Константин умер в Никомидии 22 мая 337 года. Тело государя доставили в нареченную его именем столицу и погребли в ектирии храма Святых Апостолов — месте, ставшем традиционной усыпальницей византийских императоров. Дети покойного (Констант, Константин II и Констанций II) немедленно перессорились, и Констанций, захватив столицу Востока, в худших традициях предшественников вырезал почти всех родственников. Это привело к тому, что после гибели в междоусобных войнах сначала Константина II, а затем Константа и захватившего Рим «императора на месяц» Непоциана (сына сводной сестры Константина Евтропии) из мужчин многочисленного клана Константина Великого в живых остались лишь трое: Констанций II и его двоюродные братья Констанций Галл и Юлиан. Первый в 351 году стал цезарем. Проявивший недюжинную сноровку в умерщвлении своих действительных и мнимых политических противников юный цезарь был довольно скоро казнен по приказу августа Констанция II: ему отрубили голову.

Новым цезарем сделали Юлиана. Отправленный в Галлию воевать с зарейнскими германцами, он одержал целый ряд побед. Воодушевленные успехами и не желая идти на Восток, в персидский поход, галльские легионы провозгласили Юлиана августом без санкции старшего императора. Констанций II этого не признал и после долгих колебаний двинул против Юлиана войско. Империя вновь приблизилась к гражданской войне, но 3 ноября 361 года нестарый еще Констанций умер в Киликии от лихорадки, во избежание дальнейших междоусобий завещав перед смертью всю полноту власти сопернику. Юлиан, знаменитый попыткой реанимировать язычество (за что и получил прозвище «Отступник»), правил всего три года и погиб 26 июня 363 года в ходе неудачной для римлян персидской кампании. Так пресекалась династия Константина Великого.

Избранный новым императором христианин Иовиан заключил с персами крайне невыгодный мир и повел армию домой. По неизвестным причинам 16 февраля 364 года он скончался, не достигнув Константинополя, и на его ме-

сто выбрали отсутствовавшего полководца Валентиниана. Назначив себе соправителем брата Валента, Валентиниан I воцарился на долгие десять лет. Человек свирепый и решительный, он большую часть правления посвятил делам Запада, отражая натиск многочисленных варваров на границы по Рейну и Дунаю. Валент же¹ управлял Востоком до 378 года, пока не пал в битве с готами под Адрианополем. К тому времени Западом правил Грациан (сын умершего своей смертью Валентиниана I) с малолетним сводным братом Валентинианом II.

Новым августом Востока стал военачальник Феодосий. После убийства в 383 году Грациана он фактически остался самодержцем (Валентиниан II был еще ребенком). Феодосий сумел договориться с вестготами, отразить набеги других варваров и победить в тяжелых гражданских войнах с узурпаторами Магном Максимом (во время мятежа которого и погиб Грациан) и, спустя несколько лет, Евгением².

Как мы видим, и в конце IV века жизнь в империи стабильностью не отличалась. Властям приходилось активно заниматься пропагандой, напоминая гражданам о традиционных римских ценностях и гордом имени римлянина. В честь Феодосия в Константинополе были сооружены гигантская колонна и невиданных размеров триумфальная арка (от них до нашего времени дошли лишь обломки), а на ипподроме воздвигнут обелиск (стоит на стамбульской площади Ат-Мейданы и поныне). Но никакие арки и колонны не могли подменить собой тот факт, что разница между декларированным положением «римского гражданина, владыки мира» и реальностью была громадной. Римлянин нес на себе тяжесть налогов, общественные повинности — а что получал взамен, кроме права на гордое наименование? В самом Риме около Колизея стояла арка Константина, который самые крупные победы одержал не над внешними врагами, но над соотечественниками. После другой гражданской войны IV столетия (Констанция II с узурпатором Магненцием) армию Запада пришлось попол-

¹ В сентябре 365 г., воспользовавшись временным отсутствием Валента в Константинополе, язычник Прокопий (родственник покойного Юлиана) захватил столицу. За несколько месяцев правления Прокопий утратил симпатии войск, был оставлен солдатами, схвачен сторонниками Валента и 27 мая 366 г. казнен.

² Евгений получил власть после загадочной смерти (скорее всего, насильственной) Валентиниана II в мае 392 г.

нять одними варварами, в то время как другие бесчинствовали в Галлии. «Констанций, воюя с Магненцием, отнявшим чужие владения, но правившим, лично блюдя законы, считал необходимым исчерпать все средства, дабы овладеть этим человеком. И вот он письмами открывает путь варварам в римские пределы, заявив в них о своем дозволении им приобретать земли, сколько только они смогут. Когда это разрешение было дано и письма те отменили условия договора, они хлынули потоком, при отсутствии какого-нибудь сопротивления, — Магненций держал свои войска в Италии — и цветущие города становятся их полной добычей, деревни разносились, стены низвергались, увозилось имущество, женщины и дети, и люди, коим предстояла участь рабов, следовали за ними, унося на плечах собственное свое богатство, а кто не в силах был выносить рабство и видеть жену свою и дочь в позоре, в слезах был убиваем, и когда наше достояние было перенесено, то, завладевшие землею, нашу запахивали собственными руками, а свою руками полоняников. А те города, которые избежали взятия благодаря крепости стен, земли, кроме самого незначительного количества, не имели и жители пропадали с голоду, хватаясь без разбору за все, чем только можно было питаться, пока число их становилось столь незначительным, что самые города обращались вместе и в города, и в поля, и незаселенного пространства в ограде хватало для посевов. Действительно, и быка запрягали, и плуг влачился по земле, и семя бросали, всходил колос, являлся и жнец, и молотильщик, и все это в пределах ворот города, так что пленных никто не назвал бы более злосчастливыми, чем тех, кто остались дома»¹.

Эти восклицания Ливания несут на себе печать риторических упражнений, но каких-нибудь двадцать-тридцать лет назад они не пришли бы в голову римскому оратору. Адрианопольская катастрофа 378 года открыла путь в империю вестготам. Тем временем остальной варварский мир Европы глухо клокотал, словно предупреждая о грядущем взрыве — «Великом переселении народов». Отзвуки неясного шевеления уже доносились из-за Рейна и Дуная, из бескрайних степей Приазовья и Тавриды: там вызревало нечто грандиозное и чуждое. В общем, что-то становилось не так в и без того непростом мире римлян. Наступали тревожные времена.

¹ Ливаний, надгробная речь императору Юлиану.

Западная Римская империя

Как раз в этот момент, не прожив и пятидесяти лет, в Медиолане умер последний император объединенной Римской империи Феодосий Великий. Это произошло 17 января 395 года. Власть над государством разделили два его сына-соправителя. Младшему, одиннадцатилетнему Гонорию, достался Запад, старшему, восемнадцатилетнему Аркадию, — Восток. По-разному можно относиться к Феодосию: и личностью он был не во всем привлекательной, и о достижениях его можно поспорить. Но одно не оставляет сомнений: после его смерти дела римлян стали только хуже. «Не достойными похвалы и не унаследовавшими добродетелей отца» назвал Аркадия и его брата армянский историк V века Моисей Хоренский¹.

Готы

На протяжении всего времени своего существования Римское государство сталкивалось с варварами. Под это определение подпадали все, не говорившие на латыни (кроме греков). Со временем на уровне межгосударственных отношений Рим признал персидское царство сасанидов, но на бытовом, человеческом уровне римляне именовали «варварами» и персов — хотя иранская культура была намного древнее и греческой, и уж тем более римской.

До Великого переселения народов главную опасность для Рима представляли: на севере — кельты, германцы, сарматы и фракийцы, на востоке — парфяне (после III в. н. э. — персы), на юге — ливийцы и нубийцы². В эпоху, предшествовавшую появлению Юстиниана, и в его время основной проблемой империи на западе были германцы и гунны.

Взаимодействие с гуннами — союзом кочевых племен, зародившимся на бескрайних просторах средней Азии, — было кровавым, но относительно коротким. Едва не сокрушив римлян в 40–50-е годы V столетия, к 80-м годам того же века гунны были в основном выбиты с территории империи и ослабли. А вот германцы

¹ Моисей Хоренский. III. 41. С. 182.

² На самом деле история отношений империи и варваров значительно сложнее, чем описано здесь, но временные и жанровые рамки книги не предполагают более подробного рассмотрения.

(аллеманы, готы, франки, бургунды и другие племена) определяли всю историю римлян с конца IV до начала VI в.

Предки древних германцев жили в районе Балтийского моря (Южная Скандинавия и современная Северная Германия), придя туда с Востока¹. Постепенно германские племена стали многочисленными и могущественными. Римляне начали конфликтовать с ними уже во времена Республики. В конце II в. до н. э. консул Гай Марий с огромным трудом победил вторгшихся в Галлию тевтонов, кимвров, тигуринов и амбронов, война с которыми длилась целых восемь лет (с 113 по 101 г. до н. э.) и едва не погубила Республику.

В императорскую эпоху Риму удавалось отстаивать свои рубежи, периодически совершая походы на земли германцев. При Августе удалось продвинуться аж до Эльбы и Северного моря, но потеря трех легионов в битве в Тевтобургском лесу (9 г.) это продвижение остановила. В первые годы правления преемника Августа Тиберия были вновь организованы несколько военных экспедиций на земли по правому берегу Рейна, но в конечном итоге именно при Тиберии Рим перешел к обороне. Границей империи на долгие годы стал Рейн, против германцев со временем были возведены оборонительные сооружения (по Рейну и верхнему Дунаю, а между ними — так называемый Верхнегерманско-рейнский лимес). Римляне постоянно держали на рейнской границе войска, численность которых достигала восьми легионов².

В конце II в. маркоманны, квады и союзные им сарматские племена нанесли империи мощный удар, прорвавшись в Северную Италию. Как это уже случалось в минуты крайней опасности, в армию стали зачислять отпускаемых для этой цели рабов и даже гладиаторов. Марку Аврелию удалось разбить варваров и отбросить их назад. Во время так называемой Второй маркоманнской войны император умер в Виндобонне (современная Вена).

В III в. давление германцев усилилось. В 235—237 гг. один из самых воинственных и свирепых пра-

¹ Кузьменко, 2011. С. 219—224.

² Кузищин, 1993. С. 200. Восемь легионов, включая обслуживающий персонал, — это около 50 тысяч человек.

вителей Рима, император-варвар Максимин Фракиец опустошил правобережье Рейна, загнав их в болота.

Вскоре главную роль в противостоянии с империей стали играть готы — союз германских племен, переправившихся через Балтийское море из Южной Скандинавии. К середине III в. готы разделились на две ветви: визиготов и остготовов. Первые обосновались на левобережье Дуная, вторые добрались до Крыма и Боспора. С течением времени, руководствуясь географией, историки переименовали визиготов в вестготов (западных), а остготовов — в остготов (восточных). Начиная с середины столетия Рим постоянно и с невероятным трудом отбивался от готской опасности. Именно в сражении с готами под Абриттом (в нынешней Болгарии) в 251 г. сгинул в болотах гонитель христиан император Деций. В течение последующих пятнадцати лет готы и союзные им племена постоянно нападали на пребывавшую в кризисе империю. Присовокупив к захваченным у боспорских царей кораблям свои, варвары произвели несколько набегов на Колхиду, Малую Азию¹, Грецию.

Готы были разгромлены в 268 или 269 г. в грандиозной битве при Наиссе, а еще через несколько лет император Аврелиан уничтожил войска аллеманов. Хотя империя на этот раз и одержала верх над германцами, именно при Аврелиане римляне эвакуировали Дакию, отступили от Верхнегерманско-ретийского лимеса на юго-запад, построив между Рейном и Дунаем новый лимес (Дунай-Иллер-Рейнский), и возвели вокруг Рима оборонительные стены. Теперь юго-восточная граница между империей и германцами проходила по Дунаю почти на всем его протяжении.

Константин Великий после непродолжительной кампании (в которой был вынужден принять личное участие) разбил вновь напавших на империю готов и через некоторое время заключил с ними союз, обязав за вознаграждение помогать римлянам в охране границ и в военных предприятиях (332 г.).

Позднее, с середины IV в., сначала цезарь Юлиан, а затем август Валентиниан I вели успешные кампании против других германцев (аллеманов и квадов), что позволило стабилизировать рейнскую границу на полвека.

¹ Дойдя до Эфеса, где сожгли знаменитый храм Артемиды — одно из «Семи чудес света».

Немногим позже август Востока Валент II в течение нескольких лет (366—369) успешно воевал против готов на левом берегу Дуная.

В начале 370-х гг. под давлением гуннов вестготы стали просить у константинопольского двора разрешения поселиться в империи на правах федератов. К тому времени они уже были единоверцами римлян, исповедуя христианство в его арианской форме. Валент такое разрешение дал, но злоупотребления римских чиновников, отвечавших за снабжение готов продовольствием, вызвали сначала голод, а в 377 г. привели к восстанию. 9 августа 378 г. в битве при Адрианополе восточноримское войско потерпело от вестготов сокрушительное поражение, Валент в пылу битвы исчез бесследно (предполагают, что готы сожгли дом, в котором укрылся раненный стрелой император). После таких событий империя уже не могла усмирить готов силой. Считается, что Феодосий I покорил готов, но на самом деле он после тяжелой и не всегда удачной войны, длившейся несколько лет, заключил с ними союз, нанял в качестве федератов и признал их право селиться на территории империи (остготов — в Паннонии, вестготов — в Северной Фракии). Следствием этого стало дальнейшее ускорение варваризации римской армии, затем гражданского аппарата¹ и, как следствие, увеличение налогового бремени на податное население — ведь федератам нужно было больше платить.

12 июля 400 г. в Константинополе началось народное восстание против засилья готов. Большую часть находившихся в городе варваров (в основном — женщин и детей) горожане перебили. Командующий готским войском магистр Гайна попытался взять город, но был отбит от стен, а затем погиб в сражении с частями, верными правительству. В честь этой «победы» Аркадий начал возводить в Константинополе гигантскую колонну (она была закончена после его смерти и простояла до XVIII в.).

¹ Не только готов, но вообще германцев нанимали в римскую армию и при Августе, и при Марке Аврелии, но их количество было относительно небольшим. Заметным приток варваров (готов, сарматов и франков) в римскую армию становится после Аврелиана и Константина Великого. С середины IV в. нормальным явлением было уже возведение в консульский сан людей, носящих явно германские имена.

Долгое время от имени обоих юношей фактически правили временщики-варвары, достигшие на римской службе высоких постов. «Между тем опека над детьми и управление обоими дворами императором Феодосием Старшим были возложены на две весьма могущественные личности, а именно на Руфина — восточный двор, а на Стилихона — Западная империя. Что оба они, и тот и другой, совершили или что пытались совершить, объясняет цель каждого из них: один для себя стремился добыть царское положение, другой для сына своего. Для этого один впустил варварские племена, другой этому содействовал, чтобы во время внезапной сумятицы нужда государства скрыла их преступные замыслы», — сетовал современник, диакон Павел Орозий¹. Отныне обе части империи стали, при формальном сохранении единства, существовать как фактически независимые, порой даже враждующие государства. Именно поэтому 395 год — вторая (после основания Константинополя в 330 году) точка, с которой формально можно отсчитывать «рождение» Византии. Но нужно еще раз подчеркнуть: формально страна оставалась единой. Важнейшие императорские эдикты выходили от имени императоров Востока и Запада, из двух консулов (к этому времени консульский сан превратился в декорацию, но традиция осталась) один назначался в Риме, другой — в Константинополе.

Что же касается обвинений Орозия, то были они неточны, но небеспочвенны. Временщики при дворе малолетних императоров разыгрывали «готскую карту», не понимая, какого джина выпускают из бутылки: префект претория Востока галл Руфин и военный магистр вандал Стилихон пытались заставить действовать в своих интересах вестготские племена.

После смерти Феодосия Стилихон по требованию Аркадия начал отсылать на восток контингенты, ранее увезенные Феодосием на запад. Среди них были вестготы во главе с королем Аларихом. Не получив ожидаемых выплат, он в 395 году поднял восстание, начал захватывать земли Фракии и Мезии. Готы даже напали на Константинополь, но не смогли его взять и отправились сначала в Фессалию, далее в Аттику и на Пелопоннес. Здесь их остановил Стилихон, но по неясным причинам не принудил Алариха к сдаче, а дал ему уйти: в итоге готы разграбили Эпир и в

¹ *Орозий*, VII, 37. С. 495. Аналогичную характеристику положению дел дает Евнапий.

401 году оказались в Италии, во владениях Гонория (последнее — уже, видимо, следствие политики восточноримского двора, старавшегося «перекинуть» решение проблемы соседям). Войнство Алариха состояло уже не из одних вестготов, но пополнялось по пути за счет других варваров, местных разбойников и прочего сброда. И уже чистым издевательством над здравым смыслом было то, что Аларих от Аркадия имел должность магистра войск Иллирика (и соответствующее, надо полагать, содержание). С огромным трудом Стилихон летом 403 года разбил Алариха под Вероной (хотя не уничтожил до конца, рассчитывая с его помощью отнять у восточных римлян Иллирик). Однако в 406 году западным римлянам стало не до приобретения земель: с севера в Италию прорвалась еще одна варварская армия — готов и иных германских племен под водительством Радагайса. Таким образом «...два народа готов тогда с двумя могущественными королями своими бесновались по римским провинциям, из которых один (Аларих. — С. Д.) был христианин и более близкий к римлянину и, как показало дело, из-за страха перед Богом мягкий в убийствах, другой был варвар и истинно скиф, который не столько стремился к славе или добыче, чиня убийства, сколько из-за ненасытной жестокости любил в убийстве само убийство и, дойдя уже до сердца Италии, взволновал Рим, дрожащий от близкого страха»¹. Правительство Запада было вынуждено пополнять армию рабами (!). Орду Радагайса удалось в том же году остановить и уничтожить не где-нибудь, а в самом сердце Италии, неподалеку от Флоренции.

Бедра пришла не одна. Как назло, зимой 406/407 года из-за сильных холодов замерз Рейн. За два дня до январских календ (30 декабря) огромная масса вандалов, аланов и свевов переправилась по льду и прорвала римский пограничный лимес в районе Могонциакума (Майнца)². Захватчики грабили страну, а у двора Гонория не было сил что-либо предпринять — ведь ранее Стилихон отозвал в Италию часть галльских войск. В следующем году отбивать Галлию от варваров прибыл из Британии узурпатор Константин III. Его сын, бывший монах Констант, был провозглашен цезарем и оказался с войсками отца в Испании. Гонорий (точ-

¹ *Орозий*, VII, 37. С. 496.

² Западные историки (Павел Орозий, Иордан, Исидор Севильский) обвиняли Стилихона в том, что варвары напали по его наущению. Современные исследователи считают это маловероятным.

нее, Стилихон) выслал против Константина войска, которые нанесли тому поражение и быстро вернулись обратно. Константин же оправился, а затем захватил укрепления в Пиренеях, преграждавшие путь в Испанию по суше. Примерно в то же время в районе Тицинума (Павии) приключился бунт галльских войск. Солдаты были недовольны провальными действиями императорского двора в отношении их родины. В ходе бунта убили нескольких высших чиновников, включая префекта претория Галлии, а Гонорий едва спасся бегством. Таким образом, римляне в Испании, Галлии и даже Италии устроили гражданскую войну на фоне внешней агрессии. Было еще одно обстоятельство, в той или иной степени ухудшавшее положение: в Галлии более ста лет (!) тлело крестьянское восстание багаудов, начавшееся в конце III века и завершившееся уже при франках. Кончилось это плачевно: оборона рухнула. За несколько лет захватчики добрались до западных областей Испании. «...Вандалы, аланы и свевы, захватившие Испанию, набегами совершают жестокие убийства и опустошения, сжигают города, грабят имущество, так что люди, принужденные голодом, пожирали человеческую плоть. Матери ели своих детей; и звери, привычные к трупам, несли гибель людям, убиваемым мечом, голодом и болезнями...» — живописует ужасы нашествия епископ Севильи Исидор (VII век)¹. Затем в остававшейся римской части Испании появился еще один узурпатор, Максим, а Константа убили. Константин III, с трудом восстановивший рейнскую границу после погрома 406 года, также погиб². Его войска то ли вообще более не вернулись в Британию и были использованы для обороны материковых провинций, то ли вернулись, но в 418 году снова получили приказ отправиться на континент. Поскольку это были чуть ли не последние римские части острова (ибо войска оттуда императоры Запада выводили и ранее), защищать римлян в Британии стало некому. Оставшемуся на островах населению предстояло своими силами противостоять переправлявшимся с континента саксам, ютам и фризам. Как известно, в этой борьбе британские римляне проиграли и растворились среди пришельцев.

Резиденцию императора Запада перенесли в неприступную, окруженную болотами Равенну: и Вечный город,

¹ *Исидор Севильский*, 72. С. 129.

² Вандалы прошли через Пиренеи осенью 409 г., Константин III погиб в 411 г.

и север Италии стали слишком уязвимы для внешних варваров или бунтующих собственных армий. После казни Стилихона (23 августа 408 года)¹ вестготы во главе с Аларихом дважды угрожали Риму. В первый раз, осенью того же года, они получили огромный выкуп и около 40 тысяч рабов-варваров, которых хозяева отпустили по требованию готов. Через год Аларих снова подступил к Риму и потребовал земель для поселения соплеменников. Он пытался договориться с Гонорием, но тот в требованиях отказывал. Сенат по велению захватчиков провозгласил императором Приска Аттала, занимавшего должность городского префекта. Вскоре Аларих низложил Аттала, но по-прежнему не мог прийти к соглашению с Гонорием по вопросу передачи вестготам Норика и некоторым другим моментам.

Третья осада Вечного города завершилась тем, что 24 августа 410 года вестготы принудили его к сдаче и опустошили. Аларих приказал не трогать христианских святынь, но частные и общественные богатства были разграблены, некоторые римляне убиты, а значительная часть женщин — изнасилована. Варвары пытали зажиточных горожан, разыскивая спрятанные сокровища. Событие это потрясло тогдашний мир, но, увы, оказалось лишь одним из череды подобных.

Вестготы ушли из Рима, попытались переправиться в Сицилию, но из-за бурь им это не удалось, и они повернули назад, ограбили нетронутые доселе местности Южной Галлии, а затем направились в Испанию. За несколько лет потеснив вандалов, свевов и оставшихся незавоеванными римлян, они там и осели, основав королевство со столицей в Тулузе. Все три племени числились федератами империи, но, если говорить честно, заметного влияния на них равеннское правительство не имело. Между ними началось соперничество. Поначалу вспыхнувшие в Испании межварварские войны играли на руку слабейшему государству. Воспользовавшись передышкой, восточноримское правительство предприняло усилия по восстановлению разрушенных укреплений Иллирика и восстановлению флота на Дунае — во всяком случае, три императорских указа по этому поводу сохранились в «Кодексе Феодосия»².

¹ Стилихона обвинили в государственной измене (скорее всего, безосновательно). После его казни 30 тысяч солдат-варваров оставили римскую службу, и многие из них присоединились к Алариху.

² Банников, Морозов, 2013. С. 247.

Позже готская проблема возникла снова. Обо всем этом кратко, но емко написал Исидор Севильский в «Истории готов»: «Валлия¹ от имени римлян устроил варварам большие убийства. Вандалов-салингов в Бетике он всех войной уничтожил. Аланов... он до того уничтожил, что после гибели их короля Атака немногие уцелевшие подчинились власти Гундериха, короля вандалов, которые находились в Галлеции.

Это были те вандалы, которые позже, оставив свевов в бедственном положении, перебрались в Бетику и, захватив Гиспалис, переселились в Африку.

И вот Валлия, завершив войну в Испаниях, построил корабли и решил переправиться в Африку. В Гадитанском проливе (Кадис. — *С. Д.*) его флот был уничтожен жесточайшей бурей, и, памятуя о кораблекрушении, случившемся при Аларихе, он, оставив опасное мореплавание, вернулся в Галлии.

Он вынужден оставить Испании; затем он римским патрицием Констанцием был отозван в Галлии.

За заслуги его побед император дал ему для поселения Вторую Аквитанию с несколькими пограничными общинами вплоть до океана.

Год эры 457-й², императоров Гонория и Аркадия 25-й (9-й год младшего Феодосия), после смерти короля Валлии ему наследовал в правлении Теодорид и правил 33 года. Он, не удовлетворившись властью над Аквитанией, порвал договор с римлянами. Он двинул армию, захватил многие римские муниципии, соседние с его территорией, силой овладел знаменитейшим городом Галлии Арцилой (Арелатом. — *С. Д.*)³.

После смерти в 421 году Гонория власть над Западно-римской империей узурпировал очередной самозванец, Иоанн. Восточные римляне выслали войска во главе с варварами Ардавуром и его сыном Аспаром; благодаря этому в 425 году Иоанн был свергнут. Бразды правления передали малолетнему внуку Феодосия Великого Валентиниану III: его мать, Галла Плацидия (сестра Аркадия и Гонория), до совершеннолетия сына была истинной правительницей За-

¹ Король вестготов в 415—419 гг.

² Исидор вел летосчисление по «эре», начало которой отсчитывалось от первого цензурства Августа и проведенной им в Римском государстве переписи (29 г. до н. э.).

³ *Исидор Севильский*, 22, 23. С. 119, 120.

паднаримской империи. Тут можно добавить «к великому сожалению».

За десятилетие между 429 и 439 годами Африка подпала под власть вандалов — несмотря на очередную помощь из Константинополя. Вместе с провинциями, служившими для Италии ощутимым источником налоговых поступлений и продовольствия, римляне потеряли Карфаген — базу военного флота — и сам флот. Получив его, вандалы стали угрожать Сардинии, Сицилии и самой Италии.

Константинополь на этот раз помочь не мог: ведь, помимо вандалов, империи угрожала другая страшная опасность — гунны. К IV веку их кочевая цивилизация овладела огромными пространствами средней Европы — от Волги до Рейна.

С гуннами римляне столкнулись в конце 70-х годов IV века, когда те, преследуя вестготов, захватили какие-то земли в Мезии и Паннонии. В 395 году гунны прорвали оборону персов в районе Дербента, попали в Закавказье, вихрем налетели на римскую Сирию и вернулись обратно. Узкоглазые номады, нимало не похожие на привычных европейцев, вселяли в них панический ужас. Вот как описывал их готский историк VI века Иордан: «...их [гуннов] образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз. Их свирепая наружность выдает жестокость их духа: они зверствуют даже над потомством своим с первого дня рождения. Детям мужского пола они рассекают щеки железом, чтобы, раньше чем воспринять питание молоком, попробовали они испытание раной. Поэтому они стареют безбородыми, а в юношестве лишены красоты, так как лицо, изборожденное железом, из-за рубцов теряет своевременное украшение волосами.

Ростом они невелики, но быстры проворством своих движений и чрезвычайно склонны к верховой езде; они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука и всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи. При человеческом обличье живут они в звериной дикости»¹.

До конца первой трети V века отношения обеих частей империи с гуннами строились, как и с прочими варварами: порой с ними воевали или покупали мир золотом, а порой (главным образом на Западе) привлекали в качестве наемников-федератов.

¹ *Иордан*. 127—129. С. 85.

Но в 433 году державу гуннов возглавил Аттіла, получивший от христианских писателей грозное прозвище «бич Божий». Объединив под своим началом не только собственно гуннов, но и другие покоренные ими племена, Аттіла в 441 году напал на Фракию и Иллирик, владения восточных римлян¹. Дикари, презираемые их высокообразованными противниками, при осаде Наисса неожиданно применили осадные машины, чего не бывало ранее. За шесть лет гунны дошли до предместий Константинополя! Одним из многочисленных последствий варварского нашествия стало исчезновение римского флота на Дунае — а он за каких-нибудь 30—35 лет до тех событий насчитывал более двухсот кораблей².

При восточноримском дворе фактически на положении пленницы несколько лет пребывала сестра Валентиниана III Юста Грата Гонория³. Каким-то образом Гонории удалось связаться с Аттілой и передать ему дорогие подарки и перстень, предлагая себя в жены. Так как она приходилась внучкой Феодосию Великому, у предводителя гуннов появлялась возможность законным путем претендовать на богатства римлян и оба императорских престола. Аттіла только обрадовался такому повороту событий и отправил восточноримскому императору Маркиану требование выдать ему Гонорию и выплатить деньги, которые причитались гуннам по договору с предшественником Маркиана Феодосием II⁴. Маркиан выслал Гонорию из Константинополя в Равенну, в выплате же отказал. Аттіла в 451 году двинулся на Запад, в Галлию. Только теперь, перед лицом гуннской опасности, римляне и вестготы смогли договориться и действовать сообща. На Каталаунских полях (в Шампани) западноримский полководец Флавий Аэций,

¹ Между гуннами и империей тогда действовал мирный договор, согласно которому гунны получали за мир ежегодно сначала по 350, а после 433 г. — по 700 литр золота. Аттіла нарушил его, используя в качестве предлога поступок епископа города Марга на Дунае, который похитил какие-то гуннские ценности из могил их царей: *Приск.* С. 20—22.

² *Банников, Морозов, 2014. С. 252, 253.*

³ Она оказалась замешана то ли в заговоре, то ли в любовной истории, и Валентиниан выслал сестру из Равенны в Константинополь, под надзор ревностной христианки августы Пульхерии. См. также: *Удальцова, 1974. С. 110, 111.*

⁴ *Приск.* Отр. 13. С. 78. См. комментарий Е. Ч. Скржинской (546) к «*Getica*»: *Иордан. С. 103; Удальцова, 1974. С. 111.*

«последний великий римлянин», как назвал его Прокопий Кесарийский, остановил гуннов. В этой, одной из крупнейших битв античности варварам-гуннам противостояли тоже в основном варвары: франки, саксы, сарматы, бургунды и прочие; варваром (по отцу) был и сам Аэций. Готы же оказались в стане обоих противников: вестготы — в войске римлян, остготы — у Аттилы¹.

В следующем году Аттила напал уже на Италию. Взяв Аквилею, Тицидум (Павию) и Медиолан, гунны пошли на Рим, однако отступили под угрозой эпидемии чумы (согласно официальной версии, они были остановлены папой Львом I). Еще через год Аттила (по легенде — в ночь после собственной свадьбы) умер где-то в Паннонии.

Держава гуннов распалась, и их набеги более никогда не достигали прежней мощи. Но другие варвары Запад топили. Словно охваченные каким-то безумием, римляне помогали им разваливать государство, усугубляя бедствия коррупцией и бездарным правлением.

Сначала в результате придворной интриги пал Аэций: его завистники внушили Валентиниану III, не отличавшемуся особым умом, мысль о том, что такой популярный человек является для него угрозой. Император организовал казнь Аэция прямо у себя на аудиенции, лично нанеся первый удар мечом. Довольно скоро, мстя за своего вождя, варвары-оруженосцы Аэция при поддержке некоторых представителей старой римской знати убили Валентиниана. На престол вступил сенатор Петроний Максим, один из организаторов переворота. Вдова прежнего императора Евдоксия, насильно выданная замуж за Петрония, в досаде и ярости призвала предводителя вандалов Гизериха вмешаться. Когда-то бывший римским, а ныне вандалский флот в июне 455 года захватил Рим, и в течение двух недель варвары грабили и разрушали Вечный город, причиняя ему значительный и зачастую бессмысленный ущерб (отсюда и понятие «вандализм»).

Петрония Максима, пытавшегося сбежать из Рима, жители поймали и насмерть забили камнями. После ухода вандалов императором Запада стал образованный и культурный Авит, галл по происхождению. Маркиан признал

¹ Впечатляющее описание этого сражения сохранилось в «Getica»: *Иордан*. 207—213. С. 100. Что же касается роли Аэция в этой битве и вообще оценки его деятельности, то не все современные историки разделяют восторг Прокопия. См.: *Бухарин*, 2018. С. 26, 27, 200.

его, но через год фактический властитель Италии, римский полководец варвар Рицимер (из племени свевов по отцу и вестгот королевской крови по матери), поднял мятеж. Ави-та низложили, он пытался бежать, но был схвачен и в октя-бре 456 года казнен.

Девять лет западной империей правили ставленники Рицимера: сначала Юлий Майориан (457—461), затем Ли-бий Север (461—465). В 467 году под давлением Констан-тинополя императором стал восточноримский полководец грек Прокопий Анфимий (Антемий)¹, и при таких обстоя-тельствах была организована последняя в истории крупная экспедиция армии и флота обеих частей империи — про-тив королевства вандалов в Африке. Общая численность войска составила около 100 тысяч человек при более чем 1100 кораблях. Несмотря на первоначальные успехи, кам-панию римляне проиграли: союзный римский флот, сто-явший под Карфагеном, был ночью атакован брандерами вандалов и почти полностью сожжен; остатки римских сил бежали. Неудачей завершилась и кампания Анфимия про-тив вестготов в Галлии, куда император призвал войско бриттов с их королем во главе.

11 июля 472 года вступивший в конфликт с Рициме-ром Прокопий Анфимий был убит во время взятия Рима войсками своего могущественного «подчиненного», и в Италии началась настоящая чехарда с провозглашениями императоров, в которой сенат играл позорную роль безро-потного орудия чужой воли.

Новым правителем с согласия Рицимера стал Аниций Олибрий, знатный сенатор, не так давно вернувшийся в не-спокойную Италию из Константинополя. Через несколько месяцев они оба скончались в Риме от чумы. Летом 473 года власть на Западе захватил некий Глицерий, против которо-го восточные римляне выслали в Италию флот под началом далматинца Юлия Непота. Глицерий был низложен, а Юлий Непот, с благословения Константинополя, в июне 474 года стал последним западноримским императором, которого признавали и в Константинополе. Буквально через год вос-стал военачальник Флавий Орест. Непот выжил, но бежал к себе домой и там оставался императором, которому подчи-нялись только собственно Далмация и некоторые области Галлии. Орест возвел на трон собственного сына, подрост-ка Ромула, получившего у современников презрительную

¹ Зять императора Маркиана.

кличку Августул¹. «И насколько за это время (с середины V века. — С. Д.) военное положение варваров окрепло и пришло в цветущее положение, настолько значение римских военных сил пало, и под благопристойным именем союза они испытывали на себе жестокую тиранию со стороны этих пришлых народов: не говоря уже о том, что последние бесстыдно вымогали у них против их воли многое другое, они в конце концов пожелали, чтобы римляне поделили с ними все земли в Италии», — сетовал Прокопий². Историк пишет о том, что летом 476 года германские наемники в качестве платы за помощь в изгнании Юлия Непота потребовали треть Италии для поселения — как ранее им пообещал Орест. Получив отказ, они подняли мятеж и провозгласили «конунгом» (то есть князем) Италии Одоакра, варвара, до этого воевавшего под командованием Ореста. В августе 476 года Орест был разгромлен возле Тицинума, схвачен и убит. Вскоре Одоакр взял Равенну, где находился императорский двор, и 4 сентября 476 года низложил Ромула, не организовав, однако, избрания новым императором своего ставленника.

Время для переворота было выбрано исключительно удачно: на Востоке шла гражданская война между законным императором Зиномом и его шурином Василиском, узурпировавшим трон в Константинополе. Соответственно, восточным римлянам было не до вмешательства в западные дела.

Римский сенат отправил в Константинополь посольство с просьбой дать Одоакру высокий титул патриция и оставить его владеть Италией; одновременно к восточно-римскому двору прибыли доверенные лица свергнутого Юлия Непота — также с просьбой о помощи. Вернувшийся к тому времени власть Зинон укорил римлян тем, что, получив двух императоров с Востока (Прокопия Анфимия и Юлия Непота), они первого убили, а второго изгнали. Он согласился, что Одоакр достоин быть патрицием, но предложил ему принять это звание от Непота, а сенаторам посоветовал не противиться последнему, когда тот вернется. Однако экс-император не захотел отправляться ни в Рим, ни в Равенну. Он остался в Далмации и в районе 480 года

¹ *Августул* — «августенок», «августишка». После низложения он не пытался вернуть себе власть и жил весьма неприметно: историки даже не знают точно, когда он умер.

² *Прокопий*. Война с готами. I. I. Т. I. С. 19.

был убит своими же «комитами», то есть приближенными. То ли после низложения Ромула, то ли позже, после смерти Непота, Одоакр отослал императорские регалии — венец и пурпурную мантию — в Константинополь под тем предлогом, что миру довольно одного императора на Востоке.

Так или иначе, почти все земли Западной Римской империи вошли в состав варварских королевств, большинство которых, правда, признавали номинальное владычество далеких и блистательных василевсов, правивших в Константинополе¹. Из бывших римских земель варвары не сумели пока захватить лишь северную часть Галлии (между Луарой и Маасом), находившуюся под властью наместника Сиагрия.

«Так вот Гесперийская империя римского народа, которую в семьсот девятом году от основания Рима держал первый из августов — Октавиан Август, погибла вместе с этим Августулом в год пятьсот двадцать второй правления всех его предшественников, и с тех пор Италию и Рим стали держать готские короли», — подытожил готский историк Иордан, творивший во времена Юстиниана².

Восточная Римская империя

Как экономически, так и политически Восток оказался значительно более жизнеспособной частью государства. Там по-прежнему процветали ремесла и торговля, на высоком уровне оставалось сельское хозяйство, более или менее стабильно работала государственная машина. Да, общество менялось: рабов в деревнях становилось все меньше, а колонов — все больше, сами деревни укрупнялись. Исследователи отмечают одновременный упадок городского хозяйства, но по сравнению с разгромленным варварами Западом это была мелочь. На землях Востока империи по-прежнему располагалось около тысячи городов, население крупнейших из которых — Константинополя, Антиохии, Александрии — насчитывало по несколько сотен тысяч человек. В каждом городе, даже маленьком, обязательно были площадь-агора, церкви, портики, цистерны, обще-

¹ Золотые и серебряные монеты, чеканившиеся в то время на Западе, несли на себе имена константинопольских владык — Зинона, Анастасия и др.

² *Иордан*. 243. С. 107.

ственные бани, иные общественные сооружения. Города связывались дорогами: несмотря на все неурядицы, транспортные пути содержались более или менее в порядке, исправно функционировала государственная почта, сетью станций покрывавшая всю страну. Но путешествовали не только государственные курьеры: любой свободный гражданин мог при необходимости проехать из конца в конец державы по своей надобности, будь то торговое дело, паломничество, визит к родственникам или судебная тяжба. Поскольку расстояние между городами в обычных районах не превышало 20—30 (а в очень малонаселенных — 50) километров¹, добраться от одного до другого получалось даже пешком. Нормальным явлением считалось переселение в поисках работы. Кроме дорог сухопутных веками существовали морские пути. С эллинистических и римских, а то и с более ранних времен во множестве городов функционировали порты с прекрасно оборудованными гаванями. На Средиземном море — Диррахий, Салона, Фессалоника, Пирей, Александрия, Тир, Сидон, Кесария, на Черном — Синоп, Трапезунд, Херсонес, Боспор. Ну и, конечно же, Константинополь — средоточие морских путей.

Азиатскую часть варвары тревожили не слишком. Правда, там периодически возникала другая страшная угроза — персидская, — поскольку по Евфрату и в Армении империя граничила с сасанидским Ираном — цивилизацией, равновеликой и в культурном, и в военно-экономическом отношении².

После 395 года под властью Константинополя оказался собственно Восток (провинции в Малой Азии, Месопотамии, Аравии, Армении, Сирии, Палестине, Южный Крым, Абхазия, частично — Лазика), а также Балканы (кроме западной части) и лучшие области Северной Африки: Египет и Киренаика. С начала V века восточные императоры владели также Западной Грецией и территориями по восточному побережью Адриатического моря (Иллирик и Далмация), чему не смог противостоять двор Гонория, даже привлекая на помощь варваров. Это очень большая территория, более 750 тысяч квадратных километров. Сегодня на ней разместились не менее двух десятков государств! Империя была обеспечена любыми видами природных ре-

¹ Рудаков, 1997. С. 88.

² Популярное изложение истории и культуры сасанидского Ирана см. в: Дашков, 2008.

сурсов (ввозили разве что олово, шелк и некоторые виды драгоценных камней).

Восток еще в большей степени, нежели Запад, был многоэтническим: здесь жили сирийцы, копты, арабы, персы, армяне, евреи, грузины (ивирь), готы и десятки других племен. Но основное население Византии составляли греки: народ древней культуры и устойчивых государственных традиций. Греческий был *lingua franca* и в этом качестве преобладал почти везде, кроме Иллирика (где эти функции выполняла латынь) и глухой провинции. Впрочем, жители многих местностей, даже зная греческий, дома или с соплеменниками предпочитали общаться на родном языке: сирийском, армянском, арабском, еврейском. Латынь еще долго использовалась в армии, среди чиновников, юристов, в придворном церемониале¹.

Обособленной не национальной, но, если так можно выразиться, «социальной» группой было монашество, вбиравшее в себя людей любого происхождения. Начавшись в первой половине IV века, движение христиан-отшельников распространилось по всей стране. Однако не столь многочисленные и жестко подчиненные местным епископам монахи Запада никогда не имели такого влияния, как их собратья на Востоке. В Египте, Сирии, Палестине или даже Константинополе монастыри оказывались вполне способными вести за собой народ, а порой и диктовать условия как церковным, так и светским властям. История Византии знает массу примеров такого рода.

Первый восточный император Аркадий умер 1 мая 408 года. Его правление было примечательно тремя вещами: ухудшением отношений с Западом по причине территориального спора из-за Иллирика (о чем рассказано выше), преследованием столичного архиепископа Иоанна Златоуста (одного из самых знаменитых проповедников христианства, ныне почитаемого святым) и тем, что опекуном своему сыну Феодосию II август назначил персидского шаха Йездигерда I.

Царствование Феодосия II (408—450) во многом было формальным: сначала за императора страной управлял префект претория Анфимий, затем определяющее влияние оказывали сестра, набожная августа Пульхерия, супруга августа Евдокия и временщик евнух Хрисафий. Но длилось

¹ Титул Христа на монетах («Царь царствующих») писался в Византии на латыни до конца второй трети XI в.

оно более сорока лет и оказалось насыщенным разного рода событиями.

Как в западной, так и в восточной части страны постоянно приходилось укреплять оборону и воевать. Поскольку варвары оказались вполне способны угрожать уже и Константинополю, при Феодосии II (в два этапа — в 412 и 447 годах) построили мощную, с глубоким рвом перед ней, двойную стену. Шла она от Мраморного моря в сторону бухты Золотой Рог, немного не достигая района Влахерн, прикрытого болотами самой природой. Тогда же начали возводить и Морские стены по берегу Мраморного моря. Большая часть этих оборонительных сооружений сохранилась и в наши дни является одной из достопримечательностей Стамбула.

Восток при Феодосии Младшем отразил два масштабных натиска персов. Первый случился в 421—422 годах, когда армии шаха Варахрана V (сменившего Йездигерда I) напали на Месопотамию. Иран и Византия заключили мир, причем за персидскими христианами было закреплено право беспрепятственно исповедовать свою веру. Кроме того, одним из условий мирного договора стал пункт о денежном вкладе Византии в содержание укреплений в кавказских проходах¹, которыми Иран, получалось, защищал от северных варваров не только себя, но и империю. Вторую попытку потеснить византийцев спустя 20 лет предпринял преемник Варахрана V Йездигерд II. В итоге снова был заключен мирный договор, примерно на тех же условиях, что и в 422 году.

В деле внутренней политики всё более важным фактором становились религиозные течения. В период с начала 430-х годов в Византии возникли и распространились два толка христианства — несторианство и монофиситство. В 431 году состоялся III Вселенский собор в Эфесе, осудивший несторианство, а в 449 году в том же Эфесе прошел «разбойничий собор» (названный так из-за насилия над его православными делегатами со стороны оппонентов), поддержавший монофиситов. К моменту неожиданной смерти Феодосия (император оказался жертвой несчастного слу-

¹ Албанские ворота (Дербент) и Аланские ворота (выход из Дарьяльского ущелья). Империя то признавала эти выплаты справедливым вкладом в коллективную безопасность, то объявляла их позорной данью и отказывалась, что служило причиной византийско-персидских конфликтов. См. также: *Дашков*, 2008. С. 46.

чая — упал с коня) проблема внутрехристианской распри стояла весьма остро.

Время Феодосия запомнилось и двумя событиями, не имевшими отношения к религии. Во-первых, в 425 году в Константинополе был основан Аудиториум — учебное заведение, которое считается первым средневековым университетом. Там учили латинской и греческой грамматике, риторике, а также юриспруденции и философии. Несмотря на подчеркнутую религиозность константинопольского двора и лично императора, Аудиториум был светским заведением (впрочем, язычники не могли быть его профессорами). Во-вторых, в 438 году от имени двух императоров вышел кодифицированный сборник римского права — так называемый «Кодекс Феодосия», продолживший более ранние документы аналогичного рода.

В Европе римлянам пришлось отбиваться от гуннов, но, как было упомянуто выше, история с ними завершилась в царствование преемника Феодосия II, Маркиана (450—457). При нем же (точнее, при Маркиане и соправительствовавшей ему Пульхерии) состоялся IV Вселенский собор в Халкидоне, отменивший результаты «разбойничьего» Эфесского собора.

На смену Маркиану пришел Лев I, человек незнатного происхождения, возведенный на трон по настоянию варвара патрикия Аспара, самого могущественного восточноримского полководца того времени. Воочию наблюдая последствия всевластия германцев на Западе, Лев решил опереться на варваров значительно менее влиятельных и удаленных от обеих столиц — жителей малоазийской горной местности Исаврии. Сначала исавр Тарасикодисса, нареченный благозвучным именем Зинов, стал мужем императорской дочери Ариадны. Затем в 471 году Аспара и двух его сыновей казнили, а многие готы были изгнаны из армии и государственного аппарата.

Но готская проблема по-прежнему оставалась одним из источников неустойчивости в государстве, на сей раз — из-за остготов. Здесь стоит ненадолго задержаться, так как эта проблема будет иметь самое непосредственное отношение к правлению Юстиниана.

Итак, в своем движении на Запад гунны не только заставили сняться с мест вестготов, но и подчинили остготов, обитавших в Крыму и прилегающих областях. После смерти Атиллы между гуннами и подвластными им племенами произошла так называемая «битва на реке Недао», в резуль-

тате которой последние (главным образом гепиды и остготы) сбросили гуннское ярмо.

После обращения остготов в христианство император Маркиан разрешил им поселиться в Паннонии и большая их часть перебралась туда и на соседние земли. Но вели они себя беспокойно. Подчинив племена, жившие к северу (свевов и остатки гуннов), остготы оказались сильнейшим варварским племенем римской Европы. Их столица располагалась в крепости Новы (ныне — болгарский Свиштов) на Дунае. Недовольные прекращением выплат в начале правления Льва I, они «...взялись за оружие и, пройдя почти по всему Иллирику, разграбили и разорили его. Тогда император сразу изменил свое настроение и вернулся к прежней дружбе; он послал (к трем одновременно правившим остготским королям из рода Амалов: Валамеру, Тиудимеру и Видимеру. — С. Д.) посольство и не только принес с последним и пропущенные дары, но и обещал в будущем выплачивать их без всякого пререкания; как заложника мирных отношений он получил от них сына Тиудимера Теодориха... он достиг тогда уже полных семи лет и входил в восьмой год жизни»¹. Лев же прекратил выплаты остготам паннонским в ущерб остготам фракийским, которых возглавлял Теодорих, сын Триария, по кличке «Страбон» — «косоглазый». К тому времени именно последние составляли значительную часть восточноримской армии.

Около 471 года на историческую сцену вышел юный Теодорих, сын Тиудимера. Первое его «выступление» оказалось не вполне приятным для римлян: отбив у сарматского племени язигов бывший римский Сингидун (нынешний Белград), Теодорих не вернул его Льву, но закрепился там сам.

Меньшая часть паннонских остготов вторглась во владения Запада, которым правил тогда Глицерий. Этот император перенацелил их с Италии на Галлию. В итоге пришлецы не захотели биться с родственными им вестготами и объединились с ними. Другая, большая, часть во главе с Тиудимером двинулась до Ниша. Взяв город, остготы продолжили свой путь на юг и вдоль рек Южной Моравы

¹ *Иордан*. 271. С. 113. Примечание переводчика к тексту (Там же): «Остроготы Валамера, Тиудимера и Видимера, выйдя из Нижней Паннонии, напали на прилежащие и более отдаленные части Иллирика. Они могли пройти по Верхней Мезии, по обеим Дакиям, достигнуть даже Македонии. Они вторглись в Далмацию, так как известно, что в 459 г. они захватили Диррахий».

и Вардара дошли до Фессалии. Таким образом, родители Юстиниана, будь они местного происхождения (а это наверняка так), не понаслышке узнали о тяготах, связанных с нашествием варваров.

После казни Аспара в 471 году Теодорих Страбон восстал (использовав в качестве повода то, что он был племянником жены Аспара), но мятеж был подавлен. Затем, не позднее 474 года, Тиудимер скончался и власть над остготами получил его сын, знаменитый Теодорих Великий. В империи по-прежнему имелось два могущественных остготских вождя, и константинопольскому правительству следовало учитывать интересы обоих. Пока же Теодорих Страбон числился военным магистром конницы и пехоты и «автократором», то есть самодержцем готов.

18 января 474 года в Константинополе умер император Лев. Его преемником оказался стопроцентный варвар — тот самый Зинон¹, достигший при Лье самых высоких армейских постов — магистра войск Востока и магистра войск Фракии. Зинон заключил мирный договор с вандалами (и до кампаний Юстиниана конфликтов с ними более не было). Но не унимались остготы: Теодорих Страбон, выплаты которому Зинон то ли уменьшил, то ли прекратил вообще, требовал золота и должностей.

Правление Зинова было достаточно бурным: военные мятежи и религиозные раздоры потрясали Восток.

С января 475 года по август 476-го Зинон пребывал вне столицы, которую захватил брат его тещи Верины Василиск. Теодорих Страбон поступил недальновидно, оказав поддержку узурпатору, который в конечном итоге проиграл. Зинон лишил его сана магистра и выплат, передав всё Теодориху Амалу. В 477 году «косоглазый» в очередной раз подступил с армией к столице. Император пытался противопоставить ему сына Тиудимера, но оба Теодориха сговорились, объединились и принялись шантажировать центральное правительство вместе. Союз этот, впрочем, не продлился долго: Зинон в очередной раз (и опять — временно) купил лояльность Теодориха Страбона богатыми дарами и назначением на очередную должность, отняв ее

¹ Если быть совсем точным, после смерти Льва I власть перешла к его соправителю, сыну Зинова и Ариадны четырехлетнему Льву II. 9 февраля 474 г. мальчик во время торжеств на ипподроме передал венец отцу, и Зинова выбрали императором, а в ноябре 474 г. Лев II по неизвестной причине умер.

на этот раз у Теодориха Амала. Теперь уже тот начал грабить Дарданию (и, между прочим, взял Скупы). Таким образом регион, где жили родители Юстиниана, вновь стал ареной варварского вторжения. Затем готы Теодориха Амала дошли до Эпира и овладели его крупнейшим городом, Диррахием. Тут подоспел римский военачальник Савиниан и запер их в прибрежной долине, перекрыв дороги на запад, шедшие по горным перевалам и ущельям.

Тем временем неугомонный Страбон в очередной раз пошел на Константинополь, используя в качестве предлога мятеж против власти исавров в столице¹. Мятеж этот был подавлен, но Зиному пришлось платить Теодориху за попытку оказать «помощь». Взяв деньги, Страбон не выдал бежавших к нему мятежников, за что был вновь лишен звания магистра. Он опять осадил Константинополь, но исаврийские войска отбросили неугомонного варвара от городских укреплений. Теодорих Страбон начал отход на запад и где-то по дороге, упав с коня, напоролся на торчашее из повозки готское копье, успокоившись таким образом навеки (481 год). Его люди пополнили отряды Теодориха Амала, тот вырвался из Эпира, разорил Македонию и Фессалию, дойдя до Лариссы, и снова начал угрожать столице империи. Зином был вынужден дать готам для поселения земли в Прибрежной Дакии и Нижней Мезии (то есть по соседству с родиной Юстиниана), восстановил Теодориха в должности презентального военного магистра и пообещал ему консулат на 484 год.

С 482 года в Сирии и Киликии полыхала гражданская война: против законного императора восстал его могущественный земляк-варвар исавр Илл, облеченный властью магистра оффиций и консул 478 года. Провозгласив императором некоего Леонтия, восставшие заручились поддержкой императрицы Верины (вдовы Льва I) и к 484 году захватили Антиохию-на-Оронте. Зином послал в Сирию армию под началом Иоанна Скифа и магистра Теодориха Амала. Мятеж был подавлен, и в награду за помощь в борьбе против варвара-исавра Илла варвар-исавр Зином установил в Константинополе конную статую варвара-гота

¹ Восстание 479 г. возглавили представители старой римской знати, сыновья западного императора Прокопия Анфимия: Маркиан, Ромул и Прокопий. После поражения им всем удалось бежать. Между прочим, сохранились свидетельства о том, что исавры готовили длинные шести, обмазанные горючими материалами, чтобы сжечь столицу, если готы будут близки к овладению ее укреплениями.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ К НАЧАЛУ V В.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ IV—V ВВ.

ПРЕФЕКТУРА ИЛЛИРИК

Диоцез Дакия

Провинции:

1. Мизия (Верхняя)
2. Дакия Прибрежная
3. Дакия Внутренняя
4. Дардания
5. Превалитания

Диоцез Македония

6. Эпир Новый
7. Эпир Старый
8. Македония I
9. Македония II
10. Фессалия
11. Ахайя (Эллада)
12. Крит

ПРЕФЕКТУРА ВОСТОК

Диоцез Фракия

Провинции:

13. Мизия II (Нижняя)
14. Скифия
15. Эмимонт
16. Фракия
17. Родопа
18. Европа

Диоцез Понт

19. Вифиния
20. Пафлагония
21. Еленопонт
22. Понт Полемона
23. Галатия I
24. Галатия II
25. Каппадокия I
26. Каппадокия II
27. Армения I
28. Армения II

Диоцез Азия

29. Геллеспонт
30. Азия
31. Острова
32. Лидия
33. Фригия
34. Фригия II
35. Писидия
36. Ликаония
37. Памфилия
38. Кария

Диоцез Восток

39. Исаврия
40. Киликия I
41. Киликия II
42. Евфратисия
43. Месопотамия
44. Осроена
45. Сирия
46. Кипр
47. Финикия
48. Финикия Ливанская
49. Палестина II
50. Аравия
51. Палестина I
52. Палестина III

Диоцез Египет

53. Августамика
54. Египет
55. Аракия
56. Фиваида
57. Ливия Нижняя
58. Ливия Верхняя

Теодориха и усыновил его «по оружию», то есть опять же по варварскому обычаю¹.

Тем временем далеко на Западе завершилось варварское завоевание Галлии: в 486 году Сиагрий погиб, и его землями стал править вождь приморских франков Хлодвиг.

При Зиноне двор и столицу заполонили земляки императора, исавры, постепенно тесня германцев: готов, свевов или герулов. К моменту рождения Петра Савватия этим горцам жилось в столице и восточных провинциях вполне вольготно. Василевс положил своим соплеменникам выплаты из бюджета, составлявшие, по разным данным², от полутора до пяти тысяч либр золота ежегодно — то есть от 490 до 1635 килограммов! Понятно, что такое не нравилось не только терявшим привилегии германцам, но и самим римлянам.

Нараставшее напряжение Зинов решил снять «маленькой победоносной войной»: присоединить Италию. Впрочем, такое объяснение дальнейших действий восточных римлян чересчур решительно и является упрощением. На самом деле для того, чтобы начать италийскую кампанию, у императора могло быть множество причин. Во-первых, вопрос престижа: Константинополь не имел права мириться с тем, что колыбелью римской государственности, Римом и Италией, правил, причем официально, не просто варвар (Зинов сам был таким), но какой-то пришлый. Во-вторых, Зинов и его советники могли связывать со свержением Одоакра самые радужные надежды. Например, поставить на Западе очередного императора и даже (а вдруг!) восстановить власть над Галлией. В-третьих, восточноримский двор мог элементарно попробовать сэкономить на содержании готского воинства, предоставив ему право несколько лет кормиться с военной добычи. Наконец, готов просто было слишком много, и, случись крупная военная операция, сила этих воинственных и неудобных союзников была бы ослаблена при любом исходе. Нуждался в походе и Теодорих: его варвары привели в расстройство хозяйственную жизнь Паннонии и Дакии. Говоря образно, они, подобно саранче, объели одни земли и отчаянно нуждались в новых. Вот как вкратце излагал канву событий Иордан: «...Теодорих, состоя в союзе с империей Зинона и наслаждаясь всеми благами в столице, прослышал, что племя его, сидевшее,

¹ *Иордан*. 290. С. 116, 117.

² См.: *Чекалова*, 2010. С. 44; *Евагрий*. III. 35. С. 242.

как мы сказали, в Иллирике, живет не совсем благополучно и не в полном достатке. Тогда он избрал, по испытанному обычаю своего племени: лучше трудом снискивать пропитание, чем самому в бездействии пользоваться благами от Римской империи, а людям — прозябать в жалком состоянии. Рассудив сам с собою таким образом, он сказал императору: “Хотя нам, состоящим на службе империи вашей, ни в чем нет недостатка, однако, если благочестие ваше удостоит [меня], да выслушает оно благосклонно о желании сердца моего”. Когда ему с обычным дружелюбием была предоставлена возможность говорить, [он сказал]: “Гесперийская сторона («Hesperia plaga» — Италия. — *Прим. пер.*), которая недавно управлялась властью предшественников ваших, и город тот — глава и владыка мира — почему носятся они, как по волнам, подчиняясь тирании короля торкилингов и рогов (тираном Иордан называет в данном месте «короля торкилингов и рогов» Одоакра, полновластно распорядившегося Италией с 476 года. — *Прим. пер.*)? Пошли меня с племенем моим, и если повелишь, — и здесь освободишь себя от тяжести издержек, и там, буде с помощью господней я одержу победу, слава благочестия твоего воссияет. Полезно же, — если останусь победителем, — чтобы королевством этим, по вашему дарению, владел я, слуга ваш и сын, а не тот, неведомый вам, который готов утеснить сенат ваш тираническим игом, а часть государства [вашего] — рабством пленения. Если смогу победить, буду владеть вашим даянием, вашей благостынею; если окажусь побежденным, благочестие ваше ничего не потеряет, но даже, как мы говорили, выиграет расходы”. Хотя император с горечью отнесся к его уходу, тем не менее, услышав эти слова и не желая опечалить его, подтвердил то, чего он добивался, и отпустил, обогащенного многими дарами, поручая ему сенат и народ римский¹. Зинон пообещал Теодориху в случае победы даровать сан патриция и оставить управлять Италией.

Так или иначе, осенью 488 года большая часть восточноримских остготов во главе с Теодорихом, сыном Тиудимера, по велению императора отправилась в Италию.

Варвары двинулись почти всем народом: воины, их семьи, слуги и рабы. Люди вели с собой скот и везли на повозках имущество. Эта многочисленная рать начала свой путь

¹ *Иордан.* 290—292. С. 117. Из текста исключено большинство объемных комментариев переводчика Е. Ч. Скржинской.

в остготской столице Новах и пошла старой римской дорогой: вдоль правого берега Дуная, затем через Сингидун, Сирмий, Сисцию и Аквилею¹.

После нескольких кровопролитных сражений готы одержали верх над силами Одоакра и осадили его в Равенне. 27 февраля 493 года город сдался. Одоакр оговорил себе жизнь, но он не знал, что имеет дело с человеком, для которого нарушение клятв является обыкновением. Через несколько дней Теодорих отдал приказ перебить значительную часть сановников, да и просто воинов Одоакра, его же зарубил собственноручно.

Еще до низложения Одоакра римский сенат отправил посольство в Константинополь, прося дать Теодориху «знаки царского достоинства». Не дождавшись ответа, готы, взяв Равенну, провозгласили его конунгом Италии. Восточный двор признал Теодориха владыкой завоеванных территорий, но лишь спустя несколько лет правления преемника Зинона, Анастасия.

Помимо войн царствование Зинона было отмечено обострением религиозного противостояния. Важнейший из конфликтов разгорелся между монофиситами и православными. Это неоднократно приводило к кровавым столкновениям в египетской Александрии, являвшейся оплотом монофиситства. Попыткой примирить враждующие стороны стал «Декрет о единстве», или «Энотикон», изданный от имени императора в 482 году². Документ требовал, чтобы христиане признавали решения трех первых Вселенских соборов, а дальнейшие споры запрещал. Получалось, что император исподволь объявил несущественными решения Эфесского II и Халкидонского соборов. Вместо примирения документ вызвал сильнейший раскол. Крайних монофиситов «Энотикон» не устраивал, поскольку прямо не осуждал Халкидонского собора. Православные же такое «замалчивание» восприняли как скрытую анафему, смелости высказать которую открыто у императора и константинопольского патриарха Акакия не хватило. Таким образом, они выглядели не миротворцами, а жуликами.

¹ Так по Иордану. Прокопий сообщает, что готы пытались переплыть Ионическое море, но не нашли достаточного числа кораблей и вынуждены были идти вдоль Далматинского побережья. При любом из этих двух маршрутов местность, где жил будущий Юстиниан с родителями, осталась в стороне.

² Текст приведен в: *Евагрий*. С. 198—200.

Против «Энотикона» выступил папа Симплиций (ум. 483), а его преемник Феликс III обострил конфликт и, разойдясь вдобавок с патриархом Акакием по вопросам полномочий, отлучил последнего от церкви (тот же, в свою очередь, отлучил папу)¹. Разбираться с этой проблемой как раз и пришлось Юстиниану.

На правление Зинона также пришлось убийство взбунтовавшейся толпой антиохийского патриарха Стефана III (479) и восстания самаритян в Иудее (484).

Но главным событием тех лет для нас с вами, уважаемые читатели, будет то, которое современники оставили совершенно незамеченным: рождение мальчика Петра Савватия.

¹ Для желающих глубже разобраться в истории вопроса как собственно противостояния халкедонитов и их противников, так и роли Юстиниана в последующих событиях будет бесполезно ознакомиться с весьма обстоятельной специальной работой: *Грацианский, 2016* (имея при этом в виду, что те или иные взгляды автора на исследуемую тему могут показаться небесспорными). Там же — перевод богословских трудов Юстиниана по данной теме, в том числе сочинение против Трех глав и «Эдикт о правой вере».

ЮСТИНИАН: ЖИЗНЬ И ДЕЛА (482—565, император с 527)

Ничто не совершается без греха. Лишь Богу ведомо, где Бог...

...От века Бог не подвигал людей на дела, согласные со смыслом. Это Он предоставил им самим. Пускай покупают и продают, исцеляют и владычествуют. Но вот из сокровеннейших глубин доносится глас, который повелевает содеять нечто совершенно бессмысленное: построить корабль на суше, воссесть на гноище, жениться на блуднице, возложить сына на жертвенный алтарь. И тогда, если у людей есть вера, рождается нечто новое...

...Я должен был строить, повинувшись лишь своей вере, не слушая ничьих советов. Другого пути не было. Но при этом люди притупляются, как плохой резец, или срываются, как топор с топорща.

У. Голдинг. Шпиль

Раннее детство: 482—489

В 482 году в провинции Дардания диоцеза Дакия префектуры Иллирик Восточной Римской империи появился на свет некто Петр Савватий¹. Позже, усыновленный своим дядей, он станет Юстинианом, затем получит императорский трон и сойдет в могилу через тридцать восемь лет правления, изменив Византию кардинально. Впрочем, не будем забегать вперед.

Место, где он родился и провел детские годы, историк Прокопий Кесарийский назвал вполне определенно: Таурисий близ Бедериан. Мы также знаем, что спустя много лет император велел заложить неподалеку от своей родины

¹ Некоторые работы (например, Институции. С. 7; Сметанин, 2000. С. 45) дают 11 мая 482 г., но без ссылок на источники, современные Юстиниану.

город, назвав его Первой Юстинианой (Юстиниана Прима). Живший несколько позднее Агафий Миринейский также вполне определенно говорит о Бедерианах: «...император Юстиниан, появившийся в нем на свет, естественно, украсил родной город разными сооружениями и из неизвестного сделал его счастливым и дал ему собственное имя»¹. Но со временем этот город пришел в упадок и исчез. Утрачены и достоверные сведения о том, где находился Таурисий. Современные историки предполагают, что Юстиниана Прима — это Царичин Град, археологический памятник у Лесковаца, в полусотне километров к югу от сербского города Ниша — римского Наисса. Таурисий и Бедерианы отождествляют с местечками Таор и Бадер к юго-востоку от Скуп (Скопье, нынешняя столица Республики Македонии). Это в каком-то смысле «рядом»: расстояние от Таора до Царичина Града по прямой — чуть более сотни километров². В древности по этим местам пролегал путь Сингидун — Виминаций — Наисс — Фессалоника. Вне зависимости от того, какие варвары владели северной его частью, люди продолжали торговать и жизнь там никогда не замирала. Через Фессалонику же шла Виа Эгнатия — одна из главных дорог империи, связывавшая Диррахий с Константинополем. В общем, от столиц неблизко, но «медвежьим углом» эту местность не назовешь.

Наисс славился своим земляком: именно тут родился равноапостольный Константин Великий. Для античного и средневекового человека мир был гораздо символичнее, нежели для нас. Римлянин V века, доведись ему чуть-чуть заглянуть в будущее, наверняка увидел бы и в месте, и во времени рождения Юстиниана особый знак: ведь менее чем через полвека именно Юстиниану будет суждено, подобно Константину, получить единодержавную власть над всей Римской империей и преобразовать ее.

Места эти, где сходятся границы Болгарии, Сербии и Македонии, обитаемы уже несколько тысячелетий. Здесь смешивались многие племена — как населявшие эту землю издревле, так и занесенные в нее волнами Великого переселения народов. Римляне пришли сюда еще до Рождества Христова и, согласно своим установлениям, проложили дороги, построили водопроводы, виллы и каменные города.

¹ Агафий. V. 21. С. 199.

² Хотя ранее считали Юстиниану Приму восстановленными Скупами — это поближе, см.: *Vasiliev*, 1950. P. 57.

На остатки их деятельности мы постоянно и натываемся в окрестностях Таора (примем ту гипотезу, что он и есть Таурисий). Чтобы обнаружить какой-нибудь простой артефакт, не нужна лопата — достаточно посильнее ковырнуть землю носком ботинка: все усыпано осколками плитинфы от античных и раннесредневековых построек.

А еще с вершины холма Таора открывается прекрасный вид: с одной стороны — покрытые разноцветным лесом холмы, с другой, внизу, — простор речной долины, далеко-далеко замкнутый цепью увенчанных снежными шапками гор. На их фоне в хорошую погоду различались Скупы. Сама здешняя природа являлась лучшим учителем эстетики, словно говоря Петру Савватию: «Гляди, малыш, вот что следует называть прекрасным!» Выросший в этих местах был просто обречен понимать красоту и, воспитываясь сообразно своему времени, осознавать величие Творца. Как знать, быть может, игра света и объемов собора Святой Софии зародилась именно здесь, в ежедневном любовании величественным пейзажем, в размышлениях о том, что есть по сравнению со всем этим человек, что ему можно, а что — должно.

Общепотребительным языком в тех краях была латынь: местные жители романизировались очень давно. Но в окружении Петра Савватия могли говорить и на иллирийском (предке современного албанского), и на фракийском языках. Впрочем, свидетельств того, что Юстиниан знал другие языки, кроме латыни и не менее распространенного в Восточноримской империи греческого, не осталось. Впоследствии император (в одной из своих новелл) упоминал, что именно латынь была его родным языком¹.

Византийские историки именуют Юстиниана то дарданцем, то фракийцем, то иллирийцем. Что именно они вкладывают в эти слова, остается лишь гадать, но большого противоречия тут нет. Дело в том, что подобные определения применимы к человеку как в смысле происхождения от соответствующего племени (фракиец, иллириец), так и в географическом плане («житель провинции Дардания, житель диоцеза Фракия, префектуры Иллирик»). Уже в позднем Средневековье возникла легенда о том, что Юстиниан якобы имел славянские корни и носил имя Управда².

¹ *Evans*, 2001. P. 96.

² Это даже не легенда, а историческая фальсификация, созданная в конце XVI или начале XVII в. См.: *Vasiliev*, 1950. P. 44—47.

Происхождение имени отца нашего героя — Савватий — уже в XIX веке связывали с Сабазием, божеством фракийцев-язычников. Востоковед и византинист А. А. Васильев заметил по этому поводу, что к шестому столетию на Балканах фракийцев в чистом виде уже не было¹. Нынешние македонцы считают Юстиниана соотечественником и даже воздвигли ему в Скопье памятник. Пусть так, но Юстиниан родился и умер «римлянином», а это понятие не «привязывается» к существующим сегодня национальностям.

Семья Петра Савватия занималась земледелием и, судя по всему, была не очень богатой, из-за чего в литературе Нового времени часто говорится о «крестьянском» происхождении будущего императора. Но вряд ли его отец Савватий принадлежал к крестьянам самого низшего ранга, колонам². Был он, вероятнее всего, мелким землевладельцем, который обрабатывал участок трудом членов своей семьи с привлечением наемных работников или рабов.

Имя матери Петра Савватия не сохранилось³. У него были дядя по матери Юстин и сестра, которую звали Вигиланция. Возможно, были еще дядья или тетки: во всяком случае, источники упоминают двух или трех двоюродных братьев⁴.

Таурисий был поселением небольшим, и, если судить по сегодняшним развалинам, жили в нем тесно.

За неимением точных сведений описать детство Юстиниана можно лишь в самых общих чертах, основываясь на нескольких предположениях.

Итак, предположим, что маленький Петр Савватий рос как все дети его круга и что семья его была христианской.

Отношение к ребенку в Византии несколько отличалось от того, к какому привыкли мы. Хотя византийцы понимали, что к ребенку нужно относиться особо, той своего

¹ *Vasiliev*, 1950. P. 44—47.

² Дядя Петра Савватия Юстин поступил на военную службу: для колона в V в. это было сложно, если вообще возможно. Во всяком случае, в VI в. колонов, как и рабов, в армию не набирали вовсе.

³ Имя «Виглениза» или «Вигиланция» для матери Юстиниана называет тот же источник, из которого пошла легенда про Юстиниана-Управду: Житие Юстиниана, записанное под именем игумена Феофила.

⁴ Двоих из них звали Вораид и Юст. Что касается третьего, Германа, то одни историки считают его их братом, другие — племянником Юстиниана. См. комментарий А. Н. Чекаловой в: *Проконий Кесарийский*. Войны. С. 409.

рода «сакрализации» детства, которая принята у нас, у них не было. Хотя в большинстве семей детей желали, любили, о них заботились, если они умирали — по ним искренне скорбели. Ребенок приходил в этот мир обязанным, и мир спрашивал с него, делая поправку на развитие, но, в общем, не более того. «Детство» в юридическом плане тянулось даже дольше нашего — ведь полная правоспособность римлянина начиналась с двадцати пяти лет, хотя основной набор прав, который мы привыкли связывать с окончанием детства (право на вступление в брак, право совершать сделки), юноша приобретал с четырнадцатилетнего возраста. На сохранившихся редких изображениях дети, как правило, запечатлены со взрослым выражением на лицах. Одевали детей в одежду, которую обычно носили взрослые, причем, как правило, в исподнюю — она попроще. Византийские врачи, при вполне приличном для того времени уровне развития медицины, никак не выделяли детские болезни. Игрушки были очень простыми, даже грубыми. Хотя детям наверняка рассказывали и забавные истории, и сказки, детской литературы как таковой не существовало¹.

Но все вышеперечисленное — вопрос культурной традиции. Были вещи гораздо более серьезные. Например, уголовная ответственность наступала с семи лет² — а это при тогдашней системе наказаний далеко не шутка! Лишь при Юстиниане девочкам было официально запрещено заниматься проституцией до десяти лет (во всяком случае, так можно трактовать одну из его новелл, 14-ю). Перешагнув же этот рубеж, ребенок вполне мог оказаться «работающим» в доме терпимости. Нередкими были случаи убийства детей родителями: чаще это случалось с девочками (особенно в сельской местности, в семьях бедняков), но при определенных обстоятельствах гибли мальчики (например, если они рождались у проститутки).

Вообще детская смертность была колоссальной: половина детей не доживала до пятилетнего возраста, причем

¹ Российский византинист С. А. Иванов считает, что ребенок воспринимался как «маленький взрослый» и обособления детства как особой психологической стадии развития человека не было вовсе (лекция в Государственном университете — Высшей школе экономики. Москва, 12.10.2015). Однако существует и прямо противоположная точка зрения: *Moffatt*, 1986.

² Этот возраст зафиксирован для наказаний (в том числе и смертной казни!) в более поздних памятниках византийского права, но судя по всему, с опорой на ранневизантийское законодательство.

умирали от таких болезней, которые в наше время смертельными не являются, например от ветряной оспы.

По римской традиции новорожденного клали перед отцом на землю. Отец должен был поднять его — таким образом признавая. Если он этого не делал (например, по причине уродства ребенка), младенца удаляли из семьи. В наиболее жестоком случае «удаляли» означает «выбрасывали» — запрет на это был введен достаточно поздно, в III веке, при императоре Александре Севере.

Бывало, детей подкидывали. Статус подкидыша (свободный или рабский) определял глава семейства, нашедшего «подарок». Оказавшихся таким образом в рабах было довольно много. Считать этих детей свободными, даже если они имели заведомо рабское происхождение, повелел как раз Юстиниан¹.

Глава римского семейства имел «*patria potestas*», «отцовскую власть», что давало ему в том числе и право продать члена семьи в рабство или даже убить из-за какого-либо значимого проступка². Это было прекращено при Константине Великом в рамках общей тенденции ограничения античных свобод государством в лице императорской власти. Впрочем, при крайней нужде отец все-таки мог продать своего ребенка в рабство и в послеконстантиновскую эпоху. Но если суд устанавливал, что крайней нужды не было, отец-продавец подлежал наказанию.

Мальчика могли оскотить (евнухи в Византии ценились). Операция была довольно болезненной и опасной: в 142-й новелле Юстиниана говорится, что из девяноста кастрированных выжило лишь трое!³ Правда, обращать гражданина империи в евнуха запрещалось еще во времена Домициана, а незадолго до рождения Петра Савватия законом Льва I этот запрет подтвердили. Но законы нарушаются не только в наше время.

Ребенок мог пострадать во время набега варваров или междоусобной войны. Правда, как раз конец V века в этом отношении был для Иллирика спокойным.

Петр Савватий избежал ужасов, о которых сказано выше, и, скорее всего, вел обычную жизнь свободного мальчика.

¹ Лебедева, 1974. С. 31.

² См.: Сергеевко, 2000. С. 148, 149.

³ Этой новеллой Юстиниан определил наказание для тех, кто кастрировал мальчиков: их самих (если они мужчины) надлежало оскотить, а имущество забрать в казну.

Какой она была?

Отнятие от груди матери или кормилицы происходило в значительно более зрелом возрасте, нежели сейчас: в три-пять лет¹. Кормилиц держали повсеместно, даже в семьях с относительно скромным достатком. Нередким явлением был педагог — раб-воспитатель, ходивший за мальчиком, пока тот не вырастал. В более древние времена богатые и образованные семьи для этой цели приобретали ученого грека. В V веке грека заменил просто человек неглупый и отличавшийся благонаравием. Такой «дядька» вполне мог быть и у Петра Савватия.

До семи лет трудов и обязанностей практически не было. Ребенок постигал мир.

Вставали дети вместе со взрослыми, рано. Помолившись, завтракали: кто побогаче, мог позволить себе роскошный стол: «белые хлебы, мясной паштет, рыба, всевозможное вино, оладьи, сласти»². Но люди простые (а именно к ним относилась семья нашего героя) обычно питались незатейливо. Например, бобами, чечевицей, куском хлеба (пшеничного или, поскольку мальчик рос на Балканах, ячменного) с сыром, оливками, медом или просто смоченного в вине; мясо или птицу ели редко и понемногу. В пищу могли употреблять то, к чему мы уже непривычны, — например, делали салат из асфодели или мальвы. Вино — вообще особая статья. Византийцы не употребляли молока или кипяченых напитков, а пили воду, смешанную с медом или вином, горячую либо холодную — по времени года. Исключения для детей не делалось, стол был общим. Справедливости ради нужно заметить, что неразбавленного вина ребенку вряд ли бы дали: его употребление считалось признаком пьянства и не приветствовалось даже у взрослых.

Позавтракав, мальчик уходил играть. У Петра Савватия наверняка были волчок или кубарь, обруч, мяч, глиняная свистулька и глиняная же или деревянная лошадка (а может быть, тележка с запряженной в нее такой лошадкой). Отец или дед мог устроить мальчику качели.

Сложно предположить отсутствие у маленьких византийцев игрушечного оружия — щита, копья, деревянного

¹ «Сейчас» — это для привычной нам городской культурной традиции. Моя бабушка, во время Второй мировой войны эвакуированная в Сибирь, вспоминала, что там ребенок в те же три-четыре года мог прибежать с улицы и попросить материнскую грудь.

² Византийские легенды. С. 80.

меча и лука со стрелами, — особенно если в семье были служившие в армии (у Петра Савватия в армии служил дядя Юстин).

В сельской местности играли с животными: гусями, курами, цесарками, с любимым щенком, барашком или поросенком.

На ослике, воле, муле или лошади мальчишки учились ездить (как верхом, так и в повозке): умение управлять животным являлось жизненно необходимым навыком. Вряд ли бы византийский ребенок удержался от соблазна покататься верхом на козе, овце, незлой собаке или запрячь в игрушечную повозку гуся.

В семьях более или менее обеспеченных, особенно в городах, девочек держали преимущественно дома, на женской половине. Мальчишки же могли гулять, встречаться со сверстниками, играть с ними, искать птичьи яйца, ловить птиц, лягушек и ящериц, совершать набеги на окрестные сады, огороды и виноградники. Августин Блаженный, росший в конце IV века в нумидийском Тагасте, вспоминает в более чем серьезной «Исповеди» о своих детских забавах и прегрешениях: «Как я был мерзок тогда, если даже этим людям доставлял неудовольствие, без конца обманывая и воспитателя, и учителей, и родителей из любви к забавам, из желания посмотреть пустое зрелище, из веселого и беспокойного обезьянничанья. Я воровал из родительской кладовой и со стола от обжорства или чтобы иметь чем заплатить — мальчишкам, продававшим мне свои игрушки, хотя и для них они были такою же радостью, как и для меня. В игре я часто обманом ловил победу, сам побежденный пустой жадной превосходства. Разве я не делал другим того, чего сам испытать ни в коем случае не хотел, уличенных в чем жестоко бранил? А если меня уличали и бранили, я свирепел, а не уступал. И это детская невинность? Нет, Господи, нет! позволь мне сказать это, Боже мой, все это одинаково: в начале жизни — воспитатели, учителя, орехи, мячики, воробы; когда же человек стал взрослым — префекты, цари, золото, поместья, рабы, — в сущности, все это одно и то же, только линейку сменяют тяжелые наказания»¹. Во времена Петра Савватия с мальчишками Дардании все было примерно так же.

Зимы в тех местах были мягкие, но, когда выпадал снег, дети могли делать горки, играть в снежки, строить «снеж-

¹ *Августин. Исповедь. 1, XIX. С. 73.*

ные крепости», а случись замерзнуть реке или озеру — скользнуть по льду. Мальчишки запускали по воде «блинчики» из камней. До нашего времени дошло описание этой игры, сделанное автором III века Минуцием Феликсом: нужно было, «набрав на берегу моря камешков, обточенных и выглаженных волнами, взять такой камешек пальцами и, держа его плоской поверхностью параллельно земле, пустить затем наискось книзу, чтобы он как можно дальше летел, кружась над водой, скользил над самой поверхностью моря, постепенно падая и в то же время показываясь над самыми гребнями, все время подпрыгивая вверх; тот считается победителем, чей камешек пролетит дальше и чаще выскакивает из воды»¹. Как видим, за последние две тысячи лет нехитрое развлечение не претерпело никаких изменений.

Дети боролись, бегали наперегонки, дрались. Игры могли быть и опасными. К примеру, петроболия — организованное метание камней в группу противников.

Как и сегодня, ребята могли выдумывать игры, имитирующие поведение взрослых в важных ситуациях: семейная жизнь, война, охота, суд, император и его двор, торжественная процессия и т. д. Например, на сохранившейся мозаике с виллы эпохи домината (Дель Казале близ города Пьяцца Армерина на Сицилии) изображена игра в скачки на ипподроме: мальчики едут вдоль игрушечного разделительного барьера, только в колесницы запряжены попарно всякие птицы — голуби, утки, фламинго и даже какие-то странные, похожие на страусов. Иоанн Мосх в «Луге духовном» (начало VII века) рассказывает о чуде, произошедшем, когда дети, пасшие скот, для развлечения разыграли литургию: «...поставили одного в чине священника, двух других произвели в диаконы. Нашли гладкий камень и начали игру: на камне, как на жертвеннике, положили хлеб и в глиняном кувшине вино. Священник стал перед жертвенником, а диаконы — по сторонам. Священник произносил молитвы св. возношения, а диаконы махали поясами, будто рипидами. В священники избран был такой, который хорошо знал слова молитвы, так как в церкви вошел в употребление обычай, чтобы дети во время литургии стояли перед святилищем и первые, после духовенства, причащались св. Таин. В иных местах священники имеют обычай громко произносить молитвы св. возношения, почему, часто слыша, дети могли

¹ Сергеевко, 2000. С. 152.

знать их наизусть»¹. В данном случае шуточная церемония закончилась вполне серьезно и страшно: с неба сошел огонь, испепелив и хлеб, и камень, а дети едва не погибли. Прибывший разбираться с чудом епископ «назначил детей в иноки и на самом месте устроил знаменитый монастырь». История поучительная, но нам важно свидетельство современника о том, что дети сызмальства ходили в церковь и некоторые, кто посмышленнее, могли на слух выучить литургический чин. Это, кстати, означало, что они уже в малолетстве были крещены (некрещеные к литургии не допускались).

Интересно, если дети играли в «императора и двор», не случалось ли так, что именно Петра Савватия выбирали императором?

Около полудня обедали (как правило, но не всегда: совмещение завтрака с обедом в небогатых семьях было распространенным явлением). Римский и ранневизантийский (примерно до VIII века) торжественный обед проходил без стульев или скамей — обедающие возлежали на ложах вокруг стола, — но в простой сельской семье при ежедневном приеме пищи было не до торжеств и могли есть, по древнему обычаю, сидя на скамьях или ларях. Взрослые, если была страда, обедали в поле или винограднике. Дети до семи лет не работали, поэтому маленький Петр Савватий ел дома. Стол в то время уже наверняка покрывали скатертью. Еду с тарелок брали ложками и руками (вилку изобрели византийцы, но позже). В семьях со скромным достатком повседневно употреблялась посуда из глины. Рот и руки вытирали маленьким куском ткани, который назывался «маппа».

После обеда Петр Савватий спал, а потом снова играл, гулял, общался со свободными членами семьи и домочадцами. Ближе к вечеру его купали. Византийцы были людьми чистоплотными и возможность помыться после дня находили всегда. Как правило, при доме была хоть и маленькая,

¹ *Иоанн Мосх*. Луг духовный, история 196. Иоанн Мосх рассказывает аналогичную историю и про св. Афанасия Александрийского, сыгравшего значительную роль в борьбе с арианством в начале IV в. Ее окончание получше: епископ, увидев, что игравшие на морском берегу «по обычаю» дети разыгрывают священнодействия и даже проведение крещения, собрал совещание с клиром и постановил — вторично не совершать крещение над теми, кто был уже крещен (в конце III в. детей, видимо, крестили позднее, не в младенчестве), а остальных воспитывать «в наставлении и наказании Господнем». Афанасий же, поставленный детьми «епископом», стал впоследствии патриархом Александрии (Там же, история 197).

но банька, а если нет — в ближайшем селении или городке точно работала общественная баня.

Спать ложились рано.

В христианской семье (а судя по той религиозности, которой отличался Юстиниан в зрелом возрасте, он был воспитан в очень набожной среде) важное место занимало отправление культа. С молитвой вставали, с молитвой садились за стол, с молитвой отходили ко сну. Когда Петр Савватий засыпал, мать осеняла его крестным знамением и просила Христа и Богородицу охранять его сон и здоровье: сельские жители истово верили в страшные возможности ночных демонов и прочей нечисти.

Маленький Петр Савватий, как и его сверстники, становился свидетелем всех событий окружающей жизни, радостных и горестных. Рождение братьев или сестер, свадьбы, другие праздники, похороны родственников и соседей — во всем этом дети участвовали, постигая мир, привыкая быть членами семьи, рода, общества. Нашему герою повезло: ранние годы пришлись на тот период, когда в Дардании было относительно спокойно. Места, где жила его семья, счастливым образом избежали одновременно и потрясений, связанных с варварским завоеванием Запада, и тех бурных событий, которыми было наполнено правление императора Зинона на Востоке.

Но вот первое семилетие жизни подошло к концу. В связи с этим Петр Савватий вполне мог произнести слова византийской эпиграммы (более поздней, но верной по сути):

Сегодня, Господи, мне исполняется семь лет. Мне больше нельзя играть.

Вот мой волчок, мой обруч и мой мячик. Возьми их, Господи¹.

Детство закончилось.

Начало взрослой жизни: 489—518

Итак, с семи лет мальчик обретал общественный статус. Рожденный в семье бедной (с доходом менее 50 номисм в год)² начинал участвовать в тех видах деятельности, ко-

¹ Перевод С. А. Иванова.

² *Геростергиос*, 2010. С. 294.

торами его родители зарабатывали себе на жизнь. В городе это могла быть лавка, мастерская-эргастерий, а если отец трудился адвокатом или нотариусом — скрипторий, контора. На селе круг занятий мальчика оказывался несравненно шире. Во-первых, это была работа в поле: копать, сажать, пропалывать, обрабатывать виноград, собирать урожай. Помимо зерновых (прежде всего пшеницы и ячменя) византийцы выращивали множество огородных культур: лук, зеленый салат, чеснок, свеклу, морковь, капусту, огурцы, кабачки, тыквы, а если природа позволяла — арбузы и дыни. Немало времени и сил отнимал уход за домашними животными. Даже если сами работы выполнялись рабами или поденщиками и Петру Савватию не приходилось лично брать в руки лопату, серп или скребницу, он помогал домашним в управлении подчиненными. Насчет «управления подчиненными» — не преувеличение. Для наемных рабочих-мистиев или рабов он был хозяином!

В девять-десять лет мальчик мог заниматься и более серьезными делами, например, служить оруженосцем в военном подразделении или даже нотариусом.

Петра Савватия могли даже просватать. Брачный возраст наступал рано (для девочек — с девяти лет, для мальчиков — годом-двумя позднее; став императором, Юстиниан установит брачный возраст для девочек 12 лет, для юношей — 14). Однако помолвка была разрешена с семи лет. И хотя девочка при этом уходила в дом будущего мужа, брачное сожительство до свадьбы запрещалось.

Византийские семьи с более или менее сносным достатком старались отдать детей в школу. В античное время образование очень ценилось и признавалось исключительно полезным для человека любого происхождения. Муниципальная школа являлась непременным атрибутом каждого города, как площадь или баня. Но в IV—V веках античная система ценностей начала постепенно заменяться христианской, где образованность значила уже меньше. Кроме того, во времена варварских вторжений и государство, и муниципии беднели — вне зависимости от того, куда тратились средства: на отступные захватчикам или (что, как правило, обходилось дороже) на собственную армию. Постепенно полис или сельская община — митрокомия — переставали заниматься школой, и на их место в лучшем случае приходила церковь или семья, а в худшем не приходил никто. Впрочем, в империи V века детей еще учили достаточно массово. Даже в этот непростой период

Византия предоставляла своим гражданам качественное и доступное образование. Престиж преподавателей был высок. Несколько законов IV и V веков избавили грамматиков, ораторов, философов и врачей от всякого рода податей и повинностей¹.

Учить и учиться старались еще и потому, что у человека образованного в Византии было гораздо больше возможностей. Как уже ранее упоминалось, для карьеры на государственной службе происхождение человека не играло определяющей роли, а вот невежество препятствовало ей однозначно.

Носителем знания в семье довольно часто бывала женщина. Грамотная мать или бабушка (особенно на селе, если школа далеко) вполне могла оказаться первым учителем.

Школа разделялась на несколько ступеней. За первые два-три года учебы ребенок под руководством дидаскала (или «педагога») обучался письму и несложному счету. Маленький Петр Савватий, как и его сверстники, получил от родителей несколько дощечек для письма, покрытых с одной стороны воском, металлический или костяной стилус и деревянную табличку с прорезанными в ней буквами. Водя по этой табличке стилусом или тростниковой палочкой, ребенок учился воспроизводить контуры букв алфавита. Историки, с насмешкой рассказывавшие о том, как неграмотные Теодорих и Юстин I точно так же водили пером по прорезям в табличке с буквами *legi* («прочел»), преследовали цель уподобить этих владык неразумному младенцу.

Система обучения детей была достаточно консервативной. И приемы, и учебники заимствовались из прошлого. Это не значит, что образование не развивалось. Так, именно в V веке Марциан Капелла написал знаменитое сочинение «О браке Филологии с Меркурием», где тщательно изложил теорию «семи свободных искусств»². В том же веке появились: учебники Феодосия Александрийца по греческой грамматике; учебники Менандра по греческой риторике; объяснявшие значения слов и их происхождение лексиконы Кирилла Александрийского, Ора или Ориона из Фив; новые греко-латинские словари.

¹ См.: Симица, Болгова, 2017.

² Семь свободных искусств (иногда — «наук») — система, включавшая в себя два цикла: простейший — тривиум (грамматика, диалектика и риторика) — и более сложный — квадриум (геометрия, арифметика, астрономия, музыка (в теорию которой входила и «гармония небесных сфер»)).

В эпоху христианства не только начальное, но любое светское образование базировалось на языческой традиции. Византийцы совершенно не считали это неуместным. Напротив, они были убеждены, что знание древней культуры помогает христианину в доказательстве истин православной веры — хотя бы потому, что грамматика позволяет читать, а риторика обучает инструментам поиска истины. Один из отцов церкви, архиепископ Кесарии Василий Великий посвятил даже специальное сочинение вопросу о том, как молодым людям извлечь пользу из языческих книг¹. По сохранившимся до нашего времени тетрадям школьников-христиан Египта IV века видно, что дети еще пользовались языческими учебниками, но уже появились псалмы, обращение к Богу в начале записей и крест в начале каждой страницы².

Правда, со временем язычников перестали допускать к преподаванию (в Византии с конца IV века государство утверждало кандидатуры школьных учителей, даже если это были школы местные, организованные куриями). Пройдет примерно полстолетия, и именно Юстиниан нанесет по системе образования довольно мощный удар, изгнав оттуда не только язычников, но также иудеев и неортодоксальных христиан. Но пока Петр Савватий усердно штудировал языческое знание, пересаженное на христианскую почву.

Впрочем, сколько людей, столько и мнений. Августин Блаженный (по «Исповеди» которого реконструируются многие аспекты жизни ребенка в ранневизантийское время) много и обстоятельно жалуется на бесцельно потраченное время. Став взрослым, он сетовал, что ребенком тратил время, заучивая «блуждания какого-то Энея», плача «над умершей Дидоной, покончившей с собой от любви» или произнося «речь Юноны, разгневанной и опечаленной тем, что она не может повернуть от Италии царя тевкров», — вместо того чтобы заниматься душеспасительным обращением к Богу и изучением его истин. «Наградой была похвала; наказанием — позор и розги. Я никогда не слышал, чтобы Юнона произносила такую речь, но нас заставляли блуждать по следам поэтических выдумок и в прозе сказать так, как было сказано поэтом в стихах. Особенно хвалили того, кто сумел выпукло и похоже изобразить гнев и пе-

¹ Памятники... IV—IX. С. 54—65.

² KB-1. С. 480. Обращение к Богу для христианина — обязательное начало любого дела.

чаль в соответствии с достоинством вымышленного лица и одеть свои мысли в подходящие слова. Что мне с того, Боже мой, истинная Жизнь моя! Что мне с того, что мне за декламации мои рукоплескали больше, чем многим сверстникам и соученикам моим? Разве все это не дым и ветер? Не было разве других тем, чтобы упражнять мои способности и мой язык?»¹

Августин не случайно упоминает розги. Античная педагогика не находила в телесных наказаниях ничего особенного, а потому римских детей, если они занимались дурно, учитель мог высечь. Этой участи порой не удавалось избежать и самым высокопоставленным школярам: так, святой Арсений Великий за какие-то огрехи бивал уже носившего императорский титул Аркадия.

Если у родителей было не очень хорошо с доходами (особенно в сельской местности), начальной школой всё и заканчивалось. Для более благополучных детей учение продолжалось.

Наступал период знакомства с классическими образцами литературы в школе второй ступени, у грамматика. Длился он не менее пяти лет. Грамматика являлась основой последующего знания, в ее курс входили также начала ораторского искусства, риторики. Дети привыкали не только читать, но и трактовать древних авторов (во времена Петра Савватия — в благочестивом, христианском духе), учились правильно говорить, ставя в нужном месте придыхания и ударения. Для понимания древних текстов требовалось много знать, поэтому грамматик, в дополнение к литературным текстам, знакомил своих питомцев с историей, мифологией, объяснял происхождение тех или иных слов. Постепенно тексты усложнялись. При обучении на латинском языке в качестве исходного материала использовали Вергилия, Теренция, Плавта, Катона, для греческой словесности начальным уровнем был Гомер. Далее степень сложности определялась лишь пониманием учеников и образованностью учителя. Трудно предположить, что юный Петр Савватий читал хоть что-нибудь из Платона или Оригена, но он точно мог знать труды латинского историка Саллюстия или грека Плутарха, отцов церкви IV века или любимого за простой, но сочный и образный язык Иоанна Златоуста.

Много текстов приходилось заучивать наизусть, а потом произносить вслух, соблюдая при чтении правила.

¹ *Августин. Исповедь. 1, XVII. С. 70.*

Ошибаться было нельзя: ведь огрехи в ударениях, в долготе или краткости слога (не говоря уже о грамматических неточностях) служили признаком неотесанности и столь презираемого образованными византийцами варварства.

Как уже говорилось, родным языком Петра Савватия была латынь. Будучи взрослым, Юстиниан обнаруживал и свободное владение греческим — во всяком случае, многие сохранившиеся его письма написаны по-гречески. Если предположить, что Петр Савватий ходил в школу, то изучать греческий он начал именно там. Тут уместно снова привести цитату из Августина, которому, как и Петру, приходилось учить незнакомый, трудный, но такой нужный впоследствии язык. Может быть, и Петр Савватий в начале овладения греческой словесностью думал о чем-то подобном: «В чем, однако, была причина, что я ненавидел греческий, которым меня пичкали с раннего детства? Это и теперь мне не вполне понятно. Латынь я очень любил, только не то, чему учат в начальных школах, а уроки так называемых грамматиков. Первоначальное обучение чтению, письму и счету казалось мне таким же тягостным и мучительным, как весь греческий...

Почему же ненавидел я греческую литературу, которая полна таких рассказов (о языческих богах и героях. — С. Д.)? Гомер ведь умеет искусно сплести такие басни; в своей суетности он так сладостен, и тем не менее мне, мальчику, он был горек. Я думаю, что таким же для греческих мальчиков оказывается и Вергилий, если их заставляют изучать его так же, как меня Гомера. Трудности, очевидно обычные трудности при изучении чужого языка, окропили, словно желчью, всю прелесть греческих баснословий. Я не знал ведь еще ни одного слова по-гречески, а на меня налегали, чтобы я выучил его, не давая ни отдыха, ни сроку и пугая жестокими наказаниями. Было время, когда я, малюткой, не знал ни одного слова по-латыни, но я выучился ей на слух, безо всякого страха и мучений, от кормилиц, шутивших и игравших со мной, среди ласковой речи, веселья и смеха. Я выучился ей без тягостного и мучительного принуждения, ибо сердце мое понуждало рожать зачатое, а родить было невозможно, не выучи я, не за уроками, а в разговоре, тех слов, которыми я передавал слуху других то, что думал»¹.

Наш современник византинист Сергей Иванов полагает, что латинский и древнегреческий языки оказывают раз-

¹ Там же. 1, XIII. С. 15; 1, XIV. С. 67.

ное влияние на развитие личности. По его мнению, латынь, будучи языком логичным, дисциплинирует ум, правильно «настраивает мозги». А вот греческий, язык трудный и «другой», приучает человека постигать сложность мира. Иными словами, человек, выучивший древнегреческий, меньше склонен к соблазну простых решений, его взгляд на мир становится масштабнее и шире¹.

Вот маленький Петр Савватий делает дома уроки — пыхтя, прикусив от усердия кончик языка, чертит крест и выводит неумелой еще рукой, стараясь и мучаясь, по-гречески:

«Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей...»

С тоской и завистью глядит мальчик в окно, туда, где внизу, за виноградником, на берегу Аксиоса (нынешний Вардар) играют в мяч его менее богатые, но куда более свободные сверстники. Гомонят птицы, которых так славно ловить, намазав клеем веточки! Пахнет дымом от печи, свежим хлебом. К этим ароматам примешивается слабый, но различимый запах лошадиного пота — значит, где-то неподалеку стоит отцовская кобыла. Вот бы бросить всё и на ней покататься! Мальчик вздыхает, опускает голову и продолжает чертить не вполне еще понятные, трудные и такие красивые в своей торжественности слова:

«...Но в законе Господа воля Его, и о законе Его размышляет он день и ночь!»

Тем, кто успешно преодолел ступень грамматики, предстояло (опять же при наличии средств) ознакомиться с искусством риторики. Это был значительно более сложный предмет, но для человека, собиравшегося делать гражданскую карьеру, искусство владения словом являлось жизненно необходимым.

Риторiku (если только не нанимался специальный учитель) уже вряд ли можно было освоить на дому, только в школе. Была ли такая в Скупах или разоренном походами готв Наиссе, мы не знаем. Но в Константинополе риторская школа существовала совершенно точно, и не одна. Семью, отправлявшую сына на учебу в столицу, ждали значительные траты: помимо расходов на уроки ритора и жилье

¹ Интервью С. А. Иванова порталу «Православный мир» См.: <http://www.pravmir.ru/professor-sergej-ivanov-ob-igre-so-smyslaminaslednikax-vizantii-i-uploshhenii-obrazovaniya/>.

(что само по себе недешево), нужны были книги — а стоили они очень дорого.

Высшей ступенью обучения считалась философия. Преподавали ее только в крупных городах — Афинах, Александрии и Константинополе. Вместо философии юноша, стремящийся сделать карьеру, мог заняться юриспруденцией, но для этого, опять же, следовало ехать в Константинополь или Александрию, а может, и еще дальше — в ливанский Верит (Бейрут).

С естественными науками, физикой и архитектурой были проблемы. Византийцы отделяли «свободные искусства» от «ремесел», требовавших физического труда. Парадокс, но еще в глубокой древности ученые римляне и греки к ремеслам относились свысока — ведь трудиться физически считалось зазорным, это было не господское дело.

Преподавание ремесел и инженерного дела велось, видимо, мастерами в кругу своих учеников. На сей предмет существовали писанные правила: согласно закону 344 года (между прочим, Юстиниан оставил его в своем Кодексе), «механикам, геометрам и архитекторам, которые следят за соблюдением всех планов и чертежей и применяют все измерения и расчеты в строительстве... предлагаем мы... проявлять одинаковое усердие к тому, чтобы учить других и учиться самим. Итак, пусть они будут освобождены от общественных повинностей, и те, кто способны учить, пусть берут к себе в обучение»¹. То есть, с одной стороны, государство понимало ценность таких мастеров, а с другой — подобного рода профессии стояли ниже риторики или философии. До нас дошли имена выдающихся архитекторов и механиков, того же Витрувия или Аполлодора из Дамаска, прилежно переписывались и изучались труды талантливых технических специалистов (примером тому служит сочинение Юлиана Аскалонита о правилах городского строительства — между прочим, Юстинианова времени²), но в плане престижа даже самые яркие представители этих профессий были ниже блестящего оратора или успешного адвоката.

Устраивая будущее своих детей, родители во все времена старались использовать любой шанс, любое способствующее успеху обстоятельство, что естественно. В семье Петра Савватия таким «обстоятельством» стала успешная

¹ *Зубов*, 2000. С. 21.

² Текст и комментарий в: *Сюзюмов*, 1960.

карьера брата матери Юстина. Вот что поведал нам о Юстине Прокопий Кесарийский в «Тайной истории»:

«В то время как в Византии (Прокопий, архаизируя текст, называет Константинополь древним именем. — С. Д.) власть автократора находилась в руках Льва, трое юношей-крестьян, родом иллирийцев, Зимарх, Дитивист и Юстин из Бедерианы, чтобы избавиться от нужды и всех сопутствующих ей бед, с которыми им вечно приходилось бороться дома, отправились на военную службу. Они пешком добрались до Византии, неся за плечами козьи тулупы, в которых у них по прибытии в город не находилось ничего, кроме прихваченных из дома сухарей. Занесенные в солдатские списки, они были отобраны василевсом в придворную стражу, ибо отличались прекрасным телосложением.

Впоследствии Анастасий, перенявший царскую власть, начал войну с народом исавров, поднявшим на него оружие. Он направил против них значительное войско во главе с Иоанном по прозвищу Кирт (Горбатый. — *Прим. пер.*). Этот Иоанн за какую-то провинность заточил Юстина в узилище с намерением предать его смерти на следующий день, но совершить это помешало явившееся ему между тем видение. По словам стратига, во сне к нему явился некто громадного роста и во всех прочих отношениях гораздо более могущественный, нежели обычный человек. И это видение приказало ему освободить мужа, которого он в тот день вверг в узилище. Поднявшись ото сна, он не придавал значения ночному видению. С наступлением следующей ночи ему показалось, что он во сне вновь слышит слова, услышанные им ранее. Но и тогда он не подумал исполнить повеление. И в третий раз явившись к нему во сне, видение грозило уготовить ему страшную участь, если он не выполнит приказанного, и добавило при этом, что впоследствии, когда его охватит гнев, ему чрезвычайно понадобятся этот человек и его родня. Так довелось тогда Юстину остаться в живых, а с течением времени этот Юстин достиг большой силы. Ибо василевс Анастасий поставил его во главе придворной стражи. Когда же василевс покинул этот мир, он сам в силу власти, которой располагал, достиг царского престола, будучи уже стариком, близким к могиле. Чуждый всякой учености, он, как говорится, даже не знал алфавита, чего раньше у римлян никогда не бывало. И в то время, когда в обычае было, чтобы василевс прикладывал собственную руку к грамотам, содержащим его указы, он не был способен ни издавать указы, ни быть сопричаст-

ным тому, что совершается. Но некто, кому выпало быть при нем в должности квестора, по имени Прокл вершил все сам по собственному усмотрению. Но чтобы иметь свидетельство собственноручной подписи василевса, те, на кого это дело было возложено, придумали следующее. Прорезав на небольшой гладкой дощечке контур четырех букв, означающих на латинском языке “прочитано” (*legi. — С. Д.*), и обмакнув перо в окрашенные чернила, какими обычно пишут василевсы, они вручали его этому василевсу. Затем, положив упомянутую дощечку на документ и взяв руку василевса, они обводили пером контур этих четырех букв так, чтобы оно прошло по всем прорезам в дереве. Затем они удалялись, неся эти царские письмена.

Так обстояло у римлян дело с Юстином. Жил он с женщиной по имени Луппкина. Рабыня и варварка, она была в прошлом куплена им и являлась его наложницей. И вместе с Юстином на склоне лет она достигла царской власти (Юстин привык к ней, освободил, официально женился, но смешно звучащее имя Луппкина императрице поменяли на более пристойное — Евфимия. — *С. Д.*)

Юстин не сумел сделать подданным ни худого, ни хорошего, ибо был он совсем прост, не умел складно говорить и вообще был очень мужиковат¹.

Для описания жизни Юстина до его восшествия на трон Прокопию хватило буквально нескольких абзацев. Других сведений о Юстине немного: как и в случае с Юстинианом, его биографию мы более или менее достоверно знаем только на период правления. Несмотря на свою «мужиковатость», Юстин, пусть и не вкушивший плодов учености, отличался сообразительностью и способностями. Скорее всего, для зачисления на службу с оружием в руках, тем более близ особы императора, юноша проходил какое-то собеседование и проверку. Свое влияние на положительное решение вопроса мог оказать тот факт, что Юстин был не «варваром» наподобие готов, а давно романизированным и почти земляком императора (Лев I происходил из фракийского племени бессов).

Мы не сильно погрешим против истины, если предположим, что дело обстояло примерно так. В один из приездов Юстина на родину родители Петра Савватия попросили

¹ «Тайная история». VI. Цит. по: *Прокопий*. Войны. С. 261. Следует помнить, что «Тайная история» являлась «псогосом», поношением в адрес Юстиниана. Закон жанра требовал безусловного очернения.

дядю взять племянника с собой и помочь ему. Неизвестно точно, когда Петр прибыл в столицу. А. Васильев предполагал, что он приехал к дяде двадцатипятилетним, то есть примерно в 507 году, Г. Л. Курбатов давал десятилетие ранее¹. В любом случае произошло это на рубеже V и VI веков. Для нас важно одно: когда Петр Савватий приехал в Константинополь, его дядя уже давно «делал карьеру» в столице и немало на этом поприще преуспел². В Константинополе тогда царствовал уже Анастасий. Правление его было долгим и насыщенным разного рода событиями. Именно при дворе Анастасия будущий император Юстиниан досконально познакомился со сложностями государственного управления и воочию увидел, как должен (или не должен) действовать государь.

Анастасий был человеком дальновидным, осторожным, думающим (что отмечали даже его враги), но и у него случались ошибки. На троне римских владык он оказался весьма неожиданно. Его предшественник Зинон умер 9 апреля 491 года. Согласно одной из версий, когда император-варвар в очередной раз упился вином, его выдали за мертвого и похоронили. Через некоторое время из каменного саркофага в ектирии храма Святых Апостолов стали доноситься вопли. Об этом доложили жене, императрице Ариадне, но та не торопилась вскрывать гроб, и «покойник» успел задохнуться.

Рассказанное — выдумка в духе тех, которыми изобилует античная история, но возникла она не на пустом месте. Зинона не слишком любили в народе прежде всего потому, что римляне изрядно тяготились варварским засильем. События на Западе, походы вроде бы подчиненных империи готов на Константинополь, своеволие горцев-исавров и гигантские суммы, собиравшиеся с подданных на общественные нужды, но уходившие варварам (как заграничным, так и своим), — все это вызывало отторжение у романизированного населения страны, особенно в столице.

Власть об этом, бесспорно, знала. В Византии существовал целый ряд каналов «обратной связи». Одним из самых действенных были аккламации — ритмические хоровые

¹ *Vasiliev*, 1950. P. 93; *Курбатов*, 1991. С. 223.

² Информации о том, как и где служил Юстин при Зиноне, нет. Но совершенно очевидно, что за 20 лет он продвинулся по службе и получил немалый опыт, иначе не смог бы стать ипостратигом Иоанна Кирта в исаврийской войне (см. далее).

выкрики собравшейся в одном месте толпы. Таким местом становился цирк или ипподром (театр), на худой конец — городская площадь.

Сегодня искусством аккламаций владеют лишь футбольные фанаты, но им далеко до ромеев, которые были способны выкрикивать хором достаточно длинные тексты. Более того, в византийское время аккламации являлись своеобразным способом диалога: руководители заинтересованных групп (в V—VI веках, как правило, цирковых партий, димов) готовили своих сторонников, и те выучивали тот или иной вариант крика, выдававшийся в зависимости от ответа глашатая на предыдущий. Это не только не запрещалось, но даже поощрялось властью: еще в эдикте Константина Великого (331) говорилось: «Мы предоставляем всем возможность прославлять в общественных местах наиболее справедливых и усердных правителей, с тем чтобы мы могли соответствующим образом вознаградить их, и, напротив, предоставляем право обвинить несправедливых и негодных правителей путем возглашения жалоб, с тем чтобы сила нашего контроля воздействовала на них, ибо, если эти восклицания действительно отражают истину, а не являются инспирированными возгласами клиентов, мы тщательно будем расследовать их, причем префекты претория и комиты должны доводить таковые до нашего сведения»¹.

Безусловно, лучшие возможности влиять на решения правителей имело население Константинополя. Требования предъявлялись императору или сановникам на ипподроме, в дни ристаний или собраний по такому важному поводу, как смерть властелина. Соответственно, после смерти Зинона народ, собравшийся, по обыкновению, на ипподроме, начал хором выкрикивать, обращаясь к высшим сановникам и императрице Ариадне: «Дай государству православного императора! Дай государству императораримлянина!» — то есть, натерпевшись от Зинона, цирковые партии не хотели ни варвара, ни человека, нетвердого в православии. В итоге императором стал чиновник не слишком высокого ранга, силенциарий Анастасий родом

¹ Чекалова, 1997. С. 163. Каких-либо специальных разрешений на такие публичные мероприятия не требовалось. Как сильно это отличается от нашего настоящего, да и прошлого! По преданию, Николай I как-то сказал: «Я не только не позволю никому ругать мое правление, но я не позволю и его хвалить. Я никому не позволяю вмешиваться в свою работу».

из Диррахия. Последующее правление продемонстрировало его немалые административные способности. Кроме того, он, возможно, нравился императрице.

Официально засвидетельствованного принципа наследования власти в Византии первых веков не было. Это не мешало правившему императору назначать преемника (доказательством чему были несколько династий), но формально носителя верховной власти избирали¹. Законы, регламентирующие порядок таких выборов, до нас не дошли. Из сохранившихся описаний церемонии венчания мы можем сделать два вывода. Во-первых, процесс включал в себя две части: собственно избрание, то есть определение кандидатуры, и провозглашение — публичное одобрение этой кандидатуры сенатом, народом, войском, а со временем и церковью. Во-вторых, сама церемония не имела канонически установленного порядка проведения и от венчания к венчанию менялась². Одних императоров провозглашали в пригородах Константинополя на поле, называвшемся «Евдом» (месте проведения армейских торжеств), других — на столичном ипподроме, третьих — во внутренних помещениях дворца. До VII века непременным атрибутом венчания было поднятие провозглашаемого на щите; при этом на его голову возлагали золотую шейную цепь офицера-кампидуктора. Знаменосцы наклоняли к земле штандарты, народ выкрикивал приветствия и пожелания в форме тех же хоровых аккламаций. Новый император должен был назвать размер донатива (денежного подарка) солдатам. С середины V столетия в церемонии венчания обязательно участвовал константинопольский патриарх, позднее он требовал от провозглашаемого клятвы в верности православию и собственноручно подписанного исповедания веры.

Вот как рассказал о воцарении Анастасия один из крупнейших российских византинистов Юлиан Кулаковский, опиравшийся на труд византийского императора X века Константина Багрянородного:

«Вечером в день смерти Зенона в портике пред большой обеденной залой дворца собрались высшие сановники, чле-

¹ В. Е. Вальденберг подсчитал, что, по крайней мере, от Аркадия и до конца VII в. большая часть императоров (22 из 28) были формально избраны, даже если на кандидата прямо указывал правивший государь: *Вальденберг*, 2008а. С. 34, 50—54.

² По данному непростому вопросу есть много работ, например: *Вальденберг*, 2008а, *Острогорский*, 1973, *Чекалова*, 2003, *Барсов*, 1883. См. также: *Вальденберг*, 2008. С. 413, 415; *Калделлис*, 2015. С. 166, 167.

ны синклита (сената. — *С. Д.*) и патриарх. Одновременно с тем на ипподроме собрался народ и занял обычные места, распределившись по партиям. Туда же явились войска и встали на своем месте. Из толпы раздались крики с требованием поставить нового императора на опустевший престол. По совету сановников императрица Ариадна сделала выход на кафизму ипподрома. Она была облечена в царскую порфиру и вышла в сопутствии обоих препозитов, магистра оффиций и других высших чинов, которым полагалось смотреть на ристания с царской кафизмы, и некоторых кубикуляриев. Вместе с царицей вышел также и патриарх Евфимий. Остальные чины двора стали лицом к императрице пред решеткой и на ступенях подъема к кафизме, где во время ристаний полагалось стоять скороходам. Гражданские чины (*χαρτουλαριοι*) стояли направо, военные — налево, и все распределились по своим чиновным рангам. Появление августы было встречено возгласами: “Ариадна августа, твоя победа” (*συ νικης*), пением “Господи, помилуй”, многолетиями и криком: “Православного царя для вселенной!” Царица встала на ступени пред тронем и через глашатая, читавшего по заранее приготовленному тексту, обратилась к собравшимся с речью, в которой объявила, что, предваряя просьбы народа, она заранее отдала приказание, чтобы сановники и синклит, в согласии с войском, избрали императором христианина, прирожденного римлянина, украшенного царской доблестью, свободного от корыстолюбия и других страстей, свойственных человеческой природе. Верноподданнические возгласы покрыли голос глашатая. Когда тишина опять водворилась, глашатай стал читать дальше о том, что в обеспечение безупречности избрания и угодности его Богу высшие сановники и сенат должны, в согласии с суждением войска, произвести выбор в присутствии патриарха, пред святым Евангелием, и все участники совещания должны помышлять только о благе государства, отложив всякие личные помыслы и счеты. В заключение царица просила народ не торопить избрания, чтобы дать возможность совершиться в должном порядке и благочинии погребению почившего императора Зенона. Из толпы раздались возгласы: “Славная Пасха миру! Порядок и благочиние городу! Многие лета царице! Прогони вон вора префекта города! Многие лета царице! Храни, Боже, ее жизнь! Все блага да будут тебе, римлянка, если ничто чужое не умножит род римлян! Царство твое, Ариадна августа! Твоя победа!”

В ответ на эти приветствия императрица, вознеся благодарение Господу Богу за свое единение с народом, возвестила о назначении префектом города Юлиана. После благодарственных криков толпы царица повторила обещание избрать на царство человека православного и безупречного (ἀγνόν) и речь ее закончилась словами: “Да не будет места вражде, и да не смутит она течение этого прекрасного единения и благочиния”.

Выход был закончен. Царица вернулась во внутренние покои, а сановники и синклит с патриархом составили заседание, расположившись на скамьях пред Дельфаком (внутренний двор или зал Большого дворца, украшенный колоннами, привезенными из Дельф. — С. Д.), и стали обсуждать вопрос о кандидате на престол. Начались споры и препирательства. Тогда препозит Урбикий предложил собранию предоставить выбор императрице. По поручению собрания патриарх Евфимий передал Ариадне это решение собрания. Царица избрала силенциария Анастасия. Выбор был одобрен всеми сановниками, и немедленно вслед за тем магистр оффиций приказал комитам доместиков и протекторов отправиться на дом к Анастасию и привести его во дворец. Его поместили в зале консистория.

На следующий день совершилось погребение Зенона, а вечером того же дня были сделаны распоряжения о назначении на утро силенция и конвента сановников. Все собрались в парадных белых одеждах. Туда же явился патриарх Евфимий. Анастасий приветствовал входивших и затем, в соупутствии всех собравшихся, вышел в портик, примыкавший к большому триклинию. Анастасий стал посредине портика. Сановники и члены сената предложили ему дать клятву, что он не сохранит ни против кого раздражения и злобы и будет править по чистой совести. Анастасий дал требуемую клятву. Шествие направилось из портика в триклиний, где обыкновенно сановники приветствуют императора при его выходе на ристания. Анастасий был облечен в императорские одежды: белый с золотыми клавиами дивитисий, поножи, τουβία, и пурпурные башмаки, и с открытой головой прошел на кафизму.

Войска, стоявшие на своем месте под кафизмой, держали опущенными на землю копья и знамена. Народ стоял на скамьях, с которых обыкновенно смотрел на ристания. Из толпы раздавались возгласы в честь императора. Анастасий встал на щит. Кампидуктор полка ланциариев возложил на его голову свою золотую цепь, сняв ее с шеи. Щит был

поднят кверху. Одновременно с тем поднялись копья и знамена при громких криках солдат и народа. Сойдя со щита, Анастасий прошел назад в триклиний. Здесь патриарх совершил молитву, облек императора в порфиру и возложил на него украшенную драгоценными камнями царскую корону. После того Анастасий появился опять на кафизме, уже в короне и порфире. Народ и войска приветствовали его восторженными криками, а император посылал рукой поцелуи народу. Затем ему подали “ливеллярий” с текстом обращения к народу, и он передал его глашатаю, который стал читать во всеуслышание следующее: “Ясно, что человеческая власть зависит от манования свыше. Всемилостивейшая августа Ариадна по собственному решению, выбор блистательных сановников и сената, согласие победоносных войск и ‘святого’ народа принудили меня, против воли и вопреки отказам, принять на себя заботу о римском царстве, вручая себя милосердию Святой Троицы. Какое бремя за общее благо легло на меня, это я знаю. Молю Вседержителя Бога, чтобы мне оказаться в моей деятельности таким, каким в вашем единодушном избрании надеялись вы меня видеть. Ради торжества моего счастливого воцарения я дам вам на человека по пяти номизм и по фунту серебра¹. Да будет с вами Бог”. Эта речь была неоднократно прерываема восторженными возгласами толпы в честь императора и императрицы. Среди многолетий раздавались крики: “Как ты жил, так и царствуй! Безупречных правителей миру! Подними свое войско! Сжался над своими рабами! Изгони доносчиков! Царствуй, как Маркиан!” По окончании выхода император в сопровождении всех сановников направился в Софийский храм. В нарфике он снял корону и передал ее препозиту; взойдя затем в алтарь, возложил ее на престол и поднес дары на храм. Вернувшись в мутаторий, он надел на себя корону и направился во дворец. Церемония закончилась отпусанием сановников, а затем был обед, на который были приглашены избранные.

Так совершилось, по официальной записи, поставление на царство Анастасия»².

Новый император довольно скоро прекратил все выплаты исаврам, и те подняли мятеж. Буйства в Константинополе были немедленно пресечены. Столичная собствен-

¹ Если предположить рацию между золотом и серебром 1:14, то это две примерно равные суммы в разном металле.

² Кулаковский, 2004. Т. I. С. 395.

ность исаврийской знати была конфискована и продана с торгов (вплоть до имущества покойного Зинова, включая одеяния). Влиятельных исавров выслали прочь из Города.

Ответом явилось масштабное восстание в самой Исаврии. На его подавление ушло несколько лет. Исавры были разгромлены, их крепости — срыты. Именно тогда под началом магистра войск Иоанна Кирта и служил ипостратигом Юстин из Бедерианы. По нынешним временам ипостратиг в такой кампании — должность генеральского ранга.

Если правление Льва и Зинова было наполнено буйством германцев и исавров, то при Анастасии появились другие варвары. Примерно в то время, когда Петр Савватий заканчивал учиться грамоте, на земли империи стали нападать авары, славяне и древние болгары¹. Предвещая новую варварскую волну, которая едва не затопила империю при преемниках Юстиниана, они рвались через Дунай. В 493 году, отражая набег «скифов» (скорее всего, славян), в ночном сражении погиб магистр войск Фракии Юлиан. Спустя несколько лет, в 499 году, «геты» (болгары) разгромили во Фракии пятнадцатитысячный отряд Ариста, магистра войск Иллирика. Фракия осталась без защиты. В 502 году славяне и болгары разграбили ее снова, а пятнадцать лет спустя дошли до Македонии и Эпира. Анастасий послал тысячу либр префекту претория Иллирика для выкупа пленных, но, поскольку денег не хватило, наши предки развлекались, заживо сжигая римлян в их домах или убивая у городских стен².

Неспокойно было и в южных владениях, на которые с конца V века начались разорительные набеги арабов. С этими племенами история непростая. Еще при Льве в Константинополь прибыл некий арабский правитель, который снискал благосклонность императора и как желающий принять христианство получил право сидеть на острове Иотаба (ныне — Тиран), запиравшем вход в Акабский залив Красного моря. Арабы стали собирать там пошлины с купцов. Анастасий решил это прекратить и в 497 или 498 году отвоевал Иотабу обратно, посадив там римских таможенных чиновников. Но столкновения с арабами про-

¹ Название «болгары» носило одно из гуннских племен, подчиненных Западно-Тюркскому каганату. См.: *Артамонов*, 2001. С. 221—237.

² *Марцеллин Комит*. Год 517. С. 82.

должались до 502 года — только тогда римляне смогли заключить мир с арабами государства Киндитов, главенствовавшими на границах с империей.

В том же 502 году, после долгого 60-летнего мира, началась война с противником действительно страшным — сасанидским Ираном. Персидский шаханшах (царь царей) Кавад потребовал от Анастасия причитавшиеся по договору 442 года деньги за охрану кавказских проходов, поскольку при Зиноне империя эти выплаты прекратила. Иран же крайне нуждался в средствах для войны с соседним государством гуннов-эфталитов¹.

Император насмешливо выразил готовность принять от шаха долговое обязательство, написав: «Если ты просишь займы, я тебе пошлю, если же по обычаю, то я не пренебрегу войсками ромейскими, занятыми войной с исаврами, для того, чтобы быть помощью персам»². Это было воспринято как оскорбление: в Константинополе знали, что для Кавада кампания против эфталитов была в каком-то смысле личным делом, поскольку отец шаха Пероз пал в сражении с ними.

Кавад в ответ двинул одну армию в Армению и быстро захватил Феодосиополь (Эрзерум), а затем Мартирополь. Второе войско во главе с арабским царем династии лахмидов Нуманом (Нааманом) вторглось в Месопотамию, собрало там огромную добычу и многочисленный полон.

Осенью персы подступили к важной крепости Амиде (Диарбекир) и начали ее осаду. Крепость сражалась, но в январе 503 года, после нескольких штурмов и отчаянных уличных боев, перешла в руки врага.

Оборона Амиды задержала продвижение неприятеля вглубь страны и позволила византийцам собраться с силами. Кавад, в свою очередь, не мог двигаться дальше из-за больших потерь и пытался договориться с ромеями, но Анастасий решил продолжить войну.

Весной 503 года кампанию против персов начал Ареовинд, сын Дагалайфа, затем командование принял патри-

¹ В 484 г. истек 120-летний срок владения персами Нисибисом (перешедшим к ним по условию соглашения с Иовианом), но город ромеям возвращен не был. Согласно хронисту Иешу Стилиту, именно на этом основании персам перестали платить — достаточно-де им податей, которые они несправедливо собирают с Нисибиса (Хроника Иешу Стилита. Пар. 18. См.: *Лигулевская*, 2000. С. 576).

² Хроника Иешу Стилита. Пар. 23. Цит. по: *Лигулевская*, 2000. С. 578.

кий Келер. В 506 году разгромленный Кавад согласился на семилетнее перемирие — хотя ежегодная выплата в размере 550 либр золота была возобновлена, да и удерживаемую до последнего Амиду персы вернули за выкуп еще в тысячу либр¹. Юстин принял участие в этой войне, будучи комитом военных дел (*comes rei militaris*).

По окончании войны римляне возвели на персидской границе новый укрепленный город Анастасиополь (Дару). Император распорядился платить рабочим и начальникам в несколько раз больше обычного², и люди работали весьма усердно. В итоге за считанные месяцы были построены не только стены, но и водопроводы, цистерны для воды, общественные здания — в том числе бани и церкви. Руководил строительством местный епископ Фома. Анастасий вообще строил достаточно много. «Он возвел во всех городах Римского государства различные общественные здания, оборонительные стены и водопроводы, очистил гавани и построил с фундамента общественные бани, а также многое другое каждому городу предоставил»³, — повествовал хронист Иоанн Малала. Учитывая условия, в которых находилась империя рубежа V—VI веков, это было немалым достижением. По велению императора оборона Константинополя была усилена Длинной стеной — укреплением, протянувшимся на полсотни километров от Черного до Мраморного моря по полуострову, на котором стояла столица. Петр Савватий внимательно слушал рассказы о стройках Анастасия и наверняка взял на заметку его методы — во всяком случае, нечто похожее Юстиниан позднее применит при сооружении собора Святой Софии в Константинополе.

Тем временем на Западе происходили столкновения между имперскими войсками и Теодорихом. В 505 году комит Теодориха Питцам и вождь гепидов Мунд нанесли

¹ *Евагриий*, примечание 2 на с. 244; «Война с персами». I. IX. См.: *Прокопий*. Войны. С. 26. Об этой войне подробно см. в: *Пигулевская*, 2000. С. 128—179. Ужасы, которые пришлось пережить амидянам из-за голода во время осады, описал Иешу Стилит (Хроника Иешу Стилита. Пар. 76. См.: *Пигулевская*, 2000. С. 609).

² Рабочий получал в день 4 кератия, то есть шестую часть солида (это вчетверо больше обычного), рабочий с ослом — 8 кератиев. См.: *Пигулевская*, 2000. С. 75, 555.

³ В противоположность этой характеристике Г. Л. Курбатов, ссылаясь на данные археологии, полагает, что объемы строительства при Анастасии снизились: *Курбатов*, 1991. С. 181.

поражение магистру войск Иллирика Савиниану, после чего Сирмий, на который претендовал Анастасий, перешел к готам. Соседняя Дардания опять не пострадала. Через три года эскадра из Константинополя совершила набег на Тарент: византийцы воспринимали Италию, формально находившуюся под властью Анастасия, как землю врага, которую можно невозбранно грабить! «Они принесли Цезарю Анастасию позорную победу, которую римляне одержали над римлянами с пиратской дерзостью», — возмущался хронист Марцеллин Комит¹. Теодорих же старался не усугублять противостояние с Константинополем и отправил на Восток письмо, выдержанное в самом подобострастном стиле. Оно дошло до нас в изложении одного из последних античных писателей Флавия Магна Кассиодора: «Всемиловитейший император! Нам следует стремиться к охранению мира, тем более что у нас нет и поводов к вражде. Мир — вожеленное благо для всякого государства, в нем преуспевают народы, им и охраняются интересы государств. Мир воспитывает изящные искусства, умножает род людской, дает обилие средств, улучшает нравы. Кто не ценит мира, тот выдает себя не понимающим таких прекрасных вещей. Поэтому вашему могуществу и чести вполне соответствует, чтобы я искал единения с вами, пользуясь доселе вашей любовью. Ибо вы составляете собой лучшее украшение всех царств, спасительную охрану всего мира, на вас по справедливости с благоговением взирают прочие государи, признавая в вашей власти нечто чрезвычайное, в особенности же я, Божией помощью восприявший уроки в вашей империи относительно способов справедливого управления римлянами. Наше королевство есть ваше подобие, форма прекрасного образца, экземпляр единственной империи: насколько мы подражаем вам, настолько превосходим другие народы. Часто вы увещевали меня любить сенат, соблюдать законы императоров, соединить разрозненные члены Италии. Как же вы допустите не участвовать в священном мире того, кого желаете соблюсти в ваших обычаях? И уважение к достопочтенному Риму не может быть совместимо с мыслью о разделении того, что соединено общностью имени. Верим, что вы не допустите, чтобы существовал какой-либо повод к несогласию между двумя республиками, которые всегда составляли одно целое при древних царях. Они не только должны быть соединены

¹ *Марцеллин Комит.* Год 508. С. 78.

между собой возвышенной любовью, но и взаимно оказывать одна другой поддержку. Да будет всегда одна мысль об единой римской империи»¹.

Теодорих стремился удержать Анастасия от активных действий, поскольку не хотел лишних проблем. Положение завоевателей в Италии и без того было не очень стабильным, поскольку старая римская аристократия, как и православное население в целом, в штыки восприняла владычество ариан-готов и находилась с ними в состоянии непрекращающейся политической борьбы. В этой ситуации готы были очень заинтересованы в поддержке со стороны Византии, а монофиситствующий Анастасий конфликтовал по вопросам веры с римской церковью, верхушка которой формировалась как раз из рядов местной аристократии. С северо-запада государству Теодориха угрожали франки. И, скорее всего, не случайно Анастасий прислал грамоту о консульском сане королю франков Хлодвигу².

Внутренняя политика Анастасия была активной и сопровождалась реформами. Одни себя оправдали, другие привели к негативным последствиям, исправлять которые пришлось уже Юстиниану. Но в целом, если сравнивать Анастасия с другими императорами V века, его действия оказались гораздо более продуманными, взаимосвязанными и направленными на упорядочение государственных дел: крайние сроки сбора налогов были установлены жестко (1 января, 1 мая и 31 августа), усилена отчетность чиновников как мера борьбы с коррупцией³. Император пытался оптимизировать бюджетные расходы, налоговую политику (именно он препоручил сбор налогов виндикам, сняв эту обременительную обязанность с куриалов, — придя к власти, Юстиниан это новшество отменит), следил за предоставлением освобождений от податей жителям местностей, пострадавших от стихийных бедствий или войн. В отличие от предшественника, практиковавшего продажу должностей, Анастасий этого избегал. Он контролировал деятельность судей (в том смысле, что боролся с продажными приговорами). Анастасий отменил очень тягостный

¹ Цит. по: *Успенский*, 2011. Т. I. С. 239, 240. Будучи квестором священного дворца, Кассиодор, скорее всего, и являлся автором текста.

² Имя Хлодвига не было внесено в официальные списки, но он, подобно настоящим консулам, устроил торжественный выезд в Туре, бросая народу монеты.

³ *Серов*, 2000. Впрочем, есть и другое мнение: *Курбатов*, 1991. С. 181. См. также: *Серов*, 2009. С. 55—60.

для населения налог «хрисаргир» (*auri lustralis collatio*), платившийся в монете с каждого, кто занимался каким-либо ремеслом, а взамен сделал денежной аннону — налог, ранее взимавшийся в натуральном виде, — и стал применять синону (*соётрпtio*) — закупку продовольствия по фиксированным, назначенным государством ценам.

Впрочем, отмена налога не всегда облегчала жизнь народу. Хронист Иешу Стилит очень подробно описывал, как, несмотря на отмену податей, население все равно страдало от самоуправства размещенных на постой войск, которые грабили, объедали, а случалось, и убивали жителей. Это, разумеется, лишь один пример, но вряд ли готские федераты где-нибудь во Фракии вели себя иначе, нежели в сирийской Эдессе: «Так как с первого дня, как они прибыли, они ели не свое, они стали жадны в пище и питье. Те из них, которые пировали наверху домов, выходили ночью, оглушенные множеством вина. Они шагали, бросались в пустоту и в злой кончине покидали жизнь. Иные сидели и напивались, впадали в сон, падали с высоты домов и умирали на месте. Другие умирали в своих постелях от объедения. Иные кипящую воду плескали в уши тех, которые им прислуживали, из-за малого проступка. Другие приходили в сад, чтобы собрать зелень, и если садовник вставал, чтобы запретить им брать, они поражали его насмерть стрелой, а кровь его оставалась безнаказанной. Когда возрастала их злоба и не было никого, кто бы их удержал, охваченные гневом, они убивали друг друга, так как те, у кого они жили, обращались с ними с большой осторожностью и делали все по их желанию, чтобы не дать им возможности причинять зло. Что среди них были такие, которые жили упорядоченно, не может быть скрыто от твоего ведения, потому что не могло быть, чтобы в столь большом, как это, войске не встретились бы и такие. Злые деяния возросли до того, что и среди эдесситов те, кто были дерзки, сделали нечто недолжное. Ропот против магистра они записали в хартиях и в общественных местах города вывесили их тайком. Когда магистр (Келер. — С. Д.) об этом услышал, он не разгневался, хотя и мог, не разыскивал того, кто это сделал, и городу не захотел причинить никакого зла по своей мягкости, но приложил большое старание, чтобы скорее и короче покинуть Эдессу»¹.

¹ Хроника Иешу Стилита. Пар. 95. Цит. по: *Лигулевская*, 2000. С. 617.

В 498 году произошла денежная реформа: к серебряным и золотым добавилась медная монета нового образца — фоллис номиналом 40 нуммиев¹. Сначала он был относительно легким, около 10 граммов, но затем потяжелел примерно вдвое. Этот тип монеты с обозначением номинала на оборотной стороне (40 нуммиев — буквой М по-гречески или XXXX — римскими цифрами) продержался несколько веков.

Прокопий в «Тайной истории» сообщает, что ко времени смерти Анастасия фиск накопил 320 тысяч фунтов золота — почти 105 тонн!²

Российский исследователь В. В. Серов отметил одну интересную особенность: авторы «Кодекса Юстиниана» (о нем будет сказано в свое время) среди бесчисленного множества императорских конституций старались не отбирать для кодификации законы Анастасия. Возможно, это было вызвано ревностью Юстиниана к административным талантам предшественника своего дяди³.

Много и тщательно занимаясь вопросами гражданского управления, Анастасий старался действовать сравнительно мирно. Церковный историк Евагрий говорит, что император отличался человеколюбием и не желал, чтобы «совершалось что-либо, пусть даже великое и достойное

¹ Это позволило, по подсчетам В. В. Серова, сэкономить около 100 т бронзы, или чуть более 200 фунтов золота (Серов, 2000. С. 152), то есть почти ничего. Но следует отметить, что идея крупного фоллиса была, несомненно, удачной. О колебаниях веса этой монеты см.: Шувалов, 2015. С. 27.

² Тайная история. XIX. См.: Прокопий. Войны. С. 313. В. В. Серов (Серов, 2000. С. 175—179 или Серов, 2011. С. 14) подвергает это сообщение сомнению, оценивая золотой запас казны в 30—60 тыс. либр золота и полагая, что Прокопий привел сведения не о золоте, а обо всех активах фиска. Но если все же 105 тонн? Много это или мало? Согласно официальным данным Всемирного золотого совета на март 2018 г., это даже больше, чем золотой запас таких стран, как Корея, Румыния или Польша; для сравнения: золотой запас России (наша страна считается одним из лидеров по золотому запасу) составлял на март 2018 г. 1857,7 т, а, например, примерно десятью годами ранее он был чуть более 400 т. Однако такое «лобовое» сопоставление не очень корректно: суммарное количество золота, добытое человеком к VI столетию, было несопоставимо меньше количества, которым мы располагаем сейчас, и если Прокопий не преувеличивал или не прибавлял к реально собранному золоту стоимость других государственных активов (например, запасов продуктов или оружия), собранные Анастасием средства были по тем временам гигантскими.

³ Серов, 2009. С. 55—60.

упоминания, если [при этом] прольется хоть капля крови»¹. Насчет «некровопролития» с Евагрием можно поспорить. Даже если взять один лишь Константинополь, кровавые мятежи в нем сопровождали почти все царствование Анастасия.

Самым крупным из них стало восстание фракийских войск, продолжавшееся несколько лет и едва не стоившее императору власти. Согласно византийским источникам, в 513 или 514 году комит федератов Виталиан, герой персидской войны, объявил себя защитником православной веры и выступил против Анастасия, монофиситские симпатии которого не были секретом. Заручившись поддержкой болгар и славян, Виталиан возмутил своих подчиненных, используя в качестве повода сокращение выплат фракийским федератам, среди которых было много его соплеменников-готов. Полководец захватил государственные средства, хранившиеся во фракийском Одессе, оделил деньгами солдат и подступил к Золотым воротам Константинополя. Начальник фракийских войск Ипатий, племянник августа, не смог организовать сопротивления. В Городе на стенах домов были во множестве развешаны кресты и прокламации, убеждавшие жителей в православии императора и объяснявшие, почему нельзя поддаваться на уговоры Виталиана. Тот же поставил условием снятия осады «восстановление православия» и требовал, ни много ни мало, решения вопросов веры с участием представителей римского епископа. Анастасий, видимо, подкупил командиров Виталиана (Марцеллин Комит упоминает о каком-то «введении в заблуждение»²), и через восемь дней мятежники отступили.

Против Виталиана отправился с огромной армией полководец Кирилл, однако в самом начале похода враги захватили его и закололи в собственном шатре («между двумя любовницами», — сообщает пикантную подробность Марцеллин Комит³). На место Кирилла заступил Ипатий. Вскоре его огромное (по разным оценкам, от 65 до 80 тысяч) войско было разгромлено, а сам он попал в плен.

Мятежники вновь осадили столицу, угрожая штурмом. Помимо денег и новой должности для себя, Виталиан за-

¹ *Евагрий*. III. 34. С. 240. Евагрий симпатизировал Анастасию, так как сам был, как и Анастасий, монофиситом.

² *Марцеллин Комит*. Год 514. С. 80.

³ *Марцеллин Комит*. Год 508. С. 80.

просил возвращения из ссылки недавно низложенного патриарха Македония II, и Анастасий принял эти условия. По требованию мятежников в соблюдении этого договора поклялся не только император, но также синклит, командиры дворцовых школ и «архонты народа», то есть главы цирковых партий. Получив клятвы, а также золото (две тысячи либр!) и титул военного магистра Фракии, Виталиан отступил.

Анастасий начал затягивать выполнение данных обещаний. Решение о назначении Виталиана магистром он и вовсе отменил. В ответ на упреки в обмане император заметил, что правитель в случае нужды вправе нарушить любую клятву¹. В 515 году Виталиан подошел к столице в третий раз, но Анастасий двинул на корабли мятежников свой флот. В морском бою Виталиан был разбит, после чего скрылся², а остатки его армий присягнули императору.

Есть и другая версия событий, согласно которой главной причиной первой фазы мятежа стало сокращение анноны, а во втором и третьем походах Виталиана приняли участие не фракийские войска империи (не желавшие поднимать оружие против собственного государства), а задунайские варвары, нанятые Виталианом за деньги³. Для нас этот мятеж важен тем, что финальный разгром Виталиана осуществил дядя Петра Савватия Юстин. За свои заслуги он получил должность комита экскувитов, возглавив таким образом службу, в которую поступил рядовым сотрудником несколько десятилетий назад.

Виталиан не случайно использовал в качестве предлога борьбу за чистоту православия. Император Анастасий был в этом плане человеком непростым. Еще при восхождении на престол он объявил, что основанием веры считает решения Халкидонского собора, хотя сам не слишком скрывал свои симпатии к монофиситству. Византийский летописец Феофан упоминает о том, что еще при Зиноне «православнейший Евфимий изгнал из церкви Анастасия силенциария,

¹ *Феофан*, год 6006. С. 126. Феофан подчеркивал дурные качества «еретика» Анастасия: согласно общепризнанным установкам, нарушать клятву, данную врагам, нельзя было ни при каких обстоятельствах: *Маврикий*. VIII. А (37). С. 149; *Лев*. Тактика. XX. 39. С. 312.

² Греческие историки Иоанн Малала (кн. XVI) и Иоанн Никиусский (гл. LXXXIX) сообщают о том, что флот мятежников был сожжен горючим составом, в который входила сера (первый зафиксированный случай применения «греческого огня?»). См.: *Евагрий*. С. 497, 498, 561.

³ См.: *Глушанин*, 1991. С. 170—173.

который впоследствии дурно правил царством, как еретика и единомышленника Евтихиева: заметивши бесчинство его в церкви, он опрокинул сидение его в ней и грозил, если не уймется, остричь ему голову и пустить на посмеяние народу... При восшествии на престол Анастасия, патриарх Евфимий, не признавая его достойным царствовать над христианами, потребовал от него письменного обязательства, что он ничем не станет потрясать Церкви и веры»¹.

Евагрий сохранил любопытное свидетельство о том, что религиозное единомыслие в отношении природы Христа на рубеже V и VI веков, после бурных событий предшествующих лет, просто-напросто отсутствовало. Сам же Анастасий, исповедуя один из вечных принципов управления «работает — не трогай», старался в вопросах веры не усердствовать. Успеха он, впрочем, не стяжал: «...будучи миролюбивым (Анастасий. — С. Д.), совсем не желал вводить что-либо новое, и прежде всего в церковный порядок. И он всеми способами стремился, чтобы святейшие Церкви жили без смут... Действительно, собор в Халкидоне в те времена не провозглашался открыто в святейших Церквях, но, впрочем, и не отвергался совершенно. А каждый из предстоятелей действовал так, как он привык верить. Некоторые мужественно защищали его постановления, оставались верны каждой формуле из его определений... Другие же не только не принимали собора в Халкидоне и его постановлений, но подвергали... анафеме. Иные твердо держались за Энотические [послания] Зенона, хотя и расходились друг с другом относительно одной или двух природ... так что все Церкви обособились в своих областях и предстоятели не вступали друг с другом в общение. Поэтому произошел великий раскол и на Востоке, и в западных областях, и в Ливии...»²

Император осторожничал и позднее. Когда после мятежа Виталиана папа прислал на планируемый Вселенский собор список анафематствуемых лиц, Анастасий подтвердил проклятия Несторию и Евтихию, но в отношении целого ряда недавно умерших монофиситских деятелей Востока отказал, предвидя беспорядки: дескать, не дело, когда из-за мертвых приходится плохо живым. Жесткая позиция папы была одной из причин того, что император, несмотря на обещания, собор так и не организовал: «Мы можем сне-

¹ *Феофан*, годы 5982, 5983. С.106, 107.

² *Евагрий*. С. 225—227.

сти, что нас обижают и вменяют в ничто, но мы не допускаем, чтобы нам отдавали приказания»¹.

Ко времени восстания Виталиана Петр Савватий жил в Константинополе уже несколько лет. Протекция дяди позволила начать ему карьеру в столице. Какие возможности перед ним открывались?

Римская империя была государством с развитой системой управления. Конечно, с реалиями любой сегодняшней развитой страны тот бюрократический аппарат нельзя и сравнивать, но «чиновников» было немало². Их условно можно разделить, причисляя ту или иную должность к военному, гражданскому, придворному и церковному ведомствам. «Условно» хотя бы потому, что, во-первых, некоторые должности совмещали в себе и гражданские, и военные функции, а во-вторых, отдельные военные чины стали исключительно придворными и их носители, образно говоря, могли десятилетиями не извлекать меча из ножен и не нюхать дыма походного костра (те же кандидаты). До нашего времени в средневековой копии дошел ценный источник по должностям обеих половин империи — *Notitia Dignitatum*. Он, правда, относится к началу V века, но для понимания масштаба возможностей, открывавшихся перед любым гражданином империи, вполне годен (ситуация вряд ли поменялась кардинально к правлению Анастасия). Так вот, там несколько тысяч (!) должностей для Востока и Запада. Штат только магистра оффиций Востока в середине V века составлял 1200 человек.

На вершине иерархии стоял император. Соответственно, немалое влияние имели люди, служившие близко к нему: аппарат двора и императорский совет (консistorий). Еще в западной и восточной половинах империй по-прежнему существовал сенат. И если сенат Рима в эпоху Анастасия уже не имел того влияния, каким обладал двадцатью-тридцатью годами ранее, то константинопольский по-прежнему был органом весьма важным. Изначально, в IV веке, сенат составляли высшие классы чиновников, носившие высшие титулы *illustres* (сиятельные), *spectabiles* (уважаемые), *clarissimi* (светлейшие; они приблизительно соответствовали бывшему сенаторскому сословию Рима). При этом увеличившиеся в числе клариссимы и спектабили потеряли право заседать в сенате с середины V века, то

¹ Кулаковский, 2004. Т. I. С. 441.

² Курбатов, 1991. С. 7.

есть произошла своего рода «инфляция титулов»: одних патрикиев и иллюстриев стало много. Был титул *perfectissimi* (совершеннейшие), который соответствовал бывшему сословию римских всадников; его носители в сенат не попадали. В середине VI века пришлось вводить еще один высший титул, *gloriosi* (точнее, *illustres gloriosi*, славные), для обозначения самых высокопоставленных иллюстриев: префектов претория, магистров армий и т. д. В состав сената могли также включаться лица совсем высокого титулования: *nobilissimi* (знатнейшие; люди, особо приближенные к императору, как правило, члены императорской семьи); *patricii* (патрикии; люди, отмеченные особыми заслугами, — их число в доюстинианово время было невелико).

Византийское общество отличалось «вертикальной подвижностью» в значительно большей степени, нежели современные ей раннефеодальные общества варварских королевств Европы. Правда, клановость никто не отменял и шансы получить назначение на хлебную должность у сынка сенатора или магистра были гораздо выше, чем у какого-нибудь мелкого землевладельца. Но тут в дело вступало одно важное обстоятельство, о котором говорилось ранее. Чтобы выдвинуться на военной службе, поступив туда юношей, достаточно было физической силы и хоть какой-то смекалки (тому примером Юстин). А вот для успешной гражданской или придворной карьеры этого уже не хватало: молодому человеку, помимо природных задатков, требовалось образование. Никто не доверил бы составление текста императорского рескрипта неучу и не допустил бы к участию в приеме иностранного посла человека, не умеющего поддержать беседу или аргументированно, по правилам риторики, возразить в споре.

Именно поэтому Петр Савватий и учился — сначала на родине, а затем в Константинополе. Легко ли ему было? Если он прибыл в столицу пятнадцатилетним — это нормальный возраст для начала серьезной учебы (аналога нашего высшего образования). Если ему было двадцать — двадцать пять лет — поздновато, хотя и не критично. К тому же мы не знаем, с каким образовательным багажом предстал Петр Савватий перед столичными «профессорами». Возможно, тот же Юстин помогал племяннику в приобретении таких дорогих вещей, как книги, и Петр многое изучил в Таурисии сам.

Впрочем, не важно, сколько лет было Петру Савватию, когда он обосновался в Константинополе. Главное, что

юноша был молод, здоров, способен, амбициозен и принялся за науки со всем возможным рвением.

Тот факт, что Петр Савватий не лоботрясничал, сомнению не подлежит. Вся его последующая жизнь свидетельствует не только о врожденных дарованиях, но и о приобретенных великим трудом знаниях. Даже самые злые критики вынуждены были констатировать, что он мог в одной беседе на равных обсуждать со священником или епископом тонкости христианской веры, в другой — вникнуть в хитросплетения юридического вопроса, в третьей — решить проблему, возникшую при постройке здания.

Хотя наверняка от занятий науками молодого, здорового деревенского парня, разом переместившегося из далекой деревни в блестящую столицу, могли отвлекать всякого рода «прельстительные стремления» и соблазны.

Начнем с публичных зрелищ. Они были одним из неотъемлемых атрибутов античности. Римская империя поставила производство зрелищ на невиданную для греков высоту: помимо театра, появились цирк и ипподром. Гладияторские бои не были изобретением римлян, но именно у них приобрели особую популярность.

Посещение зрелищ считалось и правом человека (речь идет именно о свободном человеке: раб как «мыслящее орудие» в подобных категориях не рассматривался), и, в каком-то смысле, показателем его общественной «нормальности». В Древней Греции к гражданину, который не ходил бы в театр, а в Древнем Риме — в цирк, на гладиаторские бои или колесничные бега, отнеслись бы если не с сожалением, то наверняка с подозрением.

В Византии остались театр и цирк (где проводились травли зверей и спортивные состязания). Но города обеднели: лишь крупные могли позволить себе проведение колесничных бегов или поддержание в порядке театров. В Константинополе же было и то и другое. Правда, в византийском театре уже не ставили Софокла и Еврипида. На сцене царила, прежде всего, грубая комедия, мим, с шутками, что называется, «ниже пояса», либо музыкальные и танцевальные номера. Этот «театральный продукт» народ и потреблял, а с творчеством древнегреческих классиков обрзаванную публику теперь знакомили книги.

Государство использовало развлечения для поднятия собственного престижа. Фраза Ювенала «*Panem et circenses*» — «Хлеба и зрелищ!» — стала крылатой при обозначении чаяний простого народа. Соответственно, расходы на

проведение игр (не всегда, но как правило) брала на себя власть — и горе было той, которая этим пренебрегала! Вступление в должность консула или претора требовало от человека обязательных трат на общественные нужды, львиная доля которых уходила на игры и состязания.

Церковь зрелища осуждала, хотя и терпела. Впрочем, со временем именно под влиянием христианской морали правила зрелищ изменились. Уже начиная с Константина, императоры Востока не одобряли гладиаторские бои, и, видимо, к концу IV столетия те отошли в прошлое. На Западе, где схватки человека с человеком на потеху толпе всё еще продолжались, их официально прекратили в начале V века, при Гонории. Император Лев I не разрешил устраивать зрелища в святой день воскресенья. Анастасий в 499 году запретил показывать борьбу гладиаторов с дикими животными, чем фактически ликвидировал эту профессию.

Развлечения и христианство¹

На рубеже V и VI вв. античная культура и традиции находились в особенно сложных отношениях с христианской моралью. Впрочем, в Византии период таких «сложных отношений» не кончался никогда. Христианство ценило аскезу, а греко-римская античность была ее мирской, чувственной противоположностью.

Христианство полагает мир горний выше земного². «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль,

¹ Данное отступление призвано помочь читателю составить хотя бы общее представление о той морально-этической атмосфере, в которой существовал Петр Савватий как гражданин империи. К сожалению, краткость изложения ведет к упрощению этой сложной проблемы и утрате многих нюансов, порой важных. Это плохо, но неизбежно.

² Совсем крайностью было манихейство, дошедшее до полного отрицания вещного мира и приравнивания его ко злу. Христианство отшатнулось от этого учения, на что потребовались века мыслительной работы и усилия тысяч людей, старательно пытавшихся найти истину. Не всем повезло так насыщенно пройти свой путь богопознания, как это сделал Блаженный Августин. Тот в своих исканиях побывал сначала ученым язычником, потом манихеем, а после стал христианином (попутно оставив несколько исстрадавшихся женщин, как минимум одной из которых он сделал незаконнорожденного ребенка), чья жизнь закончилась на посту епископа в осажденном вандалами Гиппон-Регии.

ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» — в Евангелии от Матфея эта мысль выражена предельно понятно.

Человек же «эллинский» не видел в наслаждении большого греха. Конечно, безудержный гедонизм, непомерная тяга к излишествах осуждались и языческими философами — но именно как неумеренность, своего рода невоспитанность души. То есть свойство неприятное, но извиняемое.

Античная эстетика порождала привычки, если так можно выразиться, вполне понятные: любование красивым телом (своим и чужим), изящество в одежде, изысканность в еде и питье, стремление к успеху, будь то поэтическое состязание, спортивная борьба, война, мужская сексуальная сила (что уж тут поделаешь — античный мир в основном принадлежал мужчинам). Христиане же провозглашали ценности иные. Почитаемые ими образцы душеспасительного поведения (праведники) с точки зрения человека прежней культуры выглядели безумцами: немые, во власяницах или вообще нагие, с нечесаными бородами, порой — покрытые гноящимися язвами от «подвигов» типа стояния на столбе, сидения безвылазно в смрадной яме, ношения на теле вериг или вьевшейся в тело веревки. Поступок девы, выколовшей себе прекрасные глаза, чтобы не соблазнить ими мужчину, находился за пределами понимания любого хоть немного думающего язычника — а Иоанн Мосх, описывая его в своем «Луге духовном», приходит в восторг. *Credo quia absurdum est* («верую, ибо абсурдно») — совершенно христианский и совершенно неправильный с античной точки зрения парафраз высказывания латинского богослова Тертуллиана, не менее емкий, нежели какой-нибудь аристотелевский силлогизм. Впрочем, сводя сложные вещи к простым схемам, мы рискуем ошибиться в оценке проблем. Ведь христианство в своих проявлениях бывало очень неодинаковым. Как и язычество. Согласитесь, есть разница между умащенной благовонным аравийским маслом римской матроной, которой рабы подают на золоте изысканные вина и яства, но которая ревностно постится в урочный срок, раздает милостыню во имя Христа и ежечасно молится ему, и не менее истово верующим египетским отшельником, не мывшимся годами, плетущим корзины или тростниковые веревки

и «вкушающим» раз в день по горсти несоленого размоченного зерна. Ревущий в экстазе александрийский парабалан, срезающий острой раковиной мясо с костей еще живой Ипатии, совсем не похож на утонченного Синесия, епископа Птолемаиды, — а ведь они не только единоверцы, но и современники, и почти земляки. Точно так же пропасть легла между Диогеном и Апицием, Марком Аврелием и Элагабалом.

Христианство к миру чувственному, но обращенному на человека (то есть не вверх!) относилось насто-роженно-враждебно. Став государственной религией, оно боролось с античной культурой, достижения которой не могло поставить себе на службу, просто объявляя грехом. Это в полной мере коснулось театральных и цирковых представлений. Однако уничтожить много-вековую любовь народа разом было невозможно, а потому в ранней Византии и цирк (ипподром), который нередко называли театром, и настоящие театры функционировали повсеместно, в любом крупном городе — не только во времена Юстиниана, но и много позже. Во взаимодействии с античным наследием вообще и зрелищами в частности христианство проходило сложный путь. Церковные запреты, исполнением которых занялась светская власть, официально были сформулированы через полтора столетия после Юстиниана канонами Трулльского собора. Но и после него для мирян осталось возможным посещение, например, ипподромных ристаний. Ипподром в Константинополе работал до XII в., в Фессалонике и даже таком не самом крупном городе, как малоазийская Магнисия, — до XI в.

Одним из самых последовательных обличителей зрелищ был Иоанн Златоуст. Его страстные инвективы заслуживают того, чтобы ознакомиться с ними хотя бы вкратце по двум причинам. Во-первых, они легли в основу церковного отношения к подобным развлечениям (а также их любителям) на многие века. А во-вторых, они просто хорошо написаны — недаром потомки дали Иоанну прозвище «Златоуст»:

«Не крайнее ли безумие и сумасшествие, что мы, если позовет нас какой-нибудь гусяр, или плясун, или кто другой из подобного рода людей, все охотно бежим к нему, благодарим его за такой зов и проводим целую половину дня в том, что внимаем только ему; а когда Бог чрез пророков и апостолов беседует с нами, то зе-

ваем, почесываемся и смежаем глаза? На ипподроме, невзирая на то, что там нет крыши, которая защищала бы от дождя, множество безумствующих стоит, хотя бы шел страшный ливень и ветер хлестал воду в лицо; они не обращают внимания ни на холод, ни на дождь, ни на длину пути; ничто их ни дома не удержит, ни сюда не помешает прийти; а сходить в церковь дождь и грязь становится нам препятствием. И если их спросить, кто такой Амос или Авдий или каково число пророков или апостолов, они не могут и рта раскрыть; а о лошадях и кучерах ведут речи лучше софистов и риториков. Как можно выносить это, скажи мне?»¹

«...здесь (на зрелищах. — С. Д.) смех, бесстыдство, бесовское веселие, бесчиние, потеря времени, бесполезное употребление целых дней, возбуждение нечистых пожеланий, упражнение порочных похотей, школа прелюбодеяния, училище разврата, поощрение безнравственности, побуждения к смехотворству, примеры непристойности»².

«Пусть это будет вместе с тем и уроком для благоразумных, чтобы не слишком услаждать глаза свои общественными зрелищами, и не спешить на конные ристалища, и не захватывать еще ночью места в театре: безумна ведь эта жажда непристойных зрелищ. И в самом деле, люди не могут дождаться дня, сгорая от нетерпения, и еще ночью захватывают места тьмы, чтобы непристойными зрелищами усладить взоры или посмотреть на схватки борцов с дикими зверями³. И сидя там, нередко зрители — люди выражают больше расположения к зверям, чем к подобным себе людям. Неужели тебе не жалко того несчастного, который из-за куска хлеба добровольно отдает себя на съедение зверям и в угоду ненасытимой страсти насыщает собой утробы зверей. Но у него желудок ненасытен, у тебя же ненасытны глаза. Иной выходит шутком, на позор себе самому производит ужимки, за плату выдает себя с головой на смех, не стыдится даже, если его бьют публично, сам подставляет щеки под удары, волосы сбривает бритвой, чтобы ни один волос не свидетельствовал против

¹ Иоанн Златоуст, Слово 9. О том, что не должно пренебрегать Церковью Божией и святыми таинствами. Т. 12. Кн. 2. С. 526, 539.

² Иоанн Златоуст, Беседы на Деяния Апостольские. Беседа 42. Т. 9. Кн. 1. С. 374, 375.

³ При жизни Иоанна это еще разрешалось.

его бесстыдства. Иной посвящает себя похотливым женским пляскам, вопреки природе и с досадой на то, что родился у своих родителей не женщиной, и таким извращением природы даже гордится. Чего только не делают люди ради своего чрева и корысти и из-за тщеславия позорными делами; о таких прилично привести свидетельство Павла: «их бог — чрево, и слава их — в сраме» (Филипп. 3:19). Не ходите же туда, не спешите делать шаги в том направлении, да и на своих пирах не допускайте непристойных увеселений»¹.

«В самом деле, всю нечистоту, приставшую к вам там от слов, от песен и смеха, каждый из вас несет в дом свой, и не только в дом, но и в свое сердце. От того, что недостойно презрения, ты отвращаешься, а что достойно его, того не только не ненавидишь, но и любишь. Многие, возвращаясь от гробов умерших, омывают себя, а возвращаясь с зрелищ, не воздыхают, не проливают слез, хотя мертвый и не оскверняет, между тем как грех полагает такое пятно, которого нельзя смыть тысячею источников, а только одними слезами и раскаянием. Между тем никто не чувствует этой скверны. Так как мы не боимся того, чего должно бояться, то страшимся того, чего не должно. Что значит этот шум, это смятение, эти сатанинские крики и дьявольские подобию? Иной юноша имеет сзади косу и, принимая вид женщины, и во взорах, и в поступи, и в одежде, словом — во всем старается изобразить молодую девицу. А другой, напротив, достигши уже старческого возраста, стрижет волосы, опоясывается по чреслам и, потеряв прежде волос весь стыд, готов принимать удары, готов все говорить и делать. А женщины, без всякого стыда, с обнаженною головою² обращаются в речах своих к народу, с великою старательностью выказывая свое бесстыдство и поселяя в душах слушателей всякую наглость и разврат. У них одна только забота — искоренить всякое целомудрие, посрамить природу, исполнить волю злого духа. Здесь и слова постыдны, и лица смешны, и стриженные волосы таковы же, и походка, и одежда, и голос, и телодвижения, и взгляды, и трубы, и свирели,

¹ *Иоанн Златоуст* (приписывается Иоанну). О покаянии, и об Ироде и Иоанне Крестителе. Т. 8. Кн. 2. С. 978. Цитата из св. Павла — по синодальному переводу.

² Непристойность для воспитанной женщины V в.

и действия, и их содержание, и все вообще исполнено крайнего разврата. Итак, скажи мне, когда ты отрезвишься от блудного питья, которое дьявол предлагает тебе, — когда перестанешь пить из чаши невоздержания, которую он растворяет для тебя? Там и прелюбодеяния, и измены супружеской верности; там и жены блудницы, и мужа прелюбодеи, и юноши изнежены; там все исполнено беззакония, все чудовищно, все постыдно. Итак, тем, кто присутствует на таких зрелищах, надлежало бы не смеяться, а горько плакать и скорбеть. Что же? Или нам закрыть театр, скажешь ты, и по твоему приказанию ниспровергнуть всё? Напротив, теперь именно всё ниспровергнуто. В самом деле, скажи мне: отчего нарушается супружеская верность? Не от театра ли? Отчего оскверняются брачные ложа? Не от этих ли зрелищ? Не по их ли вине жены не терпят мужей? Не от них ли мужа презирают жен своих? Не отсюда ли множество прелюбодеев? И если кто ниспровергает всё и вводит жестокую тиранию, то это тот, кто посещает театр. Нет, скажешь ты: зрелища — хорошее учреждение законов! Увлекать жен от мужей, развращать молодых детей, ниспровергать дома свойственно тем, кто владеет укреплениями. Кто, например, скажешь ты, от этих зрелищ сделался прелюбодеем? Но кто же не прелюбодей? Если бы мне можно было перечислить теперь всех поименно, то я показал бы, как многих мужей разлучили с женами эти зрелища; как многих пленили эти блудницы, которые одних отвлекли от супружеского ложа, а другим не дают и подумать о браке. Итак, что же, — скажи мне, — ужели нам ниспровергнуть все законы? Напротив, — уничтожая эти зрелища, мы истребим нарушение законов. Вредные для общества люди бывают именно из числа тех, что действуют на театрах. От них происходят возмущения и мятежи. Люди, воспитывающиеся у этих плясунов и из угождения чреву продающие свой голос, которых занятие состоит в том, чтоб кричать и делать все неприличное, они-то именно более всех и возмущают народ, они-то и производят мятежи в городах, — потому что преданное праздности и воспитываемое в таких пороках юношество делается свирепее всякого зверя»¹.

¹ Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея евангелиста. Беседа 37. Т. 7. Кн. 1. С. 411, 412.

Теперь на арене состязались не люди с оружием в руках, а колесницы, запряженные парой или четверкой лошадей, со своими возницами-гениохами. Согласно древней шутке, сохраненной нам Прокопием Кесарийским, такой вид зрелищ — это «печаль без вреда и радость без выгоды». Цирк стал называться ипподромом; тут же являли свое искусство и актеры-мимы: их выступления заполняли перерывы между заездами. Но и здесь наличествовали ограничения. Так, женщины не могли выйти перед публикой полностью голыми, а тот же Анастасий запретил участие в этих представлениях мальчиков, которые «...притворялись, что хотят изменить пол, став женщинами по внешнему виду. Они принимали нежные позы... и вызывали энтузиазм всех тех, кто присутствовал на этом зрелище, настолько бесстыдным, что оно подстрекало к ярости и безумию мужчин, собиравшихся во фракции, разделенные ненавистью и стоявшие друг против друга»¹. Есть сведения даже о выступлении в ипподроме «наездников на верблюдах»².

К моменту прибытия Петра Савватия в Константинополь самым впечатляющим зрелищем были соревнования запряженных конями квадриг. Проводились они часто: от 10 до 66 дней в году житель столицы мог смотреть бега и представления мимов между заездами. Самые зрелищные скачки организовывались по большим праздникам: 11 мая (день основания Города), 25 декабря (вступление в должность нового консула), значимые победы римского оружия.

В ранневизантийское время участники заездов принадлежали к четырем «командам», обозначавшимся цветами одежд и головных уборов: голубым (венеты), зеленым (прасины), красным (русии) и белым (левки). Соответственно, по этим цветам назывались и болельщики команд, составлявшие цирковые партии, «димы». Флавий Корипп, поэт второй половины VI века, так объясняет появление цветов: «В старые времена наши отцы организовывали зрелище в новом цирке в честь встречи солнца. По какому-то способу рассуждения они думали, что есть четыре лошади солнца, означающие четыре сезона непрерывного года, и по их образу и подобию одинаковое число всадников, что одинаково по значению, числу и внешнему виду, и одинаковому числу цветов, и учредили две фракции с противоположной направленностью, поскольку зима холода соперничает с

¹ Прокопий Газский, панегирик Анастасию. 16. С. 155, 156.

² Житие Феодора Сикеонского. Гл. 3. С. 28.

огнем лета. Зеленый — это весна, как луг, того же цвета, что и трава, оливковая роща с листвой, и все леса зеленеют с пышными листьями; красный — лето, светящееся в розовом одеянии, как некоторые фрукты краснеют с сиянием цвета; голубой — синева осени, богатая темно-фиолетовым цветом, показывает, что виноград и оливки созрели; белый, равный снегу и морозу зимы по яркости, соединяет всё вместе и сочетается с синим. Сам великий цирк, как круг полного года, замкнут в гладкий эллипс длинными изгибами, охватывающими два поворотных столба на равном расстоянии, и пространство в середине арены, где направление лежит открытым...

Эта практика, древнейших из древних, по ошибке почиталась, неверно представляя, что солнце было богом. Но когда создатель солнца решил позволить себе увидеть (мир) под солнцем, и когда Бог принял форму человеческого рода от девственницы, тогда игры (в честь) солнца были отменены, а почести и игры были предложены римским императорам, как и приятные развлечения цирка в Новом Риме»¹.

Принято считать, что димы не просто объединяли людей по спортивным пристрастиям, а были (по крайней мере тогда) политическими партиями. Наибольшее значение имели «голубые» и «зеленые». На рубеже V и VI веков «белые» присоединились к венецам, «красные» — к прасинам и две партии фактически прекратили свое существование. Принято также считать, что к «голубым» тяготели аристократы, а к «зеленым» — представители торгово-финансовых кругов, что в ранней империи первые были приверженцами православия, а постоянно противостоявшие им вторые поддерживали монофиситов. Однако и в данном случае обобщения нужно применять с осторожностью — ведь в каждой партии могли оказаться представители любой из этих категорий. В конце концов, венецы или прасины организовывались совсем не как Английский клуб или современный орденский капитул. Это вообще минус классового подхода к древности: историки зачастую пытаются «нащупать» и обобщения, чтобы как-то систематизировать жизнь Древнего мира.

Управление таким большим и тяжелым средством, как квадрига, было делом крайне сложным, требующим и сил, и навыков даже при езде по прямой. Соревнования же на

¹ *Коринт. II.* 310—340. С. 86, 87.

дорожке ипподрома были еще и крайне опасны: редкий возница доживал до средних лет¹. Тем не менее желающие рискнуть не переводились. Ведь как и спортсмен-звезда нынешних дней, византийский генио-победитель становился кумиром толпы и богачом, ему доставались почет сильных мира и любовь народа. Жившему на рубеже V и VI столетий вознице Порфирию восторженные зрители воздвигли семь (!) статуй. Постаменты двух из них были найдены в наше время археологами, и сегодня любой желающий может увидеть их на первом этаже Археологического музея в Стамбуле. Для сравнения: от подобных скульптурных изображений Анастасия или Юстина, правивших империей «в эпоху Порфирия», не сохранилось ничего. Да и по числу эпиграмм, ему посвященных (до нас дошли тридцать две), Порфирий вполне успешно соперничал с царственными особами. Другому гениоу, Уранию, поставили статую из золота!

Болельщиками византийцы были яростными, бега захватывали их целиком. «Конелюбы подпрыгивают, кричат, подбрасывают в воздух пригоршни пыли, колотят воздух, пальцами, словно бичами, погоняют коней», — вспоминал Григорий Назианзин². Подбадривая «свои» колесницы возгласами (самый известный из которых «Ника!», «побеждай!»), впадая в раж, зрители теряли в азарте разум — и не единожды перепалки разгоряченных болельщиков перерастали в драки и убийства. Златоуст метал громы не зря! Желающий почувствовать накал страстей на ипподроме в дни ристаний может посетить футбольный матч любых соперничающих команд серьезного уровня — будет похоже.

По мнению церковного писателя Исидора Пелусиота, ристания организовывались властями, дабы отвлечь народ от политики: «...постоянное соперничество конями, какое-то общественное прение, при неохоте делать что-либо полезное, обращающее к этой борьбе таких людей, которые, может быть, придумали бы что худшее; таково и разнообразие зрелищных представлений, одних услаждая зрением, у других очаровывая слух слышимым, хотя преисполнено худого, оказывалось оно препятствием мятежному замыслу.

¹ Кино в жанре «пеплум» — не лучший инструмент для изучения истории, но сцену колесничных бегов в обоих фильмах «Бен Гур» (1959 и 2016 гг.) можно рекомендовать к просмотру для ощущения самой атмосферы событий. Тут кинематограф будет сильнее любого учебника.

² Цит. по: *Домановский*, 2015. С. 74.

И это позволили, за меньшее (как полагали) покупая большее, спокойствие и безопасность»¹. Но мудрец заблуждался. Нередко спортивное соперничество и последующее буйство как раз и переходили в антиправительственные мятежи.

Впервые схватки димов в Константинополе были зафиксированы источниками времен Феодосия II. Во времена жизни Петра Савватия такие схватки становились, увы, нормой. В 498 году прасины, недовольные арестом нескольких человек за «метание камней», устроили беспорядки прямо напротив кафисмы, и некий человек едва не попал в императора Анастасия брошенным булыжником (за что был немедленно убит охраной). Выбитая с ипподрома вон бушующая толпа хулиганов разгромила центральную часть Города, сожгла вход во дворец (Халку), портики ипподрома до кафисмы и портики Месы от Милия до форума Константина (это метров семьсот). Император был вынужден даже сменить епарха Города, назначив новым простата прасинов. Через три года во время потасовки на ипподроме погиб внебрачный сын Анастасия. В 507 году антиохийские прасины во время празднования традиционных спортивных игр (Иоанн Малала называет их «Олимпийскими») в городском пригороде Дафне разорили синагогу, воздвигли там крест, а многих евреев убили. Император назначил нового комита Востока и нового городского префекта виглы, Мину. Последний казнил одного из зачинщиков, прятавшегося в алтаре церкви, что вызвало новый всплеск насилия: толпа сожгла несколько общественных зданий, а несчастного Мину смутьяны поймали, убили, вспороли ему живот, долго таскали в таком виде по городу, потом подвесили на бронзовой статуе и в итоге сожгли. Комит Востока бежал, и Анастасий вынужден был опять назначить нового, который усмирил Город «местью и страхом»².

Хотя спортивные разногласия зачастую становились проявлением более глубоких противоречий, прежде всего недовольства существующими порядками, немалую роль в них играли и низменные страсти, а потому Прокопий Кесарийский о спортивных партиях говорит с нескрываемым презрением: «В каждом городе димы издревле делились на венетов и прасинов, но лишь с недавнего времени они тра-

¹ Электронный ресурс <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/sokrovishhnica-duhovnoj-mudrosti/txt121.html>.

² *Иоанн Малала*. XVI, 6. С. 99, 100.

тят деньги и не считают недостойным для себя быть подвергнутыми суровым телесным наказаниям и самой позорной смерти из-за этих названий и из-за мест, которые они занимают во время зрелищ. Они сражаются со своими соперниками, не ведая, из-за чего подвергают себя подобной опасности, и вполне отдавая себе отчет в том, что даже если они и одержат победу в побоище со своими противниками, им не останется ничего другого, кроме как быть заключенными в тюрьму и, претерпев там жестокие мучения, погибнуть. Эта вражда к ближним родилась безо всякой причины и останется вечно неутоленной, не отступая ни перед родством по браку, ни перед кровным родством, ни перед узами дружбы даже и тогда, когда родные братья или как-то иначе связанные между собой люди оказываются приверженцами различных цветов. В сравнении с победой над соперниками для них ничто ни Божьи, ни человеческие дела. И если кто-либо совершает нечестивое пред Богом дело, если законы и государство претерпевают насилие от своих или от врагов, и даже если они сами терпят недостаток в самом необходимом, и если отечество оскорблено в самом существенном, это их нисколько не беспокоит, лишь бы их партии было хорошо. Партией они называют своих сообщников. И даже женщины принимают участие в этой скверне, не только следуя за своими мужьями, но, случается, и выступая против них, хотя женщины вообще не посещают зрелищ и ничто иное не побуждает их к этому. Поэтому я не могу назвать это иначе как только душевной болезнью»¹.

Итак, в один из дней Петр Савватий впервые попал на ипподром.

Сначала он поразился размерам и инженерному совершенству сооружения. Ипподром, похожий на гигантскую вытянутую подкову, имел около четырех сотен метров в длину и почти сто двадцать — в ширину. Северо-восточный торец бегового поля оканчивался высокой стеной с дюжиной ворот. Восемь из них служили для входа и выхода зрителей, а оставшиеся — «Карцеры» — были забраны железными решетками: из них стартовали колесницы. Стену Карцеров венчала четверка бронзовых позолоченных коней. По середине поля, с северо-востока на юго-запад, к морю, шел разделительный барьер десятиметровой ширины (Спина), который украшали обелиски, колонны и скульп-

¹ «Война с персами». 1. XXIV. Цит. по: *Проконий. Войны*. С. 64, 65.

туры. Напротив Спйны, отделенные от нее собственно беговой дорожкой, располагались три-четыре десятка ярусов деревянных¹ трибун со скамейками для простонародья (если смотреть от Карцеров, сначала — предназначенные для венетов и левков, затем — для прасинов и русиев; такое расположение димов установил в свое время Феодосий Младший). Ветер трепыхал широкие полотняные тенты, укрывавшие ряды от яркого солнца.

Дойдя до юго-западного торца, беговая дорожка упиралась в полукруглое многоэтажное сооружение — Сфендону, искусственное продолжение подпиравшей ипподром скалы. Ее венчал портик с пятью десятками колонн и дополнительными скамейками, а сама она спускалась глубоко вниз. Здесь, между прочим, иногда происходили казни. Повторив изгиб Сфендоны, дорожка шла обратно вдоль еще одного ряда трибун, предназначенных для императорских приближенных и знати. В их центре возвышалась гигантская ложа василевса, кафисма. К ней из Большого дворца вела крытая лестница, по которой император мог быстро и незаметно попасть в кафисму из своих покоев. Примерно напротив кафисмы высился огромный составной обелиск, затем стояла медная колонна в виде трех змей, сплетавшихся телами, а еще далее в сторону Карцеров — изукрашенный обелиск из розового гранита. Как Петр Савватий ни старался, он не смог понять, что означали причудливые значки на боковых гранях обелиска. И это неудивительно: ведь их вырезали в честь побед древнего фараона Тутмоса III (камень привезли в столицу из далекого Египта), а знание иероглифов к тому времени было утрачено. Мраморный четырехгранный постамент обелиска украшали барельефы и надписи. Окажись Петр Савватий ближе, он обязательно прочитал бы там стихи, славящие эпарха Прокла, по приказу которого сооружение возвели при Феодосии Великом. Поскольку в те годы император и его окружение говорили в основном по-латински, слова на грани постамента, обращенной к кафисме, были вырезаны на латыни. Противоположную грань, смотревшую на трибуны для народа, украшала надпись уже на греческом. Всё продумано.

Над кафисмой развевался флаг, означавший официальное разрешение начать скачки. К первому заезду трибуны заполнила толпа, разноязыкая и шумная. В проходах тор-

¹ Каменными они станут позднее.

говцы предлагали зрителям напитки и съестное. Там же можно было спуститься в какую-нибудь из многочисленных уборных. Представление длилось целый день и было разбито на довольно большое число заездов (более десятка с перерывом на обед; как правило, двенадцать до обеда и двенадцать после), а зрителей ипподром вмещал под сто тысяч.

Пока народ рассаживался, на Спину уже выбежали актеры. Их репертуар был предельно прост. На потеху толпе они разыгрывали сценки (мы бы назвали их скетчами) бытового содержания: неожиданно вернувшийся из путешествия муж застаёт жену в объятиях любовника; глуповатый зять и похотливая теща; жадный старик, которого обманывает хитрый раб, и т. п. Играя откровенные сцены, актрисы старались снискать одобрение самым незатейливым образом — обнажаясь. Но только до предела, допустимого законом: снять повязку, напоминающую современные трусики-бикини, актриса не могла.

Актеров сменили жонглеры с мячами, акробаты, силачи, борцы, дрессировщики со своими животными. Гвоздем программы было представление канатоходца, под одобрительное уханье собравшихся выделывавшего трюки на веревке, натянутой между колоннами Спины. Рабы-служители бегали по дорожке, поливая ее водой и разравнивая песок.

Но вот на кафисме появился Анастасий. Ипподром взревел, приветствуя василевса. Особо неистовствовали русии, которым тот благоволил.

У Карцеров показалась группа воинов в плащах с зажженными свечами в руках. Над ними, покачиваясь, двигалась статуя Константина Великого из позолоченного дерева. Ее поставили на повозку, запряженную четверкой мулов, которых под уздцы вел ипподромный служака. Подобно гигантскому возничему, скульптура двинулась по дорожке мимо трибун венетов и прасинов к Сфендоне, а затем, развернувшись, поехала назад. Когда повозка поравнялась с кафисмой, император встал, поклонился статуе и выпрямился, провожая ее взглядом до тех пор, пока она не скрылась в Карцерах. Петр Савватий знал: это странное представление дается на всех скачках ко Дню Города уже больше полутора веков.

Император троекратно перекрестил трибуны и, разрешая начать скачки, взмахнул специальным платком-маппой. Решетки Карцеров распахнулись. На арену вылетели четыре открытые сзади колесницы, каждая из которых

была запряжена четверкой коней. Возничие, одетые в подобие доспехов и металлические каски, стояли, держа поводья в правой руке, а кнут — в левой¹.

Петр Савватий сидел рядом с дядей на скамье под кафисмой и пока из-за Спины видел повозки неотчетливо. Но по клубам пыли, поднятой соревнующимися, было видно, как, набирая ход, мчатся повозки от Карцеров к Сфендоне, между колоннами мелькали развевающиеся гривы, вытянутые в напряжении конские хвосты.

Ряды трибун и Спины не были строго параллельны: в какой-то момент пространство для хода колесниц сужалось, они должны были либо уступать дорогу друг другу, либо сталкиваться, усиливая накал страстей. Это могло произойти прямо напротив составного обелиска, а если не там — то у поворотов в торцах ипподрома.

Пройдя изгиб Сфендоны, колесницы помчались по направлению к кафисме. Лошади тянули вперед напряженные шеи, ноги бешено молотили песок дорожек, смешанный для приятного аромата с кедровыми опилками. Вот, пробиваясь сквозь крики зрителей, послышались глухой топот копыт и фыркающее дыхание скакунов. Миг, другой — и группа из четырех повозок, промчавшись мимо, вышла на поворот у Карцеров.

Круг второй, третий, четвертый... После прохождения каждого служитель убирал очередное большое деревянное яйцо с видной всем специальной подставки-овария. Взбитая копытами и колесами пыль висела над полем желтоватым маревом. Лошади вспотели, и Петр Савватий видел, как ходили мышцы под блестящей кожей красивых, тщательно подобранных и не менее тщательно ухоженных животных. Сильно пахло смесью конского пота, смолы и мокрого песка.

На пятом круге против Сфендоны две квадриги налетели друг на друга в пыли. Повозки опрокинулись, и гениох одной из них, словно большая кукла, взлетел, кувыркаясь, над пылью и рухнул вниз, в месиво окровавленных лошадей, дерева и металла. Толпа закричала. Служители уже бежали к месту события — успеть унести тела, оттащить или

¹ Наиболее известные изображения богов сохранились на створке диптиха некоего Лампадия (то ли восточного консула 530 г., то ли какого-то другого аристократа с этим именем), хранящегося ныне в музее в Брешии, на мозаике виллы Дель Казале на Сицилии и на так давно открытой мозаике пола римской виллы на Кипре.

увести бьющихся животных, пока оставшиеся колесницы делают круг. Петр Савватий видел, как двое коней, разгоряченных схваткой, принялись кусать и лягать друг друга, третий убежал, а четвертый поднялся с земли и, встряхивая разбитой головой, заковылял, хромя на сломанную или ушибленную ногу, уволакивая за собой разбитую платформу с оставшимся единственным колесом.

И вот на оварии осталось последнее яйцо. Два раба с ведрами побежали навстречу друг другу, высыпая толченый мел на конец дорожки у поворота к Сфендоне, обозначая белым финишную черту. Последний, седьмой круг!

Зрители неистовствовали. Одни, вскочив на скамью, размахивали руками, словно возница, бичом подгоняющий лошадь. Другие, хотя и оставались сидеть, тоже заходились в криках, жестикулируя и провожая глазами скрывшихся в пыли коней и ездоков.

— Пор-фи-рий, Пор-фи-рий! — несло с трибуны венетов.

— Кос-ма, Кос-ма! — вторили прасины.

— Ни-ка, ни-ка! — ревели и те и другие.

Вот где-то уже случилась драка, и ипподромные служители с короткими дубинками ринулись туда — разнимать. В другом месте стали бросаться камнями, и кого-то с разбитым в кровь лицом вели вниз, умываться. Даже здесь, в окружении сенаторов и высших лиц двора, не было спокойно, разве что без драк: те же крики, жесты, объятия, ругань.

Возница на четверке гнедых лошадей заметно опережал соперника. Петр не видел цвета его одежд, но по крикам понял: выигрывает фаворит.

— Пор-фи-рий, Пор-фи-рий! — всё громче кричали венеты. С трибуны прасинов несся нестройный гул разочарования. Квадрига Порфирия пересекла белую полосу и замедлила ход.

Заезд кончился.

Прасины ликовали.

Победитель медленно ехал к кафисме: эпарх уже держал в руках венок и мешочек с золотыми монетами, служитель рядом покачивал пальмовой ветвью.

Ипподром сегодня

Того ипподрома, который видел Петр Савватий, нет уже много столетий. Место, где он располагался, сегодня в Стамбуле занято площадью Ат-Мейданы. Правда, два обелиска и между ними бронзовая ко-

лонна в виде трех змей (уже без голов) стоят до сих пор — и это последние оставшиеся украшения Спйны. От самого ипподрома (возведенного при Септимии Севере и основательно перестроенного Константином и его преемниками) остался лишь юго-западный конец: массивная, уходящая далеко вниз подземная часть Сфендоны (сейчас ее залы и галереи заложены кирпичом и недоступны). Облицовка и каменные скамьи в начале XVII в. при султанине Ахмеди пошли на сооружение Голубой мечети. Четверка же бронзовых коней, украшавшая северо-восточный торец, Карцеры, и увезенная крестоносцами в XIII в. в Европу, сегодня хранится в соборе Св. Марка в Венеции, где ее может увидеть любой. Ну и улица Ат-Мейданы — она ведь повторяет беговую дорожку.

* * *

Помимо театра и цирка юноша, прибывший в Константинополь, не мог миновать публичных домов, харчевен, уличных развлечений и бань.

В царствование Анастасия «дома терпимости» были повсюду. В ранней Византии такое заведение вполне могло находиться в одном квартале с церковью: подобное соседство никого не смущало. Некоторые публичные женщины обитали в помещениях Сфендоны, так что в дни ристаний особо нетерпеливый клиент мог посетить их после скачек или даже в обеденный перерыв.

Античный мир относился к занятию проституцией и использованию подобного рода услуг, в общем, снисходительно. «Без денег флейта не склонит гетеру, и лира не привлечет тех, кто продает свою любовь... вы желаете красоты, а я люблю деньги. Так вот давайте же без брюзжания угождать обоюдным желаниям»¹, — сказано в «Любовных письмах», написанных неким Аристенетом не позднее Юстинианова века. Христианство проституцию осуждало, но, как ни парадоксально это звучит, худшим считалось поведение клиента публичной женщины. Дело в том, что церковь порицала сладострастие. Поэтому мужчина, особенно если он состоит в браке, ищущий продажной любви и тратящий деньги не на что-то душеполезное, а на свое «плотское похотение», безусловно, худший грешник. «Какого гнева не заслужива-

¹ Византийская любовная проза. С. 34.

ешь ты, когда даешь деньги блуднице, но проходишь мимо нищего без внимания?!» — восклицает по этому поводу страстный Иоанн Златоуст¹. Что касается проститутки, то если она пошла на панель из-за бедственного положения, церковь относилась к ней с пониманием и сочувствием, а раскаянию радовалась особо — ведь «сладострастный» грех требовал больших усилий для спасения, стало быть, и результат ценился выше. Впоследствии многие из таких женщин, встав на путь добродетели, ревностно служили Богу и даже делались святыми (Мария Египетская, Таисия, Пелагия).

Проститутки низшего ранга презрительно именовались «пехотой». Стоимость их услуг была невысока — Прокопий говорил о цене в «три обола»². Имелись, естественно, и «гетеры» высшего ранга: одевавшиеся в шелк, украшенные золотом и путешествовавшие в носилках на плечах рабов или верхом. Вот, например, как выглядел выезд на променаду успешной антиохийской танцовщицы того времени. Оставляя за собой шлейф ароматов мускуса и мирры, она ехала на добром иноходе, набросив покрывало на плечи (а не на голову, как предписывалось нормами морали обычной женщине), в пышном наряде, «так что всюду сверкало на ней только золото, жемчуга и драгоценные камни, а нагота ног была украшена перлами. Пышная толпа слуг и служанок в дорогих одеждах и золотых ожерельях сопровождала ее; одни бежали впереди, другие шли следом. Особенно суетный люд не мог досыта налюбоваться ее нарядом и украшениями»³.

Желающий мог за деньги разделить ложе с ребенком. Как уже было сказано, во времена молодости Петра Савватия нижнего возрастного предела для занятия проституцией не существовало — как и уголовного наказания за педофилию. Девочка могла сойтись с мужчиной, когда ей это позволяли физические возможности. Так повелось издревле: например, в романе римского писателя I века Петрония «Сатирикон» есть сцена лишения девственности ребенка «на вид лет семи, не более» (ребенком же!), притом одна из героинь хвастается тем, что и она сама была вряд ли

¹ *Иоанн Златоуст*, Беседы на Евангелие от Иоанна. Беседа 42. Т. 8. Кн. 1. С. 283.

² Заработок батрака составлял восемь—десять фоллов (оболов) в день, каменотеса — двадцать. Три обولا в день получал поденщик-ткач, если едой его обеспечивал наниматель.

³ Византийские легенды. С. 18.

моложе, когда впервые отдалась мужчине¹. Мария Египетская «вышла на улицу» в 12 лет.

У сладострастников имелась возможность предаваться утехам и с юношами. Греческий античный мир не видел ничего предосудительного в союзе двух мужчин, особенно если в его основе, помимо похоти, лежало духовное начало. Традиционное римское общество в пору язычия к однополым контактам относилось, в общем, терпимо, хотя и с оттенком некоего, если так можно выразиться, недоумения. То есть гомосексуализм пороком не считался, но это расценивалось как что-то не вполне свойственное Риму, занесенное с Востока или от греков излишество, вычурность. Над этим могли подтрунивать. Например, младший современник Юстиниана, историк, ритор и поэт Агафий Миринейский, подражая древним поэтам, среди своих многочисленных эпиграмм оставил такую:

Пусть же Киприда мое сердце измучит пустое,
Возненавидит меня, если впаду в этот грех!
Ведь никогда не грешил я с мальчишками и не искал их,
Не обольщала меня гнусная эта любовь!
Хватит мне женщин одних, хоть от них натерпелся немало,
Мальчиков всех Питталак пусть забирает себе².

Ограничений было относительно немного: так, половые контакты между мужчинами запрещались в армии; гражданскому лицу высокого звания нельзя было при таком контакте оказываться в пассивной роли; лиц, занимавшихся мужеложством за плату, как и в Древней Греции, презирали.

С принятием христианства гомосексуализм безоговорочно признали грехом, хотя, как видно на примере зрелищ, моральное осуждение далеко не всегда равнялось запрету как таковому. Но с течением времени ситуация ужесточилась. Практиковавшие «греческую любовь» стали объектом не только церковного порицания, но и уголовного преследования. Именно Юстиниан, придя к власти, оказался одним из самых свирепых гонителей гомосексуалистов.

Мужчина, не желавший прибегать к услугам продажных женщин, но при этом не стремившийся вступить в за-

¹ *Петроний*. XXV. С. 44.

² *Памятники...* IV—IX. С. 169. *Питталак* — историческое лицо, упоминаемое в речи Эсхина (IV в. до н. э.). Здесь — в значении развратник. — *Прим. пер.*

конный брак, мог завести себе конкубину — сожительницу, союз с которой браком не считался, — свободную или рабыню. Именно так и поступил дядя Петра Савватия Юстин, купив рабыню Луппкину. Он, правда, впоследствии на ней женился, что свидетельствует об определенной смелости мужчин Юстиниановой семьи в вопросах любви и брака. Ведь согласно римским представлениям того времени, женитьба свободного на вольноотпущеннице была нежелательной — считалось, что чести свободного более приличествовало иметь женщину низкого происхождения только в качестве конкубины.

Харчевни располагались по всему городу, и желающий закусить или выпить мог выбрать любую в зависимости от возможностей его кошелька и пристрастий. Места наиболее низкого пошиба назывались «фускарии» (по названию римского блюда, фоски — толкушки из уксуса, жареной муки, соли и яиц с горячей водой): там подавали фоску и дешевое вино, пекли лепешки, жарили мясо. Оттуда разносчики со своими лотками ходили по улицам, продавая еду чуть ли не у ворот церквей. Там же — и вино, и игра в кости (которую опять же, став императором, Юстиниан запретил), и продажные женщины.

Порой на улице можно было увидеть какие-нибудь совсем простенькие зрелища: бродячего фокусника или «антрепренеров», показывающих диковинку вроде женщины огромного роста или ручных животных, вытворивших разные кунштюки. Навечно в византийских хрониках запечатлена история о некоем комедианте Андрее из Италии, который потешал публику с желтой слепой собакой, собирая толпы людей. Взяв у стоявших людей по кольцу, Андрей присыпал их землей, а пес по команде выкапывал и разносил хозяевам. Еще ученое животное могло из груды монет различных императоров выбрать отчеканенные тем правителем, имя которого называл хозяин. Ну и совсем поразились горожане тому, что собака находила среди зрителей беременных, сводников или скупцов.

Как и любой крупный город, Константинополь обладал роскошными банями — термами. С незапамятных времен они являлись не столько местом мытья, сколько своего рода «клубами», где приятно проводили время: отдохали, беседовали, пировали, лечились, занимались физическими упражнениями. Императоры и просто богатые люди прошлого соперничали между собой в возведении общественных бань. О том, какая это была грандиозная роскошь, мы

можем судить на примере сохранившихся в руинированном виде терм Каракаллы в Риме. Самые известные в Константинополе бани Зевксиппа, увы, не сохранились. Работали они неподалеку от входа на ипподром, практически на территории Большого дворца, и горожане, сочетая два вида удовольствий, могли зайти туда помыться в перерывах между утренними и послеобеденными бегами. А 11 мая, в день основания Города, любой мог посетить баню бесплатно.

Поддался юный Петр Савватий вышперечисленным соблазнам или нет, остается только гадать, поскольку достоверных сведений мы не имеем. Но справедливости ради нужно заметить, что ни одна из инвектив в адрес уже взрослого Юстиниана (а их найдено немало) не содержит обвинений в излишествах, будь то секс, еда, вино или зрелища. Писатель Феофан Византиец упоминает некоего Феодора Цира или Зира, «сына Юстиниана», действовавшего против персов в 572 году. На основании этого историки Нового времени делали предположения о наличии у императора побочного сына¹ — но такое предположение, скорее всего, ошибочно.

Петр Савватий мог посещать и еще одно, не пользовавшееся широким спросом, место — библиотеку. В столице общественных и частных библиотек было несколько. Правда, самая крупная, расположенная на площади Базилика недалеко от Милия, сгорела в 475 году во время мятежа Василиска. Став императором, Юстиниан восстановил Базилику и построил под ней огромную цистерну. Площадь до нашего времени не дошла, а цистерна функционирует и сегодня в качестве популярного стамбульского музея (Yerebatan Saray).

Весьма способный от природы, Петр Савватий постигал уроки столичной жизни. Дядя устроил ему протекцию при дворе, и мало-помалу молодой человек приобрел там определенное влияние и сделал неплохую карьеру: к 518 году он был включен в состав кандидатов одного из отрядов императорских телохранителей, называвшегося так за белоснежный цвет одежды. Отряд был не боевым, а парадным. Статус кандидата давал, помимо денег, возможность участвовать в дворцовой жизни и таким образом заводить полезные знакомства.

У Юстина было несколько племянников, но именно Петра Савватия он выделил и относился к нему особенно. Любил? Может быть. Видел, что из всех родственников он

¹ Византийские историки. С. 495; Курганов, 2015. С. 370, 374.

наиболее талантлив? Тоже вероятно. Так или иначе, Юстин усыновил Петра Савватия. В Византии усыновление родственником было явлением распространенным. По сложившемуся правилу усыновленный получил новое имя — Юстиниан.

Шло время. Анастасий, получивший власть уже будучи далеко не молодым человеком, перешагнул восьмидесятилетний рубеж. Вполне естественно, что он задумывался о преемнике. Анонимный раннесредневековый источник сохранил легенду о том, как император узнал имя будущего правителя Византии.

У Анастасия было трое племянников, получивших от дяди высокий сан патрикия: Ипатий, Помпей и Пров. Однажды император решил «погадать», кому из них нужно обеспечить избрание. С этой целью василевс пригласил племянников пообедать и отдохнуть. В помещении для послеобеденного сна он распорядился приготовить три ложа и в изголовье одного из них поместил некий знак, решив, что тот, кого Бог приведет на это ложе, и станет его преемником. Каково же было удивление и разочарование василевса, когда он обнаружил приготовленное место пустым: двое из братьев предпочли возлечь друг с другом. «Когда он увидел это, поразмыслив, он решил, что никто из них не будет править, и начал молить Бога, чтобы Он послал ему откровение: каким образом он может узнать, пока еще жив, кто после кончины его примет власть. Он размышлял об этом, воздерживался от пищи и молился; и однажды ночью увидел он во сне человека, который сказал ему следующее: “Первый, о ком тебе будет сообщено завтра в покоях, и примет после тебя власть твою”. Так случилось, что Юстин, комит экскувитов, как только прибыл, был направлен к императору, и о нем первом доложил [Анастасию] препожит [священной] опочивальни. Когда [император] узнал об этом, он вознес благодарность Богу за то, что указал ему достойного наследника.

И хотя [император] держал это в тайне, однажды во время царского выхода Юстин, спеша выразить почтение, хотел обойти императора сбоку и невольно наступил на его хламиду.

На это император лишь сказал ему: “Куда ты спешишь?”¹.

Еще одну легенду сохранили византийские писатели более позднего времени Георгий Кедрин и Иоанн Зонара.

¹ Цит. по: *Евагрий*. С. 586, 587 (Приложения).

Якобы недоброжелатели оговорили Юстина и его племянника перед Анастасием, обвинив их в участии в заговоре против него, и император решил их казнить. Но ночью во сне императору явился некто «страшный», который сказал, что позволяет ему казнить всех злоумышленников, кроме Юстина и Юстиниана, потому как эти двое — «сосуды Божии», предназначенные для служения Всевышнему каждый в свое время. Анастасий устрасился, и дядя с племянником остались живы.

Так рассказывают. Но совершенно точно, что император римлян Анастасий скончался, не оставив рекомендаций относительно избрания следующего василевса. Случилось это в ночь на 9 июля 518 года во время страшной грозы, что дало повод православным летописцам утверждать впоследствии, будто Бог покарал императора-монофисита, убив молнией.

Описание провозглашения императором и венчания Юстина дошло до нас в труде византийского императора Константина VII Багрянородного «О церемониях византийского двора»¹. Константин же, в свою очередь, использовал записи Петра Патрикия, магистра оффиций при Юстиниане.

Согласно версии Петра, дворцовые силенциарии немедленно доложили о смерти императора магистру оффиций Келеру и Юстину. Келер собрал схолариев, Юстин — экскувитов, и каждый сообщил подчиненным о случившемся. «Господин наш, будучи смертным, скончался, — объявил Юстин солдатам. — Надлежит нам сообща решить и избрать (императора. — *Прим. пер.*) угодного Богу и подходящего государству»².

В течение ночи вестники-мандаторы бегали по домам и проастиям столичных архонтов, но успели не ко всем: утром следующего дня многие из начальствующих лиц, не зная, что Анастасий умер, прибыли во дворец не в траурных, а в обычных одеждах. Но слух уже разнесся по Городу, и народ собрался на ипподроме, криками требуя избрать нового властелина. В окна дворца доносилось мерное скандирование, пока совершенно верноподданническое: «Многая лета синклиту! Синклит ромеев, твоя победа! Василевса, данного Богом, войску! Василевса, данного Богом, вселенной!»

¹ Чекалова, 2010. С. 184—188; Кулаковский, 2004. Т. II. С. 47; Vasiliev, 1950. P. 69—82.

² Чекалова, 2010. С. 184.

Тем временем в одном из портиков дворца сенаторы, дворцовые чиновники и патриарх решали, кого избрать новым правителем. Ситуация осложнялась тем, что уже более века не случалось такого, чтобы в момент смерти государя в живых не было никого, носившего звание августа или августы (Ариадна умерла задолго до Анастасия). Собравшиеся долго не могли выдвинуть единую кандидатуру. В конце концов магистр оффиций патрикий Келер, опытный и разумный человек, призвал поторопиться — иначе, дескать, не останется ничего другого, как следовать за чужими решениями. Но споры продолжались, и произошло то, о чем предупреждал Келер: на ипподроме (а он, как мы помним, примыкал к Большому дворцу) начались беспорядки и провозглашения различных людей в качестве императора. Первым стал некий Иоанн, подчиненный Юстина, его даже успели поднять на щит под приветственные крики экскувитов. Часть народа (представители цирковой партии венетов) забросала солдат камнями, в ответ экскувиты принялись метать стрелы в толпу. Пролилась кровь, с обеих сторон появились убитые. Тем временем схолярии схватили некоего человека (вероятно, презентального магистра Патрикия) и, приведя его к помещению, именуемому «триклинием девятнадцати лож», водрузили на стол, приготовившись венчать. Экскувиты воспрепятствовали этому, началась свалка, претендента сбросили на пол, и только вмешательство Юстиниана спасло ему жизнь. Экскувиты стали тут же выкрикивать императором Юстиниана, но тот отказался.

Тем временем в помещениях императорского дворца недоступные постороннему взору по-прежнему интриговали и спорили высшие лица государства, выдвигая своих контрпретендентов. Вполне можно предположить, что в числе последних были и Келер, и кто-то из племянников Анастасия. Но договориться не получалось. Дворцовые служители в условиях такого бардака отказались выдавать императорские одежды, без которых не могла состояться ничья коронация.

В итоге было высказано предложение сделать императором самого Юстина как человека, несмотря на достаточно преклонный возраст, популярного у простого народа и армии в силу происхождения и личных качеств. Идея многим понравилась: кто-то из архонтов тоже был за него, колеблющимся он показался удобной «компромиссной» фигурой хотя бы в силу возраста, экскувиты поддержали

своего командира. Против выступили схолярии, во дворце завязалась потасовка, в результате которой самому Юстину разбили губу. Через некоторое время страсти улеглись, евнухи принесли императорское облачение, Юстина закрыли щитами, обрядили, подняли на щит и венчали примерно так же, как и Анастасия. При этом когда новый государь должен был обратиться к присутствующим с речью, для ее составления не смогли найти ни дворцового квестора, ни самого магистра оффиций, — Келер, по официальной версии, «заболел ногами» (хотя, возможно, счел за лучшее скрыться от победившего соперника или просто расстроился). Текст срочно составил чиновник менее высокого ранга, магистр прошений. Наконец Юстин появился на кафисме под радостные возгласы толпы: «Юстин Август, твоя победа!» В остальном его венчание прошло примерно так же, как и у Анастасия: с хоровыми прославлениями и благопожеланиями в ответ на речь государя, последующим шествием в собор Святой Софии и вечерним пиром. Таким же, как и прежде (по пяти номисм и либре серебра), был и донатив. Примечательно, что в какой-то момент в аккламациях димов звучало требование: «Добропорядочных магистратов миру!»

Многие византийские историки в связи с венчанием Юстина упоминают евнуха Амантия (препозита священной опочивальни), каким-то образом в этих событиях замешанного и вследствие смены власти пострадавшего. По самой распространенной версии, Амантий хотел сделать правителем своего ставленника, некоего Феокрита. Он передал Юстину крупную сумму денег для раздачи экскувитам, чтобы переманить их на свою сторону. Юстин же то ли раздал золото от своего имени, то ли (о чем пишут восточные источники) сделал всё согласно договоренностям, но народ и войско Феокрита отвергли.

Так или иначе, к власти пришел «царь благочестивый, строгий и многоопытный муж, начавший служить с простого воина и возвысившийся до сенатора... и был во всем любезен, как пламенный ревнитель православной веры и муж, опытный в деле военном»¹. «Он был невысокого роста, широкогрудый, с седыми кудрявыми волосами, с красивым носом, румяный, благообразный, опытный в военных делах, честолюбивый, но безграмотный»².

¹ *Феофан*, год 6010. С. 128; год 6011. С. 129.

² *Иоанн Малала*. XVII. 2. С. 109.

В этой истории Юстиниан участвовал в качестве одного из главных действующих лиц. Судьба вознесла его на новую высоту: он был не просто родственником, но нареченным сыном действующего императора.

Настало время большой политики.

На ступенях трона: 518—527

15 июля, когда после венчания Юстина не прошло и недели, в храм Святой Софии (не нынешний — он еще не был возведен, а в стоявшую на его месте базилику времен Феодосия II) сбежался народ и начал требовать от патриарха Иоанна предать анафеме «манихеев и евтихиан», то есть несториан и монофиситов. То тут, то там в качестве объекта проклятий звучало имя Севира, патриарха Антиохии, — самого способного на тот момент монофиситского деятеля, который в бытность еще монахом (при Анастасии) баламутил весь Константинополь своей активностью. Собравшиеся громкими криками побуждали Иоанна прилюдно заявить о признании Халкидонского собора и о внесении в поминальные списки-диптихи неправедно исключенных: римского папы Льва Великого, низложенных при Анастасии константинопольских патриархов Евфимия и Македония II. Толпа шумела: «Многая лета императору! Многая лета августу! Я свидетельствую (толпа вела речь от первого лица. — С. Д.): ты не уйдешь, если не предашь анафеме Севера. Скажи ясно: анафема Северу!.. Ты не сойдешь (с кафедры), если не предашь анафеме. Многая лета патриарху, достойному Троицы! Многая лета императору! Многая лета августу! Объяви о прославлении Халкидонского собора! Я не уйду, если не объявишь, мы будем здесь до вечера»¹. Народ не выпускал Иоанна до тех пор, пока он не произнес анафему Севиру и не согласился со всеми высказанными требованиями, включая сбор епископов для восстановления церковного единства.

На следующий день история повторилась; при этом столичный люд и монахи угрожали препозиту Амантию, которого считали «автором» религиозной политики Анастасия.

20 июля более сорока епископов (те, кого в крайней спешке удалось известить и привезти в Константинополь) подтвердили восстановление в диптихах имен Льва, Евфи-

¹ Чекалова, 1997. С. 171.

мия и Македония, а также отмену приговоров православным, пострадавшим за веру при Анастасии. Собор формально подтвердил каноничность решений Халкидонского собора (наравне с тремя предшествовавшими ему) и анафематствовал Севера Антиохийского.

Амантий и Феокрит были против таких решений, за что и поплатились: Юстин велел лишить их жизни. Император распорядился также казнить или изгнать из столицы некоторых других приближенных своего предшественника, а сосланных при Анастасии, наоборот, вернуть. Получил прощение и до времени скрывавшийся Виталиан — он был назначен на должность презентального военного магистра.

Таким образом новый правитель произвел, как это нередко бывает при смене власти, перестановки в рядах столичной элиты.

Стремительно пошла в гору и карьера Юстиниана, ставшего комитом доместиков¹ и возведенного в ранг иллюстрия. Это означало, что Юстин полностью доверял племяннику. Ведь такой пост требовал исключительной преданности: комит доместиков не только командовал личной охраной императора, но одновременно являлся секретарем консистория — императорского совета. Теперь Юстиниан был причастен ко всем важным аспектам жизни империи.

Юстин и Юстиниан решительно повернули религиозную политику государства к ортодоксии. Император приказал сместить около полусотни сирийских епископов-монофиситов и учинил гонения на приверженцев всех «неофициальных» направлений христианства. Вызвавший столько споров «Энотикон» отменили буквально в первый год правления Юстина, и скорее всего инициатором этой отмены стал Юстиниан. Папа Хормизд и восточноримский монарх в итоге действительно примирились. Это не на шутку встревожило Теодориха, который, подозревая римлян в политической измене, развязал против старой знати террор. Отношения Равенны с Византией ухудшались, несмотря на дипломатические реверансы Юстина: в 519 году он назначил консулом зятя короля Евтариха и усыновил его (видимо, по варварскому обычаю, путем вручения оружия и доспехов). Это имело далекоидущие последствия: Юстиниан стал как бы «братом» Евтариха и членом семьи Теодориха. Пройдет полтора десятка лет, и данный факт явится одним из поводов для вмешательства в остготские дела.

¹ Курбатов, 1991. С. 224, 225.

То, что буквально с первых дней своего царствования Юстин I занялся религиозными проблемами, вполне естественно. Византийцы вообще очень интересовались религией. Григорий Нисский, живший незадолго (по историческим меркам) до Юстиниана, саркастически писал: «Всё полно таких людей, которые рассуждают о непостижимых предметах, — улицы, рынки, площади, перекрестки; спросишь, сколько нужно заплатить оболон, — философствуют о рожденном и нерожденном; хочешь узнать о цене на хлеб — отвечают: “Отец больше сына”; справишься, готова ли баня, — говорят: “Сын произошел из ничего”»¹. Для людей того времени вопрос исповедания веры был важнейшим, и основные различия между православием и теми же монофиситством и несторианством понимал даже такой малограмотный солдат, как Юстин. А вот во что поверить трудно, так это в способность императора вникнуть в богословские тонкости и досконально разобраться в нюансах многочисленных толков христианства. И тут его «вложения» в учебу племянника стали приносить плоды: в окружении Юстина присутствовал человек, которому он мог доверять и который способен был дать верный совет в таком шекотливом и опасном деле, как религиозная политика. Мы вряд ли ошибемся, предположив, что с самого начала правления Юстина I именно Юстиниан был в данном вопросе одним из главных действующих лиц — если не самым главным. Именно поэтому, когда император в конце 518 года вступил в общение с папой Хормиздом по поводу прекращения «схизмы Акакия», среди писем из Константинополя оказалось и послание Юстиниана. Сохранилось ответное письмо Хормизда, адресованное ему как «комиту доместиков». Юстиниан наряду с Келером, Виталианом и племянником покойного Анастасия Помпеем торжественно встречал легатов, прибывших из Рима в Константинополь 24 марта 519 года.

Юстиниан писал папе и годом позже. Во-первых, против исключения из диптихов епископов, замещавших столичную кафедру после Акакия и не осудивших его (на чем настаивал папа). Письмо Юстиниан подготовил очень осторожное и взвешенное: он рассуждал о том, что для установления церковного мира вполне достаточно анафемы Акакию (соавтору «Энотикона»), но преследование Македония и Евфимия, а также других епископов, вина которых

¹ Памятники... IV—IX. С. 13.

состояла лишь в следовании государственной политике в отношении «Энотикона», избыточно, «ибо тот врач, по справедливости, наиболее удостаивается похвалы, который спешит так залечить застарелые язвы, чтобы из них не образовались новые раны»¹. В конечном итоге именно Юстиниан добился своего: уважаемые православными Востока за свою подвижническую жизнь и антимонафиситскую позицию Евфимий и Македоний остались в диптихах. Второй темой, с которой Юстиниан обратился к папе, было добавление слов «един из Троицы плотью пострадал» в формулы, утвержденные Халкидонским собором. Прибавку эту пытались сделать Виталиан и так называемые «скифские» монахи из его окружения, что сначала было встречено при дворе Юстина с неудовольствием. Но Юстиниан, увидев в этой формуле возможность компромисса с монофиситами, быстро поменял свою точку зрения и данную формулу если не принял окончательно, то готов был обсуждать.

Теопасхизм и Юстиниан

Страдания Иисуса были одним из важнейших вопросов, волновавших умы позднеантичных и средневековых религиозных мыслителей. Кто же все-таки страдал? Бог? Человек? Богочеловек?

Согласно канонам официального православия Бог страдать не мог. В самом деле: если Бог страдает, то какой же он Бог?

Соответственно, анафемы считавшим, что Христос страдал божественной природой, были сделаны еще на заре христианства.

Поэтому когда в V в. по инициативе столичного монаха Петра Кнафея была предпринята попытка добавить в «Трисвятое» (в церковнославянском варианте «Святы́й Крепкий, Святы́й Безсмертный, помилуй нас») «распныйся за ны», то есть «распять за нас», православные это теопасхитское добавление не приняли, сочтя его монофиситством. Ведь Трисвятое относится ко всей Троице, и получалось, что распята как бы и божественная сущность тоже, то есть человеческая как-то потерялась, слившись с божественной. Попытка сделать такую прибавку при Анастасии дважды привела к беспорядкам в Константинополе (в 510 г. и, особенно сильным, в начале ноября 512 г.).

¹ Курганов, 2015. С. 279.

Юстиниан же рассчитывал, что другая, более точная формулировка «один из Троицы плотью пострадал», с одной стороны, не противоречит православию, а с другой — должна устроить монофиситов, поскольку если это самое Лицо страдало, то оно страдало «комплексно», едино — но плотски. И был это Иисус Христос, ибо он единственный из Троицы «воспринял плоть», сочетая человеческую и божественную природы.

Думаю, что 99 процентам людей, мнящих себя православными, споры, аналогичные теопасхитским, не то чтобы неинтересны, но, скорее всего, непонятны. В качестве эксперимента — пусть читатель попробует осмыслить цитаты из «Исповедания веры», которое император Юстиниан написал сам (вероятнее всего, в связи с Пятым Вселенским собором): «Исповедуем, что Сам Единородный Сын Божий, Бог Слово, прежде веков и времени от Отца рожденный, несотворенный напоследок дней, ради нас и нашего спасения, сшел с небес и воплотился от Духа Святого и святой преславной Богородицы и Приснодевы Марии, и родился от Нее, Который есть Господь Иисус Христос, един от Святые Троицы, единосущный Богу Отцу по Божеству и единосущный нам по человечеству, подверженный страданию по плоти и бесстрастный по Божеству; ибо не другой кто, кроме Бога Слова, претерпел страдание и смерть, но Само бесстрастное и вечное Слово Божие, воспринявшее рождение плоти человеческой, совершило все сие. Посему мы не признаем иного Бога Слова совершавшего чудеса и иного Христа страдавшего; но исповедуем единого и того же Господа нашего Иисуса Христа, Слово Божие, воплотившееся и вочеловечившееся, и как Его чудеса, так и страдания, которые Он добровольно претерпел по плоти. Ибо не человек какой-либо предал себя за нас, но сам Бог Слово предал за нас Свое собственное тело, чтобы не в человека были наши вера и надежда, но чтобы мы в Самого Бога Слово имели веру нашу. И посему, исповедуя Его Богом, мы не отрицаем, что Он есть и человек, и называя Его человеком, не отрицаем, что Он есть и Бог. Если бы Он был только Богом, то каким образом Он пострадал? каким образом распялся и умер? Ибо все это несвойственно Богу. Если же Он только человек, то каким образом одержал победу чрез страдание? как спас? каким образом оживотворил? Ибо это

выше человеческой природы. В настоящем же случае один и тот же страдает и спасает и одерживает победу чрез страдание, один и тот же Бог и вместе человек, и таким образом оба составляют одно как бы единичное. Посему, называя Христа, состоящего из двух естеств, т. е. божества и человечества, единым, мы не вводим слияния в единение. И признавая в двух естествах, т. е. в божестве и человечестве, единого Господа нашего Иисуса Христа, Слово Божие, воплотившееся и вочеловечившееся, не вносим в единую Его ипостась какого-либо разделения на части, или рассечения. Но обозначаем, что различие естеств, из которых Он состоит, не уничтожилось через единение, потому что в Нем есть то и другое естество. Ибо, когда исповедуется сочетание, то и части остаются в целом и в частях познается целое: потому что и божеское естество не изменилось в человеческое, и человеческое естество не превратилось в божеское, а более разумеется, что оба естества, сохраняя пределы и свойства своей собственной природы, стали единством по ипостаси. Единство же по ипостаси показывает, что Бог Слово, т. е. одна ипостась из трех ипостасей божества, соединилось не с человеком, прежде ипостасно существовавшим, но во чреве святой Девы образовало для Себя из нее в своей собственной ипостаси тело, одушевленное разумною и мыслящею душою, что и составляет человеческую природу. Сему-то ипостасному соединению Бога Слова с плотию научая нас, божественный апостол говорит: “иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба приим” (Фил. 2, 6—7). Словами: “во образе Божии сый” он показывает, что ипостась Слова пребывает в божественном существе, а словами: “зрак раба приим” указывает, что с существом человеческим, а не с ипостасью или личностью соединился Бог Слово. Ибо не сказал, что Он принял зрак в определенном образе существующего раба, чтобы не показать, что Слово соединилось с человеком, прежде ипостасно существовавшим, как нечестиво богохульствовали Феодор и Несторий, называя единение относительным. Мы же, следуя божественному Писанию и святым отцам, исповедуем, что Бог Слово сделался плотию, а это означает, что Он принял в ипостасное единение с Собою человеческую природу. Посему и едины есть

Господь наш Иисус Христос, имеющий в Себе полноту божественного естества и полноту естества человеческого. И Он есть Единородный и Слово, как рожденный от Бога Отца, Он же и перворожденный во многих братиях, потому что сделался человеком; ибо Сын Божий сделался сыном человеческим и, оставаясь тем, чем был, не изменил и того, чем сделался. Потому мы исповедуем и два рождения одного и того же единородного Слова Божия: рождение прежде веков от Отца бестелесное, и рождение напоследок дней Его же, воплотившегося и вочеловечившегося от святой преславной Богородицы и Приснодевы Марии. Ибо Он непостижимым образом воссиял от Отца и неслезанно произошел от Матери; и будучи истинным Богом, сделался воистину человеком. Почему мы исповедуем святую, преславную и Приснодеву Марию воистину Богородицу: не потому, чтобы от нее Бог Слово получил начало, но потому, что напоследок дней, сущий прежде веков Единородный Бог Слово, воплотившись из Нее, непреложно вочеловечился, и будучи невидим сам в Себе, стал видимым в нашем естестве и, будучи бесстрастным Богом, не возгнушался страданий человеческих, и будучи бессмертным, подчинился законам смерти. О Нем, рожденном в Вифлееме от семени Давидова по плоти, уподобившемся человекам и распятом за нас человек при понтийском Пилате, святые апостолы проповедали, что Он есть Бог, Он человек, Он сын человеческий, Он с небес, Он от земли, Он бесстрастен, Он подвержен страданию. Ибо Слово, родившееся свыше от Отца, неизреченно, неслезанно, непостижимо, вечно, родилось долу во времени от Девы Марии, чтобы те, которые прежде рождались долу, снова родились свыше, т. е. от Бога. Таким образом, Он имеет на земле только Матерь, а мы имеем на небесах только Отца. Ибо, получив смертного отца человека Адама, Он дал людям своего Отца бессмертного, по сказанному: “даде им область чадом Божиим быти” (Иоан. 1, 12). Посему Сын Божий вкушает смерть по плоти ради плотского своего отца, чтобы дети человека сделали участниками Его жизни, чрез своего Отца по духу — Бога. Таким образом Он есть Сын Божий по естеству, а мы — по благодати. С другой стороны, Он стал сыном Адама по домостроительству и ради нас, а мы сыны Адама по естеству. Ибо Бог есть Его отец по

естеству, а наш по благодати; и Отец стал по домостроительству Богом для Него, как для человека, а для нас есть по естеству Владыка и Бог. И Слово, Которое есть Сын Бога Отца, для того, соединившись с плотию, стало плотию, чтобы люди, соединившись с духом, стали единым духом. Итак, Сам истинный Сын Божий облекся во всех нас, чтобы мы все облеклись в единого Бога. Также и после воплощения Он есть один из Святой Троицы, Единородный Сын Божий, Господь наш Иисус Христос, сложенный из двух естеств. Сложенным же исповедуем Христа, следуя учению святых отцов. Ибо в таинстве Христа единство в сложении исключает слияние и разделение, и сохраняет свойства обоих естеств тем, что и с плотию являет одну ипостась или лице Бога Слова, Который есть совершенный по Божеству и совершенный по человечеству, познаваемый не в двух ипостасях или лицах, но в божеском и человеческом естестве, как единый в обоих, совершенный Бог и совершенный человек, один и тот же Господь наш Иисус Христос, один из святой Троицы, прославляемый Отцу и Святому Духу. Ибо Святая Троица не получила прибавления четвертого лица вследствие воплощения одного (лица) из Святой Троицы — Бога Слова. Это благое предание, полученное нами от святых отцов, мы храним, в нем живем и благоденствуем, и это исповедание Отца, и Христа Сына Бога живого, и Святого Духа да будет спутником нашим при отшествии из сей жизни»¹.

Виталиан был назначен консулом 520 года. Вышло, что на «политическом небосклоне» империи взошла новая «звезда». Человека этого воспринимали противоречиво. С одной стороны, противостоянием Анастасию он стяжал авторитет среди православного населения империи и был обласкан новым императором. С другой — в столице помнили, что Виталиан — романизированный варвар (гот), склонный к восстаниям и обладающий для этого возможностями: у него по-прежнему были сторонники в войсках, и не случайно Анастасий не смог окончательно подавить его мятеж. Кроме того, в период кампании против Виталиана многие пострадали, лишившись имущества, родственников и друзей, — ведь помимо убитых в ходе боевых действий были и проданные Виталианом в рабство пленные из

¹ Деяния Вселенских соборов. Т. 5. С. 292—295.

числа правительственной армии. А тут еще история с прибавкой в определении Халкидонского собора, поначалу не принятой ни Юстином с Юстинианом (вполне православными людьми), ни, как выяснилось, в Риме. Поэтому когда довольно скоро после 1 января 520 года Виталиан, выйдя из бани, был вместе с двумя своими приближенными заколот прямо во дворце (видимо, он вышел из бань Зевксиппа), истинных причин этого убийства установить не удалось. Летописец Феофан полагал, что так консулу отомстили пострадавшие во время событий 513—516 годов; Прокопий в «Тайной истории» обвинял в свершившемся Юстиниана. Но Феофан жил через несколько веков после описываемых событий, а Прокопий склонен был обвинять Юстиниана во всех мыслимых и немыслимых преступлениях. Марцеллин же Комит, современник тех событий, о причинах убийства умолчал, отметив лишь такую подробность, как 16 ран, нанесенных погибшему. Возможно, виновных, даже если они и были найдены, предпочли не трогать: такое в истории случалось, и не раз. Но то, что популярность Виталиана и Юстину, и Юстиниану мешала, а произошедшее оказалось им на руку, — очевидно.

К моменту смерти Виталиана вторым презентальным магистром был как раз Юстиниан¹. Есть все основания полагать, что он и являлся реальным командующим презентальной армией, а Виталиану эту должность дали больше как почетную, чтобы он, соблазнившись ею, прибыл в Константинополь².

В 521 году уже Юстиниан удостоился звания консула, устроив по этому случаю великолепные зрелища. Марцеллин Комит отмечает невиданный для Востока империи масштаб празднований: на раздачи народу, зрелища и театральные машины было потрачено 288 тысяч солидов³. В числе множества диких животных народу показали 20 львов и 30 «пардов», то есть пантер, леопардов или гораздо более редких барсов.

Одной из инсигний римского консула были диптихи: раскрывающиеся подобно современной папке таблички

¹ Иногда полагают, что титул презентального магистра освободился после гибели Виталиана и был передан Юстиниану, но известно как минимум одно письмо, в котором упомянуты «магистры милитум Виталиан и Юстиниан». См.: *Vasiliev*, 1950. P. 94.

² См.: *Глушанин*, 1991. С. 178, 179.

³ Четыре тысячи либр (1310 кг) золота: *Марцеллин Комит*. Год 508. С. 83. Специальная работа о консульствах Юстиниана: *Серов*, 2013.

для записей, покрытые с внутренней стороны воском (на них писали). Они делались из ценных пород дерева или слоновой кости и богато украшались. Нам повезло: диптих Юстиниана сохранился, и благодаря вырезанной на нем надписи мы точно знаем титулы Юстиниана на 1 января 521 года: иллюстрий, комит, презентальный магистр конницы и пехоты, консул ординарный¹.

Стал Юстиниан и простатом партии венетов. Феофан, кстати, пишет, что до шестого года правления Юстина I не только в столице, но и в иных крупных городах «венеты ввели народное правление и во всех городах произвели возмущения, побиение камнями и прочие убийства. Беспорядки начались прежде всего в Антиохии и распространились по всем городам, в коих продолжались целых пять лет. При этом поражали мечами прасинов, когда они попадались при встрече, даже отыскивали в домах, и правители не смели подвергать наказанию убийц»².

Прокопий, описывая времена Юстина, так сообщает о нравах попустительствуемых властью венетов:

«Стасиоты прежде всего ввели некую новую моду в прическе, ибо стали стричь волосы совершенно иначе, чем остальные римляне. Они совершенно не подстригали усы и бороду, но постоянно следили за тем, чтобы те были у них пышными, как у персов. Волосы на голове они спереди остригали вплоть до висков, а сзади, словно массагеты (гунны. — С. Д.), позволяли им свисать в беспорядке очень длинными прядями. По этой причине такую моду назвали гуннской.

Далее, что касается одежды, то все они сочли нужным отделывать ее красивой каймой, одеваясь с бóльшим тщеславием, чем это соответствовало их достоинству³. А такие

¹ Fl. Petr. Sabbat. Ivstinian. v. i., com., mag. eqq. et p. praes., et c. od: Flavius Petrus Sabbatius Iustinianus, vir illustris, comes, magister equitem et peditum praesentalis, et consul ordinaries: см.: *Vasiliev*, 1950. P. 61.

² *Феофан*, год 6012. С. 130. Феофан в своем повествовании о времени Юстина—Юстиниана зависит от Прокопия Кесарийского, что следует принимать во внимание.

³ Костюм византийца, ткань и отделка зависели от его общественного статуса. В среде аристократии существовала масса разнообразных знаков отличия, имевших вид полос, квадратов, ромбов, углов, крестов, кругов. Высшим отличительным знаком был золотой ромб (тавлион) на пурпурном плаще императора. Ближайшие сподвижники василевса носили пурпурные ромбы на белой одежде. Знаками отличия также служили золотые пояса, бляхи и застёжки. — *Прим. пер.*

одежды они могли приобретать отнюдь не дозволенным способом. Часть хитона, закрывающая руку, была у них туго стянута возле кисти, а оттуда до самого плеча расширялась до невероятных размеров. Всякий раз, когда они в театре или на ипподроме, крича или подбадривая [возничих], как это обычно бывает, размахивали руками, эта часть [хитона], естественно, раздувалась, создавая у глупцов впечатление, будто у них столь прекрасное и сильное тело, что им приходится облекать его в подобные одеяния, между тем как следовало бы уразуметь, что такая пышная и чрезмерно просторная одежда еще больше изобличает хилость тела. Накидки, широкие штаны и особенно обувь у них и по названию и внешнему виду были гуннскими. Поначалу почти все они по ночам открыто носили оружие¹, днем же скрывали под одеждой у бедра небольшие обоюдоострые кинжалы. Как только начинало темнеть, они сбивались в шайки и грабили тех, кто [выглядел] поприличнее, по всей агоре и в узких улочках, отнимая у встречных и одежду, и пояс, и золотые пряжки, и все прочее, что у них было. Некоторых же во время грабежа они считали нужным и убивать, чтобы те никому не рассказали о том, что с ними произошло. От них страдали все, и в числе первых те венеты, которые не являлись стасиотами, ибо и они не были избавлены от этого. По этой причине большинство людей впредь стали пользоваться медными поясами и пряжками и носить одежду много хуже той, что предписывал их сан, дабы не погибнуть из-за любви к прекрасному, и еще до захода солнца они, удалившись с улиц, укрывались в домах. Так как преступления продолжались, а стоящая над народом [городская] власть не обращала на злодеев никакого внимания, дерзость этих людей постоянно возрастала... Итак, в это сообщество (стасиотов. — С. Д.) начали стекаться многие другие юноши из тех, что ранее вовсе не стремились к подобным делам. Теперь же их побуждала к этому возможность выказать силу и дерзость, ибо нет ни одного известного людям греха, которым бы в эти времена не грешили, оставшись при этом безнаказанным. Прежде всего они погубили своих противников, а затем взялись убивать и тех, кто не нанес им никакой обиды. Многие, прельстив их деньгами, указывали стасиотам на своих собственных врагов, и они тотчас же истребляли их, приписав им имя прасинов, хотя эти люди им

¹ Законы того времени воспрещали частным лицам владеть оружием.

были вовсе не знакомы. И происходило это не во тьме, и не втайне, но во всякое время дня, в любой части города, причем случалось, что злодеяние совершалось на глазах у самых именитых лиц. Ведь им не нужно было скрывать злодеяние, так как над ними не висел страх наказания, но, напротив, у них даже появилось своего рода побуждение к состязанию в проявлении своей силы и мужественности, когда они одним ударом убивали какого-нибудь безоружного встречного... При всем том никакого расследования содеянного не производилось, но несчастье на любого обрушивалось неожиданно, и никто не вставал на защиту пострадавших. Ни закон, ни обязательства, упрочивающие порядок, больше не имели силы, но всё, подвергнувшись насилию, пришло в смятение. Государственное устройство стало во всем подобно тирании, однако не устоявшейся, но ежедневно меняющейся и то и дело начинающейся сызнова. Решения архонтов были подобны тем, какие возникают у обьятых ужасом людей, разум которых поработен страхом перед одним человеком, а судьи, выносящие приговоры по спорным делам, высказывали свои суждения не в соответствии с тем, что представлялось им справедливым и законным, а в зависимости от того, какие отношения были у каждой из тяжущихся сторон со стасиотами, враждебные или дружеские. Ибо судью, пренебрегшего их наказом, ожидала смерть. Многие из работодателей под давлением насилия вынуждены были возвращать расписки своим должникам, не получив ничего из данного ими займы, а многие отнюдь не добровольно отпускали на волю своих рабов. Говорят, что и некоторые женщины принуждались своими рабами ко многому из того, чего они вовсе не желали. Уже и дети неизвестных мужей, связавшись с этими юношами, вынуждали своих отцов совершать многое против их воли и помимо прочего отказываться в их пользу от своих денег. Многие же мальчики были против воли принуждены к нечестивому сожительству со стасиотами не без ведома своих отцов. То же самое доводилось терпеть и женщинам, живущим со своими мужьями»¹.

Между 521 и 525 годами Юстиниан был возведен в ранг нобилиссима, а в 525 году — цезаря, и таким образом высился еще более. Примечательно, что в обоих случаях византийские историки говорят о нежелании императора давать племяннику эти высшие после императорского титулы. Так, Иоанн Зонара сохранил реплику Юстина, от-

¹ «Тайная история». VII. Цит. по: *Проконий*. Войны. С. 278—280.

ветившего архонтам: «По вашей молитве да не будет это (пурпур) надето на более молодого»¹. Получилось, что возвеличивание Юстиниана произошло благодаря требованиям сената, а дядя лишь явил свою милость, согласившись на это. Может быть, стареющий Юстин начал тяготиться напором и настойчивостью Юстиниана в вопросах государственного управления или опасаться своего племянника — неясно. Но Юстиниан по-прежнему оставался для дяди «правой рукой», всё более и более усиливая свое влияние при императоре. Когда в 525 году с торжественным визитом прибыл из Рима новый папа Иоанн, именно Юстиниан встречал его в пригороде Константинополя.

Визит папы был предпринят по инициативе Теодориха Великого. Дело в том, что правительство Юстина I не просто отказалось от религиозной политики Анастасия, но приступило к масштабному преследованию всех еретиков: несториан, монофиситов, манихеев и ариан. Поскольку готы в большинстве своем принадлежали к последним, Теодорих озаботился судьбой своих соплеменников. Визит увенчался успехом, и ариан в империи больше не наказывали. Не подлежит сомнению, что инициатором преследования инакомыслящих выступил именно Юстиниан.

Интересы племянника государя не ограничивались религией. Будучи магистром армии, а затем нобилиссимом и цезарем, Юстиниан занимался также вопросами войны и мира. Наиболее грозным противником Византии по-прежнему оставался сасанидский Иран. В начале правления Юстина шах Кавад обратился в Константинополь с просьбой об усыновлении императором своего наследника Хосрова (тот был младшим, хотя и любимым, сыном шаха, и старик Кавад опасался, что после его смерти придворные воспротивятся передачи Хосрову власти над Ираном). Таким образом, у Юстиниана мог появиться «брат». Вначале при дворе с восторгом отнеслись к подобному плану, рассчитывая приобрести из такой любезности выгоду в виде мира и дружбы. Но всех разочаровал мудрый квестор дворца Прокл: юрист доказал, что при таком усыновлении Хосров приобретает право и на долю наследства Юстина, а это неминуемо приведет к территориальным спорам после смерти василевса. В итоге Каваду сообщили, что усыновление произойдет не через обмен документами, а, «как при-

¹ Вальденберг, 2008а. С. 49. Монет Юстиниана с титулом цезаря до сих пор не найдено.

нято у варваров», путем вручения оружия и доспехов. Кавад оскорбился (или разыграл оскорбление). Дипломатический скандал совпал с неудачной попыткой подчиненного Ирану грузинского царя Гургена перейти под власть Византии. Империя пообещала оказать грузинам поддержку, но натравить на персов варваров-гуннов не получилось. Персидское войско изгнало Гургена — ему пришлось бежать с двором и родственниками сначала в Лазику, а потом и в Константинополь. Иранцы заняли две горные крепости, покинутые римскими гарнизонами, а ромеи ответили набегом на Персоармению. В рамках этого «ответа» в качестве армейских командиров еще невысокого ранга на Востоке начали действовать ставленники Юстиниана: его молодые оруженосцы Сита и знаменитый впоследствии Велисарий.

* * *

Итак, через несколько лет правления Юстина его племянник оказался на вершине могущества. Он имел власть, влияние на императора и не был стеснен материально. Впрочем, «не был стеснен» — не то слово. Юстиниан стал очень богат и даже купил и перестроил так называемый «дворец Хормизда»¹. Теперь он мог роскошествовать так, как это было принято среди богачей. Сохранившиеся описания аналогичных жилищ позволяют нам представить просторные залы с облицовкой из полированных мраморных плит и с дверями из слоновой кости, скульптуры, медную или даже позолоченную крышу, мозаичные полы и картины на стенах. Порттики и фонтаны во внутреннем дворе, атриуме. Прекрасный вид из того же атриума и из окон, а в случае дворца Хормизда — прямо на море с кораблями. В столовой — ложа из ценных пород дерева с отделкой слоновой костью, серебром или золотом. Заправленные отменным маслом светильники: причудливые бронзовые, а в комнатах попроще — глиняные; для торжественных случа-

¹ Это было здание на берегу Босфора, построенное при Константине для бежавшего в Рим брата шаха Шапура II, Хормизда. Впоследствии там жила императрица Феодора, а после ее смерти император передал здание обители Сергия и Вакха, которая располагалась рядом. После Юстиниана дворец включили в комплекс сооружений Большого императорского дворца. В настоящее время от «дворца Хормизда» остались отдельные руины. Став императором, Юстиниан выстроил себе дворец Юкундианы на Евдоме, в котором нередко пребывал со своим двором.

ев — свечи. Мозаики и скульптуры заказывали, скорее всего, с языческими сюжетами даже для христианских домов (среди образованных людей это было в порядке вещей), но что точно украшало жилища христиан, так это иконы, привезенные откуда-нибудь из почитаемых святых мест, с Синая или из Иерусалима, а также частички мощей в серебряном, золотом, деревянном или костяном ковчежце. В холодную погоду полы застилали коврами, а в комнаты вносили жаровни с углями. Дом окружали хозяйственные пристройки: кухня, погреб или даже специальный колодец для продуктов, подаваемых к столу прохладными (фрукты, вино). Гордостью богатого дома была серебряная или золотая посуда — кубки, тарелки, блюда, ложки с витыми ручками, изящные ножики.

Одного не мог обрести Юстиниан: законного союза с женщиной, которую он встретил и полюбил, будучи, по меркам тех лет, уже не вполне молодым: тридцати восьми — сорока лет.

Звали ее Феодора, и по своему происхождению была она ушедшей на покой актрисой. Это ремесло приравнивалось к проституции и в общественном сознании имело соответствующие характеристики — хотя бы потому, что в те времена любая женщина, связанная с цирком или театром, считалась сексуально доступной для любого, имеющего деньги¹. Официально подобное занятие считалось бесчестным, позорящим человека — и предполагало как соответствующие законодательные ограничения, так и осуждение с позиций христианской морали: «Итак, посмотрим и мы на это сонмище блудных жен и непотребных юношей, собравшихся в театре, и их забавы, которыми весьма многие из беспечных юношей увлекаются в их сети, сравним с жизнью блаженных. Здесь мы найдем различий столько же, сколько между ангелами, если бы ты услышал их поющими на небе стройную песнь, и между собаками и свиньями, которые визжат, роясь в навозе... Опять, в театре, когда посмотрят на блудницу в золотом уборе, бедный станет плакать и рыдать, видя, что жена его не имеет ни одного такого украшения, а богатые после такого зрелища будут презирать и отвращаться своих супругов. Как скоро блудница представит зрителям и одежду, и взор, и голос, и поступь, и всё, что мо-

¹ «Дело Вайнштейна», с которого в конце 2017 г. начался мощный скандал, — пример того, сколь живучими оказываются установки, опирающиеся на древние традиции.

жет возбудить любострастие, — они выходят из театра воспламененные страстью и возвращаются к себе домой уже пленниками. Отсюда происходят обиды, бесчестия, отсюда вражда, брани и каждодневные случаи смертные; и жизнь становится несносной такому пленнику, и жена ему уже не мила, и дети не по-прежнему любезны, и весь дом приходит в беспорядок, и самый свет солнечный, наконец, кажется для него несносным. Если кто восплачет любовью к одной из плясавших там девиц, тот вытерпит страдания, каким не подвергнешься ни в многочисленных сражениях, ни в многократных странствованиях, и состояние такого человека будет более тягостно, чем всякого осажденного города»¹.

Вот как описал жизнь Феодоры Прокопий Кесарийский, судя по всему, ее прямо-таки ненавидевший: «Как только дети (Феодора и две ее сестры. — С. Д.) стали подрастать, мать тотчас пристраивала их к здешней сцене (ибо отличались они очень красивой наружностью), однако не всех сразу, но когда каждая из них, на ее взгляд, созревала для этого дела. Итак, старшая из них, Комито, уже блистала среди своих сверстниц-гетер; следующая же за ней Феодора, одетая в хитончик с рукавами, как подобает служаночке-рабыне, сопровождала ее, прислуживая ей во всем, и наряду с прочим носила на своих плечах сиденье, на котором та обычно восседала в различных собраниях. Феодора, будучи пока незрелой, не могла еще сходить с мужчинами и иметь с ними сношение как женщина, но она предавалась любострастию на мужской лад с негодями, одержимыми дьявольскими страстями, хотя бы и с рабами, которые, сопровождая своих господ в театр, улучив минутку, между делом предавались этому гнусному занятию. В таком блюде она жила довольно долго, отдавая тело противоестественному пороку². Но как только она подросла и созрела, она

¹ *Иоанн Златоуст*, Беседа 68. Толкование на святого Матфея евангелиста. Т. 7. Кн. 2. С. 695, 697, 698. Частое обращение к Златоусту обусловлено не только тем, что он относительно близок по времени к Юстиниановому периоду. Важнее то, что Иоанн многие века был одним из главных авторитетов в вопросах православной морали. Насколько она близка нам сегодня — вопрос сугубо личный.

² Прокопий намекает на оральный и анальный секс. Примечательно, что именно Юстиниан в 539 г. своей 80-й новеллой официально запретил «сношения с женщинами запретным образом». При нем же была создана новая должность квестора, в обязанности которого входило следить за чистотой нравов, в том числе и в данном вопросе. См.: *Смирницких*, 2009. С. 55.

пристроилась при сцене и тотчас стала гетерой из тех, что в древности называли “пехотой”. Ибо она не была ни флейтисткой, ни арфисткой, она даже не научилась пляске, но лишь продавала свою юную красоту, служа своему ремеслу всеми частями своего тела. Затем она присоединилась к мимам, выполняя всяческую работу по театру и участвуя с ними в представлениях, подыгрывая им в их потешных шутовствах. Была она необыкновенно изяшна и остроумна. Из-за этого все приходили от нее в восторг. У этой женщины не было ни капли стыда, и никто никогда не видел ее смущенной, без малейшего колебания приступала она к постыдной службе. Она была в состоянии, громко хохоча, отпускать остроумные шутки и тогда, когда ее колотили по голове. Сбрасывая с себя одежды, она показывала первому встречному и передние, и задние места, которые даже для мужа должны оставаться сокрытыми.

Отдаваясь своим любовникам, она подзадоривала их развратными шутками и, забавляя их все новыми и новыми способами половых сношений, умела навсегда притянуть к себе распутные души. Она не считала нужным ожидать, чтобы мужчина, с которым она общалась, попытался соблазнить ее, но, напротив, своими вызывающими шутками и игривым движением бедер обольщала всех без разбора, особенно безусых мальчиков. В самом деле, никто не был так подвластен всякого рода наслаждениям, как она. Ибо она часто приходила на обед, в складчину сооруженный десятью, а то и более молодцами, отличающимися громадной телесной силой и опытными в распутстве, и в течение ночи отдавалась всем сотрапезникам; затем, когда все они, изнеможенные, оказывались не в состоянии продолжать это занятие, она отправлялась к их слугам, а их бывало порой до тридцати, спаривалась с каждым из них, но и тогда не испытывала пресыщения от этой похоти.

Однажды, говорят, она явилась в дом одного из знатных лиц во время пирушки и на виду у всех пировавших, поднявшись на переднюю часть ложа, там, где находились их ноги, начала бесстыдно сбрасывать с себя одежды, не считая зазорным демонстрировать свою распущенность. Пользуясь в своем ремесле тремя отверстиями, она упрекала природу, досадуя, что на грудях не было более широкого отверстия, позволившего бы ей придумать и иной способ сношений. Она часто бывала беременной, но почти всегда ей удавалось что-то придумать и с помощью ухищрений вызвать выкидыш.

Часто в театре на виду у всего народа она снимала платье и оказывалась нагой посреди собрания, имея лишь узенькую полоску на пахе и срамных местах, не потому, однако, что она стыдилась показывать и их народу, но потому, что никому не позволялось появляться здесь совершенно нагим без повязки на срамных местах. В подобном виде она выгибалась назад и ложилась на спину. Служители, на которых была возложена эта работа, бросали зерна ячменя на ее срамные места, и гуси, специально для того приготовленные, вытаскивали их клювами и съедали. Та же поднималась, ничуть не покраснев, но, казалось, даже гордясь подобным представлением. Она была не только самой бесстыдной, но и самой изобретательной на бесстыдства. Часто, скинув одежды, она находилась на сцене среди мимов и то наклонялась вперед, выпятив и изогнув грудь, то старалась попасть в зад тех, кто уже испробовал ее, и тех, кто еще не был с ней близок, гордясь тем из гимнастического искусства, что было ей привычно. С таким безграничным цинизмом и наглостью она относилась к своему телу, что казалось, будто стыд у нее находится не там, где он, согласно природе, находится у других женщин, а на лице. Те же, кто вступал с ней в близость, уже самым этим явно показывали, что сношения у них происходят не по законам природы. Поэтому когда кому-либо из более благопристойных людей случалось встретить ее на рынке, они отворачивались и поспешно удалялись от нее, чтобы не коснуться одежд этой женщины и таким образом не замарать себя этой нечистью. Для тех, кто видел ее, особенно утром, это считалось дурным предзнаменованием. А к выступавшим вместе с ней актрисам она обычно относилась как лютейший скорпион, ибо обладала большим даром злоречия.

Позже она последовала за назначенным архонтом Пентаполиса Гекеболом из Тира, угождая его самым низменным страстям. Однако она чем-то прогневала его, и ее оттуда со всей поспешностью прогнали. Из-за этого она попала в нужду, испытывая недостаток в самом необходимом, и далее, чтобы добыть что-то на пропитание, она стала, как и привыкла, незаконно торговать своим телом. Сначала она прибыла в Александрию. Затем, пройдя по всему Востоку, она возвратилась в Византий. В каждом городе прибегала она к ремеслу, назвать которое, я думаю, человек не может, не лишившись милости Божьей, словно дьявол не хотел допустить, чтобы существовало место, не испытывавшее распушенности Феодоры.

Так эта женщина была рождена и вскормлена, и так ей было суждено прославиться среди многих блудниц и стать известной всему человечеству. Когда она вновь вернулась в Византий, в нее до безумия влюбился Юстиниан. Сначала он сошелся с ней как с любовницей, хотя и возвел ее в сан патрикии. Таким образом Феодоре удалось сразу же достигнуть невероятного влияния и огромного богатства. Ибо слаще всего было для этого человека, как это случается с чрезмерно влюбленными, осыпать свою возлюбленную всевозможными милостями и одаривать всеми богатствами¹.

Беспорядочная половая жизнь всегда сопровождается двумя рисками: венерических заболеваний и нежелательной беременности. Античное время знало средства предохранения: презервативы, сделанные из кишок животных, применялись еще римскими легионерами. Но прочие «контрацептивы» выглядят, с позиций современной медицины, мягко говоря, сомнительно: это были всякого рода тампоны, пропитанные квасцами, шафраном, настойкой ивового листа и даже пометом крокодила или слона². Для прерывания беременности использовались средства не только малоэффективные, но и опасные: в первый месяц беременности — ядовитые вещества, вводившиеся во влагалище, а затем — езда на тряской телеге, принятие горячих ванн сидя. Неудивительно, что при таких методах и гетеры, и актрисы нередко беременели и не могли избавиться от плода³. Известно, что у Феодоры была дочь (а возможно, и сын), рожденная до встречи с Юстинианом. Это не афишировалось.

Важно отметить, что характеристику Феодоре как «публичной женщине» дал не только Прокопий в «Тайной истории», но и вполне уважительно относившийся к ней (и к Юстиниану) Иоанн Эфесский.

Прокопий не упоминает о том, что, появившись в Константинополе, Феодора отказалась от бывшего шумного образа жизни, оставила театр и начала совершенствовать свои

¹ «Тайная история». IX. Цит. по: *Прокопий*. Войны. С. 284—286.

² *Смирницких*, 2009. С. 65.

³ Учитывая законодательство того времени, не слишком строго каравшее родителей-детоубийц, не стоит удивляться такому вполне распространенному явлению, как инфантицид. Не так давно в израильском Ашкелоне (византийском Аскалоне) археологи раскопали публичный дом, под полом которого находилось несколько сотен скелетов новорожденных младенцев, в основном мальчиков, что понятно.

знания, наняв учителей для занятий науками. Именно тогда, около 520 года, с ней и познакомился Юстиниан¹.

Эта женщина отличалась весьма привлекательной наружностью: небольшого роста, крайне изящная, с красивым бледным лицом и выразительными глазами. Человеком она тоже была неординарным. Что же касается Юстиниана, то, судя по его дальнейшим действиям, комплексами он не страдал, на мнение окружающих особо не ориентировался и был в себе вполне уверен. Захотел — сделал, а это в подобных вопросах дорогого стоит!

Ничего особенного в том, что Юстиниан начал жить с Феодорой, не было. Выше неоднократно говорилось о причудливом и неоднозначном смешении в общественной жизни Византии христианской морали и античных традиций. Античная традиция не видела в союзе людей и сопряженном с ним чувственном удовольствии ничего дурного. И, несмотря на осуждение христианами ригористами сожителства вне брака, явление конкубината никуда не делось из византийского быта ни тогда, ни позднее. Аврелий Августин, такой же образованный провинциал, в юности, как и Юстиниан, переселившийся в крупный город, вспоминал: «В эти годы я жил с одной женщиной, но не в союзе, который зовется законным: я выследил ее в моих безрассудных любовных скитаниях. Все-таки она была одна, и я сохранял верность даже этому ложу. Тут я на собственном опыте мог убедиться, какая разница существует между спокойным брачным союзом, заключенным только ради деторождения, и страстной любовной связью, при которой даже дитя рождается против желания, хотя, родившись, и заставляет себя любить»².

Когда Юстиниан всерьез увлекся Феодорой, он заставил дядю возвести ее в достоинство патрикии и издать указ, разрешавший лицам сенаторского сословия (к коим, в силу титула, он относился) жениться на бывших актрисах и проститутках, которые «...оставив дурной и бесчестный образ жизни, стали вести жизнь приличную и хранить свою честь»³. Юстин (а скорее всего, его племянник) объяснял это желанием указать путь к воздержанию женщинам,

¹ Российская писательница монахиня Кассия (Сенина) написала на этот сюжет красивый, по моему мнению, рассказ. Напечатанным я его не нашел, но он есть в Интернете: <http://www.proza.ru/2008/03/01/538>.

² *Августин*. Исповедь. 4, II. С. 104.

³ *Курганов*, 2015. С. 372.

«избравшим недостойное чести сожительство вследствие слабости пола». Дело в том, что подобные браки воспрещались еще со времен Августа, а в византийское время соответствующие законы выпускались как минимум дважды: в 336 году Константином и в 454-м Маркианом и Валентином III.

Однако императрица Евфимия, имея свои понятия о благочестии, оказалась категорически против официального союза Юстиниана и Феодоры. Слывя женщиной темной и не имея привычки вмешиваться в дела мужа, здесь, в вопросе не столько государственном, сколько семейном, она была непреклонна.

Так что во дворце, в спальне государя, вполне мог состояться такой диалог:

— Мне сказали, император, что ты позволил сенаторам жениться на публичных женщинах, отменив установления предков?

— Да, так.

— Можешь не говорить мне почему. И так ясно. *Он* попросил тебя?

— Слушай, Юстиниан уже не мальчик и соображает, что делает. Ему это нужно. Пусть будет.

— Он же твой сын! Тебе подходит такая невестка?

— Мне — нет, но ему нужна именно эта женщина. Сама знаешь, что он никогда не стремился к браку, а тут — попросил. Раз так...

— Да что же ты делаешь, старый?! Это ведь не только твоя, но и моя невестка. И если тебе все равно, то на свою седую голову лично я позора не желаю. Коль скоро ты ему отец, я — мать и своего согласия не дам.

— Ишь ты как заговорила! Можно подумать, мне твоя жемчужина досталась непросверленной!

— Не сравнивай! Я была рабыней, покорной хозяину. Если он принуждал меня к дурному, это был его грех, не мой. Сама я удовольствий не искала. А Феодора распутничала по своей воле — об этом открыто говорят уважаемые люди, и я им верю. Не хочу, чтобы такая грешница стала моей невесткой!

Юстин не захотел расстраивать жену. Свадьба Юстиниана и Феодоры состоялась лишь в 523 году, после кончины императрицы.

Теперь у Юстиниана было всё, кроме разве что императорской власти. Но Юстин был стар, а Юстиниан мудр и понимал, что ему нужно лишь подождать некоторое время.

Цезарь, «еще не возведенный на престол, управлял государством при жизни дяди своего... который еще царствовал, но был очень стар и неспособен к делам государственным»¹. В «Тайной истории» Прокопий даже уподобляет Юстина ослу, который во всем слушается погонщика, довольствуясь возможностью самостоятельно лишь махать ушами².

В конце мая 526 года Византия пострадала от сильнейшего землетрясения. Были почти полностью разрушены многие города, в том числе один из самых крупных центров Востока Антиохия-на-Оронте. «Благочестивейший император Юстин, услышав об этом с крайним прискорбием души, снял с головы свой венец, отложил багряницу и во вретисе плакал многие дни; даже в самый праздник, отправляясь в церковь, не захотел взять ни венца, ни плаща, вышел просто одетый, в одном багряном плаще, и перед всем сенатом рыдал, а с ним и все рыдали в печальных одеждах. Царь немедленно послал в Антиохию...(комита. — С. Д.) Карина, которому дал 500 фунтов золота для откапания и, если можно, спасения кого, а засыпанное сохранить от разбойников и грабителей»³. Впоследствии император выделил дополнительные средства на восстановление пострадавших городов.

В апреле 527 года, в консульство Мавортия, Юстиниана наконец-таки объявили августом⁴. Произошло это во внутренних помещениях дворца и не то чтобы тайком, но без тех торжественных церемоний, которыми сопровождалось венчание Анастасия или Юстина. Дядя лично возложил на племянника диадему. Прокопий в «Тайной истории» высказывает предположение, что нобилитет согласился на это из великого страха.

Несколько месяцев Юстин и Юстиниан управляли государством совместно, свидетельством чему являются монеты. Причем, в отличие от бывших случаев соправительства, когда императоры или изображались каждый со своей титулатурой, или несколько на одной монете, оформление

¹ «Война с вандалами». 1. IX. См.: *Прокопий*. Войны. С. 166. Цит. по старому переводу С. и Г. Дестунисов.

² «Тайная история». VIII. См.: *Прокопий*. Войны. С. 281.

³ *Феофан*, год 6019. С. 135.

⁴ У Иоанна Малалы (и следовавшего ему Евагрия) — 1 апреля. См.: *Иоанн Малала*. XVIII.1. С. 125; *Евагрий*. IV. 8. С. 285. У Феофана — 4 апреля, на Пасху: *Феофан*, год 6019. С. 135. Другая дата — 14 апреля. См.: *Vasiliev*, 1950. P. 96.

некоторых медных фоллисов Юстина и Юстиниана было иным. Легенда «Господин наш Юстин и Юстиниан, вечный блаженный август (DN IVSTIN ET IVSTINIANVS PP AVG)» сопровождала профиль абстрактного императора.

Дядя и племянник соцарствовали недолго: 1 августа 527 года Юстин I, давно страдавший от воспалившейся старой раны на ноге, умер.

Византия вступила в эпоху Юстиниана.

Август Юстиниан: ранние годы правления: 527—531

Самые массовые портреты античных правителей помещены на монетах. Монета — некрупный предмет, и на ней не очень-то видны детали. Но сложность в другом: начиная с V века портрет императора на монете становится схемой, изображая не столько конкретного человека, сколько «императора вообще». Да, определенные особенности византийские резчики-штемпелей передавали — например наличие или отсутствие бороды. Но это, пожалуй, и всё. Монетный портрет превращался в символ, уже не имевший точной связи с предметом изображения, — как икона является лишь подобием. И если, например, монеты императоров I—III веков или даже столетием позже различаются по портретам безошибочно, то отличить лицо Анастасия от Юстина или Юстиниана на фоллисе одного типа — задача нереальная. Правда, в византийское время чеканили, случалось, и крупные монеты, предназначавшиеся не для обращения, а для торжественных случаев — наград, даров и т. д. Они менее схематичны. В Парижском кабинете монет и медалей сохранилась копия такого медальона в 36 солидов с довольно крупным портретом¹.

Еще один тип изображения — парадная скульптура. Римляне высекали своих правителей из мрамора, гранита или порфира и рассылали эти «божественные портреты» по провинциям. Каменные копии олицетворяли живого

¹ Эта монета — «памятник» человеческой жадности и глупости. Подлинник хранился в Парижском кабинете медалей, но в XIX в. большое количество золотых монет (в том числе редчайшие медальоны — монеты в несколько солидов) было украдено. Часть удалось вернуть, но, преследуемые полицией, воры в отчаянии переплавили оставшиеся у них сокровища в слиток. Теперь мы имеем только копии — их, по счастью, успели сделать раньше.

императора там, где того требовал церемониал: в судах, в цирках при открытии игр, в иных общественных местах. Для удешевления процесса нередко ловчили, делая торс со сменной головой. Пришел к власти новый император — убрали одну голову, поставили другую. Удобно. Но если число сохранившихся скульптурных изображений каких-нибудь Адриана, Траяна или Галлиена исчисляется едва ли не десятками, то в ранневизантийское время их количество уменьшилось. К этому привели варварские нашествия, разорение городов, общее снижение уровня жизни. Да и портретное сходство стало более условным. Ученые до сих пор не могут договориться, кому принадлежит гигантская бронзовая статуя, вывезенная из Константинополя в XIII веке и стоящая ныне в итальянском Барлетто: Валентиниану I, Маркиану или Льву. Та же история с потрясающей красоты предметом, так называемым «Диптихом Барберини» — вырезанной из слоновой кости сложной композицией, изображающей конного императора в сцене триумфа. Кто это — Анастасий, Юстин или Юстиниан, — не вполне ясно до сих пор.

От статуй Юстиниана нам досталась одна-единственная порфиновая голова, прикрепленная свинцом на поручнях балкона собора Сан-Марко в Венеции (хотя принадлежность этой головы Юстиниану — тоже предположение).

Если судить по портретам на монетах и по этой голове, у Юстиниана было полное одутловатое лицо с круглыми выпирающими щеками, большими глазами навыкате, припухшими веками и маленьким подбородком. Будь на порфировой голове из Венеции усики, она походила бы на каноническое изображение Петра Великого, того же Медного всадника. Грозно насупленные брови придают Юстиниану свирепый вид — но этот прием нередко использовался скульпторами ранней Византии для императорского портрета: достаточно взглянуть на того же колосса из Барлетты или хранящиеся в музеях скульптуры какого-нибудь Максимиана Дазы, Диоклетиана и других. Интересно, что изгиб правой брови выражен явно меньше, чем левой, — возможно, такой была анатомическая особенность василевса.

Возвеличивая себя как выдающегося правителя, Юстиниан не скромничал. Остается лишь сожалеть о том, что большая часть материальных свидетельств этого утрачена. Известно, например, что Юстиниан и Феодора, благословляемые Христом и Богородицей, были вышиты на завесах, помещенных в константинопольском соборе

Святой Софии вокруг престола¹. Богатые мозаичные панно с изображениями супругов украшали построенную по приказу императора Халку — зал с куполом и крышей из меди, служивший парадным входом во дворец. Видевший это великолепие Прокопий Кесарийский оставил нам восторженное описание: «Весь потолок чудесно украшен картинами, не нарисованными при помощи восковых красок, расплавленных и закрепленных там, но составленными из маленьких камешков, ярко сияющих различными цветами естественных красок; такими камешками хорошо передаются кроме всего прочего также и фигуры людей... С той и с другой стороны изображены война и битвы, изображено взятие многочисленных городов Италии и Ливии. Император Юстиниан одержал эту победу при посредстве своего военачальника Велизария, который и является пред лицом императора, приводит к нему войско целым и невредимым, преподносит ему военную добычу, царей и царства и все то, что вызывает изумление среди людей. Посередине стоят император и императрица Феодора. В выражении лица их обоих видна радость, они справляют праздник победы над царем вандалов и царем готов, которые приведены к ним и стоят перед ними как военнопленные. Вокруг них стоят римские сенаторы, все полные праздничной радости. Это веселье обозначают камешки, блистающие на их лицах различными яркими красками. С гордостью улыбаются они императору, воздавая ему, ввиду важности им совершенного, почести, равные божеским. Блеском мраморов одета там вся внутренняя часть вплоть до находящихся вверху камешков (мозаики), и не только все то, что возвышается над землею, но даже сплошь и самый пол. И некоторые из этих мраморов подобны смарагду (зеленому цвету) спартанского камня, иные подражают пламени огня. Большинство — белого цвета, и не только простого, но он отливает иногда волнами голубого цвета, как будто разлившегося внутри его»². В одном из красивейших мест города, около бань Аркадия, стояла на пурпурной колонне статуя Феодоры.

Все это погибло. В XVI веке турками была уничтожена и гигантская конная статуя Юстиниана, с 543 года находившаяся на высокой колонне на площади Августеон в Константинополе. Император простирал руку к востоку,

¹ Грабар, 2000. С. 129, 184.

² «О постройках». 1. X. Цит. по: Прокопий. Война с готами. Т. 2. С. 173, 174.

а позолоченные корона-туфа и шар в его руке были в ясную погоду видны из многих точек города и даже с моря. От колонны сохранились лишь массивная прямоугольная капитель (музей Топкапы в Стамбуле), зарисовки, сделанные европейскими путешественниками, абстрактные изображения на русских иконах (одна из них — «Воздвижение Креста, с избранными святыми» — находится в Третьяковской галерее) да словесные описания. Первое сделал современник, Прокопий Кесарийский, который дал толкование деталям этой статуи — может, свое, а может, услышанное непосредственно от заказчиков или исполнителей:

«Тут есть настил из камней не меньше чем в семь рядов, четырехугольной формы. Они все уложены в виде спуска ступенями, причем каждый ряд настолько меньше нижнего и настолько отступает от него, что каждый из камней, выступающий в своем ряду, образует ступень и собирающаяся здесь толпа народа может сидеть на них, как на скамейках. На этом каменном настиле поднимается колонна невероятной величины; она не является монолитной, но по окружности составлена из громадных камней; по краям они являются прямоугольными, а друг с другом они связаны искусством каменщиков. Чудесная бронза, вылитая в виде картин и венков, везде окружает эти камни, в смысле крепости связывая их, в смысле красоты прикрывая их, приблизительно во всем имея одинаковую форму с колонной, особенно вверху и внизу ее. Эта бронза по своему цвету много слабее, чем чистое золото, по цене же она почти равна серебру. Наверху этой колонны стоит огромный бронзовый конь, обращенный к востоку, — произведение, заслуживающее и осмотра, и большого описания. Он похож на собирающегося двинуться; в его позе явное устремление вперед. Одна из передних его ног — конечно, левая — поднята в воздух, как будто он собирается ступить на находящуюся перед ним землю, другая твердо опирается на камень, на котором стоит конь, с тем чтобы сделать следующий шаг; задние же ноги у него так напряжены, что, когда им придется двинуться, они тотчас же готовы. На этом бронзовом коне восседает фигура императора колоссальных размеров. Его статуя одета в «одеяние Ахиллеса». Так называется то одеяние, которое на нем надето. На нем высокие башмаки, а нога от лодыжки без поножей. На нем надет панцирь, как в героические времена; голову ему покрывает шлем, дающий представление, что он движется: такой блеск, как будто молния, исходит от него. Если бы

говорить языком поэзии, то это сияет осенняя звезда. Его лицо обращено к востоку, и, думаю, он правит конем, направляя его против персов. В левой руке он держит шар: художник хотел этим показать, что ему служат вся земля и море. У него нет ни меча, ни копья, никакого другого оружия; только крест у него поставлен над шаром в знак того, что им одним он получил и власть над империей, и победу над врагами. Правая рука его протянута по направлению к востоку; и, вытянув пальцы, он как бы приказывает находящимся там варварам сидеть спокойно дома и не двигаться за свои пределы»¹.

Второе дал византийский историк Никифор Григора, которому в конце XIII века повезло во время ремонта статуи добраться до самого ее верха. Он, правда, сосредоточился не на описании деталей, а на промерах: «Итак, окружность головы статуи — в размах рук рослого мужчины. Такое же расстояние и от плеч ее до верха символа царской власти на голове. Длина каждого пальца на его руках — пядь (пядь (*греч.* πλιθαμίη) — древняя мера длины, равная 231,2 миллиметра. — *Прим. пер.*). Длина ступней его ног — три и две трети пяди, или четыре пяди без одной трети. Длина креста на шаре — четыре пяди, а ширина — три пяди. Объем шара — три гражданские меры (μέτρα πολιτικά) (нам не удалось найти современный эквивалент «гражданской меры». — *Прим. пер.*). От груди коня до хвоста — три размаха рук. Равным образом и толщина шеи его — около трех размахов. От края носа до ушей — один размах. А толщина голени ноги — пять пядей в окружности. Плащ его (то есть всадника. — *Прим. пер.*) усеян звездами, испещрен листьями и ветвями и точь-в-точь похож на те, что прежде привозили из земли серов (серы (*греч.* σπρες) — народность в Восточной Азии, отождествляемая с китайцами. Прилагательное «σπρικός» означает «шелковый». — *Прим. пер.*)»².

Поразило это сооружение и русского паломника XIV века Стефана Новгородца: «Тут стоит столп, изумительный своей толщиной, и высотой, и красотой, издалека с моря видно его. А наверху его Юстиниан Великий сидит на коне, достойный великого удивления: как живой, в доспехе сарацинском, трепет охватывает при виде его; а в руке у него большое золотое яблоко, а на яблоке крест, а пра-

¹ «О постройках». I. 2. Цит. по: *Прокопий. Война с готами*. Т. 2. С. 154, 155.

² *Григора*. Т. 1. VII. 13. С. 213.

вую руку отважно простер на юг, к Сарацинской земле, к Иерусалиму»¹.

На базе колонны император приказал вырезать парафраз из изречений Ветхого Завета: «Он воссядет на коней Господних и езда его будет во спасение. Царь возлагает надежду свою на Бога и враг не сможет его одолеть»².

В общем, хороших, а главное, достоверно относимых к тому или иному правителю изображений, за исключением монет, от Византии осталось мало. Но в случае с Юстинианом нам повезло: в итальянской Равенне, в апсиде церкви Сан-Витале сохранились мозаичные портреты царственных супругов, принадлежность которых сомнений не вызывает.

Мозаики Сан-Витале

Образцом для равеннского собора в честь св. Виталия Миланского послужил константинопольский храм Сергия и Вакха. Сооружать само здание базилики начали в 527 г. при равеннском епископе Экклесии, а заканчивали через два десятка лет уже при архиепископе Максимиане. Он же заказывал и мозаичное внутреннее убранство храма. Финансировал строительство некий грек Юлиан Аргентарий, но вполне вероятно, что настоящим заказчиком был сам Юстиниан. История создания собора и профессиональное описание мозаик можно найти в многочисленной специальной литературе, мне же хочется передать личное ощущение.

Снаружи Сан-Витале впечатляет не особо: возведенный из узких кирпичей, ушедший за столетия в зыбкую болотистую почву, подпертый контрфорсами, он кажется каким-то неказистым, несмотря на внушительные размеры. Но так, по идее, и должно быть с православным храмом: главное — внутри и открывается лишь вошедшему.

И действительно, стоит попасть внутрь, как всё меняется. Восточная часть вместе с апсидой покрыта изумительной, воистину торжественной мозаикой. Из-за преобладания зеленого стены кажутся цветущими.

¹ Библиотека... С. 31.

² *Диль*, 2010. С. 60. Это «синтез» из нескольких отсылок — к молитве пророка Аввакума (из «Песен Священного Писания»), а также к 18-му стиху 38-й главы книги пророка Иеремии, 4-му, 93-му псалмам.

щим лугом. Узор, сделанный из кусков непрозрачного стекла (смальты), со временем не померк. Это какая-то музыка цвета: несмотря на яркость, все сочетается очень гармонично и глаза не устают. Напротив, они наслаждаются. Подойдя ближе, начинаешь различать десятки сюжетов: портреты святых, ангелов, изображения прочих существ и предметов. Это — тоже наслаждение, уже не только цветом, но и деталями. Разглядывать лицо какого-нибудь пророка, зверюшку или птичку можно часами. С разных углов обозрения мозаика по-разному отражает свет, что буквально завораживает. Гигантские панно делали быстро, работало, видимо, много художников: стили изображений несколько разнятся. Но высочайший класс, настоящее мастерство видны везде (не случайно храм включен во всемирное наследие ЮНЕСКО). И не столь уж важно кем — италийцами или жителями Константинополя — были художники, сотворившие это чудо. Мозаичные шедевры дополняются искусно вырезанными капителями колонн. Оглядывая интерьер Сан-Витале, понимаешь, что время Юстиниана — это еще и особая страница византийского искусства, причем очень разного — такого, как мозаики Равенны или, скажем, мозаики иорданской Мадабы. Давно подмечено: «Такой сосредоточенности мыслительных и эстетических возможностей, как в эпоху Юстиниана, византийское искусство не знало, пожалуй, никогда. Правда, полная,вершенная выраженность идеального и стабильного византийского типа и стиля была найдена позже, в средневизантийский период (конец X—XII в.). И все же именно в юстиниановский век были обретены уже все основы этой образной и художественной системы, хотя воплощены в более разнообразных формах, чем допускал позднее византийский канон»¹. Есть люди, для которых Сан-Витале оказывается проблемой: попав туда утром, они с большой неохотой выходят лишь к закрытию.

Юстиниан и Феодора изображены на противоположных стенках апсиды. Каждого сопровождает свита. Над обоими, как бы благословляя, — Христос в окружении ангелов, святого Виталия и Экклесия с моделью храма в руках. Христос и императорская чета изобра-

¹ KB-1. С. 561.

жены с выделяющимися на фоне мозаик нимбами, в темных одеждах, поэтому взгляд сразу выхватывает три эти фигуры из пространства: Христос, Феодора, Юстиниан. Остальных «видишь» мгновением позже. Оказывается, у ангелов тоже есть нимбы, но почему-то менее четкие.

Феодора, миниатюрность которой подчеркивается ее пышной прической-пополомой, окружена женщинами. Изящная ее фигура задрапирована в ткань. По подолу с дарами в руках поднимаются три волхва, которым как бы подражает сама императрица, приносящая церкви чашу. Справа от Феодоры безбородый мужчина (евнух?), второй отдергивает завесу, прикрывающую маленький фонтан на постаменте.

Юстиниан тоже пришел не с пустыми руками: он держит литургическую чашу-патену. Слева от него стоят с мрачным лицом архиепископ Равенны Максимиан (единственный персонаж, для которого сделана подпись) и два диакона, один с евангелием, другой с кадиллом. За ними, как бы стараясь не выделяться, расположилась еще кто-то, чьи украшения на одежде не видны (Юлиан Аргентарий?). По другую сторону императора — двое придворных, в одном из которых ученые видят Велисария. Ну и на заднем плане — группа, состоящая из пышно одетых стражников с копьями и безбородых юношей (или евнухов). На этой мозаике Юстиниан выглядит явно моложе, чем должен был быть на момент ее создания.

Юстиниан и Феодора олицетворяют собой блеск и величие империи. При этом взгляд императора выдает скорее не торжество, а какое-то скрытое напряжение. Феодора — спокойна, задумчива и словно погружена в себя. Вот так уже более полутора тысяч лет они и смотрят друг на друга с этих стен.

Еще одно мозаичное лицо, но уже человека пожилого, несколько одутловатого, хранится в церкви Сант-Аполлинаре-Нуово в той же Равенне. Впрочем, есть мнение, что на портрете — Теодорих Великий, а не Юстиниан (сверху смальтой выложено IVSTINIAN, однако это следы позднейшей реставрации). Поскольку византийцы переделали мозаики этой церкви, можно предположить и компромиссный вариант: портрет Теодориха, «подправленный» для внешнего сходства с Юстинианом. Во всяком случае,

в дошедшем до нас виде он соответствует словесным описаниям императора, самое известное из которых — естественно, у Прокопия: «Был он не велик и не слишком мал, но среднего роста, не худой, но слегка полноватый; лицо у него было округлое и не лишенное красоты, ибо и после двухдневного поста на нем играл румянец»¹.

Иоанн Малала описал василевса почти так же лаконично: «Был он невысокого роста, широкогрудый, с красивым носом, белым цветом лица, вьющимися волосами. Был он круглолиц, красив, [несмотря на то, что] у него не было волос на лбу, цветущий на вид, [хотя] борода и голова его поседели, великодушный, христианин. Любил партию венеатов. Он был фракийцем, родом из Ведерианы»².

Хотя Юстин и Юстиниан происходили из одной семьи, их жизненный опыт оказался совершенно разным. Юстин начинал с низов, много времени провел в военных походах, имел ранения. Он был не вполне образован (даже если рассказы Прокопия о полной его безграмотности и счесть за зубоскальство). Наконец, на трон он взошел, по византийским меркам той поры, довольно пожилым человеком.

Иное дело Юстиниан. Высшим военным постом он действительно обладал, но нам ничего не известно о том, участвовал ли он в сражениях, ел ли когда-нибудь из походного котла, делил ли с кем палатку. То есть он мог мановением руки послать армию сражаться, умирать и убивать, но личный опыт войны имел вряд ли. Образование получил неизвестно как, но явно отличное. В вопросах сложных, касавшихся государственного управления или религиозной политики, проявлял себя гораздо решительнее или даже самоувереннее предшественников. А еще был относительно молод: давно к власти не приходил человек моложе пятидесяти лет.

Если учесть феноменальную работоспособность и энергичность Юстиниана, империю ожидали непростые времена. Говорят, у китайцев есть поговорка, звучащая примерно так: «Не приведи Бог жить в эпоху перемен». Неизвестно,

¹ «Тайная история». VIII (*Прокопий*. Войны. С. 282). Далее историк сравнивает императора с Домицианом, однако тут речь идет не о стремлении найти портретное сходство, а о задаче опорочить Юстиниана во всем: Домициан считался одним из худших римских императоров.

² *Иоанн Малала*. XVIII. 1. С. 125. Иоанн пишет, что Юстиниан носил бороду, но на монетах и мозаиках он всегда изображался безбородым.

существовала ли подобная у византийцев, но с установлением единоличной власти Юстиниана государство вступило в долгую эпоху перемен и потрясений.

Когда Юстиниан начал править полностью самостоятельно, размах будущих свершений можно было только предположить. Что думал он сам о своем призвании? Чего мог желать, к чему стремиться?

В этом вопросе нам на помощь приходят труды современников. Концепцию власти в двух наиболее важных аспектах древности (военном и административном) греки и римляне ко времени Юстиниана проработали весьма основательно. В многочисленных сочинениях мудрые люди учили, как следует себя вести полководцу или императору. Под названием «Царская статуя» или «Царское зеркало» труды античных, а затем и раннесредневековых мыслителей на тему высшей земной власти расходились по всему миру. Редкий историк или философ, описывая современные ему или древние события, не оценивал сам или хотя бы не подводил читателя к оценке поступков своих героев.

В процессе изучения наук, прежде всего риторики, философии и юриспруденции, юный Петр Савватий в большом количестве разбирал примеры хорошего либо дурного поведения архонтов и, надо полагать, делал из них выводы. Пройдет время, и выводы эти явятся миру в новеллах самого Юстиниана и его ближайших преемников. Основные цели императорской власти получались примерно следующими: общее благо, служение людям, охрана личности подданного, ограждение общества от всякого вреда, равномерное распределение благ между подданными, устранение нужды подданных, нравственное совершенствование подданных¹. Уровень знаний Юстиниана вполне допускал его знакомство с наиболее основательными произведениями, излагавшими античную теорию вопроса: «Государство» Платона, «Политика» Аристотеля или «О царстве» Диона Хрисостома. Мы не знаем, читал ли он сам эти труды, но что в его круге были люди (друзья или преподаватели),

¹ Казанцев, 2014. С. 49. Вопрос о целях императорской власти выходит за рамки данной книги, но полезно отметить, что идея «служения» своим подданным неоднократно используется императорами после Юстиниана — вплоть до самого падения империи. Исходя в том числе из нее, Константин XI Палеолог 29 мая 1453 г. не вышел с ключами от Города к султану, не сел на венецианскую галеру, но с мечом в руке бросился навстречу янычарам.

знакомые с представлениями этих классических мудрецов об идеальном государстве, — несомненно. Согласно воззрениям философов, идеальную монархическую власть (βασιλευσία) следовало отличать от тирании. Если в первом случае монарх правит на благо всем согражданам, обладая такими добродетелями, как мужество, мудрость, справедливость, то тиран опирается лишь на свою волю, используя государство для личной выгоды.

Интересовала данная тема и Церковь. Тексты Ветхого и Нового Завета изобилуют моральными сентенциями, поучениями, притчами о том, как должна себя вести власть. Их трактовали священники, обсуждали в кругу семьи или на службе. «Каков правитель в городе, таковы и проживающие в нем» — эту максиму знал каждый, кто ходил к проповеди, а значит, и Юстиниан¹. Выдающиеся пастыри посвящали немало времени вопросам мыслей, душевных свойств или поведения начальствующих лиц. Во времена, близкие Юстиниану, наиболее влиятельным церковным мыслителем был Иоанн Златоуст. «Истинно тот царь, кто властвует над гневом, над завистью и удовольствием, и все подчиняет законам Божиим, и, сохраняя ум свободным, не позволяет утверждаться в душе власти удовольствий; такого человека я охотно желал бы видеть владыкой земли и моря, городов, народов и войск. В самом деле, кто поставил разум начальником над страстями души, тот легко стал бы начальствовать над людьми согласно законам Божиим, так что был бы для подчиненных наподобие отца, обходясь с гражданами со всякой кротостью. Тот же, кто начальствует по-видимому над людьми, а сам рабствует гневу, властолюбию и удовольствиям, во-первых, может показаться смешным для подчиненных, что носит золотой и украшенный драгоценными камнями венец, а благоразумием не увенчан, что все тело его блистает порфирой, а душа остается неукрашенной; а во-вторых, он не будет знать и того, как распоряжаться властью, потому что тот, кто оказался не в состоянии управлять собою, как сможет исправлять других законами? Будем стремиться не к тому, чтобы пользоваться почестями и властью, а к тому, чтобы пребывать в добродетели и любознательности. Сила и власть побуждают делать многое неугодное Богу; и нужна очень мужественная душа, чтобы по-надлежащему воспользоваться данной честью, славой и властью. Тот, кто лишен высокого достоинства,

¹ Библейская «Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова».

и невольно любомудрствует; тот же, кто пользуется им, испытывает нечто подобное тому, как если бы кто-нибудь, живя вместе с благовидной и красивой девицей, положил себе за правило никогда не смотреть на нее нескромным оком. Таково свойство власти. Вот почему даже невольно она побуждает многих к нанесению обид, воспаляет гнев, снимает узду с языка, открывает дверь устам, обуревая душу как бы ветром и погружая ладью в самую глубину зол. Величие чести для людей, не старающихся жить достойно этой чести, служит к увеличению наказания. Известность и успех среди народа, чем более славным делают человека, тем более представляют опасностей и забот, потому что такой человек не может даже остановиться и вздохнуть, имея столь жестокого и тяжкого господина. Да что я говорю: остановиться и вздохнуть? Хотя бы такой человек имел тысячи добрых дел, он с трудом входит в царствие небесное, потому что ничто так обычно не надмевает людей, как слава толпы. Переносить бесчестие — великое и благородное дело; но для обладания славою требуется мужественная и весьма великая душа, чтобы пользующийся славою не возгордился. Если хочешь получить славу, отвергай славу; если же будешь гнаться за славою, потеряешь славу... Чем выше и блестящее бывает успех в делах человеческих, тем большее готовит он падение; и так бывает не только с подчиненными, но и с самими царями; и частный дом не бывает исполнен столькими бедствиями, скольких зол полон царский дворец. <...> Тот, кто покоряется властям, не властям покоряется, а повинуется Богу, установившему их; и кто не повинуется им, тот противится Богу. “Нет власти”, — говорится, — “не от Бога” (Рим. 13:1). То, что существуют власти, и одни начальствуют, другие находятся в подчинении, а не идет все без порядку и разбору, и народы не мечутся как беспорядочные волны, — есть дело мудрости Божией. <...> Что связи брусьев в домах, то и начальники в государствах. Когда начальник безупречен во всем, тогда он может как угодно и наказывать, и миловать всех подчиненных, потому что не наказывать виновных и помиловать тех, кто совершил не заслуживающее никакого снисхождения преступление, свойственно разве лишь одному — другому человеку, и в особенности когда оскорблению подвергается царь. Легко подчинить себе граждан страхом; но сделать всех своими приверженцами и заставить искренно быть расположенными к власти — дело трудное; и сколько бы иной ни потратил денег, сколько бы ни поднял войск, что

бы ни сделал и другое, он не легко может привлечь к себе расположение такого множества людей. Ничто так не показывает с хорошей стороны начальника, как попечение о подчиненных. И отцом ведь делает не только одно рождение, но и любовь после рождения. Если же там, где природа, требуется любовь, то гораздо более (требуется она) там, где доброе расположение»¹.

Иоанн не был одинок: сентенции об императорской власти можно встретить, например, у Августина. Размышляя о причинах того, почему великая еще вчера держава терзаема варварами и внутренними неурядицами, епископ не взятого еще вандалами африканского Гиппон Региа выводил пером такие строки: «Но мы называем христианских государей счастливыми, если они управляют справедливо; если окруженные лестью и крайним низкопоклонством не превозносятся, но помнят, что они — люди; если употребляют свою власть на распространение почитания Бога и на служение Его величию; если боятся, любят и чтут Бога; если любят более то царство, в котором не боятся иметь сообщников; если медлят с наказаниями и охотно милуют; если сами эти наказания употребляют как необходимые средства для управления и охранения государства, а не как удовлетворение своей ненависти к врагам; если и помилование изрекают не для того, чтобы оставить неправду безнаказанной, а в надежде на исправление; если в том случае, когда обстоятельства вынуждают их произнести суровый приговор, они смягчают его милосердием и благотворительностью; если обстановка и род их жизни тем скромнее, чем более могли бы быть роскошными; если они лучше желают господствовать над дурными наклонностями, чем над какими бы то ни было народами, и делают все это не из желания какой-нибудь пустой славы, а из любви к вечному счастью; если не пренебрегают приносить Богу за грехи свои жертву смирения, сожаления и молитвы. Таких христианских императоров мы называем счастливыми, т. е. счастливыми пока надеждой, и которые потом будут счастливы на деле, когда наступит то, чего мы ожидаем»².

¹ *Иоанн Златоуст*. Слово 21. О начальстве, власти и славе. Т. 12. Кн. 2. С. 629—631. Цитата из св. Петра — по синодальному переводу.

² *Августин*. О граде Божиим. 4, XXIV. С. 238. Гиппон будет осажден варварами и падет через несколько лет после того, как «О граде Божиим» будет завершено. Августин умрет во время осады.

Мог Юстиниан читать и речь «О царстве» Синесия Киренского — епископа, бывшего философом (точнее, философа, которого люди сделали епископом из-за его образа мыслей и непорочной жизни — выбрав на этот пост еще даже не окрестившимся): «Хорошо старое изречение, что не количество подданных делает императором, а не тираном, точно так же как количество овец не делает пастухом мясника, который гонит их на бойню, чтобы не только утолить свой голод, но и другим продать на обед.

Этим-то, полагаю, отличается император от тирана, пусть даже судьба у них одинакова. И как тот, так и другой господствуют над множеством людей. Тот, кто соединяет свои интересы с благом подданных, кто готов страдать, чтобы оградить их от страданий, кто подвергается за них опасности, лишь бы только они жили в мире и безопасности, кто бодрствует днем и ночью, чтобы им не было причинено никакого вреда, тот — пастух для овец, государь для людей. Но кто пользуется властью неумеренно; употребляет ее на удовольствия и забавы, думая, что она должна служить к удовлетворению всех его страстей, кто считает выгодным начальствовать над многими, если они служат его прихотям, кто, коротко говоря, хочет не стадо кормить, но самому от стада кормиться, того я назову мясником для скота, того я назову тираном, если он начальствует над разумными людьми. Вот тебе единственная возможная норма царственного поведения...»¹

Однако все это для Юстиниана было хоть и не столь далеким, но прошлым. В его окружении наличествовал свой мыслитель — Агапит, диакон собора Святой Софии в Константинополе, составивший для василевса ромеев поучение. Оно достаточно пространно, но некоторые мысли стоит воспроизвести.

«Государь! Ты почтен саном высшим всякого другого; посему паче всех почитай Бога, который сподобил тебя сана. Он, по образу небесного Царствия, вручил тебе скипетр земного владычества, для того, чтобы ты, повинувшись законам правосудия и управляя подданными по законам, научил людей блюсти правду и обуздал неистовство дерзких ее нарушителей...

Душа Государя, обремененная множеством забот, должна быть чиста, как зеркало, — дабы могла всегда освещаться Божественными лучами и получать вразумление в суж-

¹ *Синесий*. Творения. Речь «О царстве», 5—7. С. 56—58.

дени о делах: ибо ничто так не делает нас способными видеть, что делать, как постоянное хранение чистоты душевной.

Как от ошибки корабельного служителя не большой вред происходит для плывущих с ним; напротив, ошибка самого кормчего губит корабль; так и в правительстве, — погрешность подчиненного вредит не столько обществу, сколько ему самому; напротив, погрешность самого Правителя гибельна для всего государства. И так сей последний, как имеющий подлежать некогда большой ответственности в случае неисполнения своей обязанности, должен и говорить и действовать с строгою осмотрительностью...

Если хочешь наслаждаться всеобщим уважением: то будь для всех общим благотворителем. Ибо ничто не располагает так сердца к любви, как благотворительность к неимущим. Угождение из страха есть прикровенная лесть, которая притворным уважением обманывает доверяющих ей...

По существу тела Государь равен всякому человеку, а по власти и сану, не имея никого выше себя, подобен Верховному Владыке, Богу. Посему он и, подобно Богу, не должен гневаться, и, как смертный, не должен надмеваться, потому, что хотя он почтен Божественным образом, но вместе облечен в персть, которая указывает ему равенство его с прочими...

Поелику нет на земле никого, кто бы мог принуждать тебя к исполнению законов: то сам себя принуждай. Если ты собою будешь подавать пример уважения к законам; то сим утвердишь в подданных мысль о святости их и предотвратишь надежду ненаказанности за их нарушение...

Прияв от Господа царство мирское, не определяй к управлению делами людей порочных, потому, что за все преступления, какие они сделают, Богу отвечать будет тот, кто дал им власть. И так избрание лиц к должностям должно производимо быть с великою осмотрительностью...

Самым надежным охранением своей особы почитай неделание обиды никому из подданных. Кто никому не делает обиды, тот никого не может и опасаться. Если ж неделание обид доставляет безопасность, то тем более благотворительность, которая и доставляет безопасность и снискивает приверженность...

Что для подданных постановляешь законом чрез словесные повеления, то наперед исполни делом, дабы силу предписаний поддерживала хорошая жизнь. Таким обра-

зом, если ты станешь говорить самыми как бы делами и действовать сообразно с словами: то правлению своему доставишь истинную славу»¹.

Для искренне верующего человека (а разумнее всего считать Юстиниана таким) всякая власть — от Бога. Но для чего Бог ставил человека императором римлян? Для тирании? Отнюдь нет. Для соблюдения порядка. Поэтому власть императора римлян — это служение, служение и еще раз служение. А за нарушение порядка, «гармонии» Господь мог власти и лишит: через неожиданную и страшную смерть, войну, через народный мятеж. Да, законодательно установленного права на восстание у римлян не существовало (это право для всего народа официально появится только в Декларации независимости США в 1776 году), но неписаный закон, понимание своего права восстать против «тирана» — были. Поэтому василевсу следовало прислушиваться к чаяниям подданных (про эдикт Константина от 331 года говорилось выше), а тот, кто этого не делал, рисковал рано или поздно услышать грозный рев толпы: «Другого императора ромеям!»

...Итак, Флавий Петр Савватий Юстиниан, полнеющий человек среднего роста, седоватый, с залысынами на лбу, после смерти соправителя без каких-либо проблем унаследовал власть.

Империя римлян была громадной. Но колосс этот состоял, подобно комплексному числу, из действительной и мнимой частей.

«Действительной частью» являлся Восток: все территории, которыми империя управляла де-факто. Мысленно обойдем ее по ходу часовой стрелки, начиная от Диррахия (хорватского Дубровника сегодня).

К началу автократии Юстиниана войны с организованными варварскими союзами закончились и границы стояли твердо. Размежевание между владениями остготов и восточных римлян проходило по землям Далмации и Паннонии от Диррахия до Сингидуна (там, где сегодня сходятся Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория и Сербия). С севера от Сингидуна и далее вниз по течению империю по-прежнему защищал Дунай. Примерно на широте его дельты Византия удерживала Крым с Херсонесом Таврическим и какие-то укрепления в районе Керченского пролива. Далее по побережью Черного моря их крепостей

¹ *Agatum*. С. 249.

уже не было, кроме Пителинта (ныне Пицунда), Себастиополиса (ныне Сухуми) и, возможно, Фазиса (где-то близ нынешнего Поти). Вокруг располагалось царство Лазика, за влияние на которое империя соперничала с Ираном. Земли по южному побережью Черного моря начинались с далекой от Константинополя провинции Понт Полемона, главным городом которой был Трапезунд (ныне Трабзон). Восточная граница тянулась по землям перешедших под власть Византии армянских княжеств на юг и юго-запад, постепенно приближаясь к Средиземному морю. За северо-восточное побережье Красного моря империя боролась с арабскими племенами, но не будет большой ошибкой считать этот район византийским. Далее шли Египет и Африка до Киренаики — там позиции римлян были вполне прочными.

А вот к западу от линии, соединявшей залив Сидра, Диррахий и Сингидун (примерно 18—20-й градусы восточной долготы), располагалась «мнимая часть»: территории бывшей Западной Римской империи, включая ее сердце — Италию. Многие из правивших там варварских королей формально признавали Константинополь своим сюзереном (и даже изредка чеканили от имени восточных императоров монету), но фактически Юстиниан не управлял там ничем. Главными территориями «мнимой части» являлись вандалская Африка и готская Италия.

Еще при Юстине умер Теодорих Великий, и западный мир пребывал в тревожном ожидании последствий, так как его преемники казались откровенно слабыми государями. «Он [Теодорих] объявил им (готской знати. — *С. Д.*) в повелениях, звучавших как завещание, чтобы они чтили короля, возлюбили сенат и римский народ, а императора Восточного, — (храня. — *Прим. пер.*) всегда мир с ним и его благосклонность — почитали (вторым. — *Прим. пер.*) после Бога»¹. Однако все понимали, что пришлецы-готы и италикки находятся между собой в отношениях, далеких от идеала. Несомненно и то, что многие римляне с тоской взирали на блистательный в их понимании Восток, исполняясь надеждой на восстановление единства империи. Не случайно Теодорих последние несколько лет жизни опасался заговоров и, как упоминалось ранее, устроил против старой римской знати настоящий террор. Именно тогда были казнены два выдающихся ее представителя, состоявших на службе у

¹ *Иордан*. С. 119. Перевод Е. Ч. Скржинской.

короля: магистр оффиций Боэций¹ и глава сената Симмах. Смерть Теодориха «подвесила», как теперь говорят, ситуацию, но это «подвешивание» было подобно волоску, готовому вот-вот оборваться.

Также при Юстине сменилась власть в африканском королевстве вандалов, и новый король Ильдерих прекратил преследование православных; в целом отношения с вандалами нормализовались. Здесь ситуация несколько отличалась от италийской: почти за столетие вандалы уничтожили тысячи римлян, сами во множестве ассимилировались — но всё равно остались врагами.

Еще была Испания. Она по-прежнему являлась ареной соперничества варварских племен, сильнейшими из которых оказались вестготы.

В Галлии, не забывшей еще римского владычества, правили бургунды и франки. Там тоже находились люди, лелеявшие надежду снова стать частью великой империи, — хотя из-за чисто географических проблем вероятность этого была мала.

А где-то совсем далеко на западе лежала омываемая морскими волнами Британия, остававшаяся без римского владычества уже более века. Она постепенно варваризовалась, хотя местами там тоже кто-то еще мог разговаривать на латыни, считать себя римлянином и даже поднимать восстания (отголоски сведений о них дошли до нас в форме легенд о короле Артуре и волшебнике Мерлине).

Правители некоторых варварских племен, никогда формально не входивших в состав империи, тем не менее считали необходимым получать знаки власти от ромеев. Например, африканским берберам (маврусиям) император посылал «серебряный с позолотой жезл и серебряный головной убор, покрывающий не всю голову, но, как венчик, отовсюду поддерживаемый серебряными пластинками; белый плащ, застегивающийся золотой пряжкой на правом плече наподобие фессалийской хламиды; белый хитон с вышивкой и золоченая обувь»². Правителям пяти армянских княжеств между Евфратом и Амидой вручали еще более дорогую одежду: «Хламида, сотканная из шер-

¹ Принадлежавший к роду Анициев (и, следовательно, родственник императоров Майориана и Олибрия) бывший консул Аниций Манлий Торкват Северин Боэций был не только чиновником, но и философом мирового уровня.

² «Война с вандалами». 1. XXV. См.: *Проконий*. Войны. С. 196.

стяных нитей, но не тех, которые получают от овец, но из собранных в море. Они (армяне. — С. Д.) называют этих животных, на которых растут такие нити, “пинна” (морское перо). Часть этой порфиры, там, где накладывается на нее пурпур, вышита золотом. К этой хламиде приделана золотая пряжка, в середине которой вделан драгоценный камень; отсюда свисали три камня — гиацинта, приделанные к гибким золотым цепочкам. Хитон из толстого шелка, всюду украшенный золотыми нашивками, которые обычно называют “плумми” (перья). Обувь до колен пурпурного цвета, какую полагается надевать только царям персов и римским императорам»¹. Из Константинополя получали драгоценные инсигнии и цари лазов: «Этими инсигниями являлись золотая корона, усеянная драгоценными камнями, и хитон, шитый золотом, опускающийся до пят, пурпуровые сапоги и митра, равным образом украшенная золотом и ценными камнями. Пурпуровую же хламиду носить царям лазов не положено. Но разрешена только белая, однако не обычная. Посредине с обеих сторон отсвечивает она золотым шитьем, с императорской (с изображениями правящего императора. — С. Д.) фибулой на хламиде, украшенной драгоценными камнями и другими свешивающимися вниз украшениями»².

Как видим, авторитет Византии, несмотря на сильно сократившиеся границы ее фактической власти, был важным фактором мировой политики. Но, помимо морального влияния, империя располагала и более осязаемыми средствами: материальными ресурсами и по-прежнему мощной армией.

Поэтому, несмотря на отдельные вторжения, на севере она удерживала оборону по правому берегу Дуная. Южные границы терялись в песках Ливии или сложном ландшафте выше нильских порогов: набеги берберов или блеммиев империя тоже отражала вполне успешно. Граница на западе, в Далмации, не была четкой, но после местных конфликтов начала VI века тоже более или менее стабилизировалась.

Главной проблемой был восток с сасанидским Ираном. О неудавшемся усыновлении шахского сына Хосрова императором Юстином было рассказано выше. При том же Юстине Цафий, правитель Лазики, вернувшись от зороастризма к христианству, был торжественно принят в

¹ «О постройках». 3. I. См.: *Проконий*. Война с готами. Т. 2. С. 211.

² *Агафий*. III, 15. С. 105.

Константинополе в 523 году и получил от императора царский венец и одежды: он «был принят тем же императором Юстином и крещен; и он стал христианином и женился на римской жене, Валериане, внучке Онина, патрикия и бывшего куропалата. Он взял ее и увез ее в свою страну, когда он был назначен и увенчан как лазский царь тем же императором Юстином: он носил римскую корону и белую мантию из чистого шелка, которая имела вместо пурпурной царской золотую полосу, в центре которой был маленький настоящий пурпурный медальон с образом императора Юстина; он также был одет в белую тунику с пурпурной каймой, сам также имел императорскую золотую вышивку, также с изображением того же императора Юстина. Сапоги были такие, как принято в его стране, красные с жемчугом, с персидским образом; и его пояс тоже был украшен жемчугом. И он получил от императора Юстина много подарков и себе, и своей жене Валериане, потому что она когда-то была вынуждена всеми, или, скорее, победила в борьбе за то, чтобы стать его женой в глазах чужеземцев»¹. Случившееся означало демонстративный переход царства из-под влияния Ирана под покровительство Византии². Поддержка ромеями антиперсидского восстания в Картли (в том же 523 году), походы Велисария и Ситы не добавили теплоты в отношения с могущественным соседом. Византийцы основали в Лазике крепость Петру (близ нынешнего села Цихисдзири, между Кобулети и Батуми), но вынуждены были вывести гарнизоны из приграничных с Картли крепостей Сканды и Сарапаниса. И на юго-востоке (в Сирии), и на северо-востоке (в Лазике) назревала персидская война.

Во внутренней политике были свои проблемы. Не прекращались распри между православными, монофиситами и арианами. Враждовали, вплоть до вооруженных схваток, цирковые партии венетов и прасинов. Происходило это во всех крупных городах страны — хотя градус противостояния, быть может, несколько уменьшился.

Осознавая первостепенную важность религиозных вопросов, Юстиниан определился здесь сразу: один из пер-

¹ Пасхальная хроника. 522 год. С. 225.

² И возвращение к прежней практике: до середины V в. римский император посылал новому царю лазов символы власти, но это прервалось при сасанидских шахах Йездигерде II или Перозе; лазский царь Цафий (Цатий), о котором идет речь, ранее отрекся от христианства, чтобы служить персам. См.: *Ломоури*, 1982. С. 30, 36.

Мозаичный портрет Юстиниана. VI в.
Мозаика стены апсиды собора Сан-Витале (деталь). Равенна, Италия

Вид с вершины холма Таора, предполагаемого места рождения Юстиниана. *Окрестности Скопье, Республика Македония*

Остатки одного из сооружений Юстинианы Примы.
Царичин Град, Сербия

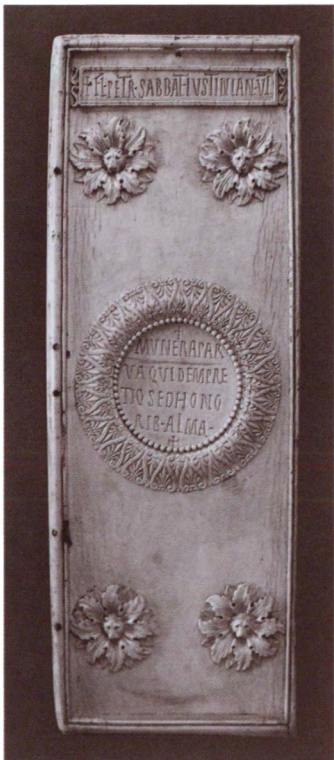

Голова императора.
Деталь бронзовой
статуи IV—V вв.
Барлетта, Италия

Стены и башни
Морской стены
Константинополя
(вид с акрополя).
Стамбул, Турция

Створка консульского диптиха Юстиниана. 521 г.

Изображение императора Юстина I на монете его времени

Стены и башни Феодосиевой стены Константинополя (район Золотых ворот). *Стамбул, Турция*

Обелиски ипподрома:
на переднем плане — монолит-
ный египетский, установленный
при Феодосии I,
на заднем — составной,
сооруженный при Константине I

Квадрига с константинопольского
ипподрома. *Собор Сан-Марко.*
Венеция, Италия

Сфендона константинопольского ипподрома

Голова императрицы
(предположительно, Феодоры).
Музей Сфорца. Милан, Италия

Голова императора
(предположительно, Юстиниана).
Собор Сан-Марко. Венеция, Италия

Руины императорского дворца Вуколеон. *Стамбул, Турция*

Колонна Константина I
на константинопольском
форуме

Цистерна Базилика,
восстановленная
Юстинианом

Остатки
подземелий Большого
императорского дворца.
Стамбул, Турция

Внешний вид собора Сан-Витале. *Равенна, Италия*

Император Юстиниан со свитой.
Мозаика левой стены апсиды собора Сан-Витале

Силиква императора Юстиниана. Лицевая и оборотная стороны.
Отчеканена в Карфагене

Императрица Феодора со свитой.
Мозаика правой стены апсиды собора Сан-Витале

Медный фоллис, отчеканенный в 529—533 годах
в Антиохии (Феуполисе)

Здание собора Святой Софии. *Стамбул, Турция*

Юстиниан (слева) и Константин, предстоящие Богородице.
Мозаика люнета собора Святой Софии

Фрагмент надписи в честь Юстиниана и Феодоры из собора Святых Сергия и Вакха. *Стамбул, Турция*

Внешний вид здания собора Святых Сергия и Вакха

**Интерьер здания
собора Святой
Ирины.
*Стамбул, Турция***

**Здание собора
Святой Ирины**

Мозаичный портрет императора Юстиниана (предположительно). Собор Сант-Аполлинаре-Нуово. Равенна, Италия

Императорский саркофаг (возможно, Константина I). Археологический музей. Стамбул, Турция

Изображение конной статуи Юстиниана на площади Августеон в Константинополе.
Европейский рисунок XV в.

Изображение колонны с конной статуей Юстиниана на иконе «Воздвижение Креста, с избранными святыми».
*Вторая половина XVI в.
Третьяковская галерея, Москва*

Постамент конной статуи Юстиниана с площади Августеон. *Музей Топкапы. Стамбул, Турция*

Современный памятник Юстиниану в городе Скопье,
Республика Македония

вых изданных им законов касался исповедания веры и был полон угроз еретикам-нехалкедонитам, иудеям и самаритянам. Забегая вперед следует отметить, что ни к чему хорошему подобное «топорное православие» не привело. Да, конечно, кто-то отрекся от своих «заблуждений», но по-настоящему верующие (а для средневекового человека вопрос правильного поклонения Богу был весьма значим!) противостояли велениям царя, не страшась угроз. А были эти угрозы нешуточными: изгнание с государственной службы, невозможность быть адвокатом, запрет свидетельствовать на судебном процессе против православных, ограничения или даже вообще отказ в праве завещать или получать наследство. Мало того: под запретом оказались религиозные процедуры еретиков — они не могли выбирать священников, организовывать таинства и принимать в них участие, их храмы отнимали и передавали православным. Правда, есть все основания полагать¹, что те свирепые кары, которыми император угрожал, на практике массово не применялись — хотя в самом Константинополе были подвергнуты наказанию и то ли казнены, то ли покончили жизнь самоубийством несколько видных чиновников-язычников. В их числе были и рефендарий, и бывший квестор, и патрикий, и даже бывший епарх.

Однако Платоновскую академию в Афинах Юстиниан закрыл, оборвав тысячелетнюю историю языческой философии. Учителя Академии предпочли бежать и оказались в Персии, при дворе антагониста Юстиниана, так и не ставшего его названным братом царевича Хосрова, известного ученостью и любовью к античной философии². Впрочем, к середине VI века в Афинах уже не пылал очаг науки, а еле еле теплился ее огонек, так что жест императора оказался скорее громким, нежели действенным. Случившееся вовсе не означало, что Юстиниан был обскурантом или боялся образованных людей. К занимавшимся науками христианам он относился с подчеркнутым уважением. Сохранился, например, пересказ текста письма, которым василевс хвалил писателя и чиновника Иоанна Лида именно за его по-

¹ На данную тему я неоднократно беседовал с профессором А. А. Чекаловой. Выпуская книгу, надеялся обсудить с ней многие моменты, но, увы, — безмерно уважаемая мной Александра Алексеевна летом 2017 г. скончалась.

² *Иоанн Малала. XVIII. См.: Проконий. Войны. С. 477; Агафий. II, 30. С. 79, 80. Три года спустя философы вернулись.*

знания, грамматическую точность, поэтическое изящество и возвеличивание латинского языка¹.

Закрытие Академии произошло в соответствии с принятым в 529 году законом, согласно которому такая деятельность, как преподавание, язычникам (а также иудеям и еретикам) воспрещалась². Что же касается «еретиков», то император считал ими не только неканонически верующих христиан, но вообще всех, кто «верует и ведет богослужение отлично от кафолической и апостольской церкви и в противоречии с православной верой»³, — то есть и самаритян, и иудеев, и язычников, и зороастрийцев.

При всей идеологической непримиримости к настоящему язычеству (с отрицанием христианских обрядов, служением древним богам и т. п.), по отношению к нехристианским бытовым привычкам или традициям античной риторики император свирепости не проявлял. Он не видел ничего преступного в отмечании врумалий и праздновал свой день рождения, приходившийся на девятый день этого праздника, 2 декабря. По поводу одного такого дня ритор Хорикий Газский произнес торжественную речь, которая, по счастью, была записана и сохранилась⁴. И никому даже в голову не пришло преследовать Хорикия за упоминания в этом произведении Зевса, Тихе и вообще «богов» — использование античной традиции вполне уживалось с христианством как автора, так и адресата.

Помимо идеологической составляющей религиозной политики, Юстиниан занимался и управлением церковью. Будучи ответственным за порядок во всем, василевс взялся за священников и епископов, предписывая им правила поведения. Провинившихся церковников он карал нещадно: в 527 году двух уличенных в мужеложстве епископов по его приказу водили по Городу с отрезанными половыми органами в качестве напоминания священникам о необходимости благочестия: «...император жестоко наказал Исайю, епископа Родосского, и Александра, епископа Диоспольского во Фракии, обвиненных в мужеложстве, именно: низложивши их, велел отсечь им детородные уды, водить по городу и кричать глашатаю: “Вы, епископы, не бесчестите своего сана!” Кроме того, издал

¹ См.: МПА, 2014. С 28; *Синица*, 2017.

² См.: *Болгова*, 2017.

³ *Геростергиос*, 2010. С.102.

⁴ *Хорикий*. Врумалии.

строгие законы против распутных, из коих многие были казнены»¹.

Жестокость Юстиниана по отношению к двум несчастным архиереям объяснялась и гомофобией императора. Василевс с особым упорством преследовал гомосексуалистов, наказывая их кастрацией: «И василевс тотчас повелел, чтобы у тех, кого уличат в педерастии, отсекали гениталии, и было в это время обнаружено много, занимающихся мужеложством. И возник тогда страх у страдающих этим злом»². Как садизм такого рода сочетался с христианским человеколюбием — тот еще вопрос. Хуже другое. Прокопий замечает, что данный вид обвинения распространился в качестве способа сведения счетов с неудобными властям: «Обвинение их осуществлялось неподобающим образом, поскольку приговор выносился даже без обвинителя... Поначалу, однако, это несчастье обрушивалось не на всех, а лишь на тех, кто являлся прасином, либо обладал большими деньгами, либо как-то иначе досадил тиранам»³. Членовредительству за преступления против общественной морали подвергали не только по указанному поводу. Иоанн Малала сообщал, что одновременно с закрытием афинской Академии император запретил азартные игры, после чего некоторым пойманым содержателям игорных притонов отрубили руки и с позором провели по столице.

Императоры ранней Византии и церковь. Юстиниан как богослов

Еще во времена языческого Рима император носил звание верховного жреца (pontifex maximus). Эта традиция сохранилась и в христианской Византии, хотя титул великого понтифика применительно к императору формально не использовался со времен Грациана (375—383). Но все равно: «...с тех пор, как они (императоры. — С. Д.) сделали христианами, от них начали зависеть дела церковные, и по воле их бывали и бывають великие Соборы»⁴, — писал в V в. церковный историк

¹ Феофан, год 6021. С. 138.

² Иоанн Малала. XVIII. 18. С. 136.

³ «Тайная история». XI. Цит. по: Прокопий. Войны. С. 293.

⁴ Сократ. V. 207. В 314 г. Константин, официально еще язычник, потребовал для разрешения споров с донатистами созвать собор в Арелате и высказался по данному поводу в письме: «Я считаю решительно неверным скрывать от меня подобные споры, поскольку из-за таких Господь может вооружиться не только против меня самого,

Сократ. Константин I называл себя «епископом внешних дел»¹ церкви (подчеркивая таким образом свою административную, но не догматическую роль). Василевсы ранней Византии почитались как защитники (дефенсоры или экдики), носили титул «святой» (ἀγιος), не будучи священниками по сану, могли участвовать в службе, имели право в определенных случаях входить в алтарь и причащаться отличным от простых мирян способом (из потира). Они решали вопросы веры на соборах (как будет видно далее, Юстиниан делал это весьма активно).

Были те, кто считал священство выше царства — например, Иоанн Златоуст: «...Поистине, власть священства больше власти царской, и постольку больше, поскольку царю вверены тела, а священнику — души. Один разрешает долги денежные, другой — долги грехов; первый действует принуждением, второй — увещанием: первый владеет оружием чувственным, второй — духовным; первый ведет войну с варварами, второй — с демонами...»²

В плане политическом идеальной формой отношений православной церкви и царя, сложившейся в основном к середине VI в. и продержавшейся до падения империи, была симфония — «согласие». Симфония заключалась в признании равноправия и сотрудничества светской и духовной властей. «Если епископ оказывает повиновение распоряжениям императора, то не как епископ, власть которого, как епископа, проистекала бы от императорской власти, а как подданный, как член государства, обязанный оказывать повиновение Богом поставленной над ним предрешающей власти; равным образом, когда и император подчиняется определени-

кому он Своим Божественным повелением поручил управлять всеми делами людей» (Рансимен, 1998. С. 148). Однако деятельное участие верховного правителя в религиозной жизни древних обществ — не исключение, а норма. Достаточно упомянуть современный ранней Византии Сасанидский Иран, цари которого были активно вовлечены в дела веры, причем не только официальной (зороастризм), но и христианской, созывая соборы и давая разрешение на постановление епископов (Дашков, 2008. С. 35).

¹ Это выражение идет от фразы Константина Великого, зафиксированной его биографом Евсевием в 4-й книге его сочинения «Жизнь Константина».

² Иоанн Златоуст. Слово 21. О начальстве, власти и славе. Т. 12. Кн. 2. С. 631.

ям священников, то не потому, что он носит титул священника и его императорская власть проистекает от их власти, а потому, что они священники Божии, служители открытой Богом веры, следовательно — как член церкви, ищущий, подобно прочим людям, своего спасения в духовном царстве Божиим — церкви, в познании богооткровенной истины, в истинном богопочтении»¹.

Василий Великий, учитель церкви IV столетия, в своем 79-м «Нравственном правиле» сформулировал мысль, которая никогда не отвергалась православием: «Высшим властям должно повиноваться во всем, что не препятствует исполнению Божиим заповедей»².

Юстиниан в отношении веры свою роль представлял предельно ясно: «Заботу нашу было и есть охранять мир святой Божией и апостольской Церкви, как требует справедливость, и осуждать то, что в каком-нибудь отношении является противным православной вере»³. Еще на заре своего правления, в 530 г., император сделал очень важный шаг: он приравнял церковные каноны к государственным законам, постановив: «Что дозволяется или запрещается первыми, то дозволяется или запрещается последними: посему преступления против первых не могут быть терпимы в государстве, по законам государства»⁴. Соответственно, с Юстинианова времени в Византии установилось, что светские законы не могут противоречить церковным

¹ Курганов, 1881. С. 20, 21.

² В разд. III. 5 «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000) выражена примерно та же мысль: «Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям (например, лжесвидетельству. — С. Д.), Церковь должна отказать государству в повиновении. Христианин, следуя велению совести, может не исполнить повеления власти, понуждающего к тяжкому греху. В случае невозможности повиновения государственным законам и распоряжениям власти со стороны церковной Полноты, церковное Священноначалие по должном рассмотрении вопроса может принять следующие действия: вступить в прямой диалог с властью по возникшей проблеме; призвать народ применить механизмы народовластия для изменения законодательства или пересмотра решения власти; обратиться в международные инстанции и к мировому общественному мнению; обратиться к своим чадам с призывом к мирному гражданскому неповиновению».

³ Деяния Вселенских соборов. Т. 5. С. 537.

⁴ Курганов, 2015. С. 79.

правилам. Через пятнадцать лет 131-й новеллой император приравнивал к светским законам и постановления первых четырех Вселенских соборов¹.

В предисловии к одной из своих новелл 535 г. (знаменитой VI, об управлении церковью, адресованной столичному патриарху Епифанию) Юстиниан писал: «Величайшими у людей дарами Божиими, данными свыше по человеколюбию, являются священство и царство. Первое служит делам божественным, второе начальствует и наблюдает над делами человеческими; и то и другое происходит от одного начала и гармонично обустроивает (катаκοσμοῖσα) жизнь человеческую — и ничто так не важно для царствующих, как почет иереев, которые за них вечно молят Бога. Ибо если первое будет совершенно безукоризненным и удостоится у Бога благорасположения (παρρησίας), а второе будет по справедливости и подобающим образом обустроивать (катаκοσμοῖν) порученное ему государство, то наступит некое доброе согласие (συμφωνία τῆς ἀγαθῆς), которое обеспечит все какие ни есть блага роду человеческому. Поэтому (τοίνυν) мы усерднейшим образом печемся как о догматах божественной истины, так и о почете иереев, при наличии и вследствие которого, мы уверены, нам будут дарованы от Бога великие блага — причем те из них, которые уже имеются, мы сохраним в целости, а те, что мы до сих пор не получили, приобретем. Но все это может совершиться по-доброму и подобающим образом, только если делу будет положено достойное и богоугодное начало. А оно, как мы полагаем, возможно лишь при соблюдении священных канонов, каковое нам заповедали истинно воспеваемые и поклоняемые самовидцы и сподвижники Бога и Слова — апостолы, а святые отцы сохранили и протолковали»².

Пожалуй, лишь два римских императора перед ним так много умствовали по поводу места человека в мире, отношений между земным и божественным, о природе высших сил: Марк Аврелий (впрочем, тот ста-

¹ Мейендорф, 2007. С. 65. Этой же новеллой император подтвердил первое место папы и второе — патриарха Константинополя — в иерархии вселенских патриархов.

² Максимович, 2007. С. 30, 31; в принятых Архиерейским собором РПЦ в 2000 г. «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» это место из 6-й новеллы (в другом переводе) воспроизведено дословно в ч. III.

рался лишь для себя) и Юлиан Отступник. Юстиниан же из всех византийских императоров оказался самым плодотворным в смысле разработки и узаконения правил, по которым взаимодействуют религиозный институт (церковь) и государство. За оставшиеся без малого девятьсот лет после его смерти византийцы многого достигнут в осмыслении принципов взаимодействия церкви и общества, духовной и светской властей, но в целом все это так или иначе будет основываться на идеях Юстиниана. Современный греческий богослов А. Геростергиос остроумно заметил, что «с одной стороны, многие законы (Юстиниана. — С. Д.) своими вступлениями напоминают церковного писателя, а с другой стороны, некоторые богословские произведения имеют такие вступления, как если бы это были законы, обязательные для всех граждан»¹.

О. Иоанн Мейендорф писал, что успех монофиситства во многом был обусловлен тем, что у сторонников IV Вселенского собора на протяжении всего доюстинианова периода не хватало крупных богословских умов: «В царствование Льва I, Зинона, Анастасия и Юстина I ни одного из халкидонитов нельзя даже рядом поставить с богословским блеском Филоксена Маббургского или Севира Антиохийского, вождей монофизитской партии»². Именно Юстиниан оказался тем самым «богословским умом», благодаря которому халкидонская традиция возобладала в православии. Можно спорить о том, что явилось основной причиной такого исхода — теологические способности императора либо административные, — но тот факт, что нынешнее православие без Юстиниана могло стать совсем иным, сомнений не вызывает.

Императору заниматься подобными «высокими материями» гораздо труднее, чем монаху или епископу. Ведь размышления о божественном требуют времени и штудирования книг. Ничего подобного тому, что вышло из-под пера Юстиниана, невозможно было бы создать без знания «литературы религиозного содержания» того времени. Как само собой разумеющееся, чуть ли не мимоходом, император то здесь, то там пометает: «это мы узнали из Священного писания», «об этом сказано в Священном писании и у святых отцов».

¹ Геростергиос, 2010. С. 60.

² Мейендорф, 2007. С. 85.

В его произведениях ученые нашли ссылки на десятки авторитетных богословов или, напротив, ересиархов, с которыми он полемизировал. И если для духовного лица это — основной вид деятельности, то правитель многомиллионной империи взять «творческий отпуск» для работы над проблематикой халкидонских определений или вопроса о «трех главах» по понятным причинам не мог. Поэтому Юстиниан поражает дважды: во-первых, тем, что он в принципе оказался способен трудиться на столь сложном поприще, и во-вторых, тем, что преуспел он в этом сильнее многих современников, не занятых управлением государством.

Ну а то, что Юстиниан свои трактаты писал лично, подтверждается не только многоликим Прокопием, но даже идеологическими противниками василевса, такими как Факунд Гермианский или епископ Карфагена Либерат.

Под именем Юстиниана, помимо законов, известны написанные по-гречески отдельные произведения¹:

Тропарь «Единородный сыне Божий, бессмертный сый...» (535 г., авторство предполагается);

Исповедание веры, направленное папе Агапиту (535 или 536 г.);

Трактат против Оригена, адресованный патриарху Константинополя Мине (около 543 г.);

Трактат против монофиситов, адресованный египетским монахам (рубеж 530—540-х гг.);

Первая книга против «Трех глав» (545 г.);

Вторая книга против «Трех глав» («Исповедание правой веры», ок. 551 г.);

Догматическое послание александрийскому патриарху Зоилу (между 539—551 гг., не сохранилось);

Послание Пятому Вселенскому собору о Феодоре Мопсуестийском (553 г.);

Трактат против Оригена, адресованный Священному собору (неизвестно какому; обычно его приурочивают к Пятому Вселенскому);

Полемический трактат против произведения в защиту «Трех глав» (ок. 555 г.).

¹ Геростергиос, 2010. С. 62—71. Наиболее полные переводы богословских сочинений Юстиниана в: Деяния Вселенских соборов. Т. 5. С. 262—320; Грацианский, 2016. С. 271—277. См. также «Новеллы Юстиниана» в библиографии.

Кроме того, до нашего времени дошли письма, в той или иной степени посвященные догматическим вопросам: десять писем римскому папе Хормизду, письмо папе Иоанну II (8 июня 535 г.), архиепископу Юстинианопольскому Иоанну (до 550 г.), епископу Мопсуестийскому Косме, патриарху Константинополя Епифанию, письмо Пятому Вселенскому собору о папе Вигилии (26 марта 553 г.) и еще два письма, приписываемых императору.

Анастасий оставил своему преемнику обширные накопления. Юстин, судя по всему, не занимался государственными мероприятиями, требовавшими больших затрат, и средства эти большей частью сохранились. Так что деятельному Юстиниану было за счет чего развернуться — и он не преминул этим воспользоваться.

Во-первых, продолжилось восстановление Антиохии-Оронте после мощного землетрясения 526 года, когда были разрушены многие общественные и частные здания и погибли тысячи горожан. Не успели восстановительные работы завершиться, как 29 ноября 528 года катастрофа повторилась, и в итоге по велению Юстиниана город фактически возвели заново, переименовав в Феуполис. Императорская чета пожертвовала большие суммы не только Антиохии, но и пострадавшим от ударов стихии Селевкии и Лаодикии. Иоанн Малала сообщает, что на ремонт Лаодикии императорская чета отпустила два кентинария и эти города получили налоговую эксскуссию сроком на три года¹.

Император начал обширные строительные проекты и в столице. Отстроив Сики (район Константинополя на другом берегу Золотого Рога) и приказав починить там стены и театр, он назвал новый пригород Юстинианополем. В течение пары лет реконструировали старый водопровод, соорудили большую цистерну неподалеку от Милия², закончили

¹ *Иоанн Малала*. Кн. XVIII. 28, 29. С. 142, 143. Жители этих городов страдали еще от одного бедствия — суровой зимы: развалины и землянки засыпало необычайно сильным снегом.

² Упомянувшийся ранее стамбульский музей *Yerebatan Saray*. Воды там немного, но живущим в ней рыбкам хватает. Входной билет стоит относительно недорого, и сегодня любой может полюбоваться грандиозным зрелищем: потолок цистерны поддерживают 330 колонн, многие из которых — сполли, древние детали вторичного использования. Одна из колонн водружена на гигантских размеров античную голову Медузы Горгоны.

бани Дагисфея, начатые еще при Анастасии. Но быстрее всего завершились ремонт и перестройка ипподрома в той части, где располагались императорская кафисма и прилежавшие к ней сенаторские ложи. Свое второе консульство, начавшееся 1 января 528 года, Юстиниан отметил с приличествующим событию великолепием — не только зрелищ, но и места их проведения.

Ко времени Юстиниана это была лишь почетная синекура, но зрелища, сопровождавшие вступление в должность консула, оставались неотъемлемой частью традиции. Согласно установлениям, новый консул должен был издержать на общественные нужды определенную сумму (как правило, в Константинополе она составляла 2 тысячи либр золота). На Западе, где аристократия была богаче (консулы продолжали назначаться в Риме и после низложения Ромула Августула), издержки оказывались выше. Часть издержек консулу компенсировало государство. Император Маркиан, желая ограничить траты «на имидж», предписал консулам «не швырять деньги толпе»¹, а тратить их не столько на игры, сколько на общественные нужды: строительство акведуков, бань, крепостных стен. И если Феодосий II объявлял себя консулом 18 раз, то консулат Маркиана оказался единичным. Современные исследователи отмечают, что как раз во времена Юстина I и Юстиниана к консулату стали относиться с некоторым пренебрежением и именно на их время приходятся лакуны, когда консул не назначался вовсе². Сам Юстиниан был консулом четыре раза. В его правление последний раз эту должность в 541 году отправлял Аниций Фавст Альбин Василий, и потом много лет историки именовали годы непривычным образом: «столько-то лет после консульства Василия». Василий остался в истории последним консулом-неимператором; после него высшая когда-то римская магистратура стала лишь титулом, который императоры присоединяли к своему имени по случаю вступления на престол. И дело тут, видимо, не в императорской скромности, а в том, что Юстиниан решил прекратить тратить деньги попусту. Как раз к возвеличиванию себя как носителя высшего титула он был весьма внимателен. Если до Юстиниана придворные патрикианского достоинства, по обычаю, во время приветствия целовали императора в грудь, а прочие опускались на

¹ Чекалова, 2010. С. 105.

² Серов, 2013. С. 95, 96.

одно колено¹, то теперь все без исключения обязаны были повергаться ниц перед ним, восседавшим под золотым куполом («киворий» или «фастигиум») на богато украшенном троне, и лобызать ему ноги. Это ему, племяннику чуть ли не свинопаса! Аналогичные почести воздавались императрице, чего ранее тоже не было. Прокопий упрекал Юстиниана за то, что, в нарушение римских свобод, он не противился, когда царственную чету именовали «господином» и «госпожой» (правда, в официальных актах слово «δεσπότης», «владыка, господин», василевс не употреблял).

Юлиана Аникия

Легендарная традиция связывает Юстиниана с одной из богатейших и образованнейших женщин своего времени Юлианой Аникией (Аницией; ок. 461 — после 527).

Она принадлежала к семье весьма знатной: род Аникиев вел свое происхождение со времен чуть ли не Республики. Ее отец Оливрий был одним из последних императоров Запада, а по матери она состояла в родстве с Феодосием Великим и его царственным потомством.

Юлиану выдали замуж за военного магистра патрикия Ареовинда (консула 504 г.), который, если бы не отказался, мог в 512 г. возглавить мятеж против Анастасия и, в случае успеха, стать императором.

Прекрасное образование сделало Юлиану одной из ученейших женщин, а ум снискал всеобщее уважение. Во всяком случае, она спокойно переписывалась с римским папой Хормиздом. Помимо благ духовных, ей принадлежали колоссальные богатства материальные. Состарившись и овдовев, она стала покровительствовать ученым и церковникам.

Наверняка Юлиана была одной из тех, кто считал и Юстина, и Юстиниана удачливыми выскочками. Возможно, она по данному поводу неосторожно высказывалась. Во всяком случае, Григорий Турский сохранил рассказ о том, что, став императором, Юстиниан решил ее наказать и потребовал сделать масштабное пожертвование казне. Юлиана попросила отсрочки, получила ее и спешно начала украшать построенный ею храм Св. Полиевкта в Константинополе. Когда же им-

¹ «Тайная история». XXX. См.: Прокопий. Войны. С. 341.

ператор вторично потребовал денег, она предложила василевсу вместе пойти туда и помолиться. Богатство можно было увидеть и потрогать, но нельзя было отнять! Так старуха-аристократка одурачила Юстиниана. Правда, в утешение она подарила императору какое-то очень ценное кольцо¹. Позднее некоторые думали, что великолепие Св. Софии объяснялось в том числе и желанием императора превзойти постройку Юлианы.

Это, конечно же, неправдоподобная история (храм Св. Полиевкта располагался в самом центре города, в двух шагах от Месы, и незаметно украсить его золотом было невозможно), но, видимо, какие-то отголоски соперничества между поднявшимся на «социальном лифте» парвеню и старой константинопольской знатью Григорий уловил и запечатлел.

А еще храм Св. Полиевкта, сохранившийся до нашего времени лишь в руинах и отдельных архитектурных деталях (разбросанных по всему миру, от Стамбула до Испании), был самым крупным (до Св. Софии) и очень богато украшенным собором — так что, вполне возможно, элемент соперничества все же присутствовал.

Константин I (306—337) в качестве идеологии императорской власти утвердил принцип монархии. Именно в Византии идея единодержавной императорской власти обрела зрелую форму. Во времена Юстиниана автократор-самодержец представлялся «подобием» («мимесисом») Бога на земле. Впрочем, в отличие от Бога, государь был ограничен. Во-первых, он олицетворял власть не свою, а римского народа: в империи по-прежнему функционировал представлявший этот народ сенат (синклит); кроме того, важным элементом были димы, партии ипподрома. Во-вторых, важную роль играло войско. В-третьих, усиливалось влияние церкви. Ранняя Византия (в том числе при Юстиниане) — период, когда эти силы осмыслили и «нащупывали» оптимальные способы взаимодействия друг с другом. Именно Юстиниан в самом начале правления, в конституции «*Deo auctore*» (о начале работы над Дигестами), совершенно четко высказался о правовой основе императорской власти: «по древнему закону, который назывался царским, всё право и вся власть римского народа были перенесены на импе-

¹ Чекалова, 2010. С. 210.

раторскую власть»¹ (эту мысль позже будут доносить всем византийским юристам через учебник, Институции). В том же эдикте он выразил мысль о передаче власти «небесным величеством», то есть Богом: Юстиниан не сомневался как в том, что власть проистекает от Бога, так и в том, что избрание конкретного человека — тоже акт божественной воли.

После очередных побед василевс присваивал себе очередные пышные титулы и уже к середине 530-х годов скопил внушительное их количество: «Император цезарь Флавий Юстиниан, алеманский, готский, франкский, германский, антский, аланский, вандальский, благочестивый, счастливый, славный, победитель и триумфатор, всегда август»².

Но как бы ни величался он, одним лишь именем варваров устроить не получалось. Хоть страшный V век и миновал, враги продолжали нападать на империю. В 530 году Мунд успешно отразил натиск болгар во Фракии, убив 500 из них (эту цифру сохранил Марцеллин Комит). В 533 году Фракия вновь подверглась нашествию, на сей раз славян. Магистр войск Фракии Хильвуд, который ранее вполне успешно оборонял низовья Дуная, воюя на обоих его берегах, пал в сражении, и захватчики опустошили ряд византийских территорий.

Основные проблемы, как и в предыдущие века, порождал сасанидский Иран. Шах Кавад был уже стар, но воинственную политику персидского двора это не меняло. Всё начало правления Юстиниана, с 527 по 531 год, Ктесифон и Константинополь обменивались ударами. Пограничные войска и той, и другой стороны вторгались на земли друг друга, разоряли их, разрушали крепости и отступали. В каких-то стычках побеждали ромеи, в каких-то — персы. И те и другие активно вербовали сторонников в рядах противника, захватывали ценности и рабов. Переходы из-под одной власти под другую были нередки; особенно это касалось армян, во множестве населявших приграничные районы. Именно здесь, на Востоке, впервые заявил о себе как о талантливом полководце Велисарий. В начале правления Юстиниана он не раз бывал бит персами, но император ему доверял, и из каждого поражения Велисарий выносил опыт, обеспечивший ему будущие победы.

Видимо, уже в ту пору император поставил перед собой грандиозную задачу — защитить крепостями весь дунай-

¹ Дигесты. С. 31. См. там же: 1. IV. С. 115, 116.

² Институции. С. 10.

ский лимес и пограничные с царством Теодориха земли, включая родную императору Дарданию (тем более что в 518 году, когда умер Анастасий, страшное землетрясение разрушило более двух десятков дарданских городов, в том числе столицу, Скупы). Это позволило бы лучше распорядиться наличными военными ресурсами, поскольку для обороны крепостей их потребовалось бы меньше, нежели для противостояния варварам полевыми армиями. Так появились Юстиниана Прима и десятки других городов.

Руководствуясь теми же соображениями укрепления границ, Юстиниан организовал посылку военной экспедиции в Крым и на Кубань. Этому помог случай: правитель местных гуннов Гордий (Горд) явился к императору и объявил о своем желании стать христианином. Назад, в Крым и на Боспор (Керчь), Гордий вернулся уже с имперскими войсками, которые вел трибун Далмаций. Спустя какое-то время гунны, недовольные низвержением старых богов, восстали, Гордий и Далмаций погибли, римский гарнизон мятежники вырезали. Юстиниан снова послал туда большое войско во главе с консулом Иоанном, внуком Иоанна Скифа. Гунны бежали. Император повелел заново отстроить обветшавшие укрепления Боспора, и с той поры восток Крыма и район низовья Кубани оставались ромейскими.

Юстиниан провел реформу военного устройства провинций Малой Азии, поставив во главе централизованного армейского командования Армении и Понта Полемона своего шурина Ситу (что характерно, армянина). Войска армянского магистерия укомплектовали, забрав часть солдат из презентальной армии, а часть — из войск военного магистра Востока. Почти десять лет Сита занимался строительством крепостей, покорением диких пограничных племен, набором и обучением войск. Сама территория армян была поделена на четыре провинции. Несмотря на самое активное давление персов, император категорически отказывался срывать укрепления Дары — и оказался прав: крепость эта на долгие годы стала главной в обороне Северной Сирии и прилегавших к ней районов.

В связи с Дарой Прокопий рассказывает историю о чуде, случившемся с императором. Архитектор Хрис, которому когда-то поручили восстанавливать разбитую неоднократно осадами крепость, долго ломал голову над тем, как защитить город от наводнений (река Кардис, разливаясь, выламывала крепостные ворота). Однажды во сне

ему явился некий великан и показал чертеж инженерного сооружения, способного обуздать разлив реки. Хрис находился где-то далеко и от столицы, и от Дары (быть может, в своей родной Александрии), но, радея о деле, быстро набросал чертеж явленного и с письмом отправил его в Константинополь. Тем временем Юстиниан, призвав архитекторов Анфимия и Исидора, совещался с ними о способе, которым можно защитить Дару от паводков (вестник с известием о проблеме явился не только к Хрису, но и к нему). «...Сообщив им о происшествии, он поставил вопрос этим ученым: нет ли такого приспособления, чтобы с городом в дальнейшем не происходило таких бедствий? И вот каждый из них стал высказывать свои предположения, которые, казалось, были подходящими для этого случая. Император же — ясно, что ему было некое божественное наитие, — не выдав еще писем Хриса, сам удивительным образом придя к этому решению, придумал и в общих чертах дал чертеж того сооружения, которое явилось Хрису в сновидении. Когда решение этого совещания не было принято и еще висело, можно сказать, в воздухе и им было совершенно не ясно, что нужно делать, собрание было закрыто. Спустя дня три после этого прибыл к императору некто с письмом от Хриса и показал ему изображение того приспособления, которое Хрис видел во сне. Тогда император, вновь послав за архитекторами, велел им восстановить в памяти, какие у них были разговоры до того об этом деле. Они повторили слово в слово все то, что они предложили на основе своей технической науки и что со всей смелостью предложил к выполнению император. Тогда император вызвал к ним посланного от Хриса и показал его письмо с рассказом о видении, бывшем ему во сне относительно будущего сооружения, и чертеж его. Они были повергнуты в высочайшее изумление; они поняли, что во всем, что должно принести пользу государству, Бог содействует нашему императору. Таким образом, отстранив мудрость и искусство механиков, указание императора одержало верх. Хрис был вновь направлен в город Дары с приказанием от императора со всей тщательностью выполнить то, что было им написано, и так, как ему было дано знать в указаниях сновидения»¹.

Укреплял новый император и юго-восточные рубежи: там, в дышащих жаром днем и промозглых — до инея — но-

¹ «О постройках». 2. III. См.: *Прокопий*. Война с готами. Т. 2. С. 153, 154.

чью пустынях из песка и камня, границы не были четкими. Палестина, Сирия, Аравия — на юго-востоке от них возникали словно из ниоткуда свирепые арабские племена. Кого-то из них пытались приручить персы, кого-то — ромеи, но союзниками арабы были ненадежными, при случае с удовольствием и жестоко грабили и тех и других. Юстиниан дал одному из филархов (Хариту б. Габале, Арефе византийских источников) титулы иллюстрия и патрикия, сделал его царем и посылал на юг миссионеров, ибо арабы тогда были язычниками. Ища союзников, василевс отправлял посольства и к далеким от империи химьяритам, жившим на юго-восточном конце Аравийского полуострова, и далее на юг, к царю Аксума (Эфиопии). Юстиниан мог надеяться на то, что христианские правители тех мест не забыли его: в 525 году, будучи магистром, он организовывал по поручению императора совместную с аксумитами морскую экспедицию в Химьяр. Благодаря ей закончилось владычество жестокого Иосифа Зу Нуваса, исповедовавшего иудаизм и подвергавшего местных (довольно многочисленных) христиан самым диким казням. Но ни химьяриты, ни аксумиты действенной военной помощи не оказали.

В октябре 531 года престарелый Кавад умер, и на трон в Ктесифоне взошел антагонист Юстиниана — Хосров Ануширван. Таким образом, во главе двух крупнейших царств позднеантичного мира оказались люди нестарые, склонные к масштабным амбициозным предприятиям, не чуравшиеся жестокости и, что любопытно, прожившие достаточно долгую жизнь: Юстиниану суждено было править 38 лет, Хосрову — почти полвека.

Хотя ресурсы империи оставались значительными, масштабные начинания василевса требовали денег; казна постепенно пустела. Поэтому с самого начала правления Юстиниан много внимания уделял финансам. Не позднее 528 года появляются законы, посвященные вопросам недостаточного снабжения войск, своевременности уплаты налогов, экономии государственных средств там, где раньше траты были значительными (церковное строительство, содержание двора)¹. Епископы в провинциях на протяжении 528—530 годов получили право вмешиваться в деятельность президов: разбирать жалобы, следить за исполнением законов, делать замечания чиновникам самого высокого ранга. Неясно, впрочем, как право заместить чиновника местной

¹ См.: Серов, 2001.

администрации при рассмотрении жалоб или право проверять финансовые документы соотносилось с 6-м Апостольским правилом, согласно которому епископы не должны иметь мирских попечений. По принципу «доверяй, но проверяй» был введен и институт контролеров за церковным имуществом.

Появилось то, чего Константинополь ранее не знал: таможи в Авидосе и Иероне (то есть у обоих выходов из Мраморного моря), где брали таможенную пошлину за товары, повышенную при Юстиниане с $1/50$ или $1/12$ до $1/8$ — октавы. Видимо, по этому поводу сетовал Прокопий, рассказывая о бедствиях людей, занимавшихся большегрузными перевозками, «дальнобойщиков» тех времен — навклиров: «И некоторые из них больше уже не желали ни принимать на корабль обратный груз (пассаж неясен, видимо, речь идет о требовании забрать товар и плыть обратно, если не платится пошлина. — С. Д.), ни заниматься впредь морским промыслом вообще, но сжигали свои корабли и, удовольствовавшись этим, удалялись. Те же, однако, кто был вынужден добывать этим промыслом средства к существованию, в дальнейшем нагружали свои корабли лишь после того, как брали с купцов тройную плату; торговцы же возмещали свои убытки за счет тех, кто покупал товары. И так римляне всячески доводили до голодной смерти»¹.

Не желая своего рода «конкуренции» с государством, император законодательно ограничил величину ссудного процента, ранее доходившего до 20% в год: с 528 года сенаторы могли ссужать деньги под 4% годовых, ремесленники и торговцы — под 8%, прочие лица — под 6%, и только при финансировании таких опасных вещей, как морская торговля и вообще сделки, связанные с перемещением грузов или лиц (римляне называли их *traiectitia contracta*), можно было брать 12%². Ужесточаются требования по конфискации имущества еретиков, причем распоряжения относительно этого даются чиновникам финансовых ведомств. Государство вообще довольно скоро стало прибегать к экстраординарным мерам, например, к конфискации имущества синклитиков по обвинению в тех или иных преступлениях. Как раз тогда началась карьера Иоанна Каппадокийца — «финансового гения», в апреле 531 года ставшего префектом претория Востока.

¹ «Тайная история». XXV. См.: *Прокопий. Войны*. С. 327, 328.

² *Пигулевская*, 1951. С. 60.

Стремясь к контролю, император своим законом, данным на имя префекта претория Демосфена в 531 году, установил твердую цену на рабов: дети обоего пола стоили 10 номисм, взрослые, не обученные какому-либо ремеслу, — вдвое дороже, знание какого-либо простого ремесла добавляло к стоимости еще 10 номисм. Человек, владевший сложной специальностью, ценился много дороже: раб-нотарий — 56 номисм, врач или повивальная бабка — 60 номисм. Дороже всех покупателю обходился обученный ремеслу евнух — 70 номисм. Евнухи ценились дороже не только потому, что в их стоимость входили «потери от процесса» (кастрация сопровождалась высокой смертностью), но и потому, что это был, как правило, привезенный изда-лека «заграничный товар».

Неясно, тогда ли, но император разрешил некоторым категориям торговцев отступать от установленных государством ценовых ограничений. Правда, к словам Прокопия по этому поводу следует относиться с осторожностью, помня его субъективизм: «Прежде всего он, как водится, назначил народу Византия эпарха, который, распределяя впредь ежегодный налог между теми, кто имел лавки, вознамерился предоставить им возможность продавать товары по удобной им цене. И получилось, что люди города, покупая самое необходимое, были вынуждены платить втридорога и пожаловаться им на него было некому. Урон от такого порядка был огромен. Ибо в то время как казна получала лишь часть этого дохода, приставленный к этому архонт стремился обогатить самого себя»¹.

Словно торопясь жить, император решил к уже сделанному добавить еще одну грандиозную задачу: осуществить кодификацию римского права. «Планка» была исключительно высока, требовались серьезные знания. Не случайно предыдущее упражнение такого рода было сделано при Феодосии II — государе, знаменитом своей просвещенностью. А далее не оказалось никого, кому такое предприятие было бы под силу (за исключением разве что Анастасия). Маркиан, Лев, Юстин — бывшие солдаты, Зинон — варвар, о Василиске вообще лучше умолчать. Но чтобы реализовать подобный проект, мало быть образованным императором — нужно еще понять важность задачи и выполнить ее. Забегая вперед следует отметить, что результат получился, и какой!

¹ «Тайная история». XX. См.: *Прокопий. Войны*. С. 314.

За время, прошедшее после выхода в 438 году «Кодекса Феодосия», появилась масса новых законов, новелл. Но общественные отношения в V—VI веках менялись быстрее, чем раньше, и к середине VI века старое римское право требовало не просто новой кодификации, но ревизии, приспособления к изменившимся условиям. Да и вообще, пережив во II—IV веках эпоху так называемого «вульгарного права», когда классические образцы некоторых базовых понятий и принципов (собственность, владение, отношения закона и обычая) были упрощены и искажены, римское право требовало более тщательного упорядочения, а где-то и восстановления. В обоих смыслах «Кодекс Феодосия» не годился. Юстиниан же, для которого юриспруденция наряду с богословием явно были любимыми увлечениями, распорядился провести колоссальную работу по осмыслению всего наследия античной юриспруденции, обновлению и приспособлению его к современным VI веку реалиям. Очень смело! В феврале 528 года о начале работы было объявлено специальным указом (конституция «*Summa rei publicae*»). До весны 529 года комиссия из десяти правоведов во главе с бывшим квестором священного дворца Иоанном и юристом Трибонианом из Памфилии кодифицировала указы императоров от Адриана до Юстиниана в двенадцати книгах «Кодекса Юстиниана». Кодекс вступил в силу спустя менее чем полтора года после начала работы, 16 апреля 529 года (конституция «*Haec quae necessario*»¹). Не вошедшие в него постановления были объявлены утратившими силу. Но помимо собственно законов, *leges*, источником права у римлян являлись имевшие законодательную силу толкования юристов (в том числе по конкретным судебным делам), преторские эдикты — *ius*, или *jura*, собственно «право». Они также подлежали систематизации и переработке. Поэтому с 530 года новая комиссия из 16 человек, возглавляемая тем же Трибонианом, занялась составлением юридического канона по обширнейшему материалу всего римского законодательства. Советский византинист З. В. Удальцова, следуя веяниям своего непростого времени, упрекала «гордого деспота» в том, что он «не участвовал лично в законодательной реформе и предоставил это делать другим»². Но ведь в том и заключается ценность руководителя, чтобы поставить

¹ Текст и перевод обеих конституций в: *Сильвестрова*, 2007. С. 170—178.

² *Удальцова*, 1967. С. 9.

проблему, наметить пути ее решения, найти подходящих исполнителей, разумно распределить обязанности между ними, а потом контролировать ход исполнения и результат! А сидеть и выбирать эксерпты из юридических сборников — все-таки не императорская задача.

Отличительной чертой «Кодекса Юстиниана» (как и вообще законодательства того времени) стало доминирование православия. Полезно привести остроумное наблюдение Юлиана Кулаковского: «Для духа времени знаменательно, что тогда как в кодексе Феодосия указы, касающиеся религии, составляли последнюю, 16-ю, книгу, в кодексе Юстиниана им отведено первое место, и они заполняют 13 глав, *tituli*, первой книги, а первый титул носит заглавие: “О верховной Троице и вере католической и чтобы никто не дерзал публично состязаться о ней”. Так христианство легло в основу правового строя государственной жизни»¹. Придерживаясь этой линии, Юстиниан и далее жестко ограничивал права как нехристиан вообще, так и неправославных: им фактически было запрещено наследовать, и при отсутствии православных наследников собственность их отходила государству; язычники не могли не только передавать по наследству, но и дарить имущество, обучать своих детей наукам и т. д. Впрочем, судя по тому, что в высших слоях элиты империи отдельные язычники присутствовали, император мог закрыть глаза на веру некоторых людей, если они этого не афишировали, — или до поры до времени. Исключение было сделано для религии, из которой христианство вышло, — иудейской. Никто не мог преследовать иудея за его веру. Синагоги не разрушались, более того — если здание синагоги хотели использовать в качестве церкви, христиане должны были построить иудеям другое или оплатить строительство. Впрочем, равноправия с православными иудеи не имели — например, новые синагоги строить было нельзя, а если у иудея находили раба-христианина, последний подлежал освобождению без выкупа, хозяин же — разорительному штрафу в 30 либр золота!² Но самыми страшными карами, вплоть до смертной казни, император грозил манихеям — это было в русле имперской традиции чуть ли не со времен Диоклетиана. Костры с манихеями на-

¹ Кулаковский, 2004. Т. 2. С. 69. Ю. А. Кулаковский говорит, разумеется, о финальной редакции Кодекса, но «православная» направленность наверняка была и в первой.

² Геростергиос, 2010. С. 119.

чали пытать с самого начала самостоятельного правления Юстиниана: Иоанн Малала сообщает о их сожжении уже в 527 году!

Совершенно очевидно, что в вопросах внутренней политики власть наступала, как говорится, «по всем фронтам»: религия, налоги, законы. Усиление роли государства в сфере духовной и материальной породило сопротивление. Говоря проще, император «перегнул палку» — она сломалась и ударила. Первый крупный открытый бунт случился в Самарии в мае 529 года. Религия самаритян, отличавшаяся от ортодоксального иудаизма, не считалась иудейской и подпадала под категорию ересей, с которыми император собирался безжалостно бороться. Протестуя против законов о еретиках, а также доведенные до крайности нападениями на них местных христиан, жители Неаполиса и палестинской Кесарии восстали, провозгласив императором некоего Юлиана. Начались убийства, запылали церкви. Дукс Палестины стянул войска, пригласил в качестве союзников арабских филархов с их людьми. 20 тысяч самаритян погибли на поле боя, еще столько же оказались на невольничьих базарах Аравии: ведь по законам того времени «разбойники» (а именно так классифицировались участники народных волнений) и даже их дети подлежали обращению в рабов навечно. Справедливости ради нужно отметить, что когда в Константинополь прибыл посол от иерусалимского духовенства (монах Савва Освященный), император по его просьбе на два года дал экскуссию землям, разоренным мятежом: уменьшил подати с Первой Палестины и города Скифополя на общую сумму 13 кентинариев золота.

Выполняя другую просьбу Саввы, василевс распорядился построить в Иерусалиме госпиталь на двести коек с годовым содержанием в 3700 номисм¹.

Юстиниан и иерусалимский госпиталь

Минимальное ежедневное содержание больного (365 дней в году при максимальной заполненности) составляло примерно $1/20$ номисмы, или 9 фоллисов. Если попытаться перевести эту сумму в сегодняшние доллары или рубли через стоимость золота, получится примерно 11 долл., или около 700 руб. Но такая оценка, конечно же, груба: относительная ценность

¹ Палестинский патерик. Вып. 1: Житие св. Саввы Освященного. 73. С. 115.

золота в те годы была выше, чем сейчас. Иным могло быть и соотношение цен на продукты. Так, из хроники Иешу Стилита¹ мы узнаем, что в феврале 501 г. в Эдессе курятина стоила втрое дороже обычного мяса; в Москве марта 2018 г. соотношение обратное.

Попробуем вычислить ценность фоллиса через сопоставимые с сегодняшним днем параметры.

Рабочий-ткач получал три фоллиса в день на хозяйских харчах.

По данным Росстата, в 2017 г. в России зарплата в производстве текстильных изделий составляла 20 037 руб. в месяц, или 659 руб. в день.

Предположим, что минимально возможная стоимость ежедневного питания — 80 руб./день (для сравнения: расходы на питание заключенного в 2017 г. — по официальным данным, 72 руб./день; вряд ли рацион рабочего-ткача был много лучше).

Таким образом, если византийского «ткача» приравнять к «работнику текстильной промышленности», получим заработок (за вычетом расходов на питание) в три фоллиса, или 579 руб. То есть Юстиниан обеспечил большим содержанием одного койко-места в 1737 руб. в день.

Разумно предположить, что медицина того времени была, выражаясь современным языком, по преимуществу «паллиативной». В России стоимость одного койко-дня «в медицинских организациях (их структурных подразделениях), оказывающих паллиативную медицинскую помощь в стационарных условиях (включая хосписы и больницы сестринского ухода), за счет средств соответствующих бюджетов» составляла в 2017 г. 1856,5 руб. (постановление Правительства Российской Федерации от 19 декабря 2016 г. № 1403 «О программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов»). То есть «Юстинианова» больница обеспечивалась финансированием в размере 93,5% этой суммы. Разница неощутимая.

Вышеприведенные выкладки, разумеется, не претендуют на солидное экономическое обоснование и, скорее, должны восприниматься как шутка. Но и как повод задуматься.

¹ Хроника Иешу Стилита. Пар. 43.См.: Пигулевская, 2000. С. 590.

Второе восстание на религиозной почве произошло в следующем году в Александрии: монофиситски настроенные жители едва не побили камнями патриарха Тимофея IV в ответ на решение императора ссылать не признающих решения Халкидонского собора. В результате подавления беспорядков и последовавших за этим разбирательств погибло множество людей. Видя тщетность или осознавая опасность своих попыток, император в 531 году прекратил гонения на монофиситов.

В апреле того же 531 года префектом претория Востока стал Иоанн Каппадокиец — человек, искусный в придумывании новых поборов с целью увеличения доходов фиска. Один лишь аэрикон стал приносить более трех тысяч либр в год, к должникам применялись суровые меры.

В целом видно, что буквально с первых лет правления Юстиниан проявил себя как безжалостный «государственник»: во имя собственного понимания интересов «общего дела» он «ломал» всех — аристократию, простолюдинов, клир, православных, еретиков, иноверцев, — не смущаясь потерями. Сильнее всего качество это проявилось при подавлении восстания «Ника» — одного из крупнейших в VI веке и, видимо, самого масштабного (по потерям) мятежа в византийской истории.

Восстание «Ника»: 532

Январь 532 года стоял теплый, с туманами и частыми дождями. Город просыпался еще затемно: дым, поднимавшийся из кухонных труб, смешивался с моросью, окутывал крыши и наполнял воздух резким деготным ароматом. К восходу он проникал во все улицы, переулки, дома, храмы и дворцы на пространстве от Феодосиевых стен до Акрополя. Смешиваясь с запахом горелого масла от факелов, ламп и готовящейся еды, дым этот прятал, забивал все прочие запахи: и свежесть, идущую с моря; и поднимающийся ей навстречу из квартала вирсодеинов-дубильщиков противный дух замоченных в моче кож; и смрад, несмотря на все старания епархов не исчезающий с площади Тавра, где торговали свиньями (против него не мог устоять даже аромат изысканных благовоний из лавок на Месе). Дым заволакивал арену ипподрома, и она переставала пахнуть привычным: конским потом, свежими опилками и навозом.

По мере того как над морем показывалось солнце, улицы оживали, но первым шуметь начинало небо: над кры-

шами появлялись скандальные бакланы и чайки; тут же, словно в ответ на их вопли, с земли принимались орать бесчисленные петухи.

Улицы наполнялись людьми: всё чаще раздавались цокот копыт и шарканье подошв. По своим ранним делам спешили вестники-мандаторы; с лотками овощей и хлеба расходились из лавок и фускарий торговцы; звенели кувшинами водоносы. Смущаясь и таясь, крались вдоль стен пьяницы или загулявшие гости публичных домов. Наконец, полностью всходило солнце, и город просыпался окончательно. Дым исчезал, ветер с моря усиливался, воздух насыщался запахом водорослей и свежей рыбы: город хорошел и облагораживался.

Позвякивая щитами, копьями и прочим снаряжением, мерно шагала в казармы ночная стража. Торопились в храмы дьяконы и попы; по направлению к ипподрому и дворцу шли бесчисленные служители, одетые сообразно чину и предстоящему мероприятию. То тут, то там среди бородатых можно было заметить гладкое лицо юноши или евнуха и, совсем редко, женское. Рабы богатых горожанок уже выносили из домов паланкины со своими хозяйками, по Месе в сопровождении одетых в белое кандидатов ехал верхом на муле патрикий с озабоченным лицом.

Юстиниан обычно поднимался затемно, вместе с первыми дымами. Завтракая и занимаясь делами, он следил за просыпавшейся столицей, чутко прислушиваясь к ее звукам и ощущая запахи.

В утро вторника 13 января император ощущал себя неспокойным и злым. Двумя днями ранее, во время ристаний на ипподроме, случился скандал. В разгар состязаний прасины стали жаловаться на нерасследованные убийства, совершенные, по их мнению, «голубыми»¹, и притеснения со

¹ Разбор «Актв Калоподия» см. в: *Чекалова*, 1997. С. 182—192. О том, что венеты, пользуясь покровительством императорской четы, нередко безнаказанно совершали преступления, грабежи и убийства, пишут и Прокопий в «Тайной истории» (XVII; см.: *Прокопий*. Войны. С. 306), и Евагрий (*Евагрий*. IV. 32. С. 322, 323). Так, оба (с различными деталями) рассказывают жуткую историю правителя Киликии Каллиника, казнившего двух убийц-венетов и посаженного за это на кол. Иоанн Малала, напротив, писал о том, что Юстиниан преследовал смутьянов-димотов независимо от партийной принадлежности, см.: *Иоанн Малала*. XVII. 18. С. 122. Самое раннее известие о кровопролитиях, учиненных враждующими группировками димов в столице, относится к 445 г.

стороны императорского чиновника спафария Калоподия. Но дело, конечно же, было не в Калоподии: называя эту малозначительную фигуру, прасины имели в виду императора и двор: ведь именно венеты являлись партией власти. С трибун «зеленых» неся тягучий рев ритмичных хоровых выкриков, Юстиниан же отвечал на каждую реплику этого нестройного, но мощного хора через мандатора, который ревел с кафисмы в огромный бронзовый рупор. После каждой реплики толпа замирала, ждала ответа и, получив его, через некоторое время кричала: как бы с неохотой в начале фразы и с вызовом, с нажимом — в ее завершении.

Император подошел к столу, взял записанный придворным скорописцем текст и перечитал его — хотя, кажется, за эти три дня уже выучил наизусть:

Прасины: Многая лета, Юстиниан август, да будешь ты всегда победоносным! Меня обижают, о лучший из правителей; видит Бог, я не могу больше терпеть. Боюсь назвать притеснителя, ибо, как бы он ни выиграл, я же подвергнусь опасности!

Мандатор: Кто он, я не знаю.

Прасины: Моего притеснителя, трижды августейший, можно найти в квартале сапожников!

Мандатор: Никто вас не обижает.

Прасины: Он один-единственный обижает меня. О Богородица, как бы не лишиться головы!

Мандатор: Кто он такой, мы не знаем.

Прасины: Ты и только один ты знаешь, трижды августейший, кто притесняет меня сегодня!

Мандатор: Если кто и есть, то мы не знаем кто.

Прасины: Спафарий Калоподий притесняет меня, о всемогущий!

Мандатор: Не имеет к этому дела Калоподий.

Прасины: Кто бы он ни был, его постигнет участь Иуды. Бог скоро накажет его, притесняющего меня!

Мандатор: Вы приходите на ипподром не смотреть, а грубить архонтам!

Прасины: Того, кто притесняет меня, постигнет участь Иуды!

Мандатор: Замолчите, иудеи, манихеи, самаритяне!

Прасины: Ты называешь нас иудеями и самаритянами? Богородица со всеми!

Мандатор: Когда же вы перестанете изобличать себя?

Прасины: Кто не говорит, что истинно верует владыка, анафема тому, как Иуде!

Мандатор: Я говорю вам — креститесь во единого Бога!
(В этом месте стенографист пометил: «прасины начали перекликаться друг с другом и закричали, как приказал их начальник Антлас: “Я крещусь во единого!”».)

Мандатор: Если вы не замолчите, я прикажу обезглавить вас.

Прасины: Каждый домогается власти, чтобы обеспечить себе безопасность. Если же мы, испытывающие гнет, что-либо и скажем тебе, пусть твое величество не гневается. Терпение — Божий удел. Мы же, обладая даром речи, скажем тебе сейчас всё. Мы, трижды августейший, не знаем, где дворец и как управляется государство! В городе я появляюсь не иначе как сидя на осле! О, если бы было не только так, трижды августейший!

Дочитав до этого места, Юстиниан ухмыльнулся. Верно! На осле по Городу возили преступников, там некоторым из кричавших было самое место! Император продолжил скользить глазами по свитку.

Мандатор: Каждый свободен заниматься делами, где хочет.

Прасины: И я верю в свободу, но мне не позволено ею пользоваться. Будь человек свободным, но, если есть подозрение, что он прасин, его тотчас подвергают наказанию.

Мандатор: Вы не боитесь за свои души, висельники!

Прасины: Запрети этот цвет, и правосудию нечего будет делать. Позволяй убивать и попустительствуй! Мы — наказаны! Ты — источник жизни, карай сколько пожелаешь! Поистине такого противоречия не выносит человеческая природа! Лучше бы не родился Савватий ¹, он не породил бы сына-убийцу! Двадцать шестое убийство совершилось в Зевгме! Утром человек был на ристалище, а вечером его убили, владыка!

Юстиниан покачал головой, пожевал губами, взмахнул рукой. Неслышно подошел евнух, протянул чашку теплой воды, чуть разбавленной вином. Не глядя на препозита, взял чашку, отпил, кивнул — то ли благодаря, то ли показывая, что довольно, отдал воду обратно и продолжил чтение. В этом месте вступили венеты, которым из кафизмы был послан приказ ответить. Это оказалось неудачной идеей — они только распалили своих оппонентов.

Венеты: На всем ристалище только среди вас есть убийцы!

¹ Отец Юстиниана.

Прасины: Ты убиваешь и затем скрываешься!

Венеты: Это ты убиваешь и устраиваешь беспорядки. На всем ристалище только среди вас есть убийцы.

Прасины: Владыка Юстиниан, они кричат, но никто их не убивал. И не желающий знать — знает. Торговца дровами в Зевгме кто убил, автократор?

Мандатор: Вы его убили.

Прасины: Сына Эпагата кто убил, автократор?

Мандатор: И его вы убили, а теперь клеветеете на венетов.

Прасины: Так, так! Господи помилуй! Свободу притесняют. Хочу возразить тем, кто говорит, что всем правит Бог: откуда же тогда такая напасть?

Мандатор: Бог не ведает зла.

Прасины: Бог не ведает зла? А кто тот, кто обижает меня? Философ или отшельник пусть разъяснит мне различие между тем и другим.

Мандатор: Клеветники и богохульники, когда же вы замолчите?

Прасины: Чтобы почтить твое величество, молчу, хотя и против желания, трижды августейший. Все, все знаю, но умолкаю. Спасайся, правосудие, тебе больше здесь нечего делать. Перейду в другую веру и стану иудеем. Лучше быть язычником-эллином, нежели венетом, видит Бог.

Венеты: Что мне ненавистно, на то и не хочу смотреть. Эта зависть к нам тяготит меня.

Прасины: Пусть будут выкопаны кости остающихся зрителей!¹

Диалог занял около часа. «Зеленые» с оскорбительными выкриками покинули зрелище. Неслыханно! А еще хуже, что дело пришлось оставить без последствий. Император не забывал ничего, однако возмездие простату и всей верхушке прасинов следовало отложить на потом: через эпарха Юстиниан знал, что обстановка накалилась и резкие действия могли кончиться плохо. Однако утром следующего дня начались стычки между враждующими группировками. Нескольких смутьянов поймали. Префект города Евдемон судил их и приговорил семерых самых отъявленных злодеев, повинных в убийствах, к смерти. Но в этой стране даже повесить нормально не могут, злился Юстиниан. Виселица

¹ Использован текст из: Чекалова, 1997. С. 181—187.

сломалась, и двое них — один венет, другой прасин — сорвались и остались живы. Толпа усмотрела в произошедшем чудо, воспротивилась казни, а местные монахи увели приговоренных, посадили на корабль и укрыли в храме Святого Лаврентия¹.

Ночью Юстиниану донесли: завтра на ипподроме и прасины, и венеты будут требовать помилования этих недоумков. И вместо сна пришлось вызвать префекта Города и совещаться — как поступить. Казнить либо помиловать? Или казнить одного, а помиловать другого? Евдемон заметно трусил и не мог склониться ни к какому варианту.

Юстиниан стоял у окна, смотрел на вполне уже утреннее, свежее небо, втягивал ноздрями воздух и злился. Он, подобно Евдемону, не мог решить, как действовать сегодня. Покараешь — разозлишь не только прасинов (что с них взять, висельники!), но и венетов — партию двора и императорской четы. Помилуешь — толпа сочтет милосердие слабостью. Юстиниан хмурил изогнутые брови, прикидывал и так и этак, но решение не находилось. Тогда, вздохнув, он начал молиться — сцепив руки и обратив закрытые глаза на восток. Ответ, как обычно, пришел сразу после молитвы: на просьбы не поддаваться, предать смерти.

* * *

Наступил день. Людей на ристания собралось заметно больше обычного. Буквально с первого заезда народ стал требовать от императора помилования «спасенных Богом». Император не отвечал — и это вызвало бурю негодования. Болельщики объединились, провозглашая славу «человеколюбивым венетам и прасинам». Крича так, люди намекали на неприятие лично Юстиниана: ведь возглас «многая лета», полихроний, в присутствии императора должен был адресоваться только ему! В итоге уже под вечер, прервав 22-й заезд, люди повалили с ипподрома, круша всё на своем пути. Паролем восстания сделали слово «Ника!» — «Побеждай!». Вечером люди собрались у претория, требуя ответа от Евдемона, — но тот не вышел. Тогда бунтовщики выпустили сидевших там, запалили зал с архивом долговых расписок казне (а потом и всё здание), стражников же и не-

¹ *Феофан*, год 6024. С. 141—143. Феофан пишет о том, что казни срывались дважды, Иоанн Малала (см.: *Прокопий*. Войны. С. 486) говорит лишь об одном падении.

навиственных чиновников начали убивать прямо на улицах. Восставшие, забыв на время разногласия цирковых партий, потребовали отставки Иоанна Каппадокийца, Трибониана и Евдемона.

Императором овладела тревога. Кто-кто, а уж он не понаслышке знал о последствиях ярости толпы. Двадцать лет назад, в ноябре 512 года, он видел бунт, кровавый и жестокий, едва не сваливший власть Анастасия. Тогда народ отверг сделанную по приказу василевса добавку четвертого стиха к «Трисвятому». И начиналось ведь все примерно так же. Сначала несколько недовольных подняли шум и были казнены. В ответ Город поднялся весь, от мала до велика. И пока одни собрались на форуме Константина и молились, другие бегали по столице с оружием и убивали сторонников царя. А потом кто-то принес военные знамена и кинул клич «Другого императора ромеям!». Толпа принялась валить статуи государя и выкрикивать имя патрикия Ареовинда. Тот, правда, испугался и скрылся. Горожане прогнали камнями сенаторов Келера и Флавия Патрикия — уважаемых людей, магистров, посланных призвать мятежников к порядку. И Город тоже горел: запалили дома царского брата Помпея и комита священных шедрот Марина. Городской эпарх Платон бежал. Лишь когда Анастасий вышел на ипподром без короны, повинился и сказал, что готов отдать власть, но множества она не терпит и после него все равно императором будет лишь кто-то один, мятеж затих. Хитрый старик всех обманул: через несколько дней его люди переловили и предали казни зачинщиков. Тогда для императора все кончилось хорошо, но ведь могло выйти иначе! Помнил Юстиниан и про то, что несколько лет назад, в консульство Максимиана, тоже начался мятеж. Слава богу, у власти был решительный Юстин, задавивший бунт еще в зародыше: камнеметателей схватили сразу, казнили мечом или перевешали.

14 января власти попытались провести новые игры. Однако вместо того, чтобы отвлечься зрелищами и успокоиться, димоты отказались взойти на трибуны и даже зажгли какую-то часть ипподрома. Город сделался неуправляемым, на Августеоне собрался народ, требуя отставки самых видных сановников императора: Иоанна Каппадокийца, Евдемона и Трибониана. Юстиниан сместил их, но опоздал. Никто не успокаивался. Люди скандировали звучавшие накануне лозунги: «Лучше бы не родился Савватий, не породил бы он сына-убийцу» и даже «Другого василевса ромеям!».

Юстиниан попробовал вывести на улицу войска, но от этой идеи вскоре пришлось отказаться: опасно.

15 января люди начали выкликать императором патрикия Прова, племянника покойного Анастасия. Пров благополучно скрылся, и толпа, в ярости переменяв настроение, подожгла его дом. Варварская дружина Велисария попыталась оттеснить бушующие толпы от дворца, и в образовавшейся свалке пострадали клирики, со священными предметами в руках уговаривавшие граждан разойтись. Случившееся вызвало новый приступ ярости, с крыш домов в солдат полетели камни, и Велисарий отступил. В городе запылали новые пожары: теперь уже в банях Зевксиппа и здании сената.

Историки расходятся в реконструкции событий, но между 13 и 16 января восставшие, вдобавок к тому, что уже пылало, подожгли парадный вход во дворец, Халку. Огонь перекинулся на храм Святой Софии, который сгорел дотла и рухнул. Заполыхали прилегавшие к дворцу улицы. Сам дворец отстояли, но пожар не пощадил другие постройки на подступах к дворцовой площади Августеон, собор Святой Ирины и примыкавший к нему госпиталь Святого Сампсона, сгоревший вместе с больными. Погода была ненастной: ветер раздувал пламя, искры и головни летали над крышами. Пожар перекинулся на лавки портиков вокруг площади Августеон; Меса выгорела до форума Константина. Прибывавшие из разных мест войска бились с народом, в Городе повсюду царил атмосфера насилия, лилась кровь, на улицах валялись трупы. Спасаясь от солдат, какая-то часть мятежников забаррикадировалась в Октагоне, здании неподалеку от цистерны Базилики. Пытаясь добраться до них, воины подожгли Октагон, от него занялись еще не горевшие дома по Месе. Многие жители в панике переправлялись на другой берег штормящего Босфора. Мало кто боролся с огнем, хотя в Константинополе близ любого рынка стояли машины для качания воды, багры, шесты и лестницы для тушения пожаров и в обычное время все это моментально было бы применено. Но стражники выглы уже не выходили тушить: боялись толпы. Современник (поэт Иоанн Лид) вспоминал: «Из-за приумножения грехов народа, восстала толпа и собранная во единодушии дьяволом она сожгла почти весь город. И когда Каппадокиец был низложен, то огонь начал распространяться вначале от входа во дворец, затем от них к Первому Святилищу (то есть к Святой Софии), от которой — к совету Юлиана, который

называют Сенатом, по Августеону (буквально: Празднику Августа. — С. Д.), от него — на форум, который называют Зевксипповым, от Зевксиппа царя, при котором во время 38-й олимпиады мегарцы, заселившие Византий, наименовали этот рынок в его честь, подобно тому как называли портики Харидема заселившие Кизик мегарцы. А также сгорела общественная баня Севирион, названная от Севира, принцепса римлян, который, страдая от болезни артрита, принимал ванны, пребывая во Фракии, из-за гражданской войны с Нигером. И поскольку столько зданий было объято огнем, то были разрушены вплоть до форума Константина придававшие правильную форму городу портики, красотой и величиной колонн, и правильными линиями организовавшие площадь... И вместе с ними сгорели (ибо как могли не сгореть) расположенные посередине здания, по направлению к северу и к югу, и город казался горой и черными рассевающимися холмами, подобно Липаре и Везувию, потрясая жалостным страхом созерцающих из-за пепла, из-за дыма и смрада сгоревших веществ.

...Город лежал в развалинах, поражая взгляд огнем и безобразием руин»¹.

17 января бунтовщики стали провозглашать императором другого племянника Анастасия, патрикия Ипатия. Тот немедленно прибыл к Юстиниану, уверяя в своей непричастности к происходящему. Однако василевс не поверил ему и прогнал вместе с теми сенаторами, которым не слишком доверял.

Зачем Юстиниан удалил из дворца своих, как он считал, врагов? Чем можно объяснить такой поступок? Вряд ли гуманностью. И предшествующие, и последующие события доказывают, что император и его окружение вполне могли пойти на массовые убийства. Но одно дело, когда экзекуции подвергается безликая толпа, охлос. А тут — сенаторы, люди одного с Юстинианом круга (если же учесть его происхождение — то и выше). Все — знакомые, более того, многие связаны родственными узами с верным василевсу окружением. Одно дело — отдать приказ рубить толпу, не слыша даже криков ее из-за толстых стен, — и совсем другое — видеть глаза вчерашних друзей, слышать их мольбы о пощаде или проклятия.

¹ *Василик*, 2010. С. 387, 388. В. В. Василик, опираясь на описание Романа Сладкопевца, полагает, что пожары все-таки пытались тушить, но в том не преуспели — см.: Там же. С. 393.

Вторая возможная причина — техническая. Император просто не располагал достаточным числом людей, чтобы быстро казнить несколько десятков взрослых мужчин. Для этого требовались опытные палачи или хотя бы солдаты. Но в Городе бушевал мятеж, все солдаты наверняка стояли у стен, окон и проходов, готовясь отбивать приступ. Сторожить или, того хлеще, ловить и резать синклитиков в момент, когда толпа вот-вот пойдет на штурм, — явно не лучший вариант. К тому же многие из них имели опыт в военном деле и, несомненно, стали бы сопротивляться.

Третье. Возможно, император уже рассматривал вероятность проигрыша. На этот случай требовался запасной вариант. Казнив же несколько десятков человек из элиты, он «сжигал мосты» — их родственники не простили бы убийства.

Так или иначе, Ипатий вместе с некоторыми синклитиками покинули дворец и разошлись по домам. Судя по этому, восстание явно развивалось не под руководством какого-то круга заговорщиков, но стихийно.

На следующий день, 18 января, сам автократор, как некогда в сходных обстоятельствах Анастасий, вышел с Евангелием в руках на ипподром, уговаривая жителей прекратить беспорядки. Юстиниан решил действовать лаской и начал свою речь (естественно, через мандатора) с сожалений по поводу того, что сразу не прислушался к требованиям народа и не проявил милосердия. «Клянусь святым могуществом, — вещал император, — я признаю перед вами свою ошибку и не прикажу никого наказывать, только успокойтесь. Все произошло не по вашей, а по моей вине. Мои грехи не допустили, чтобы я сделал для вас то, о чем вы просили меня на ипподроме»¹.

Кто-то этим наверняка удовлетворился, но многие из собравшихся встретили его воплями: «Ты лжешь! Ты даешь ложную клятву, осел!» По трибунам пронесся клич сделать императором Ипатия. Юстиниан покинул ипподром, а Ипатия, несмотря на его отчаянное сопротивление и слезы жены, выволокли из дома, отвели на форум Константина, подняли на шит, короновали и одели в захваченные царские одежды. Две сотни вооруженных прасинов явились, чтобы по первому требованию пробить ему дорогу во дворец. К мятежу примкнула значительная часть сенаторов, причем высшего ранга — патрикии.

¹ Чекалова, 1997. С. 208, 209.

Прокопий в «Войне с персами» реконструировал выступление одного из таких сенаторов, Оригена. Недолюбивая Юстиниана, презирая неспособного Ипатия и резко отрицательно относясь к бушующей толпе, историк вложил в уста сенатора собственное отношение к произошедшему¹: «Римляне, настоящее положение дел не может разрешиться иначе как войною. Война и царская власть, по всеобщему разумению, являются самыми важными из человеческих дел. Великие же дела разрешаются не в короткий срок, но лишь по здравому размышлению в результате долгих физических усилий, требующих от человека немало времени. Если мы пойдем сейчас на противника, то все у нас повиснет на волоске, мы все подвергнем риску и за все то, что произойдет, мы будем либо благодарить судьбу, либо сетовать на нее. Ведь дела, которые совершаются в спешке, во многом зависят от могущества судьбы. Если же мы будем устраивать наши дела не торопясь, то даже и не желая того, мы сможем захватить Юстиниана во дворце, а он будет рад, если кто-нибудь позволит ему бежать. Презираемая власть обычно рушится, поскольку силы покидают ее с каждым днем. У нас есть и другие дворцы, Плакиллианы² и Еленианы³, откуда этому василевсу [Ипатию] можно будет вести войну и устраивать другие дела наилучшим образом»⁴.

Ипатий не внял совету Оригена (или не смог — в силу обстоятельств). Бунтовщики заняли покинутую импера-

¹ «Война с персами». I. XXIV. См.: *Прокопий*. Войны. С. 66, 67.

² Дворец Плакиллианы получил свое название по имени построившей его первой жены Феодосия Великого Элии Флациллы (Плакиллы). Находится он в западной части столицы — XI регионе. — *Прим. пер.*

³ Дворец Елены назывался по имени матери Константина Елены. Расположен он был к западу от форума Аркадия. — *Прим. пер.*

⁴ На первый взгляд слова Оригена могут показаться отговоркой и даже предательством. Но то обстоятельство, что Ориген, по всей видимости, входил в число сенаторов, удаленных Юстинианом из Большого императорского дворца, и, следовательно, был враждебно настроен по отношению к императору, дает возможность предположить, что он призывал превратить в центры восстания другие дворцы, считая подобные действия наиболее целесообразными. Так, очевидно, воспринимал это и Прокопий, который сразу же после речи Оригена весьма пренебрежительно отзывается о «толпе», привыкшей все делать в спешке, как бы противопоставляя благоразумного сенатора этой «черни» и Ипатию, которому не терпелось попасть в царскую кафисму... — *Прим. пер.*

торскими силами кафисму и провели его туда. Уже после мятежа возникла версия, что Ипатий, ведя двойную игру, тайно послал к Юстиниану человека с сообщением: мол, он собрал всех врагов василевса на ипподроме, дабы с ними можно было покончить одним ударом¹.

В крытом переходе ко дворцу, называвшемся «Улитка» («Кохлея»), стояли герулы Мунда, и хода во внутренние залы и императорские покои не было. Очевидно, что кафисму бросили не просто так: командование дворцовых войск (опытные люди, носившие в разное время звание военных магистров, — Велисарий, Мунд, Констанциол и, вероятнее всего, сам Юстиниан) уменьшило периметр обороны из-за недостатка сил.

Тем не менее попытку наступления на мятежников предприняли: в какой-то момент из дворца внутренними переходами к ипподрому подошел Велисарий с группой вооруженных людей. Но городская стража, охранявшая проход, отказалась впустить солдат василевса.

Всё рушилось. Терзаемый сомнениями Юстиниан собрал во дворце совет из оставшихся с ним придворных. Император уже склонялся к бегству, но Феодора, в отличие от супруга не утратившая мужества, отвергла этот план и вынудила супруга действовать. Динамичное описание этой сцены есть у Прокопия Кесарийского:

«Василевс Юстиниан и бывшие с ним приближенные совещались между тем, как лучше поступить, остаться ли здесь или обратиться в бегство на кораблях. Немало было сказано речей в пользу и того и другого мнения. И вот василиса Феодора сказала следующее: “Теперь, я думаю, не время рассуждать, пристойно ли женщине проявить смелость перед мужчинами и выступить перед оробевшими с юношеской отвагой. Тем, у кого дела находятся в величайшей опасности, не остается ничего другого, как только устроить их лучшим образом. По-моему, бегство, даже если когда-либо и приносило спасение, и, возможно, принесет его сейчас, недостойно. Тому, кто появился на свет, нельзя не умереть, но тому, кто однажды царствовал, быть бегле-

¹ По версии «Пасхальной хроники» (сходным образом пишет и Прокопий, но в предположительном ключе), Ипатий действительно, уже будучи в кафисме, посылал своего доверенного человека к Юстиниану со словами: мол, император, твои враги собраны в одном месте, действуй. Однако тот человек встретил императорского врача Фому, который сообщил, что император бежал и весть передавать некому (что было неправдой). После мятежа Фому казнили.

цом невыносимо. Да не лишиться мне этой порфиры, да не дожить до того дня, когда встречные не назовут меня госпожой! Если ты желаешь спасти себя бегством, василевс, это не трудно. У нас много денег, и море рядом, и суда есть. Но смотри, чтобы тебе, спасшемуся, не пришлось предпочесть смерть спасению. Мне же нравится древнее изречение, что царская власть — прекрасный саван”. Так сказала василиса Феодора. Слова ее воодушевили всех, и вновь обретя утраченное мужество, они начали обсуждать, как им следует защищаться, если кто-либо пошел бы на них войной. Солдаты, как те, на которых была возложена охрана дворца, так и все остальные, не проявляли преданности василевсу, но и не хотели явно принимать участия в деле, ожидая, каков будет исход событий. Все свои надежды василевс возлагал на Велисария и Мунда. Один из них, Велисарий, только что вернулся с войны с персами и привел с собой, помимо достойной свиты, состоящей из сильных людей, множество испытанных в битвах и опасностях войны копьеносцев и щитоносцев. Мунд же, назначенный стратигом Иллирии, по воле случая вызванный в Византий по какому-то делу, оказался здесь, предводительствуя варварами герулами»¹.

По свидетельству же другого современника, поэта Романа Сладкопевца, 18 января Юстиниан организовал во дворце молебен:

Ведь ужасами содержался город и плач имел великий,
боящиеся Бога, руки простирали к Нему,
милость от Него испрашивая
и тяжких зол прекращение.

И как велит обычай, и царствующий с ними же молился,
воззрев к Создателю, а с ним и супруга его:

«Даруй мне, — вопиял он, — Спасе, как Давиду твоему
победить Голиафа, ибо на Тебя надеюсь.

Спаси верный народ Твой, как милостивый,
как дарующий жизнь вечную»².

¹ «Война с персами». 1. XXIV. См.: *Прокопий*. Войны. С. 67. И здесь историк подпустил шпильку царственным супругам! Дело в том, что фраза «Тирания — лучший саван» приписывалась некоему человеку, обратившемуся к сиракузскому тирану Дионисию. В итоге, хваля Феодору, Прокопий как бы невзначай вложил в ее уста слегка переиначенную мысль, обращенную к злодею.

² *Василик*, 2010. С. 394, 395. В. В. Василик обращает внимание на более «правильное» с точки зрения традиций поведение Феодоры в версии Романа.

Версии Прокопия и Романа не исключают друг друга: могли быть и военный совет, и отчаяние, и молебен в надежде на всемогущего Бога.

Так кульминация мятежа выглядела из дворца.

* * *

В тот день Иоанн из Студийского квартала сбежал на ипподром еще затемно — увязался за братом Каллимахом. Мамка, если б увидела, стала бы ругаться и вернула назад. Потому Иоанн выбрался по-тихому, без завтрака, и скрылся в сумерках. Тем более что дома есть было нечего, кроме сухого хлеба и холодных вчерашних бобов. Мать, конечно, раскричится вечером. Но сидеть дома, когда в городе так интересно, — еще чего?! И ведь не дитя — как-никак, на Рождество ему исполнилось целых 13 лет.

Еще моросило, и было холодно. Кутаясь в шерстяной плащик, Иоанн ускорил шаг — стало теплее. Хорошо бы в такую погоду горячей воды с винцом, но его еще вчера выпили отец с мамкой, оттого и храпели ночью особенно громко.

Обгоняя бредущих монахов, Иоанн выскочил к форуму Аркадия и повернул налево, к Месе. На бегу оглянулся на колонну. Огромная, вся дивно изукрашенная каменной резьбой, она возносила к небу статую василевса Аркадия. Малюсенькую, казалось снизу, зато из чистого серебра! Иоанн на мгновение приостановился, разглядывая змеившуюся вверх каменную ленту, по которой нескончаемым потоком поднимались солдаты в старинных шлемах, всадники в венках, драконарии с вексиллумами на длинных копьях. Интересно! Но впереди ждало зрелище куда как занятнее: Каллимах вчера говорил, что василевс Юстиниан уплыл морем чуть ли не в Халкидон и сегодня на ипподроме выбирают нового, одного из племянников покойного Анастасия, при котором родились и Каллимах, и сам Иоанн. Если новый человек делается царем, он раздает подарки солдатам и народу. Может, как бывает в консульский выезд, будут метать деньги в толпу. Пять лет назад, когда консульство праздновал василевс Юстиниан и гражданам, по обычаю, бросали монеты, Иоанну повезло: маленький золотой триенс попал ему за пазуху, Божьей волей. Правда, отец его тут же забрал. Тогда они купили и хорошего вина, и вкусного хлеба, и даже трех куриц. Было вкусно.

В районе форума Феодосия становилось очень людно. Выходя из переулков, народ поворачивал на центральную улицу, Месу, и валом валил в сторону центра шумной увеличивающейся толпой. Арка Феодосия, под которой проходила Меса, была ниже колонны Аркадия, однако впечатляла не меньше. Три ее свода: центральный, самый большой, и два боковых опирались на колонны, тоже резанные хитро, но по-другому: по их поверхности будто ссыпались сверху узоры, похожие на огромные капли и переходившие один в другой. Пробежав под центральной частью, над которой высился бронзовый брат Аркадия, император Гонорий, Иоанн поспешил далее, вертясь между взрослыми и обгоняя их.

Миновав громадную колонну Феодосия, Иоанн юркнул под своды еще одной, восточной арки форума и побежал дальше.

По обеим сторонам мостовой тянулись крытые портики, поддерживаемые аркадами колонн, — лавки и эргастирии. Впрочем, зачастую это было одно и то же: снаружи — вход в лавку, а внутри — мастерская. Ширина лавок соблюдалась одинаковой, а через каждые четыре колонны зиял проход — так полагалось по закону.

Как обычно во время празднеств и прочих событий, сверху, со вторых и третьих этажей, с крыш глазели любопытные мужчины, не пожелавшие выйти из дома, и женщины, которых не отпустили на улицу муж, отец или брат; оттуда же смотрели и те рабы, которым полагалось сидеть дома.

На форуме Константина, где колонна была красной, а бронзовый Константин на ее верху — зеленым от времени, Иоанн догнал брата Каллимаха. Дальше пошли вместе. Чем ближе к ипподрому, тем сильнее веяло гарью и резало глаза от дыма. Здания вокруг преобразились: стояли закопченные или еще чадили, у многих рухнули крыши и даже стены и ставни портиков были выломаны или сторели. Люди старались держаться ближе к центру Месы: от домов несло жаром. Пахло странно — смесью жженого дерева и духов: огонь уничтожил лавки парфюмеров близ Милия. Кое-где в дымящихся обломках копошились люди: то ли хозяева искали уцелевшие вещи, то ли воры шарили в поисках монет и слитков — ведь тут, на Месе, между Августеоном и форумом Константина, стояли лавки аргиропратов. Сейчас с этим никто не разбирался: не было ни стражников виглы, ни вообще царских солдат — все исчезли. Но то тут, то там в

толпе мелькали люди с мечами, в доспехах, в каких-то старинных шлемах с обвислыми плюмажами.

— Гляди, брат: оружие принесли. Сейчас за это не накажут.

Иоанн кивнул и продолжал оглядываться по сторонам.

Ближе к ипподрому выгорело всё, и возле некоторых домов лежали обгорелые нагие тела. Чьи — кто их разберет. Вроде мужчины, а так — Иоанн пялиться не стал, грешно.

Толпа валила на ипподром и рассаживалась по партиям. Иоанн и Каллимах пошли на места своего дима венетов, напротив кафисмы, по правую руку от императора. Погода стояла хорошая, полотняные крыши над рядами трибун не натягивали, солнце приятно грело. Несмотря на отсутствие ристаний, по проходам уже сновали торговцы с горячим разбавленным вином и лепешками.

Кафисма была заполнена людьми в блестящих панцирях, с мечами и копьями в руках. Они теснились между колонн, выглядывали наружу, махали руками и знаменами. Каллимаху и Иоанну не было видно Ипатия, но они знали: он там.

— Прасины, — пояснил Каллимах с таким выражением, что Иоанн не понял, негодует тот или завидует.

Справа, с трибун прасинов, неслись крики:

— Ипатий август, ты побеждаешь!

— Ипатий август, тебя хочет Бог!

— Победа императору и городу!

Время от времени, когда Ипатий поднимался, выходил вперед и приветствовал собравшихся, крики усиливались, сливаясь в восторженный рев.

Вокруг Иоанна и Каллимаха народ не шумел, венеты вели себя сдержаннее и в основном молчали. Когда какой-то суетливый пьяный человек выскочил перед трибунами и, взмахивая в такт голосам прасинов, начал побуждать венетов кричать тоже, кто-то мрачно бросил ему с трибун подобрительный гул:

— Иди проспись, лысый!

И тот, действительно бывший плешивым, исчез.

Венеты молчали не просто так. Ни Иоанн, ни Каллимах, ни большая часть сидевших с ними на трибунах не знали, что еще с утра императорский спафарий Нарсес сумел переговорить с некоторыми влиятельными «голубыми». Что им пообещал хитрый евнух, помимо золота, так и осталось загадкой. Но — подействовало: верхушка венетов, а вместе с ними и те, кто привык слушаться указаний

старших, перестали активно участвовать в дальнейшем ходе восстания.

Молчание венетов казалось Ипатию зловещим, но ничего с этим он поделать не мог. Располагая лишь немногим более чем парой сотен вооруженных людей, он тянул время, пока прасины лихорадочно собирали в Городе оружие. За несколько столетий запрета на владение им частными лицами у граждан его поубавилось — и теперь Ипатию оказалось нечего дать в руки сторонникам!

Иоанн так и не понял, что же произошло, почему вдруг на трибунах прасинов в панике заметались люди, а вместо аккламаций оттуда донеслись беспорядочные вопли.

— Гляди, гляди! — Каллимах вскочил, обернулся назад и затеребил брата рукой.

Иоанн посмотрел вверх и ахнул.

На фоне светлого неба темнели фигуры лучников и охранявших их меченосцев в тяжелой броне. Прямо сверху лучники стреляли вниз, засыпая трибуны прасинов градом стрел. Другая часть солдат, подняв мечи, с криками ринулась вниз, рубя направо и налево. Это, с трудом пробравшись в обход через сгоревшую часть Города мимо Карцеров, на ипподром ворвался отряд Велисария. Получасом ранее магистр и его люди пытались выйти в кафисму прямо из дворца, но им не открыли: охранявшая проход стража решила выждать, «чья возьмет», и не вмешивалась в схватку.

Тем временем через Ворота Мертвых¹ прямо на беговую дорожку ринулись, строясь на ходу в несколько шеренг лицом к трибунам и выставив вперед копья-менавлы, бородатые солдаты без шлемов и доспехов, в одних грубых подпоясанных рубахах. Если бы Иоанн умел различать знаки на щитах, он бы понял, что это вступил в дело последний резерв василевса, трехтысячный отряд герулов Мунда: не имевшие тяжелого вооружения, они вышли из дворца в Город, быстро, почти бегом, обогнули Сфендону и проникли на ипподром с запада.

Там, где еще неделю назад потешали публику мимы, разыгрывался кульминационный акт куда более страшной пьесы: за щитоносцами встали лучники и тоже принялись стрелять. Но эти уже целились не только влево, по прасинам, но и вправо, туда, где сидели Иоанн с Каллимахом.

¹ Это страшное название ворота получили оттого, что раньше через них уволакивали с арены тела павших гладиаторов.

Стоявший рядом старик откинулся назад и страшно то ли завыл, то ли заклекотал низким, утробным стоном, сгибаясь и дергаясь, — стрела попала ему в грудь. Каллимах схватил брата за руку, чтобы тащить за собой, но вдруг дернулся и беззвучно осел: над его левым ухом расплзалась страшная кровавая рана, из которой торчало древко. Рука Каллимаха разжалась. В ужасе Иоанн сделал то, что спасло ему жизнь, — втиснулся под скамью¹, оказавшись сразу за упавшим братом.

Кругом слышались крики, лязг оружия, жуткие громкие звуки ударов мечей по живому телу. По скамьям с тупым звуком стучали стрелы и плюмбаты, метались люди, пытавшиеся спастись. Рядом с Каллимахом рухнуло еще чье-то мертвое тело...

«Господи, Иисусе Христе, помилуй нас. Господи, Иисусе Христе, помилуй нас. Господи, Иисусе Христе, помилуй нас...» — Иоанн торопливо молился, ибо ни на кого надеяться не мог, кроме Христа. Вдруг тело откатилось в сторону и сверху показалась бородастая рожа. Солдат-герул внимательно смотрел на Иоанна.

— Господи, помилуй, Господи, помилуй, — зачастил Иоанн, глядя в лицо страшному варвару.

— Гоэсподэ, поэмилуй, ха! — передразнил, ломая греческие слова, варвар и мерзко ухмыльнулся. Из рта его пахло вином, чесноком и зубной гнилью, словно из пасти Аида. Герул внимательно посмотрел на мальчика и исчез. Мертвое тело вдвинулось обратно. Иоанн закрыл глаза и потерял сознание.

* * *

По итогам резни этого дня на трибунах, арене и во внутренних помещениях ипподрома осталось около тридцати тысяч мертвых тел, многие из которых похоронили тут же, на ипподроме. И как Юстиниан ни молил потом Бога, ни строил храмы, ипподром, незыблемый и огромный, стал вечным памятником его жестокости. Впрочем, со временем ипподром исчез, а Святая София стоит. Бог простил?

¹ Во времена Юстиниана сиденья были деревянными. Каменные скамьи — результат реконструкции ипподрома в X в. Одна из таких каменных скамей сохранилась до нашего времени во двореике мечети Султанахмет — под нее, конечно, не залезть.

Двоюродные братья василевса Вораид и Юст схватили Ипатия и Помпея прямо в кафисме, приволокли к императору и бросили к его ногам. Помпей угрюмо молчал, а Ипатий, еще на что-то надеясь, пытался оправдаться:

— Но государь, люди восстали без нашего ведома! Мы же привели всех на ипподром, как раз чтобы с собранными в одном месте злодеями вы могли сделать то, что сочтете нужным!

Юстиниан возразил:

— Отлично! Но если толпа слушалась ваших приказаний, почему же вы не сделали этого до того, как был сожжен весь город? *Мой город?*

На следующий день обоих братьев обезглавили. Император велел бросить их тела в море. Казнили также некоторых чиновников не слишком высокого ранга. Примкнувшие же к мятежу сенаторы остались живы, хотя имущество у них конфисковали, а их самих сослали. Правда, уже через год наиболее видным из них — брату Ипатия и Помпея Прову, а также Оливрию, родственнику императоров династии Феодосия (сыну Юлианы Аникии и Ареовинда), разрешили вернуться из ссылки; отдали им и часть имущества. Спустя много лет Юстиниан выдал за сына покойного Ипатия свою племянницу Прейекту, помирившись окончательно.

Жестокость, с которой была подавлена «Ника», надолго устрасила ромеев. Вскоре Юстиниан восстановил на прежних постах смещенных в январе царедворцев, не встречая заметного сопротивления. Однако наученный горьким опытом император велел на территории дворца выкопать цистерны для воды, устроить хлебопекарни и склады продовольствия на случай осады.

До 537 года в Константинополе не проводилось ристаний, подъем активности димов наблюдается лишь в конце 40-х годов VI столетия.

Однако ошибкой было бы думать, что, расправившись с мятежом и убив едва ли не каждого двадцатого жителя столицы, василевс обеспечил себе легкую и беспроблемную жизнь. Как отмечала А. А. Чекалова, «после восстания Ника Юстиниан принял ряд мер по укреплению режима, но вместе с тем попытался ослабить недовольство различных групп населения, сделав ряд серьезных уступок — в первую очередь сенаторской аристократии и торгово-ростовщической верхушке столицы. Конечно, император не отказался ни от своих широких внешнеполитических планов, ни от

мер по регламентации экономической жизни империи, но его политика утратила ту жесткую определенность, которая была свойственна ей в первые годы его правления. Она стала более гибкой, в ней обнаружили колебания и лавирования между различными группами населения. Само законодательство стало более многословным и менее четким.

Тем не менее, несмотря на все его попытки, Юстиниану не удалось до конца привлечь на свою сторону ни сенат, ни торгово-ростовщическую верхушку, ни тем более народные массы. С 547 г. волнения вспыхивают с новой силой и следуют одно за другим. Поэтому значение восстания Ника заключается не в том, как это принято считать, что Юстиниан, разгромив все виды оппозиции, окончательно укрепил собственную власть, а скорее в том, что он так и не смог установить ту автократию, к которой стремился в первые годы своего правления»¹.

От «Ники» до завоевания Италии: 532—540

После «Ники» Юстиниан стал куда более осторожен в плане внутренней политики². Можно сказать, что империя двигалась в сторону упорядочивания своих внутренних дел. Увеличилось количество новелл, посвященных сбору налогов, в 535—536 годах была проведена административная реформа, сократился штат местных чиновников. Иоанн Лид, не замеченный в плохом отношении к императору, свидетельствовал, что в страхе перед налогами люди отказывались владеть недвижимым имуществом, «...и сборщики податей не могли доставлять государям подати, потому что не было плательщиков»³.

Не остались без внимания и вопросы веры. Весной 533 года василевс попытался решить дело с противостоянием православных и монофиситов не насилием, а переговорами. По его распоряжению в столичном дворце Хормизда (фактически — в личной резиденции царя) были назначены прения о вере. И хотя формально императора на них представлял комит царских щедрот Стратигий, сам Юстиниан через него принял в мероприятии живейшее участие. Это неудивительно: зная греческий и латынь, искушенный

¹ Чекалова, 1997. С. 286, 287.

² Курбатов, 1991. С. 212.

³ Курганов, 2015. С. 387.

в вопросах логики, риторики, церковного предания, Юстиниан жаждал показать миру, что стал монархом не по воле Рока, но сообразно достоинствам. Увенчайся этот диспут победой, это была бы его, Юстиниана, победа. Его, которого многие члены синклита считали выскочкой и чуть ли не варваром.

В каком-то смысле победа случилась, только маленькая: один из шести монофиситствующих епископов (Филоксен Дулихийский) изменил свои взгляды. Через несколько дней диспут продолжился уже в присутствии государя, который все-таки не вытерпел и прибыл сам. Епископ Маронеи Иннокентий, чьи записи об этом событии сохранились, восхваляет речь императора, в которой были явлены качества известных любому средневековому человеку персонажей: «кротость Давида, терпение Моисея и благость апостолов». Подобная характеристика звучит по меньшей мере странно: кротким, терпеливым и благостным Юстиниан можно было назвать лишь в припадке безудержной лести. Впрочем, это мог быть просто риторический прием. Или изощренное издевательство — не случайно Иннокентий говорил именно о *словах* императора.

Юстиниан принял самое горячее участие не только в прениях. Свои мысли о природе Христа он изложил в письменном виде и, придав им обязательный статус, обнародовал.

26 марта императорским рескриптом миру было сообщено о новой вероисповедальной формуле, на сей раз включившей в себя оборот «един из Троицы плотью пострадал». Монахи столичного монастыря «Неспящих» («Акимитов») усмотрели в ней измену догматам Халкидонского собора и отписали в Рим, папе Иоанну II. Юстиниан тоже обратился к папе, прислав ему письмо в сопровождении двух епископов. Дело рассматривалось почти год, и Рим признал правоту василевса, хотя отсутствие необходимости выходить из церковного общения с акимитами оговорено было специально. Примерно тогда же император написал специальное послание епископам крупнейших городов империи (Рима, Иерусалима, Антиохии, Александрии, Фессалоники и Эфеса), текст которого сохранила «Пасхальная хроника»:

«Император Цезарь Юстиниан Благочестивый Победоносный Триумфатор Величайший, всеми почитаемый Август, своим гражданам. — Мы желаем во всем поклоняться Спасителю и Господу всего, Иисусу Христу, истинному Богу нашему, и подражать его снисходительности, насколько

человеческий разум способен постичь Его. Поиск некоторых людей, зараженных болезнью и безумием Нестория и Евтихия, врагов Бога и самой святой католической и апостольской церкви, и отказавшихся назвать святую и славную Приснодеву Марию как Богородицу, справедливо, и поистине, мы стремились, чтобы они были научены правильной вере. Но они безнадежны и скрывают свою ошибку, они идут, как мы узнали, к встревоженным и скандализованным простым душам, выступая в оппозиции к учению святой католической и апостольской церкви. Поэтому мы сочли необходимым опровергнуть ложь еретиков и сделать простую для всех доктрину святой и апостольской церкви Божьей и преподавания ее основ священниками, которых мы ясно принимаем, надеясь сохранить истинное, не делая новшеств в вере — не дай Бог, — но демонстрируя безумие тех, кто выступает за преподавание идей нечестивых еретиков, как мы уже сказали в преамбуле нашего правления и сделали очевидным для всех. Мы верим в единого Бога, отца всемогущего, и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, и в Дух Святой, поклоняясь одной сущности в трех ипостасях, одному Богу, одной державе, единосущной Троице. В последние дни мы исповедуем Иисуса Христа, едиnorodного Сына Божия, Сына Бога Истинного, рожденного от Отца прежде всех веков, соединеного с Отцом, от кого и через кого все вещи имеют их бытие, спустившегося с небес и воплотившегося от Святого Духа, славного, и Приснодевы Богородицы Марии и, став человеком, претерпел крест за нас при Понтии Пилате, и был похоронен, и воскрес на третий день. И мы знаем чудеса и страдания, которые он пережил, во плоти был один и тот же Христос. Ибо мы знаем, что Бог Слово и Христос нераздельны; один и тот же единосущный нам по человечеству; и мы принимаем и признаем единство в ипостаси. Троица остается Троицей, даже когда одна часть Троицы, Слово Божье, стало плотью. Святая Троица не допускает добавления четвертого человека. Поскольку это так, мы предаем анафеме всякую ересь, особенно несториан, человекопоклонников, и тех, кто согласился или сейчас согласны с ними, кто делит нашего единого Господа Иисуса Христа, сына Божия, и нашего Бога, и не исповедующие справедливо и воистину святую, славную Приснодеву Марию, Богородицу, то есть Матерь Божию, но кто говорит, что есть два сына; один будучи Богом Словом от Отца, а другой родился от Приснодевы Богородицы Марии, и отрицает, что он был зачат по

благодати и связи и отношению с Богом Словом и Самим Богом; и кто не исповедует, что Господь наш Иисус Христос, Сын Божий и Бог наш, который воплотился и создал человека и распят, является одним с единосущной Троицей. Ибо только те, кто поклоняются, прославлены вместе с Отцом и Святым Духом. Мы анафематствуем также Евтихия, который не в своем уме, и тех, кто договорились или сейчас с ним согласны, кто несет бред, и кто отрицает истинное воплощение святой Приснодевы Богородицы Марии Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, то есть нашего спасения, и кто не признает, что Он единосущен Отцу в божественности. Точно так же мы предаем анафеме Аполлинария, разрушителя душ, и тех, кто согласился или сейчас с ним согласен, кто говорит, что Господь наш Иисус Христос, сын Божий и Бог наш есть только человек; и тех, кто вносит путаницу и беспокойство в воплощение Единородного Сына Божия, и всех, кто согласился или согласен с ними»¹.

В самом же Константинополе единоверием и не пахло. Осенью 533 года, во время землетрясения, напуганная толпа собралась на форуме Константина, славил Юстиниана и одновременно призывала сжечь акты Халкидонского собора.

Юстиниан же сочинил тропарь «Единородный сыне Божий, безсмертный сый...». Петь его в храмах было предписано в 535 году: желающих спорить с авторитетом императора не нашлось, тем более что он нашел удачную формулу, подходившую православным и не претившую монофиситам. И вышло так, что сам Юстиниан умер, прах его утрачен, а тропарь исполняется и сегодня. Можно прийти в любой православный храм, где служат на церковнославянском, и услышать в урочное время:

«Единорóдный Сы́не и Сло́ве Бóжий, безсмертен Сый, и изво́ливый спасéния нáшего рáди воплотíтися от Святы́я Богорóдицы и Присноде́вы Мари́и, непрелóжно вочеловéчивыйся, распный́ся же Христé Бóже, смёртию смёрть попра́вый, Еди́нь Сый Святы́я Трби́цы, спрославля́емый Отцú и Свято́му Дúху, спаси́ нас».

Впрочем, личное авторство императора — лишь вероятное предположение. Но то, что инициатива принадлежала именно ему, сомнения не вызывает. Во всяком случае, если верить Феофану:

¹ См.: *Иоанн Малала*, примечания к с. 172, 173; *Грацианский*, 2016. С. 274, 275.

«Первый год епископства Агапита Римского.

В этом году пострадал от гнева Божия Помпейополь Мисийский. Ибо земля расселась от землетрясения и провалилась половина города с жителями. И очутились они под землею и слышны были голоса умоляющих о помощи. И много денег давал царь для того, чтобы раскапывали и спасали заживо погребенных, и награждал трудившихся в раскопке.

В том же году Юстиниан заповедал петь в церквах: Единородный Сыне и Слове Божий. Устроил также часы на Милие»¹.

О, как горяч был этот человек!

Нужно отметить, что такая бескомпромиссная, жесткая позиция по отношению к инакомыслящим была вовсе не обязательной в раннем Средневековье. Представления людей о вещах менее важных и менее сложных разнятся — чего уж там говорить о таких трудных темах, как богословие! Со всей отчетливостью это высказал младший современник Юстина Евагрий Схоластик, подкрепив мысль свою ссылкой на вполне канонический текст: «Никто из изобретателей ересей у христиан первоначально не имел желания богохульствовать, [ни один] не пал, намереваясь обесчестить Божество, но проповедуя свое [учение], скорее думал, что говорит лучше того, кто ему предшествовал. Главные же и надлежащие [догматы] исповедуются сообща всеми. Ибо мы почитаем Троицу и прославляем единое — прежде веков родившегося Бога Слово, воплотившегося во втором рождении из сострадания к Своему образу. Если и случалось какое-то нововведение относительно чего-то другого, то это происходило, потому что Бог Спаситель допускал полную свободу в этих [вещах], чтобы святая кафеолическая и апостольская Церковь и тут и там как можно скорее брала в плен сказанное, превращая его в необходимое и благочестивое, и чтобы она выходила на одну чистую и прямую дорогу. Поэтому и апостолом было очень точно сказано: “Надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные”»². А еще по этому

¹ *Феофан*, год 6029. С. 167. Милий (Милион) — это сооружение вокруг «нулевой мили» — столба, от которого отсчитывались дороги империи. Его основание сохранилось и находится неподалеку от Святой Софии в Стамбуле.

² *Евагрий*. I. 11. С. 82. Цитата из Первого послания к коринфянам (1 Кор. 11:19) приведена не в версии переводчика («Должно и ересям у вас быть, чтобы испытанные обнаружились»), но в синодальном переводе Библии.

поводу завуалированно укорил императора Прокопий, написав как бы невзначай и совершенно по другому поводу: «...прибыли из Византии к римскому архиепископу послы, Гипатий, епископ Эфесский, и Деметрий из Филипп в Македонии, для установления догматов, из-за которых христиане, держась различных точек зрения, спорили между собою. Хотя я лично хорошо знаю все эти разногласия, но я менее всего хочу здесь говорить о них. Я полагаю, что это некое недомыслие и безумие — исследовать природу Бога, какова она может быть. Я думаю, что для человека недоступно понять даже и то, что касается самого человека, а не то, чтобы разуметь, что относится к природе Бога. Да будет мне позволено, не подвергаясь опасности обвинения, обойти молчанием все это с единственным убеждением, что я не оказываю неверия тому, что все чтут и признают. Я лично ничего другого не мог бы сказать относительно Бога, кроме того, что он является всеблагим и все содержит в своем всемогуществе. Пусть же всякий и духовный и светский человек говорит об этих вещах так, как, по его мнению, он это разумеет»¹.

Одновременно с богословскими штудиями император не бросал и труды юридические. Завершилась работа по кодификации права. Уже в конце 533 года Трибониан и его советники закончили «Дигесты Юстиниана»: сборник норм права, сформулированных авторитетными юристами прошлого². На создание пятидесяти книг, в которых было собрано около 9200 фрагментов, ушло менее трех лет! 16 декабря Юстиниан специальным эдиктом («Танта») утвердил Дигесты (или «Пандекты»), придав им силу закона с 30 декабря.

В дополнение к Дигестам (но месяцем ранее — так получилось) были изданы «Институции Юстиниана» — «наставления», учебник для правоведов в четырех книгах, причем император в этих «наставлениях» выступил в качестве рассказчика, лектора. При подготовке книги ее авторы сделали обширные заимствования из трудов корифеев римской юридической мысли, но без ссылок на источники, —

¹ Прокопий. Война с готами. I. 3. Т. 1. С. 27.

² За три года 16 или 17 человек (с помощниками) переработали более полутора тысяч (!) книг (Медведев, 2001. С. 109). При первоначально отведенном десятилетии работу закончили в три года. Сроки и сложность обусловили наличие в Дигестах повторов, противоречий, ошибок и неточных ссылок (Диль, 2010. С. 274; Удальцова, 1967. С. 17).

видимо, подразумевалось, что при дальнейшем изучении Дигест студенты все ссылки найдут сами.

Работа по созданию Дигест и Институций потребовала внесения изменений в сам Кодекс, поэтому в конце 534 года появилось исправленное издание, которое и дошло до нас. В качестве же временного средства между первым и вторым изданиями Кодекса правоведа из конституций императора по наиболее важным вопросам собрали книгу «Пятьдесят решений».

Рассказывая о создании Дигест, Юстиниан не мог удержаться от самолюбования:

«...Мы поручили выдающемуся мужу Трибониану, а также светлейшим мужам Теофилу и Дорофею, проявившим себя деятельнейшими преподавателями права, чтобы они все те книги, которые составили древние и которые содержали в себе введение в законы и назывались институциями, собрали отдельно и чтобы всё из них, что было полезного, пригодного и во всех отношениях обработанного, а также из (юридических) институтов, которые в настоящее время находятся в употреблении, они постарались извлечь и разместить в четырех книгах и (тем самым) заложить первоосновы и начала всего образования. Опираясь на эти (первоосновы), юношество смогло бы справиться и с более тяжелыми и совершенными местами законов. Мы также указали им, чтобы они учитывали Наши конституции, которые Мы обнародовали ради улучшения права, и чтобы они не забывали руководствоваться тем (методом) улучшения при составлении Институций, благодаря которому станет ясным то, что ранее было зыбким, а затем и будет упрочено. Труд этот был ими завершен так, как нами и было поручено. Мы прочли его (! — *С. Д.*) и приняли благосклонно, и сочли, что этот (труд) не противоречит нашим мыслям, и приказали, чтобы вышеупомянутые книги имели силу конституций, о чем еще более открыто декларируется в той Нашей речи, которую Мы поставили в начале этих книг.

Итак, приведение в порядок всего римского права совершенно в трех томах, то есть составлено в Институциях, в Дигестах, или Пандектах, и в Конституциях, и в три года завершено, что, как поначалу думали, и за целое десятилетие не было надежды завершить. Но вместе с всемогущим Богом и с благочестивыми душами Мы предложили это в пользование людям и воздаем глубокую благодарность великому божественному вдохновению, которое помогало

Нам и войны вести счастливо, и добиться достойного мира, и не только для Нас самих, а навечно установить наилучшие законы как для современников, так и для потомков.

Таким образом, Мы постигли, что этот нерушимый закон необходимо сделать понятным для всех людей, чтобы им стало ясно, от сколь значительной путаницы и абсолютной неопределенности к какой умеренности и согласной с законами истине они пришли. И на будущее они имеют законы не только прямого действия, но и сокращенные и доступные для всех, в книгах, удобных благодаря их легкости для пользования, чтобы люди могли не посредством траты огромных богатств приобретать тома с излишним множеством законов, а чтобы за самые малые деньги облегченное собрание этих книг стало доступным как богачам, так и беднякам, дабы великая мудрость приобреталась по минимальной цене»¹.

То есть, если верить указу, император лично читал по крайней мере Институции. На это ему потребовалось какое-то время, выкроить которое было непросто: ведь император занимался много чем еще, кроме чтения учебника для юристов. Что ж, право похвалить себя он заслужил.

Кодекс второго издания Дигесты, Институции, а также вышедшие в период с 535 года до смерти Юстиниана более полутора сотен новелл (написанных в основном не по-латыни, а по-гречески²) составляют *Corpus Juris Civilis*³, «Свод гражданского права», — не только основу всего византийского и западноевропейского средневекового права, но и ценнейший исторический источник. По окончании деятельности упомянутых комиссий Юстиниан официально запретил всю законотворческую и критическую деятельность юристов. Разрешались лишь переводы «Корпуса» на другие языки (в основном на греческий) и составление кратких извлечений оттуда. Комментировать и толковать законы отныне также воспрещалось. Но жизнь брала свое, и комментаторы появлялись. Как отмечали позднейшие

¹ Конституция «Tanta», 11—13. См.: Дигесты. Т. I. С. 59.

² Есть предположение, что отдельные новеллы сначала писали на латыни, а затем переводили; см.: *Максимович*, 2007б. С. 48, 50. Относительно точного количества новелл существуют расхождения: до нас дошли сборники с разным их числом.

³ Это название, существующее и поныне, утвердилось много позже времени Юстиниана, в XVI столетии, когда части «Свода» были изданы совместно Дионисием Готофредом.

исследователи, «Дигесты породили столь огромную литературу, как никакая другая книга со времени Библии»¹.

Из бывшего обилия юридических школ в империи остались две — в Константинополе и Верите (современный Бейрут)², причем одновременно с утверждением Дигест (конституция «Тапа») Юстиниан в конституции «Отпет» ввел изменения в процесс обучения юристов, добавив к четырем годам пятый и кардинально поменяв программу. Теперь она включала в себя не изучение отдельных книг «древнего» права, а в основном ориентировалась на Институты, Дигесты, новый Кодекс и была продуманной, системной. Поражает, с какой подробностью император прописывает буквально каждый год пятилетнего курса. Он уделил внимание даже таким деталям, как прозвища студентов того или иного года обучения или запрет на «постыдные» шутки и испытания, принятые в юридических школах (особенно те, которым старшекурсники подвергали учеников). Судя по всему, эту сторону жизни император знал не понаслышке.

Отношение самого Юстиниана к праву вполне соответствовало его идее о том, что избранный народом в соответствии с Божественной волей император являет собой олицетворение государства. Высказывания Юстиниана на этот счет говорят сами за себя: «Если какой-либо вопрос покажется сомнительным, пусть о нем доложат императору, дабы он разрешил таковой своей самодержавной властью, которой одной лишь принадлежит право истолкования Закона»; «сами создатели права сказали, что воля монарха имеет силу закона»; «Бог подчинил императору самые законы, посылая его людям как одушевленный Закон»³. Впрочем, точно так же находилось место и совершенно иным установкам: «Если бы и царский закон⁴ освобождал императора от установлений права, то даже и тогда ничто не является так исключительно присущим власти импера-

¹ Удальцова, 1967. С. 19.

² Была и третья — на Западе, в Риме. О школах см.: Медведев, 2001. С. 114—123; Удальцова, 1967. С. 24—26.

³ Диль, 2010. С. 53; Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона. Т. ХLI (полумом 81). С. 446; Кулаковский, 2003. Т. 1. С. 73; Прокопий. Войны. С. 372. См. также: Вальденберг, 2008. С. 131—133; Дагрон, 2010. С. 289, 290; Вальденберг, 2008а. С. 94.

⁴ То есть закон об установлении царской власти, о котором говорится в IV титуле Дигест. — Прим. пер. Добавлю: и в конституции «Deo auctore», 17.

тора, как жизнь по законам»¹. Сохранил император в своем Кодексе и соответствующее высказывание предшественников, Феодосия II и Валентиниана III: «Прилично величию правящего открыто объявить своей основой связанность себя законами; уважение нас именно от уважения права получает вес. И в самом деле выше императорской власти есть подчинение императора законам»². Византийцы воспринимали эту причудливую смесь идей как то, что обличенные в форму законов конституции императоров становились одним из источников норм права (в VI веке — основным), а вовсе не как дозволение императору творить всё, что ему вздумается! В полном соответствии с этой доктриной при составлении Дигест и Кодекса эксерпты из юридических трудов и даже цитаты из древних законов подправлялись в угоду потребностям нового времени. И по сей день историки права разбираются в том, где в Дигестах оригинальный текст корифеев юридической науки II века Ульпиана или Модестина, а где — редактора Трибониана и его коллег. Или находят много любопытного, сличая вариант закона о рабах из «Кодекса Феодосия» с таким же законом из «Кодекса Юстиниана», где те же самые нормы, ссылка на ту же императорскую конституцию — но уже о колонах! Понятное дело, с точки зрения сегодняшней Юстиниан и его юристы занимались подделкой документов — но вряд ли император испытывал по данному поводу угрызения совести. А что тут неправильного? Во-первых, во благо, а во-вторых, император — «одушевленный закон»!

Но как бы то ни было, василевс считал своим долгом призывать всех к уважению законов. Обращаясь в самом начале Институций к «любящему законы юношеству», он поучал: «Императорскому величеству подобает быть украшенным не только победными трофеями, но также вооруженным законами, дабы во всякое время — в военное и мирное могло надлежащим образом управляться и дабы римский император был победителем не только в сражениях с неприятелем, но также и гонителем, посредством законных путей, неправды недобросовестных людей; и явился бы, таким образом, и благочестивейшим блюстителем законов, и победителем над разбитыми врагами.

Обе эти цели мы достигли с Божьей помощью, благодаря неустанным трудам и заботливости. Воинские наши

¹ Казанцев, 2014. С. 47.

² Закон 429 г. Цит. по: Казанцев, 2014. С. 47. Перевод А. Коптева.

успехи знают приведенные под нашу власть варварские народы, — свидетельствуют о них и Африка, и другие бесчисленные провинции, снова подчинившиеся, после долгого промежутка времени, владычеству римлян и вошедшие в состав нашего государства благодаря победам, одержанным по воле небес. Все эти народы управляются законами, отчасти уже давно обнародованными, отчасти же вновь составленными.

И когда мы привели в удовлетворительную систему священные императорские постановления, бывшие дотоле разбросанными, то мы обратили наше внимание и на бесчисленные тома древней юриспруденции и с Божьей помощью выполнили труд сверх всякого ожидания, как если бы нам предстояло идти через пропасть»³.

Нет сомнений в том, что Юстиниан самостоятельно разбирался во многих вопросах, выслушивал жалобщиков, и если Кодекс, Дигесты и Институции — это коллективная работа (хотя император в спорных случаях выносил решения), то конституции за своей подписью (включая новеллы) он в той или иной части создал сам. Прокопий даже обвинял его в связи с этим: «То, что он желал издать от своего имени, он не поручал составить тому, кто имел должность квестора, как это было заведено, но считал допустимым делать это по большей части самому, несмотря на то, что у него был такой [грубый] язык... Так называемым тайным секретарям не вменялось в обязанность вести тайную переписку василевса, ради чего издревле учреждена их должность, но он, можно сказать, все писал сам, особенно когда возникала необходимость дать распоряжение городским судьям, как им следует истолковывать то или иное решение. Ибо он никому в Римской державе не позволял выносить решения по собственному суждению, но своевольно и с какой-то неразумной прямоотой сам подготавливал соответствующее решение, которое предстояло принять...»⁴ За строками юридических формул действительно угадывается личность автора — дотошного, любознательного, властного, но при этом самокритичного и богобоязненного, искренне стремящегося исправить⁵ (даже «излечить» —

³ Институции. С. 11.

⁴ «Тайная история». XIV. См.: *Прокопий*. Войны. С. 299. Это же отмечает А. Геростергиос в отношении законов и иных сочинений Юстиниана на религиозную тематику, см.: *Геростергиос*, 2010. С. 60.

⁵ См.: *Максимович*, 2007а. С. 48.

Юстиниан порой употреблял соответствующий греческий глагол: *θεραπεύω*) «неустройства» юридической регламентации жизни. И человека, образование которого сформировало стиль, типичный для своего времени. Недаром один из современных русских переводчиков не то чтобы жаловался, но отмечал, что император в новеллах был подчеркнуто риторичен, насыщал текст образными фигурами, игрой слов — в общем, работа над ними стала «испытанием для переводчика»¹. В подтверждение сказанного можно привести только что упомянутое слово «*θεραπεύω*» — глагол, помимо «излечивать» означающий еще и «служить», причем (в древнем значении слова) не рабским образом, но так, как это делает один свободный человек по отношению к другому. А ведь мы знаем, что служение подданным считалось одной из главных целей императорской власти в Византии. Образованный ромей это речевое изящество прекрасно «считывал».

Вот пример новеллы против продажи должностей (16-я новелла от 1 мая 535 года). Здесь всё: и экспрессия, и намек на собственную «бессонность», и как бы невзначай упомянутая обязанность подданных платить налоги, и даже роль Феодоры. «Случается, что целые ночи и дни мы проводим без сна и в заботах о том, чтобы доставить полезное нашим подданным и вместе угодное Богу. И не напрасно это бодрствование, ибо оно ведет к планам дать счастливую жизнь, свободную от всяких попечений, нашим подданным и принять на себя заботу обо всех. Прилагая всяческое изыскание и тщательное расследование, мы придумываем способ, каким бы можно было освободить их от всякой тяготы и обременения, исключая те обязанности, какие налагает казенная перепись и справедливое обложение. Ибо находим в делах большую несправедливость, которая с недавних пор стала теснить людей и приводить их в бедственное положение, так что они подвергаются опасности впасть в крайнюю нищету и не быть в состоянии уплачивать обычные и установленные по казенным описям подати. Ибо в то время, как бывшие прежде нас цари, а в подражание им и епархи стали пользоваться производством в должности и чины как доходными статьями, как могли плательщики, вместе с возникшими отсюда поборами и излишним обременением, находить средства к уплате законных и справедливых взносов? Итак, мы стали

¹ *Максимович, 2007. С. 30.*

обдумывать, как бы нам изменить к лучшему то вредное, что замечается в наших провинциях, и нашли решение вопроса в том, чтобы иметь в лице администраторов, носящих гражданские должности в епархиях, людей с чистыми руками, уклоняющихся от всяких взяток и довольствующихся казенным содержанием. Этого не иначе можно достигнуть, как если сами они будут получать свои места бесплатно. Приняв во внимание, что хотя царство наше лишается немалого дохода, но что, вместе с тем, приобретает большая польза для наших подданных, если они не будут подвергаться поборам со стороны своих ближайших начальников, мы нашли, что и царство, и казна выиграют от того, если будут состоятельными наши подданные, и что если будет принята одна и та же система, то произойдет великая и невыразимая польза. Разве не ясно для всякого, что получивший должность за деньги дает не только то, что называется правом на должность, но должен приложить и другое, что входит в многообразное соприкосновение как с дающим, так и с получающим должность... Деньги даются не свои, а полученные заимообразно, а то, что получается в долг, соединено с ростом; итак, следует расчет, что получивший за деньги должность должен возратить поборами с провинции все, что он издержал на заем, на капитал и на проценты, равно как на все издержки, соединенные с этим займом, присчитать и ту сумму, какую он заплатил начальнику и его окружающим, и что он должен оставить про запас себе на будущее время, когда он уже не будет у власти. Так что ему необходимо будет собрать с подчиненных не втрое против того, что он сам дал, а в десять раз больше. Вследствие этого терпит ущерб казна, ибо, что должно было бы поступить в казну, если бы чиновник имел чистые руки, он употребляет это в собственную пользу, делая плательщика нищим и относя на нашу ответственность его скудость, хотя сам виноват в ней. Сколько и других нелепостей происходит от этих взяток? Ибо занимающие провинциальные должности, если они берут взятки, освобождают виновных в подобном же преступлении, а невиновных присуждают к наказанию, чтобы сделать угодное виновным. От этого идет повальное обращение из провинции в столицу, бегут сюда с плачем иереи, члены городских курий, военные, ктитория, димоты и землемеры, жалуясь на взятки и притеснения властей, но этим зло не ограничивается, от этого происходят смуты в городах и движение димов...

Всё это обсудив и посоветовавшись с данной нам Богом благочестивейшей супругой¹, и сообщив свое мнение тебе [префекту претория Востока Иоанну], мы издаем настоящий закон...»² Далее новеллой запрещался суффрагий — взимание денег за назначение на должность в пользу лиц, согласующих назначение, и оставлялись только строго определенные выплаты в три определенных ведомства (управление двора, императорская канцелярия и канцелярия префекта претория). Этим же документом Юстиниан вводил текст государственной присяги, которую должен был принести любой чиновник. Примечательно, что давалась она не только императору, но и императрице.

В тот же день был издан другой эдикт — на имя квестора священного дворца Трибониана — с правилами поведения чиновника, которые в наше время назвали бы «антикоррупционными». В том была нужда, ибо злоупотребления процветали, и Юстиниан выражал порой удивление долготерпению граждан. «Новости дошли до нас о столь значительных злоупотреблениях в провинциях, что их исправление едва может быть осуществлено одним человеком с большими полномочиями. И нам даже стыдно говорить, сколь неприлично ведут себя управляющие крупных землевладельцев, прогуливаясь с телохранителями, как за ними следует целая толпа людей, как они беззастенчиво крадут все подряд... Государственная земельная собственность почти полностью перешла в частные руки, ибо она была украдена и разграблена, включая все табуны лошадей, и ни один человек не выступил против, ибо уста всех были остановлены золотом»³, — возмущается император, очерчивая обязанности «Юстинианова проконсула» Каппадокии. Не случайно примерно в то же время наместникам запретили приобретать недвижимость в управляемых провинциях иначе нежели у родственников.

В том же 535-м и следующем годах отдельными новеллами василевс изменил систему управления целым рядом провинций. На момент его воцарения Византия делилась на две префектуры — Восток и Иллирик, — куда входили соответственно 51 и 13 провинций, управлявшихся согласно

¹ Юстиниан обыгрывает имя жены: Феодора — в переводе с греческого «Богом данная».

² Цит. по: *Успенский*, 2011. Т. 1. С. 359, 360.

³ 30-я новелла. Цит. по: *Васильев*, 1998. Т. 1. С. 224. См. также: *Хрестоматия*, 1953. С. 180.

введенному Диоклетианом принципу разделения военной, судебной и гражданской властей. Начиная с 535 года некоторые провинции были переведены на иную систему управления: все их службы возглавлял один человек — «Юстинианов» дукс, претор, комит, модератор или проконсул. Одной из первых в таком ключе была реформирована провинция Европа, где располагались Константинополь и форпост его обороны — «Длинные стены», построенные еще при Анастасии от Силимврии на Мраморном море до Деркона на Черном. Василевс ввел для Европы должность «Юстинианова претора», объединившего в своих руках военную и гражданскую власть. Причиной тому во многом послужило раздражение императора существующим порядком дел. «Нам известно, — писал Юстиниан, — что при длинных стенах служат два викария: один отвечает за военные вопросы (ведь в этом районе расквартировано множество солдат), а другой — за административные. Они никогда ни в чем не соглашаются друг с другом, и хотя казначейство снабжает их всем необходимым раздельно, они тем не менее лезут в компетенцию один другого и знают только одну заботу — бесперерывно и неустанно вздорить друг с другом»¹.

Некоторые провинции, расположенные на удаленных от Константинополя территориях, были слиты в более крупные. Поначалу непривычная для византийской иерархии, эта конструкция позднее легла в основу управления экзархатами (Карфагенским и Равеннским). Первой провинцией, в которой произошло такое укрупнение, стала Писидия: «Никогда бы, думаю, и старые римляне не были в состоянии составить свою обширную империю при посредстве малых и незначительных административных органов, и чрез них всю, так сказать, вселенную захватить и привести в порядок, если бы они системой снаряжения в провинции высших сановников не приобрели авторитетного и почетного положения и не предоставили гражданской и военной власти таким людям, которые оказались способны пользоваться той и другой. Такие начальники носили имя преторов, им предоставлялась и административная, и законодательная власть, почему и судебные учреждения стали называться преториями. Размышляя об этом, снова вводя в управление древние обычаи, воздавая почтение римейскому имени и усматривая, что в необширные провинции назначаются ныне две власти и некоторая из них не

¹ *Иванов, 2016. С. 614.*

отвечает своему назначению, почему в тех провинциях, где есть гражданский и военный начальник, всегда происходят между тем и другим раздоры и распри из-за широты власти, мы пришли к решению соединить ту и другую власть, т. е. военную и гражданскую, в одну схему и дать получившему такое назначение снова наименование претора, так что он и предводительствует военными отрядами, расположенными в этой области, и пользуется вышеупомянутым званием, и издает законы, что было издавна привилегией преторов, и пользуется содержанием, присвоенным той и другой должности, и полицейским отрядом в 100 человек. Так он поддержит свой авторитет и будет внушать страх разбойникам и обидчикам. Что он должен иметь чистые руки, об этом говорено в недавно изданном законе. Почему мы прилагаем этот закон прежде всего для Писидии, это потому, что у прежних хронографов мы нашли известие, что во всей стране господствовало писидское племя, и ныне, по нашему мнению, эта страна нуждается в большей и сильнейшей власти, поелику в ней находятся большие и многонаселенные деревни, которые часто между собой находятся в борьбе, и поставить твердую власть в этих разбойнических местах, где на одной вершине Лика находится убежище ликокранитов. В эту область нужно являться не мирным порядком, а военным.

Назначенный на такую должность чиновник (место жалуется всегда даром, дабы и он всегда был непричастен взяток и довольствовался казенным содержанием) должен относиться к своим подвластным справедливо, нелюбопытно и решительность растворять человеколюбием. Он заботится об изгнании из области проступков человекоубийства, блуда, похищения дев и об уничтожении всяческой неправды и должен наказывать по нашему закону тех, кто окажется виновным в этих преступлениях, и никому не делать поблажки, но по отношению ко всем соблюдать одинаковую справедливость, согласно нашим законам, и приучать наших подданных жить и управляться по законам. Так что не позволяется жителям провинции приходить сюда из-за неважных дел и утруждать нас, но прежде должен выслушать и разобрать дело сам правитель (§ 2). Обязанности его не ограничиваются вышеизложенным, на его попечение возлагается благосостояние городов. Он должен наблюдать за делами городов и не допускать, чтобы они терпели в чем ущерб: исправлять каналы для воды, наблюдать за исправностью мостов, стен и дорог; принимать

меры, чтобы бывающие в области сборщики не обременяли в чем наших подданных, и не усваивать себе недавно укоренившегося дурного обычая издавать распоряжения насчет стеностроительства и исправления путей и других бесчисленных поводов...»¹

Рассматривая управление Египтом и сетуя на то, что ответственные чиновники совершенно запутали дела, связанные с важнейшей проблемой — поставкой казенного хлеба в столицу, — император скрупулезно, как счетовод, перечисляет номисмы и их доли: «Твоя светлость, производя тщательное исследование о городе Александрии, сделала открытие акта из времени царя Анастасия, когда Мариан, стоявший во главе провинции, составил окладной лист города, в котором обозначил в отделе расходов на различные статьи расход в тысячу четыреста шестьдесят девять золотых, т. е. 492 золотых на общественные бани, 419 на так называемый антиканфар, 558½ — сборщику корабельной пошлины, всего 1469 золотых. По этой статье есть сбережение в пользу города 100 номисм, да за 36 жеребят, по обычаю жертвуемых августалием городскому ипподрому, 320 золотых. Но с течением времени, лет 15 назад, по нерадению одних, по преступности других и по мошенничеству большинства денежные взносы начали падать, так что и общественные бани лишились указанной выше суммы, и корабельная пошлина своей доли в 558½ номисм. Поводом для этого были разные изъятия, сделанные или нашим двором, или твоим приказом, вследствие чего начался беспошлинный вывоз посуды и других товаров, подлежащих вывозной пошлине, ради чего стали уменьшаться доходы (§ 15).

Повелеваем не делать никаких нововведений против прежних установлений и держаться порядка, бывшего до времени Стратигия (комит священных щедрот в 535 году. — *Прим. пер.*)... Но из всей суммы 1889 номисм сложить в пользу города 369 золотых и вносить по этой статье лишь 1520 золотых, из коих 320 золотых отсчитывается в пользу августалия за тех 36 жеребят, которых он по старому обычаю должен выдавать управлению александрийского ипподрома, остающиеся же 1200 номисм засчитываются ему же в содержание»².

Еще один пример экономической деятельности импе-

¹ Цит. по: *Успенский*, 2011. Т. 1. С. 362, 363.

² Цит. по: Там же. С. 367, 368. У меня по акту времен Анастасия сумма получилась 1469 1/2, то есть полнономисмы лишних.

ратора — закон того же, «урожайного» на новеллы, 535 года: «Чтобы никто, дав земледельцу займы, не владел его землей и чтобы брали с земледельцев [только] тот процент, который они должны.

Имп[ератор] Юстиниан Август Агерохию, светлейшему наместнику Эмимонта во Фракии.

Мы решили исправить ужасное дело, превосходящее всяческое нечестие и алчность, с помощью всеобщего закона, который мог бы соблюдаться не только в теперешней нужде, но и на все будущее время. Ибо мы узнали, что в провинции, во главе которой ты стоишь, отдельные лица, воспользовавшись неурожаем хлебов, осмелились давать некоторым займы незначительное количество плодов и за это забирать всю их землю, так что одни из колонов бежали, другие погибли от голода, и произошло великое бедствие, не уступающее набегу варваров.

Итак, предписываем, чтобы те, кто дает займы какое-либо количество каких бы то ни было сухих плодов, возвращали их себе без какой-либо дополнительной отдачи земледельцами [своих] участков и чтобы никто не осмеливался удерживать землю под предлогом условий займа, записаны они или нет. Но если кто-нибудь дает займы плоды, то пусть берет за полный год по $\frac{1}{8}$ модия с каждого модия или, если одалживаются деньги, — по одному кератию с каждой номисмы в качестве годового процента. Впоследствии же заимодавцы, удовлетворенные $\frac{1}{8}$ модия за каждый модий или кератием, в течение одного года или, согласно этому проценту, пока действует заем, возвращают [себе] всё или берут в залог землю или что-либо другое, будь то быки или овцы или рабы. И это — общий для всех закон, который одновременно человеколюбив и благочестив: он и заботится о потребностях нуждающихся и приносит заимодавцам умеренное возмещение.

Итак, пусть твоя светлость старается осуществить и исполнить то, что нам угодно. И пусть заимодавец знает, что если он осмелится сделать что-либо в нарушение этого [закона], то лишится [права] взыскания, а взявший [в долг] и затем потерпевший несправедливость будет иметь в утешение то, что сам он освобожден от забот и видит, как заимодавец терпит ущерб в своих делах»¹.

¹ Хрестоматия, 1961. С. 337, 338. Осталось неясным, почему процент «натурой» составляет $\frac{1}{8}$ в год, а в денежном выражении — $\frac{1}{24}$ в год, то есть втрое ниже.

Но в вечной войне с коррупцией и своеволием чиновников Юстиниан, как и многие его «коллеги», проиграл. «Если задаться вопросом, каковы были результаты великой реформы 536 года, то прежде всего поражает тот факт, что до конца своего царствования Юстиниан постоянно должен был возобновлять свои указы и повторять разные запрещения и предписания, из чего можно заключить, что реформа плохо прививалась. Император надеялся, что благодаря принятым им мерам он восстановил порядок, а между тем общественное спокойствие продолжало нарушаться; в официальных документах беспрерывно толкуется о разбоях и убийствах, губящих население деревень, о вооруженных стычках и восстаниях, волнующих страну. Чтобы положить этому конец, в 539 году решили запретить ношение оружия всем незачисленным в армию; несколько позже в некоторых провинциях пришлось установить настоящее осадное положение, и что особенно замечательно, это было сделано как раз в тех областях, в которых была введена реформа 536 года... Юстиниан надеялся своими указами изменить приемы общественного управления, а между тем лихоимство чиновников продолжалось по-прежнему. Императорские законы, обнародовавшиеся с удивительной медлительностью, соблюдались все хуже. Все пороки, так сурово осужденные в указах 535 года, сохранились и процветали... Финансовое управление притесняло выше всякой меры, а юстиция оставалась такой же, какой была до реформы, т. е. медленной, продажной и испорченной...

Можно удивляться, как такой государь, как Юстиниан, столь ревниво охранявший свою власть, оказался таким бессильным заставить повиноваться себе и что все его добрые и, по-видимому, искренние намерения не возымели совершенно никакого действия. А это происходило оттого, что, как сказал один из преемников императора, “недостаточно издавать указы, но нужно уметь настоять на их точном выполнении”. На это Юстиниан оказался неспособным: нужды управления заставляли его самого показывать пример нарушения законов, им самим обнародованных¹. В точку! Призывая грома небесные на головы провинциальных чиновников, император вполне мирился с хищничеством своего ближайшего окружения. Такие люди, как Герман, Велисарий, Трибониан, будучи на государственной службе, сколотили огромные состояния. Но свой

¹ Диль, 2010. С. 305—307.

ближний круг Юстиниан трогать упорно не желал. Даже в случаях, когда император наказывал подчиненных, это делалось относительно мягко, а для того, чтобы он строго покарал «своего человечка», тот должен был провиниться не только на коррупционном поприще, а как-то иначе, например, попасться на злоумышлении в отношении самого императора или принести государству какой-нибудь еще серьезный вред. Историками давно подмечено, что если обычно в Римской империи высшие сановники занимали должность год-другой (эта традиция шла еще со времен римских магистратов), то Юстиниан не менял их чуть ли не десятилетиями. То же касалось и магистров: при Юстиниане они перемещались с командования на командование, но не лишались своего ранга даже в случае поражений или каких-то не слишком значительных в глазах императора проступков типа не вполне честных заработков. Е. П. Глушанин отмечает лишь два таких случая¹: Бесса, который просто-напросто зарвался в своей алчности, и Мартин, чьи подчиненные убили лазского царя.

Экономика, финансы и коррупция

Экономические мероприятия Юстиниана сводились в основном к полному и жесткому контролю со стороны государства за деятельностью любого производителя или торговца. Немалые выгоды приносила и государственная монополия на производство ряда товаров.

Однако налогами, пошлинами и монополиями способы извлечения доходов не ограничивались. Для извлечения средств император присваивал наследства богатых людей, использовал порочную практику возведения на состоятельных людей ложных обвинений, влекших за собой конфискацию, — если, конечно, верить Прокопию: «Когда он так без околичностей истратил общественное богатство, он обратил свои взоры на подданных и немедленно отнял у большинства из них имущество, грабя и притесняя их безо всякой причины, предъявляя обвинения тем, кто в Византии и в любом ином городе слыли людьми состоятельными, хотя никакой вины за ними не было. Одних он обвинил в многобожии, других в неверном исповедании христианской веры, иных — за мужеложство, других — за связь

¹ Глушанин, 1991. С. 197.

со святыми девами или за какие-либо иные запретные сожительства, иных — за побуждение к мятежу или за склонность к фракции прасинов, или за оскорбление его самого, или предъявив обвинение в преступлении, носящем какое-либо иное название. Либо он самочинно оказывался наследником умерших или, случалось, и здравствующих, якобы усыновленный ими... Позднее он придумал и нечто другое, превосходящее все, о чем мы слышали... отыскав лиц, нанимающихся за плату, назначил их на должности, наказав им за жалованье, которое они получали, отдавать ему все, что они награбят. Те же, получая жалованье, совершенно безбоязненно обирали и тащили все со всей земли, и ходил кругами произвол наймитов, под личиной должности грабящих подданных. Итак, этот василевс со всей тщательностью, присущей ему, все время подбирал для этих дел поистине негоднейших из всех людей, всегда преуспевая в выслеживании таких злобных созданий, какие ему и требовались. Конечно, когда он назначал на должность тех первых мерзавцев, и злоупотребление властью явило на свет их [прирожденную] подлость, мы воистину удивлялись тому, как человеческая природа смогла вместить в себя столько зла. Когда же те, что со временем сменили их на должностях, сумели намного превзойти их, люди изумленно спрашивали друг друга, каким образом те, которые раньше слыли негоднейшими, теперь уступили своим преемникам до такой степени, что ныне казались по своему образу действия людьми прекрасными и добропорядочными. В свою очередь, третьи превосходили вторых разного рода пороками, за ними другие, с их новшествами в преступлении, явились причиной того, что их предшественники начинали слыть честными людьми. Поскольку это зло росло и росло, всем людям довелось узнать на деле, что испорченность человеческой природы не знает предела, но, вскормленная знанием об уже совершенном и побуждаемая дерзостью, которую вдохновляет полная вседозволенность к тому, чтобы причинять вред тем, кто попал к ней в руки, она неизменно достигает таких границ, судить о которых способно воображение лишь оказавшихся ее жертвой»¹.

¹ «Тайная история». XIX, XXI. Цит. по: *Прокопий*. Войны. С. 313, 317, 318.

Вполне вероятно, что Юстиниан, безусловно ставя интересы государства выше интересов частного лица и рассматривая себя как олицетворение государства, просто возвращал себе то имущество, которым это государство когда-то одарило того или иного сенатора: ведь основным источником богатств служилой аристократии Константинополя была как раз государственная служба¹. Находясь на ней, сколачивали себе баснословные состояния вчерашние щитоносцы или скромные писцы канцелярий. Они приобретали роскошные дома и даже целые кварталы в городах, поместья вне городов, мастерские, сады, посуду из золота и серебра, ложа из слоновой кости, шелка и т. п.

Нельзя сказать, что император не пытался бороться с коррупцией. Пытался, причем, в отличие от предшественников, делал это системно, особенно в первые годы власти. Так, согласно выкладкам российского исследователя В. А. Серова², количество конституций по данному вопросу нарастало: с двух в 528 г. до одиннадцати в 530-м. Затем — резкий спад. Исследователь также замечает, что «важной особенностью антикоррупционной политики Юстиниана были, впрочем, не сами многочисленные запреты и многообразные угрозы ... а использование при этом риторических оборотов, которые в совокупности могли бы составить соответствующий раздел государственной теории» — то есть призывы императора к судьям судить по закону, чиновникам — работать бескорыстно, сентенции о несправедливости обогащения лиц, которые должны служить общественному благу.

Поскольку управлять коррупцией не удается даже гению, методы Юстиниана, вне зависимости от его целей, привели к образованию своего рода «вертикали растреления». Легко представить, какие злоупотребления начались в византийском обществе и какие средства были расхищены при реализации мегапроектов Юстиниана!

Но гражданам всех сословий оставалось лишь нести на собственных плечах тяжкое бремя налогов. По этому поводу сам автократ откровенно высказывался в одной из новелл: «Первая обязанность под-

¹ Чекалова, 2010. С. 168, 169.

² Серов, 2000. С. 41—43.

данных и лучшее имеющееся у них средство благодарения императора за попечительность — уплачивать с безусловным самоотвержением общественные подати полностью»¹.

Одновременно с упорядочением гражданского управления император то же самое сделал и в отношении церкви, издав в 535 году две специальные новеллы, адресованные Вселенскому патриарху Елифанию.

5-я новелла регламентировала вопросы монашеской жизни. Было установлено, как должен основываться монастырь, кто может стать монахом, вводился трехлетний срок послушничества перед пострижением, были отрегулированы некоторые бытовые вопросы (например, строго заповедано, чтобы каждый лежал «на своей собственной подстилке»²). Император прописал имущественные вопросы — ведь при поступлении в монастырь человек передавал церкви свое имущество без права истребования назад, а у него могли быть дети и другие родственники, которых нельзя было лишать минимально установленной законом доли наследства (в те годы — четверти всего имущества), или жена, которой следовало возвратить приданое. Оставление монашеской жизни и обратный уход «в мир» наказывались присвоением за «непостоянство» статуса официала в штате наместника провинции. Если монах становился церковнослужителем в том сане, в котором для обычного клирика дозволялся брак, но надумал бы жениться, ему воспрещалась любая гражданская карьера.

6-я новелла посвящена скрупулезному перечислению того, что должно и чего не должно делать при поставлении в епископы или пресвитеры. Безусловно, это не стопроцентно оригинальный документ (в его основу легли «Правила святых апостолов»), но многое в развитие этих правил император внес от себя — совершенно в том же духе, что и в законы по гражданскому управлению. Так, поставивший епископа за суффраний, то есть за взятку, подвергался извержению из сана (29-е Апостольское правило), а выплаченные средства (или стоимость подарка) — конфискации в пользу церкви (это уже от Юстиниана). Аналогичным

¹ Цит. по: Диль, 2010. С. 64. Таким образом, император посягнул на «привилегию» знати не соблюдать налоговые законы (*Курбатов*, 1991. С. 244).

² *Максимович*, 20076. С. 43.

штрафом, но в двойном размере от полученного, наказывался и посредник в даче взятки из числа мирян. «И еще должен твердо знать тот, кто купил епископский сан за деньги или подарки, что, если он до этого был диаконом или пресвитером, а потом через подкуп (δωροδοξίαν) получил <епископское> священство, он не только лишится епископства, но и прежний его сан (schma) не останется за ним, как то: пресвитерский или диаконский. Таким образом, он лишится своего сана как недостойно возжелавший недолжного и к тому же будет исключен из всякого священного чина»¹. Епископам воспрещались недозволенные отлучки: оставление епархии более чем на год по иной причине, нежели приказ императора, визит в Константинополь без разрешения вышестоящего архиерея (поскольку епископы путешествовали, как правило, со своим штатом, такие поездки недешево обходились или общине, или государству — если использовалась государственная почта). Куриалу или официалу рукоположение в епископы или пресвитеры затруднялось: куриалу, например, следовало отдать четверть имущества в казну. Воспрещалось (опять же во избежание лишних трат общины) рукополагать клириков в чрезмерном количестве. При поставлении епископа любой клирик или мирянин был вправе огласить то, что, по его мнению, препятствовало хиротонии, — и она останавливалась до вынесения результатов расследования, в противном же случае лишались сана и тот, кто рукополагал, и поставляемый. Любой житель империи мог пожаловаться властям на нарушение правил епископом или священником.

Юстиниан и рабство

Закономерным явлением, логично вытекающим из церковных установок того времени, стала отраженная в законодательстве тенденция к изживанию рабства как пережитка прошлого. Нет, император вовсе не был аболиционистом: рабы существовали до, остались и после него, — но именно при Юстиниане право стало максимально лояльным к рабам и было снято большинство сохранявшихся доселе в римском праве ограничений для отпуска этих людей на волю. Да, для полной ликвидации этого института потребовалось еще пять веков, но принципиальные изменения и в законодательстве, и в общественном сознании закрепились

¹ Максимович, 2007. С. 34.

именно при Юстиниане. Огромным облегчением стала отмена закона Фуфия—Каниния (консулов 2 г. до н. э.), действовавшего в империи несколько веков. Согласно этому закону господин не мог отпустить на волю всех своих рабов, но только меньшую их часть (половину — если владел не более чем десятью рабами, треть — при числе рабов от 11 до 30, четверть — если их было от 31 до 100, и лишь пятую часть при большем количестве, но не более ста человек одновременно; владельцы одного или двух рабов из-под действия закона исключались). Конечно, милосердие императора переоценивать не стоит: бегство раба или вооруженный мятеж карались по-прежнему (бежавшему могли отрубить ногу, а вооружившегося против хозяина — казнить; хотя, если причиной бегства было жестокое обращение со стороны хозяина, таких драконовских мер не применяли).

А еще император приравнял всех вольноотпущенников, не различая их статуса, к римским гражданам. Важнейший шаг: теперь перед лицом закона вчерашние рабы могли отстаивать свои интересы без какого-либо ущемления. Нужно ли объяснять, каким благом оказалось это нововведение для сотен и сотен тысяч людей!

Правда, одновременно законодательство Юстиниана (конституция 534 г. и новелла 22-я 535 г.) фактически приравнило к рабам приписных колонов — вплоть до отказа признавать их браки (в том числе и со свободными женщинами) и даже наказания адскрипция «умеренными ударами»: император заботился о том, чтобы земли не остались без рабочих рук, ибо потомство таких союзов следовало статусу матери. Юстиниан пошел еще далее, введя в 536 г. правило, согласно которому дети адскрипциев, принадлежащих разным хозяевам, могли быть поделены между последними. Впрочем, введя такую жестокую норму, император сам же ее и отменил (162-я новелла, 542 г.).

Итак, первые после «Ники» годы в плане внутренней политики оказались весьма насыщенными. Но Юстиниан не успокаивался: он готовился к реставрации Римской империи от Кавказа до Гибралтарского пролива. «Об одном умоляем мы святую и славную Деву Марию, — заявил по этому случаю император в законе, датированном 533 годом, — чтобы по ходатайству Ее удостоил Господь меня, Своего последне-

го раба, воссоединить с Римской империей всё, что от нее отторгнуто, и довести до конца высочайший долг наш»¹.

Иными словами, империю ожидали масштабные войны на западе. Но для этого нужно было обезопасить восточную границу. Василевс занимался и этим.

Мир с Хосровом империя, как это нередко делалось, купила. Договор был заключен в сентябре 532 года. Поскольку он не имел срока действия, историки прозвали этот мир «вечным». Таковым он, конечно, не оказался, но передышку на несколько лет Константинополь получил. Персам уплатили 110 кентинариев золота — примерно 3,5 тонны, что могло считаться достаточно скромной суммой, особенно если учесть, что в основном эти деньги, как утверждали иранцы, шли на содержание крепостей в Кавказских проходах. Обороняя их, Иран отражал набеги варваров (прежде всего гуннов), опасных для обеих стран, а империя не вкладывалась в эту «коллективную безопасность» уже более двадцати лет. «Казалось, звезды в небе плясали от радости», — вспоминал это событие Захария Ритор, житель какой-то из приграничных областей, страдавших от войны².

Для начала Константинополь решил напасть на королевство вандалов в Северной Африке. Наверное, главной причиной этого стало поведение самих вандалов. Если в той же Италии готы вели себя по отношению к местному населению, в общем, дружелюбно, то в Африке, несмотря на почти столетнее господство вандалов, «слияния» не произошло. Ариане-вандалы периодически устраивали в отношении православного римского населения экзекуции, подчас весьма кровавые, а многих свободных прежде римлян обратили в рабов. На протяжении трех десятков лет начиная с середины V века Восточная Римская империя неоднократно пробовала влиять на вандалов с целью прекратить преследования. Немалых усилий потребовало и возвращение увезенной из Рима Евдокии, дочери императора Валентиниана III³. Грозный Гизерих, захватчик Африки и грабитель Рима, не брезговал и пиратством, приведя средиземноморское судоходство в совершенный беспорядок. Он оставил

¹ Цит. по: Успенский, 2011. Т. 1. С. 275.

² Захария Ритор. IX, 7. См.: Пигулевская, 2000. С. 566.

³ Ее мать Евдоксию и сестру Плацидию Гизерих отослал в Константинополь в начале 460-х гг., Евдокию же выдали замуж за одного из сыновей вандальского короля, Гонориха. Спустя десять лет Евдокии удалось бежать из плена к своим родичам в Константинополь, оставив сына Ильдериха в Карфагене.

этот мир в 477 году, а его преемник Гонорих (Гуннерих) усилил давление на африканских римлян, доводя их существование до скотского. Правда, с Зином он предпочел сохранить мир. К моменту получения Юстинианом верховной власти этот мир длился полвека и, как писал Прокопий, вандалы «изнежились»: привыкли вкусно есть и пить, жить в удобных домах, ходить в дорогих одеждах. Это означало, что тяга к походной жизни и войнам у них резко снизилась. К тому же подобный образ жизни требовал средств, которые добывались эксплуатацией подневольного населения, соответственно среди подданных зрело недовольство.

В 523 году королем стал Ильдерих, внук не только свирепого Гизериха, но и Валентиниана III. Он резко сменил политику своих предшественников: прекратил преследование православных, слал богатые подарки Юстину и Юстиниану. Кроме того, он по обвинению в заговоре казнил бывшую королеву Амалафриду, вдову своего предшественника. Но Амалафрида была сестрой Теодориха Великого, и в Карфагене ее окружали прибывшие с ней знатные соплеменники. Их тоже предали смерти. Вандальское королевство теперь не могло рассчитывать на симпатию италийских готов — тем более что Ильдерих если и не порвал с арианством, то, во всяком случае, уравнил его на своей земле с православием. Все эти обстоятельства, несомненно, учитывались Юстинианом, который наверняка начал планировать африканскую кампанию задолго до ее фактического осуществления.

В 530 году власть в Карфагене захватил родственник Ильдериха, Гелимер. Это оказалось отличным поводом для конфликта! Послов нового короля вандалов Юстиниан выгнал и потребовал возвращения трона Ильдериху. Естественно, требование это удовлетворено не было. Более того, Гелимер демонстративно ухудшил условия заточения Ильдериха и его семьи. По тем временам это был достаточный *casus belli*.

Восстание «Ника» нарушило планы императора, да и начинать кампанию на два фронта, имея на Востоке Иран, государство не могло. Но к лету 533 года обе проблемы были решены. Тактическая ситуация также складывалась благоприятно для римлян: от вандалов отложилась Триполитания, восстание в которой возглавил некий Пуденций (судя по имени, римлянин), получивший поддержку из Константинополя. Аналогичный мятеж затеял и сардинский наместник вандалов Гоа (этот был уже готом).

Большинство сената и один из ближайших советников императора — префект претория Востока Иоанн Каппадокиец, — памятуя о неудачном походе при Льве I, высказывались решительно против этой затеи, приводя самые разные аргументы: «Когда он (Юстиниан. — С. Д.) объявил государственным мужам, что намерен собрать войско против вандалов и Гелимера, большинство их сразу отнеслось враждебно к этому плану и оплакивало его как несчастье; у них была свежа память о морском походе василевса Льва и о поражении Василиска; они наизусть перечислили, сколько тогда погибло солдат, сколько денег потеряла казна. Особенно печалились и горевали, полные забот, эпарх двора, которого римляне называют претором, и управитель казначейства, равно и все другие, на которых был возложен сбор государственных или царских доходов, предвидя, что им придется доставить на военные расходы огромные суммы и что не будет для них ни снисхождения, ни отсрочек. Из военачальников же каждый, кто думал, что ему придется командовать в этом походе, был охвачен страхом, ужасаясь огромной опасности стать, если им будет суждено спастись от бедствий морского пути, лагерем во вражеской земле и, высадившись с кораблей, сражаться с силами огромного и могущественного царства. И солдаты, только что вернувшиеся с долгой и трудной войны и еще не насладившиеся вполне радостями домашней жизни, были в отчаянии как потому, что их ведут на морское сражение, о чем они раньше даже слыхом не слыхивали, так и потому, что их посылают от пределов Востока к крайнему Западу на тяжелую войну с вандалами и маврусиями. Что же касается остальных, как это бывает при большом стечении народа, они хотели быть свидетелями новых приключений, хотя и сопряженных с опасностями для других»¹.

Но Юстиниан, вдобавок к собственной убежденности получивший благоприятное предсказание², поступил по принципу «мы посовещались, и я решил»: война началась.

¹ «Война с вандалами». 1. X. См.: *Прокопий*. Войны. С. 168, 169.

² Будучи в начале 530-х гг. в Константинополе, палестинский старец Савва Освященный обратился к Юстиниану с определенными просьбами и предрек, что за их исполнение Бог отдаст Юстиниану и Африку, и Рим, и все остальные территории, которыми когда-то правил Гонорий. См.: *Палестинский патерик*. Вып. 1: *Житие св. Саввы Освященного*. 72. С. 113. Не называя имени Саввы, о предсказании от «некоего епископа с Востока» говорит и Прокопий: «Война с вандалами». 1. X. См.: *Прокопий*. Войны. С. 70.

Официальным предлогом василевс выбрал узурпацию Гелимером власти — ведь, согласно византийским стратегиконам, причина войны должна быть законной.

22 июня 533 года экспедиционная армия под командованием стратига-автократора Велисария почти на шестистах кораблях вышла в Средиземное море. Армия состояла не только из регулярных имперских войск, но и из набранных по всей стране федератов (в основном фракийских). Прокопий Кесарийский, бывший секретарем Велисария и потому имевший самые точные сведения, описал состав этого войска весьма подробно, благодаря чему мы имеем уникальные сведения о тех контингентах, которые могла выставить для войны с врагом империя первой половины VI века: «Наряду с этим (подготовкой солдат для помощи Годае. — С. Д.) шло приготовление и войска против Карфагена — десяти тысяч пеших и пяти тысяч всадников, набранных из регулярных солдат и из федератов. В прежнее время к федератам причислялись только те из варваров, которые не находились в подчинении у римлян, поскольку не были ими побеждены, но пришли к ним, чтобы жить в государстве на равных с римлянами правах. Словом “федера” римляне называют договор о мире, заключенный с врагами, теперь же всех стало можно называть этим именем, так как с течением времени теряется точность приложенных к чему-либо названий, и поскольку условия жизни и дела меняются в том направлении, в каком угодно людям, они обращают мало внимания на ранее данные ими названия. Командующие федератами были Дорофей, стратиг войск в Армении, и Соломон, который помогал в войске Велисария (римляне называют такого человека domestikом).

Этот Соломон был евнухом, он лишился срамных мест не по злему умыслу какого-то человека, но по какой-то случайности, когда был еще в пленках. Кроме того, были еще Киприан, Валериан, Мартин, Алфия, Иоанн, Маркелл и Кирилл... Конницей командовали Руфин и Эган, принадлежавшие к дому Велисария, Варват и Папп; пехотой — Феодор, которому было прозвище Ктеан, Терентий, Заид, Маркиан и Сарапис. Иоанн, бывший родом из Эпидамна, который теперь называется Диррахий, был поставлен во главе всех начальников пеших войск. Из всех них один Соломон был родом с Востока, с самых крайних пределов Римской державы, где теперь находится город Дара; Эган был родом из массагетов, которых теперь называют гуннами. Остальные полководцы почти все происходили из Фракии.

За ними следовало четыреста герулов, которыми командовал Фара, и приблизительно шестьсот союзных варваров из племени массагетов, все — конные стрелки. Ими командовали Синний и Вала, весьма одаренные храбростью и твердостью характера. Для этого войска потребовалось пятьсот кораблей; из них ни один не поднимал больше пятидесяти тысяч медимнов, но и не меньше трех тысяч. На этих кораблях плыли тридцать тысяч моряков, по большей части египтяне и ионяне, а также и киликийцы. Начальником над всеми этими кораблями был назначен один — Калоним из Александрии. Были у них и длинные корабли, приспособленные для морского боя, в количестве девяноста двух; у них было по одному ряду весел, и сверху они имели крышу, чтобы находившиеся тут гребцы не поражались стрелами врагов. Нынешние люди называют эти суда дромонами, ибо они могут плыть очень быстро. На этих судах было две тысячи византийцев, одновременно и гребцы, и воины; и не было на них ни одного лишнего человека. Был послан с ними и Архелай, имевший сан патрикия и бывший уже епархом двора в Византии и Иллирии; тогда он был назначен епархом войска: так называется заведующий расходами армии. Главнокомандующим над всем василевс поставил Велисария, вновь возглавлявшего войско Востока. За ним следовало много копьеносцев и щитеносцев; все это были люди, хорошо знавшие военное дело и испытанные в боях. Василевс вручил ему грамоту, которая давала ему право поступать, как он сочтет нужным, и все его действия получали такую же силу, как совершенные самим василевсом. Таким образом, эта грамота давала ему права царской власти. Велисарий был родом из Германии, которая расположена между Фракией и Иллирией. Таковы были тогда дела»¹.

Это были не самые крупные силы, но, как показали дальнейшие события, Юстиниан все сделал правильно: их хватило. Даже с учетом значительных небоевых потерь (которые были намного выше, нежели сегодня, в эру антибиотиков, витаминов и научной санитарии).

При отплытии случился знак, истолкованный многими как предсказание дурного. Забыв дать отряду, отплавшему первым, какое-то поручение, император послал нескольких человек передать его по пути, но с условием, чтобы с кораблей никто не сходил (видимо, возвращение у

¹ «Война с вандалами». 1. XI. См.: *Прокопий. Войны*. С. 171, 172.

ромеев, как и у нас, считалось плохой приметой). Вестники же, догнав корабли, первым делом принялись кричать, чтобы никто не возвращался. Вспомнили об этом потом, когда выяснилось, что на палубе находился некий Стоца, спустя несколько лет поднявший против императора бунт и павший в Африке.

Основной же флот проводили торжественно, от пристани возле дворца, с участием патриарха Епифания, благословившего «христолюбивое воинство».

После задержек, связанных с погодой и заменой некачественного питания (от которого умерли около пятисот человек), Велисарий высадился на Сицилии. Готы не только не оказали сопротивления, но даже организовали для ромеев рынок с местными товарами.

Прокопий Кесарийский, посланный в Сиракузы по какой-то надобности, встретил там друга детства и от его слуги узнал, что в Карфагене не ждут нападения: там нет ни войска, ни самого короля, поскольку большая часть армии отправилась на Сардинию против Годы, а Гелимер «даже не помышляет о войне и, оставив без должной защиты Карфаген и другие приморские укрепленные пункты, живет в Гермione, которая находится в Бизакции в четырех днях пути от берега. Так что они могут плыть, не опасаясь никаких неприятностей, и пристать там, куда их пригонит ветер. Услышав это, Прокопий, взяв слугу за руку, пошел с ним к гавани Аретузе, где у него стоял корабль, расспрашивая этого человека обо всем и стараясь выведать все подробности. Взойдя с ним на корабль, он велел поднять паруса и спешно плыть в Кавкану. Хозяин этого слуги стоял на берегу и удивлялся, что ему не возвращают его человека. Тогда, уже после отплытия корабля, Прокопий громким голосом просил извинить его и не сердиться на него, ибо необходимо представить этого слугу стратигу (Велисария. — С. Д.). Когда же тот приведет флот в Ливию, он, получив большие деньги, вернется в Сиракузы»¹.

Велисарий немедленно отплыл на юг и после непродолжительной стоянки на Мальте высадился в бухте примерно в пяти днях пути к востоку от Карфагена. Отсюда войска двинулись на запад по суше старыми римскими дорогами, а корабли поплыли туда же вдоль побережья.

Прокопий в «Войне с вандалами» упоминает о письме императора, в котором тот оправдывал свои действия

¹ «Война с вандалами». I. XIV. См.: *Прокопий*. Войны. С. 177, 178.

узурпацией Гелимером власти. «В тот же день попечитель государственной почты перешел на сторону римлян, передав им всех казенных лошадей. Был захвачен также один из тех, кого отправляют с царскими посланиями и кого называют “вередариями”. Стратиг не сделал ему никакого зла, но, одарив большим количеством золота и получив от него обещание верности, вручил ему письмо, которое василевс Юстиниан написал вандалам, для того чтобы он передал его вандальским архонтам. Письмо это гласило следующее: “У нас нет намерения воевать с вандалами, и мы не нарушаем заключенного с Гизерихом договора, но мы хотим свергнуть вашего тирана, который, презрев завещание Гизериха, заковал вашего царя в оковы и держит в тюрьме; который одних из ненавидимых им родственников сразу же убил, у других же отнял зрение и держит под стражей, не позволяя им со смертью прекратить свои несчастья. Итак, соединитесь с нами и освободитесь от негодной тирании для того, чтобы вы могли наслаждаться миром и свободой. В том, что это будет предоставлено вам, мы клянемся именем Бога”. Таково было содержание письма василевса. Получив его от Велисария, вередарий не решился сообщать о нем открыто, но тайно показал его своим друзьям и в сущности не сделал ничего, что имело бы какое-либо значение»¹. Судя по последней реплике, никакого письма не существовало: историк пытался оправдать действия Юстиниана и одновременно объяснить, почему о столь важном факте, как объявление войны, вандалы не узнали.

Поскольку Африку надлежало присоединить к империи, а не разорить, Велисарий держал армию в строгости: не позволял мародерствовать и строго наказывал тех, кто покушался хотя бы на фрукты в саду частного лица. Благодаря этому он «настолько привлек на свою сторону ливийцев, что впредь шел по их стране как по своей собственной: жители этих мест не прятались от войска и не стремились

¹ «Война с вандалами». 1. XVI. См.: *Прокопий*. Войны. С. 182. Далее Прокопий проговорился, вложив в уста Велисария совсем другой предлог для войны: «Он говорил, что ливийцы издревле являлись римлянами, оказались под властью вандалов не по собственной воле и испытали от этих варваров много беззаконий. Именно поэтому василевс и начал войну с вандалами, и с их стороны было бы просто святотатством причинить зло людям, для освобождения которых (ибо такова причина войны) они двинулись против вандалов» (Там же. 1. XX. С. 190).

что-нибудь скрыть, но охотно продавали продукты и оказывали солдатам всякого рода услуги. Проходили мы в день по восьмидесяти стадий и до самого прибытия в Карфаген останавливались на ночлег либо в городах, если это удавалось, либо в лагере, принимая меры предосторожности сообразно с обстоятельствами»¹.

В сентябре 533 года под Дециумом вандалы были разбиты. Один переход — и имперские отряды стояли уже перед обветшавшими стенами Карфагена, а в море колыхались сопровождавшие армию корабли. 13 сентября жители разомкнули цепь, закрывавшую городскую гавань Мандракий, и открыли ворота: город возвращался под власть римлян без сопротивления. Зимой 534 года под Трикамаром к западу от Карфагена Гелимер проиграл вторую битву. У него уже не было солдат, союзники-мавры тоже не поддержали его, и в марте 534 года вандалский король, загнанный куда-то в горы и окруженный, сдался, не выдержав мук голода. Сообщая об этом, Прокопий поведал историю, которая украсила бы любой западноевропейский рыцарский роман. Прячась в какой-то горной пещере, Гелимер послал Фаре, командиру византийского отряда, письмо с просьбой прислать ему караван печеного хлеба, губку и кифару. Посланец объяснил недоумевающему Фаре суть этой странной просьбы: хлеба Гелимер не видел несколько месяцев, губка нужна ему, чтобы протереть воспалившийся глаз, а кифара — исполнить сочиненную им песню о своем несчастье. Фара расчувствовался и всё выслал — но осаду не ослабил, лишь усилил.

В ознаменование победы в Константинополе был устроен триумф: «Прибыв с Гелимером и вандалами в Византий, Велисарий был удостоен почестей, которые в стародавние времена оказывались римским полководцам за величайшие и важнейшие победы. Прошло уже около шестисот лет, как никто не удостоивался этих почестей, если не считать Тита, Траяна или каких-либо иных автократоров, одерживавших победу в войне с каким-нибудь варварским племенем. Показывая добычу и военнопленных, он совершил торжественное шествие, которое римляне называют триумфом, в центре города, однако не по древнему обычаю, но идя пешком из своего дома вплоть до ипподрома и здесь от места, с которого начинают состязания, до того места, где находился трон василевса. Среди добычи можно было видеть вещи,

¹ «Война с вандалами». 1. XVII. См.: *Прокопий. Войны*. С. 183.

которыми обычно пользуется государь, золотые троны и повозки, на которых, как предписывал обычай, разъезжала супруга василевса, большое количество украшений из драгоценных камней, золотые кубки и все другое, что нужно для царских пиров. Везли также и много десятков тысяч талантов серебра, и огромное количество царских сокровищ (так как все это, как было сказано раньше, Гизерих награбил в римском Палатии). В их числе были и иудейские сокровища, которые наряду со многим другим после взятия Иерусалима привез в Рим Тит, сын Веспасиана. Увидев их, какой-то иудей, обратившись к одному из родственников василевса, сказал: “Мне кажется, не следует помещать эти вещи в царском дворце Византия. Не полагается им находиться ни в каком-либо ином месте, кроме того, куда много веков назад их поместил иудейский царь Соломон. Поэтому и Гизерих захватил царство римлян, и теперь римское войско овладело страной вандалов”. Об этом было доложено василевсу; услышав об этом, он устранился и спешно отправил все эти вещи в христианские храмы в Иерусалиме. Среди пленных во время триумфа шел и сам Гелимер, одетый в накиннутую на плечи пурпурную одежду, были тут и все его родственники, а из вандалов те, которые были особенно высокого роста и красивы. Когда Гелимер оказался на ипподроме и увидел василевса, восседавшего высоко на престоле, народ, стоявший по обе стороны, он, осмотревшись вокруг, осознал, в каком несчастном положении пребывает, не заплакал, не издал стоны, но непрерывно повторял слова еврейского писания: “Суета сует и всякая суета”. Когда он подошел к седалищу василевса, с него сняли пурпурную одежду, заставили пасть ниц и совершить поклонение василевсу Юстиниану. То же самое сделал Велисарий, как бы вместе с ним моля василевса. Василевс Юстиниан и василиса Феодора одарили всех детей Ильдериха и его родственников, а также всех потомков из рода василевса Валентиниана достаточными богатствами, а Гелимеру предназначили прекрасные земли в Галатии, разрешив жить там вместе с ним всем его родственникам. Однако в число патрикиев Гелимер не был зачислен, так как не захотел переменить своей арианской веры.

Немного времени спустя Велисарий был устроен триумф по древнему обычаю. Тогда его, назначенного консулом, несли пленные, и он из своего кресла бросал народу вещи из полученной на войне с вандалами добычи. В честь консульства Велисария народу удалось получить много се-

ребра, золотых поясов и большое количество других предметов из сокровищ вандалов. В это время, казалось, вернулась память о том, что давно уже стало необычным»¹.

«Баланс» той войны оказался положительным, даже если не принимать во внимание подати с завоеванных территорий. Затратив на подготовку экспедиции около трех тысяч либр золота сверх обычных издержек на армию, константинопольский двор получил ценностей более чем на пять тысяч². Добыча, взятая у вандалов, пополнила не только имперскую казну, но и сокровищницу персидских царей. Дело в том, что Хосров Ануширван обратился в Константинополь с требованием дать что-то из завоеванных ценностей и ему, ссылаясь на свой вклад в победу: он, дескать, не тревожил границы Византии, и потому ромеям было легче воевать. Император меньше всего на свете желал войны на востоке — и согласился.

Юстиниан стал торжественно именоваться Африканским и Вандальским (причем еще до окончательной победы, сразу после взятия Карфагена). Будучи человеком очень энергичным (а в делах управления — особенно), он не стал откладывать дело в долгий ящик и издал два эдикта о военном и гражданском управлении Африкой. Туда вернулись старые римские порядки: земли разделили на семь провинций, назначили наместников в ранге ректоров и президов, утвердили штаты чиновников — вплоть до врачей и риторов, — а для восстановленной старой военной организации определили пять дуксов лимитанов. Префектом претория стали соратники Велисария: сначала — Архелай, затем — евнух Соломон. Было приказано, как и во всей остальной империи, преследовать еретиков и инаковерующих, если они не переходили в православие.

Нельзя, однако, сказать, что Африка была захвачена полностью: власть ромеев распространялась только на восточную часть их бывших владений, а на западе, в Мавритании, гарнизоны заняли только Цезарею и крайнее западное владение — крепость Септем на побережье Гибралтарского пролива. И хотя во время войны мавры заключили союз с ромеями и не поддержали вандалов, в условиях безвластия они принялись нападать на лишенные защиты города. Ситуацию усугубляло то, что многие из городов стояли без стен, ибо с самого начала владения Африкой

¹ «Война с вандалами». 2. IX. См.: *Прокопий*. Войны. С. 215.

² *Серов*, 2011.

вандалы их срыли, опасаясь восстаний местного населения. В двух упорных сражениях Соломон одолел мавров. Мужчины погибли, а женщины и дети попали в рабство к победителям: добычи было так много, что раб-ребенок шел буквально по цене овцы, то есть в десятки раз дешевле «нормальной» цены (раб-ребенок при Юстиниане стоил десять номисм).

В 536 году, после отъезда Велисария в Италию, в Африке начался солдатский мятеж. Как рассказывает Прокопий, причины его оказались донельзя простыми: имущественный спор и имперская политика в делах религии. После гибели многих вандалов их жены, а также дочери вышли замуж за солдат Юстиниана: война войной, а дом нужно содержать. В приданое женщины принесли те надель, которыми владели их семьи, — а как раз эти земли решено было присоединить к фиску! «И вот каждая из них стала побуждать своего мужа требовать себе в собственность те земли, которыми каждая из них прежде владела, говоря, что это против всяких божеских законов, что, будучи замужем за вандалами, они пользовались ими, а став женами их победителей, они тем самым лишаются того, что прежде было их собственностью. Приняв это во внимание, воины решили, что им не следует уступать Соломону, который хотел приписать эти земли или казне, или дому василевса. Он говорил им, что рабы и все остальные богатства, как обычно, являются добычей солдат, земля же должна принадлежать василевсу и Римскому государству, которое вскормило их и дало возможность стать и называться воинами не с тем, чтобы они сами себе приобретали земли, отнятые у варваров, незаконно поселившихся в Римской державе, но с тем, чтобы эти земли стали государственным достоянием, из которого и им самим, и всем другим обеспечивается пропитание. Такова была одна из причин этого восстания. Вместе с тем имелась и другая, ничуть не менее, если не более, серьезная причина, по которой были приведены в беспорядок все дела в Ливии. Дело в том, что в войске римлян было не менее тысячи солдат арианского вероисповедания. Большинство из них являлись варварами, причем часть из них была из племени герулов. Их вандальские священники особенно подстрекали к восстанию, поскольку им нельзя было больше молиться Богу так, как они привыкли, но им было запрещено исполнение таинств и священных обрядов. Василевс Юстиниан воспретил христианам, не принявшим православия, исполнять обряд крещения или приобщаться

других таинств»¹. Третьим фактором стали вандалские воины, увезенные Велисарием на Восток (всего числом около пяти тысяч). Четыре сотни из них захватили корабли и заставили матросов отвезти их обратно в Африку. Пристав в безлюдном месте, они высадились на берег и частью соединились с маврами, а частью стали подстрекать к мятежу солдат Юстиниана, среди которых было много ариан-германцев.

Так или иначе, гарнизон Карфагена возмутился. После гибели одного из начальников виновные в этом воины, «отведав убийства и крови... стали убивать всякого, кто попался им на пути, будь то ливиец или римлянин, если только он был сторонником Соломона, либо если у него при себе были деньги. Затем они начали грабить город, входя в дома, и там, где не встречали отпора со стороны солдат, забирали все самое ценное, пока их не успокоили наступившая ночь и сменившее их возбуждение пьянство»². Соломон с будущим историком Прокопием бежал морем в Сиракузы, к Велисарию.

Восставшие провозгласили командующим простого воина Стоцу, «человека смелого и предприимчивого»³. Почти вся армия (восемь тысяч человек) поддержала его, и Стоца осадил Карфаген, за стенами которого спрятались немногочисленные верные императору войска. К мятежникам пришли и около тысячи вандалов, включая тех, кто бежал с кораблей. Велисарий, узнав о случившемся, немедленно сел на корабль и приплыл обратно. Напуганные известием о прибытии своего бывшего командира воины Стоцы отступили от стен города. Велисарий нагнал их и разбил, захватив построенный ими лагерь (мятеж мятежом, а воинский устав римские солдаты блюли, даже взбунтовавшись). Там оказались одни женщины, из-за которых начался мятеж, и можно себе представить, что им довелось испытать, — ибо Велисарий отдал лагерь на разграбление.

Стоило только стратигу второй раз покинуть африканский берег ради италийской кампании, как восставшие возобновили боевые действия. Помимо вандалов, Стоца принимал в свою армию и рабов, бежавших от владельцев, и новых дезертиров, благодаря чему его войско усилилось. Когда в Карфаген прибыли двоюродный брат василевса

¹ «Война с вандалами». 2. XIV. Цит. по: *Прокопий*. Войны. С. 227.

² Там же. С. 229.

³ Там же. С. 230.

Герман и новый префект претория Африки Симмах, выяснилось, что верность императору сохранила не более трети армии. Обещания амнистии и выплаты долгов по жалованью привели к тому, что часть солдат вернулась, — но не все. Оставшиеся были разбиты в тяжелом конном бою в Нумидии, где обе армии смешались и, будучи одинаковыми по языку и вооружению, отличали друг друга только благодаря паролем. При этом Стоца, избежав гибели, с оставшимися сторонниками скрылся в Мавритании. Герман устранил и другой заговор во главе с его собственным копьеносцем Максимином, захватившим Карфаген на непродолжительное время зимой 538/539 года. Затем императорского родственника сменил Соломон. Но войска по-прежнему не внушали доверия: где-то у мавров прятался непокоренный Стоца, женившийся на дочери какого-то из местных вождей. Как говорится, угли тлели...

А что же в Европе? Завоевание Африки насторожило италийских готов. Ведь и в Италии ситуация складывалась для них неблагоприятно. Теодорих умер, не оставив сыновей. Согласно воле короля власть получил десятилетний сын его дочери Амаласунты, Аталарих. Мать стала при нем регентшей, что являлось вполне приемлемым для римлян, но вряд ли подходило для германцев. Понимая это и желая сохранить существующее положение дел, Флавий Магн Кассиодор, остававшийся главным лицом в гражданском управлении при Амаласунте, подготовил и направил в Константинополь письмо за подписью Аталариха. В нем молодой король, напоминая о почестях, оказанных в Константинополе его деду и отцу, а также об усыновлении Евтариха Юстином, уверял Юстина в своем почтении и просил опеки и дружбы «на тех условиях, на каких ваши предшественники имели договор с блаженной памяти дедом нашим»¹. Впрочем, сам юноша не унаследовал добродетелей своего великого деда: любил выпить и оказался вообще человеком вздорным и конфликтным. Дошло до того, что его мать была готова бежать в Константинополь и на этот случай даже заблаговременно выслала корабль с золотом и драгоценностями в Диррахий. Изнурился всякими излишествами, молодой король скончался 2 октября 534 года — как раз в то время, когда победоносный Велисарий закончил африканскую кампанию и вернулся ко двору. Амаласунта понимала, что ее единоличную власть знатные

¹ Успенский, 2011. Т. 1. С. 275.

готы не примут: не только из-за политических разногласий, но главным образом потому, что она женщина. Поразмыслив, она разделила власть со своим кузеном Теодатом, жившим где-то в Тусции как частное лицо. Но вместо родственного союза королева весной 535 года обрела сначала заточение на одном из островов центральноиталийского озера Больсена, а затем и смерть от рук убийц. Чтобы не проливать благородной королевской крови, ее задушили в бане (в «Тайной истории» Прокопий постарался приписать убийство интригам Феодоры, которая якобы опасалась прибытия этой красивой женщины ко двору Юстиниана, видя в ней угрозу для себя).

Как и в случае с парой Ильдерих — Гелимер, такой поворот дел давал Константинополю формальный повод для войны: ведь Амаласунта была признанной союзницей, а Теодат — нет. Об этом совершенно определенно написал Иордан, современник тех событий: «Когда об этом услышал Юстиниан, император Восточный, он был так потрясен, будто смерть его подопечных обращалась на него самого как оскорбление. В это же время через преданнейшего ему патриция Велезария он одержал победу над вандалами и тотчас же, без замедления, пока оружие еще было обогрено вандалской кровью, двинул против готов войско из Африки, предводительствуемое тем же вождем»¹.

Кампания предполагала нанесение двух ударов. Основной, порученный Велисарию, намечался с юга, с Сицилии. Вторая армия вторгалась во владения готов пешим путем, в Далмацию. Ею командовал магистр войск Иллирика Мунд².

Операция сопровождалась и внешнеполитическими мерами: Юстиниан заключил договор с одним из королей франков, Теодибертом, чьи владения лежали у границ с готами. В итоге, когда Теодат кинулся искать союзников на западе, у него возникли проблемы.

В разгар подготовки ромеев к италийской кампании гунны-кутригуры напали на Фракию, но спешно вызванный с Востока Сита справился с ними. Битва произошла в низовьях притока Дуная Янтры, неподалеку от крепости Новы.

¹ Гетика. С. 120.

² Он, кстати, был первым и самым талантливым из готских военачальников, перешедших на сторону Юстиниана после смерти Теодориха. Но к чести Мунда нужно отметить, что он поменял флаг не после начала войны, а задолго до.

Начав поход в июне 535 года, ромеи заняли Сицилию и Далмацию, что называется, в момент. Непокойно стало и в самом Риме: ведь существование остготов и римлян было далеко не безоблачным. Теодат, будучи мастером интриги, но отнюдь не полководцем, затеял переговоры о мире. Сперва он согласился отдать Юстиниану Сицилию, ежегодно выплачивать 300 либр золота, выставлять по первому требованию три тысячи солдат и торжественно признать верховенство константинопольского владыки (так, чтобы статуи одному Теодату не ставились — только вместе с императорскими; чтобы при торжествах имя Юстиниана провозглашалось бы первым, а возведение человека в ранг сенатора или патрикия делалось бы не самостоятельно королем, а императором по его просьбе). Затем же он вообще готов был отречься от престола в обмен на имения и ежегодные выплаты в 1200 фунтов золота¹. Однако в конце года Мунд пал в стычке под Салоной, а затем в Африке вспыхнул солдатский мятеж и Велисарий быстро отправился туда. Теодат воспрял духом и велел прямо в Равенне арестовать императорского посла Петра. Это случилось в апреле 536 года, но уже летом византийцы выбили остготов из Далмации, а Велисарий вернулся на Сицилию.

В Константинополе в это время находился римский папа Агапит. Тотила поручил ему посольство к императору, надеясь на авторитет епископа. Однако сан посла определил и характер миссии: Агапит занялся не только политической, но и делами веры. Для начала он потребовал удаления с константинопольской кафедры патриарха Анфима как не вполне православного, ибо тот уклонялся от признания Халкидонского собора, да и, судя по всему, начал плотно общаться с низложенным антиохийским патриархом Севиром, ранее прибывшим в Константинополь. Римская «Книга пап» (*Liber Pontificalis*) содержит один легендарный диалог. Когда папа стал в очередной раз отстаивать перед Юстинианом необходимость смещения Анфима, император, не хотевший этого делать, пригрозил:

— Отправишься в ссылку, дерзкий!

На что Агапит выпалил:

— Я желал приехать к христианнейшему императору Юстиниану, и вот передо мной — Диоклетиан. Однако твои угрозы меня не запугают!²

¹ *Проконий*. Война с готами. I. 6: Т. I. С. 37.

² *Карташев*, 1994. С. 332—356.

Василевс проявил величие и мудрость: он отступил, не смотря на то, что императрица Феодора покровительствовала монофиситам, и сместил Анфима. На его место весной 536 года возвели столичного пресвитера Мину.

Агапит и новый патриарх стали готовить очередные репрессии против монофиситов — прежде всего монахов одного из столичных монастырей. В самый разгар этих приготовлений римский епископ умер, но Мина собрал-таки поместный собор и анафематствовал своего предшественника вместе с рядом видных епископов Востока (в том числе находившихся в столице). В ходе одного из заседаний патриарх весьма однозначно заявил нечто, граничившее с подобострастием: «Подобает, дабы ничто из того, что обсуждается в Святой церкви, не противоречило воле и повелению [императора]»¹. После этого, как отметил Евагрий, «во всех Церквах открыто проповедуют Халкидонский собор и никто не осмеливается подвергать его анафеме, а мыслящих иначе тысячами способов принуждают придти к согласию»². Юстиниан подтвердил проклятия своим указом (42-я новелла, август 536 года), кого-то из осужденных сослал, Анфим же исчез бесследно. Много позже, после кончины Феодоры, его нашли в одном из помещений ее дворца: императрица якобы спрятала опального патриарха (нарушив закон мужа, воспрещавший ему жить в столице), и более десяти лет никто не выдавал ее тайны! Феодора немало поспособствовала и тому, чтобы низложенного в конце 537 года за неприятие Халкидонского собора александрийского патриарха Феодосия вместе с тремя сотнями монофиситствующих монахов сослал в достаточно комфортное место (столичный пригород Деркон на Черном море). Позднее, ее же стараниями, им вообще позволили переехать во дворец Хормизда. Таким образом, буквально под боком у Юстиниана и Мины продолжил действовать «штаб» еретиков. Давний (с Юстиновых времен) и стойкий противник халкидонского вероисповедания, епископ Теллы Иоанн бар Курсус бежал оттуда на восток и, перейдя границу с Ираном, начал поставлять монофиситских священников и диаконов. Через несколько лет персы выдали Иоанна византийским властям, но создание альтернативной православия монофиситской иерархии продолжил знаменитый Иаков Барадей, в помощь которому из Деркона прибыли

¹ Дагрон, 2010. С. 377.

² Евагрий. IV. 11. С. 289.

от Феодосия уже два епископа. Так была заложена основа сиро-яковитской церкви, существующей и поныне¹.

Со смертью Агапита застопорились и мирные переговоры с италийскими готами, что, впрочем, Юстиниану было только на руку. Осенью византийцы перешли в наступление на юге Италии. Охранявший Мессинский пролив готский военачальник перешел на сторону врага. Этот человек был зятем Теодата, и случившееся не прибавило популярности королю. Прокопий рассказывал, что, по совету какого-то еврея, король решил погадать на свиньях: взял три группы по десять поросят, одну назвал готами, другую — римлянами, третью — императорскими воинами — и оставил на несколько дней. По окончании срока из «готских» поросят выжили лишь двое, из «римских» — половина (причем у них вылезла щетина), а «императорские» уцелели почти все. Теодат пришел в уныние: он понял, что византийцы победят, римляне вымрут наполовину и обеднеют, а готы вообще проиграют войну. Остроумием же иудея остается лишь восхититься. В середине ноября, после двадцатидневной осады, в руки византийцев перешел главный город Кампании Неаполь. В момент, когда пробравшаяся по водопроводу в город группа смельчаков-исавров открыла изнутри ворота и на улицы ворвались солдаты Велисария, готский гарнизон сдался.

Падение Неаполя изменило ситуацию кардинально. Теодат уже окончательно потерял авторитет, соплеменники подозревали его в трусости, измене и думали, что Бог от него отвернулся. В том же ноябре король бежал и пал от рук своих же подданных неподалеку от Рима, в каком-то небольшом городе. На его место готы избрали военачальника Витигиса, незнатного человека, начинавшего карьеру простым солдатом.

Армия Велисария шла к Риму. Витигис, в отличие от Теодата, человек в ратном деле опытный, решил покинуть гигантский город, который ему было нечем защищать. За сдачу города стоял и избранный незадолго до этих событий папа Сильверий. Король отправился в Равенну, собирая силы и параллельно договариваясь с франками хотя бы о нейтралитете. Это ему удалось, но платой, помимо 20 кентинариев золота, стал отказ от Прованса. Впрочем, Витигис не имел выбора: спешно стягивая в Италию гарнизоны всех южногаллийских крепостей, он оставлял их без защиты, и,

¹ Иная точка зрения: ПЭ. Т. XX. С. 522; *Грацианский*, 2016.

даже если бы договор не заключили, захват их франками был неизбежен.

Тем временем Велисарий появился у Рима. Витигис оказался прав: судя по тому, как восторженно встретили жители отряды Юстиниана, готы не смогли бы удержать город.

В ночь с 9 на 10 декабря 536 года через одни ворота Аврелиановой стены (Фламиниевы, на северо-западе) Рим покидал четырехтысячный готский гарнизон, а в другие (Porta Asinaria, «Ослиные», на юго-востоке) входили византийцы¹. И здесь начальник готов, оставив солдат, перешел на сторону врага. Спустя непродолжительное время Велисарию сдался правитель Самния. Он передал византийцам часть вверенных ему территорий, прилегавших к Адриатическому морю.

С элитой готов было что-то явно не так. Кончина Теодориха, правившего ими более полувека, высвободила разрушительные силы, с которыми покойный король справиться не мог, но которые умел подавлять. Обычная беда длительного правления: уход долгое время не сменявшегося лидера «сносит крышку котла». Убийство Амаласунты и Теодата, измены военачальников и простых солдат, бунты римских граждан, недовольных кичливыми варварами, явились признаками распада готской державы. А тут еще Витигис, желая добавить себе легитимности, женился на дочери Амаласунты, Матасунте. Причем сделал это против ее воли. А женщины испытывают к насильникам ненависть, даже если изнасилование скреплено брачными узами. Следовало принять во внимание и то обстоятельство, что Матасунта была особой королевских кровей и имела соответствующие представления о свободе и чести. В общем, самоуверенность Витигиса дорого ему впоследствии обошлась.

Получив ключи от римских ворот, Юстиниан пришел в восторг. Снова римский император владел столицами Востока и Запада!

Однако победы в далекой Италии омрачались тревожными событиями, происходившими чуть ли не под стенами Константинополя. В 539 году кочевники (Феофан называет их болгарами, Прокопий — гуннами) форсировали Дунай. Направленный против них полководец Юстин погиб, варвары захватили 120 тысяч пленных, а один их отряд сумел даже

¹ *Прокопий*. Война с готами. I. 14. Т. 1. С. 68. И Фламиниевые, и Ослиные ворота, хотя и изрядно перестроенные, стоят в Риме до сих пор. Вечный город!

переправиться через Геллеспонт и ограбить азиатское побережье¹. Варвары были разбиты войсками Скифии и Фракии, но затем гунны-болгары вновь разгромили ромеев, причем магистра войск Фракии Годилу едва не поймали арканом, но тот перерезал веревку и спасся. Лишь ценой огромных усилий византийцам удалось отбросить варваров за Дунай. Императору даже пришлось выкупать за немалую сумму в 10 тысяч номисм одного из своих попавших в плен военачальников, Констанциола. Прокопий особенно отметил, что дикари взяли укрепленный город на полуострове Халкидика, Кассандрию (Потидею), хотя ранее городов брать не умели.

Помимо выдачи распоряжений, касавшихся хода военных действий, Юстиниан находил возможность заниматься сугубо гражданскими делами. Наряду с кодификацией римского права он продолжал обширное строительство. Было начато подновление (а лучше сказать — возведение заново) крепостей на Дунае. Напротив Нов, бывшей столицы остготов, император повелел восстановить два укрепления (Литтерату и Рецидаву) и потому был вправе в 535 году заявить (2-я новелла), что владеет обоими берегами Дуная (с Божьей помощью, разумеется).

По-прежнему отстраивал Юстиниан и Константинополь, который именно тогда стал не просто главным по статусу, но и во всех смыслах самым значимым городом Византии, Полисом с большой буквы. Портки и рынки, цистерны и храмы, Большой дворец и ипподром — все это или ремонтировалось, или строилось заново. Сгоревшую во время «Ники» Халку перестроили, украсив мрамором и мозаиками с изображениями Юстиниана и Феодоры и побед византийского оружия. Восстановили часы (орологий), украшавшие Августеон, перенесли их ближе к Милию.

От комплекса зданий Большого императорского дворца (он начал возводиться ранее, но был серьезно реконструирован как раз в середине VI века) до нашего времени дошли только фундаменты, подземелья и полуразрушенные аркады встроенных в оборонительную стену помещений на берегу Босфора². А вот три грандиозных храма — Свя-

¹ «Война с персами». 2. IV. См.: *Прокопий*. Войны. С. 80.

² Комплекс сооружений, именуемый Большим императорским дворцом, строился в Константинополе веками. Дворец пришел в упадок еще в византийское время, а во времена турецкого владычества был мало-помалу разобран до основания. Привязка ныне обнаруженных остатков фундаментов, мозаичных полов и подвалов к конкретным помещениям и их датировка — предмет дискуссий.

тых Сергия и Вакха (с османского времени и сегодня — мечеть), Святой Ирины (в османское время — арсенал, сейчас — концертный зал и музей) и, наконец, Святой Софии (в османское время — мечеть Айя-София, с 30-х годов XX века — музей) — стоят в Стамбуле и ныне. Все они — шедевры зодчества, восхищающие даже сейчас, будучи, по большей части, лишены своего декора.

Но Святая София среди них — самая настоящая жемчужина. Сооружать ее Юстиниан начал сразу после подавления «Ники»: одноименная церковь, возведенная на этом месте при императоре Феодосии II, тогда сгорела, и император решил не восстанавливать старое, а создать храм, который превосходил бы все известные образцы. Не желая делить славу ни с кем, он отказался использовать частные средства, приняв, согласно дошедшим до нас легендам, лишь два таких пожертвования — оба почему-то от вдов. Первая, римлянка Марция, прислала из Рима восемь порфировых колонн. В VI веке навык выделки колонн из этого твердого, сложного в обработке камня империя утратила — пришлось довольствоваться старыми. Вторая, по имени Анна, не хотела расставаться со своим земельным участком, понадобившимся Юстиниану под строительство, но когда василевс лично явился к ней, прося продать землю, отдала ее бесплатно, лишь испросив для себя разрешение быть похороненной под полом будущего собора. Заметим, что сюжет с приношением вдовицы — древний, вызывавший у средневекового человека самые разные ассоциации — от параллели между Юстинианом и Христом до параллели (несколько зловещей) между Святой Софией и храмом Соломона в Иерусалиме, от которого не должно было остаться и «камня на камне»¹.

В течение почти шести лет несколько тысяч рабочих под руководством Анфимия из Тралл, «в искусстве так называемой механики и строительства самого знаменитого не только из числа своих современников, но и даже из тех, кто жил задолго до него», и Исидора из Милета, «во всех отношениях человека знающего»², под непосредственным наблюдением самого августа, заложившего в основание

¹ Рассуждения об этих параллелях см.: *Дагрон*, 2010. С. 271.

² «О постройках». I. I. См.: *Прокопий*. Война с готами. Т. 2. С. 209. Подробные сведения об Анфимии и забавную историю о том, как он с помощью механики отомстил соседу, об Исидоре см. в: *Агафий*. V. 6—8. С. 178—180.

постройки первый камень и приходившего на строительство каждый день, возвели здание, по сей день поражающее воображение. Достаточно сказать, что более высокие строения появились в Европе лишь через 600 лет¹, а купол большего диаметра (у Святой Софии он составляет 31,4 метра) был сооружен там лишь девять веков спустя². Решая задачу сооружения купола над гигантской базиликой, Анфимий и Исидор придумали небывалую ранее систему малых полукуполов, поддерживающих большой и принимающих давление от его колоссальной массы. Мудрость архитекторов и аккуратность строителей позволили гигантскому сооружению более четырнадцати с половиной веков простоять в сейсмически активной зоне³. Люди, сотворившие такое чудо, достойны прославления в веках. Все — от рабочих, носивших на своих плечах известь и кирпичи, до руководителей: Анфимия, Исидора и, конечно же, Юстиниана и Феодоры как заказчиков. Да-да, Феодоры тоже: хотя это и не зафиксировано в письменных источниках, но капители колонн наоса украшены вырезанными в ажурном мраморе инициалами не только императора, но и императрицы.

Чтобы появляться на строительной площадке тайно и неожиданно, Юстиниан повелел сделать крытый переход, диабатик, прямо из дворца. В южном нефе императору подготовили специальное помещение (митаторий), где, скрытый завесами, он мог переодеться и отдохнуть. День ото дня василевс приходил и наблюдал за тем, как строился невиданный доселе собор: как готовили раствор, мешая известь не на воде, а на ячменном отваре, добавляя ивовую кору и делая из этой смеси подушку для глыб фундамента;

¹ Линкольнский кафедральный собор (шпиль не сохранился).

² Собор Санта-Мария дель Фьоре, Флоренция, архитектор Филиппо Брунеллески. У построенного в Риме Пантеона Агриппы (I в. до н. э. — II в. н. э.) купол был больше в диаметре — около 43 м, но у Святой Софии он и выше, и сложнее.

³ Еще при Юстиниане (7 мая 558 г.) храм частично обрушился (во время ремонта, понадобившегося после землетрясений октября и декабря 557 г.), но его восстановили (см.: *Феофан*, год 6051. С. 178). Второй раз церковь серьезно пострадала в 989 г.: от землетрясения рухнул купол. Новый купол, сооруженный после этого армянским архитектором Трдатом, стал несколько меньше прежнего. Храм повреждался землетрясениями и позже; серьезный ремонт был в середине XIV в., затем — в XIX в. и уже в наши дни. Сейчас Святая София пребывает явно не в лучшем состоянии, но в 2014 г. ее начали ремонтировать снова.

как возводили массивные столбы, крепя железными скобами каменные блоки и заливая отверстия свинцом; как тем же свинцом прокладывали камни арок — чтобы держали они чудовищный вес перекрытий и купола, не трескаясь; как ставили колонны из порфира и разных цветов мрамора; декорировали стены, полируя мрамор до зеркального блеска; украшали стены резными фризами, а колонны — капителями, выпиленными ажурно с таким искусством, что невозможно было поверить в способность человека сотворить подобное; как монтировали купол, укладывая кирпичи из особой родосской глины: легкие, словно из пемзы, с клеймами «Поможет ей Бог от утра и до утра» и «Бог посреди нас и не подвигнется». После каждой дюжины кирпичей читали молитвы и закладывали в специальные отверстия кусочки мощей, чтобы стояло нерушимо и на века. Следил император и за тем, как устанавливали бронзовые короба, вешали в них резные двери, окованные полированной медью; как устраивали мозаичные своды, подобные небу, выводя цветы и геометрические фигуры: синим, зеленым и бордовым по золотому и синему фону; как выкладывали в тимпанах и оконных арках изящные кресты, выполненные линиями из темно-красной смальты по золотому полю; как набирали полы из мраморных плит, украшая его вставками из другого камня разных цветов; как крепили цепи для светильников и кольца для развешивания занавесей.

И, наконец, когда пришел урочный час, на глазах у императора возвели алтарь, сверкающий золотом, серебром и драгоценными камнями, а над ним в своде купола выложили гигантский мозаичный крест.

Есть легенда о том, что, контролируя постройку каждый день, василевс ромеев взял за правило выдавать дополнительные средства той из бригад строителей, которая в этот день выполнила больший объем работ. Такое соревнование стимулировало гораздо сильнее, чем страх наказания, — и храм появился за неполные шесть лет! Прокопий, лстя императору, писал, что тот сам дал несколько ценных в инженерном отношении советов, хотя никогда не занимался архитектурой¹. По словам историка, Юстиниан приказал спешно достроить до конца свод арки, у которой

¹ «О постройках». 1. 1. См.: *Прокопий*. Война с готами. Т. 2. С. 153, 154. Прокопий в панегирике говорит и о том, что император лично исчислил пропорции храма Богородицы в Иерусалиме (Там же. С. 269).

начал разрушаться фундамент: чтобы, после соединения частей свода, образовавшаяся дуга перераспределила вес и разрушение прекратилось. Так и вышло. А когда из-под колонн, испытывавших чудовищную нагрузку, стали выпадать камни, император, наоборот, приказал снять тяжелый архитрав и замедлить работы, чтобы раствор высох лучше: после этого снятые блоки смонтировали вторично без проблем.

Будучи главным зданием Византии, Святая София породила огромное множество легенд.

Пожалуй, одним из самых интересных является рассказ о том, как император перехитрил ангела¹. Вот как это случилось. Как-то раз, собираясь на обед, мастер по имени Игнатий оставил сына-подростка сторожить инструменты, строго наказав никуда не уходить. Когда все рабочие удалились, к юноше (которого звали Исайя) приблизился некто, по виду — дворцовый евнух в белых одеждах, с каким-то странным, огненным взглядом. Незнакомец строго спросил, почему никто не работает, не делает «Божьего дела», и потребовал, чтобы Исайя побежал за рабочими и поторопил их. Но мальчик ответил, что не имеет права покинуть это место, иначе инструменты могут пропасть. Евнух поклялся, что никуда не уйдет и сам будет все охранять, пока мальчик не вернется. Исайя поверил незнакомцу, побежал за отцом и рассказал о странном просителе. Отец заподозрил что-то необычное, нашел императора, который тоже на скорую руку обедал на стройке, и сообщил ему о случившемся. Юстиниан немедленно приказал созвать всех придворных евнухов, чтобы Исайя опознал незнакомца. Собрались все без исключения, но мальчик никого не признал. Юстиниан, конечно же, понял, что незнакомец был ангелом, и запретил Исайе возвращаться на стройку, отправив его чуть ли не в Рим. Так ангел, связанный клятвой, остался охранять Святую Софию навсегда. Считалось, что он пребывал на юго-восточном столбе галереи второго этажа собора до вечера 21 мая 1453 года. Тогда, накануне последнего штурма Города османами, хранитель в виде огненного столба вознесся на небо, и всем стало ясно, что Город падет: «В двадцать первый же день мая за грехи наши явилось страшное знамение в городе: в ночь на пятницу озарился весь город светом, и, видя это, стражи побежали посмотреть, что случилось, думая, что турки подожгли го-

¹ Сказание о Софии. С. 367, 368.

род, и вскричали громко. Когда же собралось множество людей, то увидели, что в куполе великой церкви Премудрости Божьей из окон взметнулось огромное пламя, и долгое время объят был огнем купол церковный. И собралось все пламя воедино, и воссиял свет неизреченный, и поднялся к небу. Люди же, видя это, начали горько плакать, взывая: «Господи помилуй!» Когда же огонь этот достиг небес, отверзлись двери небесные и, приняв в себя огонь, снова затворились»¹.

27 декабря 537 года, в день освящения собора², из дворца вышла торжественная процессия во главе с императором. Когда чин завершился, Юстиниан обошел здание, оставил позади себя патриарха Мину, вбежал в одиночестве под купол и в экстазе воскликнул: «Слава Богу, удостоившему меня совершить такое дело. Я победил тебя, Соломон!»³ Чтобы параллель была яснее, неподалеку, на площади Базилика, возле библиотеки, соорудили статую того самого Соломона, взывавшего на творение василевса.

Превзойти иерусалимский Соломонов храм Святая София должна была не только размерами и смелостью технических решений, но и невиданной по красоте и богатству внутренней отделкой. Любой, имеющий возможность посетить ее сегодня, может убедиться, что для декора стен, столбов, пола и потолка усилий не жалели. Качество работы по камню, в основном мрамору, — изумительное. Если мастера распиливали плиту, то обе половинки разворачивали и помещали рядом так, что узор получался симметричным, словно крылья бабочки. Полы набирали из разных сортов камня, формируя сложный рисунок, смысл многих деталей которого — уже загадка и предмет дискуссий. Одних только сортов мрамора для изготовления колонн и плит облицовки было использовано двенадцать, разных цветов: зеленого, черного, розового, желтого. Основным стал мрамор

¹ Из «Повести о взятии Царьграда турками» Нестора Искандера, см.: Библиотека... С. 243.

² Анфимий и Исидор под руководством Юстиниана воздвигли это уникальное инженерно-техническое сооружение за 5 лет, 11 месяцев и 10 дней, пользуясь обычными средствами VI в. Для сравнения: работы по реконструкции Большого театра в Москве в XXI столетии велись 6 лет и 3 месяца.

³ Цит. по: *Васильев*, 1998. Т. 1. С. 260. «Отторгнувшись от патриарху руку, дотече до амбона», — экспрессивно передал этот эпизод древнерусский книжник, который, правда, вместо Мины упомянул Евтихия (Сказание о Софии. С. 371).

мор местный, проконнесский: снежно-белый с черными прожилками, добываемый и сегодня (остров Проконнес теперь называется Мармара). Потолки покрыла орнаментальная мозаика, остатки которой местами сохранились до наших дней (самые известные мозаики Святой Софии с изображениями архангелов, патриархов, Богоматери и императоров — более поздние). Амвон, алтарная преграда, киворий были серебряными, жертвенник под киворием — из золота, украшен драгоценными камнями; золотым был и крест, венчавший киворий: он поднимался из укрепленной наверху чаши. Все это богатство было расхищено крестоносцами в 1204 году.

Юстиниан якобы хотел даже стены сделать из чистого золота, но его остановила высказанная кем-то из советников мысль, что металл снимут, когда возникнет нужда в средствах, а храм после этого разберут.

Вокруг алтарного престола красовалась большая, украшенная драгоценными камнями посвятельная надпись от имени царственной четы, начинавшаяся с литургической фразы, которую сохранил писатель XI века Георгий Кедрин: «Твоя от Твоих мы приносим Тебе, Твои, Христе, рабы Юстиниан и Феодора: милостиво прими сие, Сыне и Слове Божий, за нас воплотившийся и распятый, и сохрани нас в вере Твоей православной, — и государство, которое Ты нам вверил, умножи во Свою славу, и сохрани предстательством Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии»¹. Алтарь впоследствии задрапировали шелковыми тканями, на которых ремесленники константинопольских эргастриев искусно вышили изображения Юстиниана и Феодоры, благословляемых Христом и Богородицей². Но не только работники по шелку украшали храм: на снабжение и пополнение казны Святой Софии работали 1100 мастеровских, владельцы которых были освобождены от прочих повинностей!

Зодчие тщательно продумали и такой аспект, как освещенность собора. Западная часть, нартекс, где должны стоять грешники, была затемнена. Центральная часть, наос, освещалась большим числом окон, и чем ближе к куполу и святому месту, алтарю, тем светлее. Даже сейчас, когда из 215 окон, бывших там ранее, заложено и заслонено контрфорсами более тридцати, внутреннее пространство

¹ Курганов, 2015. С. 43.

² Матвеева, 2015. С. 123, 148.

словно купается в лучах солнца. Когда заходило солнце, зажигались светильники, многие из которых были сделаны из чистого серебра. Купол же, невиданных размеров, будто покоился на кольце света, льющегося из сорока окошек барабана, — и с земли казалось, будто он не держится на чем-то вещественном, а свисает прямо с неба, как выразился Прокопий, — на золотой цепи.

Даже сейчас, с утраченными по большей части мозаиками, без драгоценного алтаря и без стоявшей рядом колонны с конной статуей Юстиниана, это здание служит памятником той эпохе и тем людям, вечным символом Византии. Это ясно понимали и наши предки. Святая София произвела неизгладимое впечатление на русов, когда они, готовясь к выбору религии, прибыли в Константинополь (во всяком случае, так гласит предание): «И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать»¹.

«Прошу у твоего мудролюбия, чтобы ты красками написал мне изображение великой этой церкви, Святой Софии в Царьграде, которую воздвиг великий царь Юстиниан, в своем старании уподобившись премудрому Соломону. Некоторые говорили, что достоинство и величина ее подобны Московскому Кремлю, — таковы ее окружность и основание, когда обходишь вокруг. Если странник войдет в нее и пожелает ходить без проводника, то заблудится и не сможет выйти, сколь бы мудрым ни казался он, из-за множества столпов и околостолпий, спусков и подъемов, проходов и переходов, и различных палат и церквей, лестниц и хранилищ, гробниц, многообразных преград и приделов, окон, проходов и дверей, входов и выходов, и столпов каменных. Упомянутого Юстиниана напиши мне сидящего на коне и держащего в правой своей руке медное яблоко, которое, как говорят, такой величины и размера, что в него можно влить два с половиной ведра воды. И это все вышесказанное изобрази на книжном листе, чтобы я положил это в начале книги и, вспоминая твое творение и на такой храм

¹ ПВЛ, под годом 6495 (987). С. 186.

взирая, мнил бы себя в Царьграде стоящим», — риторически восклицал книжник начала XV века Епифаний Премудрый, обращаясь к иконописцу Феофану Греку¹.

Прошло шестьсот лет, и в издательстве Сабашниковых вышел путеводитель, написанный великим французским историком Шарлем Дилем. В великолепном переводе О. Анненковой он стал шедевром описания собора (тогда — еще мечети): «Возможно, что извне, если смотреть между тяжелыми контрфорсами, поддерживающими ее пошатнувшиеся стены, Св. София кажется посредственной и незначительной; но войдите в царскую дверь, через которую проходили некогда пышные шествия императоров, взойдите под гигантский и в то же время столь легкий и светлый купол, который является навеки непревзойденным образцом византийского искусства, взгляните на пышность многоцветных мраморов, которыми выложены стены, на золотой блеск мозаик вверху куполов, на трепетную и пышную гармонию искусно подобранных красок, и вы неизбежно будете потрясены этим глубоким и волнующим величием. И тогда кажется не важной турецкая обстановка мечети, заменившая собой драгоценности алтарей и иконостасов; не важны большие зеленые доски, расцвеченные золотыми буквами, тяжело посаженные на изгибах аркад; и даже не важен турецкий цемент, частью закрывающий сверканье золотых мозаик: среди этой красоты дух без усилия вспоминает исчезнувшие времена, когда в христианской Византии Великая церковь, как говорили тогда, являлась центром политической и религиозной жизни Империи; и снова, словно во сне, обширные нефы наполняются движущейся и торжественной толпой шествий и церемоний; проходят образы императоров, такие, как вы их видите в Равенне, на стенах св. Виталия, Юстиниан и Феодора, во всем блеске их величия, и еще другие, Дуки, Комнены, Палеологи, которые некогда столь храбро защищали против ислама “город, хранимый Богом”, и в уединении великой базилики вы чувствуете, как в сердце медленно поднимается как бы смутное сожаление об исчезнувшем прошлом, как бы неясное желание, чтобы наступил день, когда в Св. Софии, возвращенной ее древнему христианскому великолепию, вселенский патриарх снова, как некогда, встретил бы императора»².

¹ Цит. по: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4992>.

² Диль, 1915. С. 229, 230.

Неясно, случайно или нет, но именно с 537 или 538 года меняется иконография основных монет Византии: золотых солидов и меди (фоллисов и их фракций). На смену портрету императора в три четверти с копьем (солиды) или в профиль (медные монеты) приходит единый тип: император в шлеме с гребнем гордо смотрит в фас, поднимая в правой руке державу с крестом — предмет, на века ставший главной инсигнией государя в Византии и вообще в христианском мире.

По случаю освящения храма Юстиниан устроил великий праздник. Следуя древней, давно позабытой традиции, заклали жертвенных животных — по 10 000 кур и петухов, 6000 овец, 1000 волов, 1000 свиней, 600 оленей (где их только изловили в таком количестве?); раздали бедным 30 000 мер зерна (около 15 тонн). Пир длился до 6 января, более двух недель¹.

Между тем из Италии приходили тревожные вести: война там, в отличие от строительства главного храма империи, была далека от завершения и вовсе не так успешна. Собрав все силы и обретя почти десятикратное превосходство, в начале марта 537 года Витигис запер византийцев в Риме. Велисарий укрепил ворота, заложил водопроводы (чтобы никто из врагов не мог проникнуть в город) и приготовил боевую технику, которой у него было, как выяснилось, немало. Он «поставил на своих башнях машины, которые называются балистрами. Эти машины имеют вид лука; снизу у них выдается, поднимаясь кверху, выдолбленный деревянный рог; он движется свободно и лежит на прямой железной штанге. Когда из этой машины хотят стрелять в неприятелей, то, натягивая при помощи короткого каната, заставляют сгибаться деревянные части, которые являются краями лука, а в ложбинку рога кладут стрелу длиной в половину тех стрел, которые пускаются из обыкновенных луков, толщиной же больше в четыре раза. Перьями, как у обычных стрел, они не снабжены, но вместо перьев у них приделаны тонкие деревянные пластинки, и по внешнему виду они совершенно похожи на стрелу. К ней приделывают острый наконечник, очень большой и соответствующий ее толщине; стоящие по обе стороны при помощи некоторых приспособлений с великим усилием натягивают тетиву, и тогда выдолбленный рог, двигаясь вперед, выкидывается и с такой силой выбрасывает стрелу, что ее полет

¹ Сорочан, 2015. С. 251.

равняется минимум двойному расстоянию полета стрелы из простого лука, и, попав в дерево или камень, она легко его пробивает. Эта машина названа таким именем потому, что действительно она очень хорошо стреляет (“баллей”). Другие машины, приспособленные к бросанию камней, он поставил наверху укреплений; они похожи на пращи и называются “онаграми”. В воротах же с внешней стороны они поставили “волков”, которых они делают следующим образом. Ставят две решетки, идущие от земли до верха укреплений, положив обделанные деревянные брусья одни на другие [накрест], одни прямо, другие поперек, так, чтобы отверстия посередине соединений у обеих решеток совпадали друг с другом. Из каждого соединения выдается острие, совершенно похожее на широкий шип. Поперечные брусья прикрепляют к той и другой решетке, причем верхнюю часть решетки на шарнирах они спускают на половину высоты стены, нижнюю же половину прислоняют к воротам. Когда враги подходят очень близко к воротам, то назначенные для этого люди, взявшись за края верхней решетки, сталкивают ее, и она, внезапно упав на близко подошедших к проходам, легко убивает всех, кого бы она ни захватила»¹.

Силы Велисария составляли в начале осады не более пяти тысяч человек: пугающе мало. Тем не менее осада Рима готами длилась более года и оказалась для них безуспешной: Витигис отступил. Причин было две: большие потери и овладение Иоанном, полководцем Юстиниана, Аримином (Римини). Потери во многом объяснялись тем, что Велисарий умел использовать сильные стороны своей небольшой, но опытной армии (в частности, его всадники метко стреляли на скаку из луков) и стремился выдумывать всякого рода хитрости, а варвары просто пытались одолеть числом. Со взятием же Аримина византийцы стали угрожать столице готов (Аримин от Равенны отделяли всего около 50 километров).

Во время осады в Риме произошло важное событие: 18 ноября 537 года папа Сильверий был низложен и отослан на Восток. Епископа обвинили в том, что он и на этот раз хотел сдать Город — только теперь не византийцам, а готам. На самом деле проблема, скорее всего, заключалась в чрезмерной самостоятельности папы (что Юстиниану было не нужно) и в стремлении императора поставить на его место

¹ *Прокопий*. Война с готами. I. 21; Т. 1. С. 88, 89.

фигуру, компромиссную по отношению к монофиситам (что требовалось и Феодоре). Велисарий выполнил поручение, пришедшее из Константинополя: обвинил Сильверия в измене, без следствия и суда организовал его низложение, и уже через три дня в Латеранский дворец въехал Вигилий, бывший папский апокрисиарий в Константинополе. Прибыл он в Рим заранее, что называется, «в армейском обозе» у Велисария. Это была кандидатура, равно угодная обоим венценосцам. Юстиниану — потому как давно славился как человек крайне честолюбивый. Феодоре — поскольку за семь кентинариев золота пообещал ей не чинить препятствий монофиситам и возобновить церковное общение с экс-патриархом Анфимом. Вполне вероятно, что царственные супруги действовали сообща, желая (каждый из своих соображений) ослабить противостояние Запада и Востока, твердого халкидонства, которое олицетворял Рим, и монофиситства. Впрочем, Прокопий считал, что избрание Вигилия произошло далеко не так скоро, а лишь после смерти Сильверия, случившейся через несколько месяцев после низложения.

Весь следующий год отряды Витигиса и Велисария пытались перехитрить друг друга, а полем битвы стали Центральная и Северная Италия. Византийцы получали подкрепления: так в Италии оказался соперник Велисария армянин евнух Нарсес, прибывший вместе с отрядами федератов. Имперский флот блокировал побережье, мешая подвозу продовольствия и переброске готских контингентов морем.

На северные земли Италии стали делать набеги франки и бургунды, которые воевали и против византийцев, и против готов. Король франков Теодиберт ограбил Лигурию, первым делом истребив тех готов, которые встретились ему на пути. Возвращаясь домой летом 539 года, захватчики взяли и разорили Геную.

Ища союзников, готы сумели направить посольство даже к персам. Осенью 539 года два лигурийских священника, в целях конспирации переодетые: один — епископом, другой — его слугой, и их переводчик умудрились добраться до Ктесифона — но Иран не был готов к войне. Явившись к Хосрову, представители готов якобы заявили: «От природы любящий нововведения и перевороты, жаждущий того, что ему никак не принадлежит, он (Юстиниан. — С. Д.) не может мириться с установленным порядком вещей, но хочет объять всю землю и захватить всякое государство. Поскольку

он не мог один выступить против персов или идти войной на других, если персы противостоят ему как враги, он решил обмануть тебя видимостью мира и, одолев других, приобрести себе крупные силы для борьбы с твоей державой. Разрушив уже царство вандалов и покорив маврусию, поскольку готы из-за дружбы с ним находились в стороне, он, собрав огромные богатства и множество людей, двинулся против нас. Ясно, что если ему удастся полностью разбить и готов, он вместе с нами и теми, которые были поработаны ранее, двинется против персов, не вспомнив о дружбе и не стыдясь произнесенных клятв»¹. Излагая доводы готских послов Хосрову, Прокопий вкладывал в их уста слова, недобрые по отношению к Юстиниану. Таким образом историк смог дать критическую оценку императору и его поступкам во вроде бы лояльном к нему произведении.

Обменивались готы посольствами и с франками, однако два германских народа не доверяли друг другу — особенно после вероломного нападения на готские войска на севере Италии.

Тем временем Велисарий добился отзыва Нарсеса, с которым конфликтовал, и осадил Равенну. Юстиниан в Константинополе принял уполномоченных Витигиса, склоняясь кончить войну миром на условиях утраты готами Италии к югу от По. Однако надеявшийся на скорую победу Велисарий не дал на эти условия согласия: судя по всему, он становился в Италии ключевой фигурой. Следующей весной, в мае 540 года, столица державы остготов пала. Витигис сложил с себя власть и подчинился воле византийцев. Рассказывали, что одной из причин, принудивших город к сдаче, стал пожар городского арсенала с запасами продовольствия: якобы подожгли его люди Матасунты, ненавидевшей низкородного мужа-насилльника.

Варвары предложили Велисарию быть их королем, но полководец отказался и отправился в Константинополь — с богатой добычей, пленниками (среди которых были Витигис с Матасунтой) и заложниками. Как и после вандальской кампании, кто-то из окружения послал в столицу донос, обвиняя главнокомандующего в попытке узурпации власти.

То ли поэтому, то ли потому, что времени и впрямь не было, Юстиниан не только не разрешил Велисарию справить второй триумф, но даже не позволил, по обычаю, по-

¹ «Война с персами». 2. II. См.: *Прокопий. Войны*. С. 75, 76.

казать народу добычу. Она была продемонстрирована лишь узкому кругу придворных, а стратига быстро отправили сражаться с персами. Сам же август принял титул «Готский». Витигиса, как и Гелимера, поселили в Малой Азии, где он тихо скончался в покое и достатке через два года. Его вдова Матасунта вышла замуж за патрикия Германа, двоюродного брата Юстиниана.

Равенна стала центром управления византийской Италией. Готы, не желавшие мириться с новой властью, покидали город (чему византийцы не мешали), а их место заняли пришельцы с Востока или из других италийских областей. Готы же обосновались в Вероне и Тицинуме, который стал столицей их администрации. Владения ромеев и готов отделяла река По. После Ильдибада и Эрариха, незначительных королей, правивших не более двух лет, в 541 году правителем остготов стал опытный воин, умный и мужественный человек Тотила (на монетах — Бадуила), племянник Ильдибада. Над Италией вновь нависла угроза войны, руки же Юстиниана были связаны кампанией на Востоке.

Как и в Африке, в Италии восстановили старые римские порядки и началось строгое и повсеместное взискание налогов. Но, в отличие от Африки, завоевание Италии не стало полным: севернее По готы по-прежнему управлялись своей властью, и буквально сразу по отъезде Велисария начались вооруженные столкновения между ними и силами Юстиниана.

Что же касается налогов, то как раз в 538—539 годах Юстиниан издает несколько новелл, из которых видно, что для государства вопрос собираемости средств с населения стоял едва ли не на первом месте. Войны, стройки, выплаты варварам требовали денег, денег и еще раз денег. Этого же требовал император от своих чиновников. Поскольку при любой системе налогообложения конечным плательщиком является народ, финансовое бремя возрастало повсеместно. Разорялись торговцы, ремесленники, куриалы, крестьяне. Они, а также жители территорий, подвергавшихся набегам врагов, оставляли привычный уклад и переселялись в города, где легче было найти работу или благодетелей, обеспечивавших хотя бы бесплатной едой. Это являлось нарушением установленных правил (ведь, согласно законам того времени, ни колон не имел права перестать обрабатывать свою землю, ни ремесленник — покинуть свою коллегия), но происходило массово и повсеместно. Не следует сбрасывать со счетов и жителей окраин, диких

гор и пустынь, стремившихся в центральные провинции, в города — просто за лучшей долей. Конечно же, главным магнитом для переселенцев был Константинополь. Еще в 535 году Юстиниан описал данное бедствие в одной из своих новелл и вместо ночного епарха ввел должность народного претора, расширив его полномочия для наблюдения за новопереселенцами. Прошло четыре года, и наплыв обездоленных в столицу оказался таким, что пришлось вводить еще одну должность — квеститора, в обязанности которого входило следить за состоянием нравов: ведь пришлый элемент по-другому мыслил и вел себя. «Известно нам, что провинции постепенно лишаются собственных жителей, великий же этот наш город постоянно осаждается различными людьми, покинувшими свои города и бросившими земледелие»¹, — писал император в преамбуле к соответствующей новелле (80-й). К тому же многие из пришлых людей были полуварварами, еле говорившими по-гречески, или вообще стопроцентными варварами. Жители Константинополя в этом смысле, наверное, переживали то же самое, что и мои московские современники на рубеже 2000-х годов: город менялся на глазах. Квеститор имел право суда и мог при необходимости удалить из Константинополя проштрафившихся. Ну и на всякий случай в 539 году император выпустил новеллу, усиливавшую ответственность за продажу оружия частным лицам (85-ю). При обнаружении оружия его предписывалось отбирать в пользу казны, а продавца наказывать. В том же году 79-й новеллой монахи и монахини были освобождены от подсудности гражданской власти по делам об имущественных исках, которые теперь надлежало рассматривать суду епископа.

* * *

В очередной раз напав на Фракию, гунны-кутригуры и славяне в 540 году дошли до предместий столицы, вызвав среди ее жителей небывалую панику. Небольшой отряд варваров сумел даже переправиться через Дарданеллы. Затем они опустошили Грецию (кроме Пелопоннеса) и ушли домой. Но и этот дерзкий набег померк в сравнении с тем, что творилось на восточной границе.

В конце зимы 540 года случилось то, чего Юстиниан опасался: Иран нарушил мир. Выставив в качестве пред-

¹ Чекалова, 1997. С. 134.

лога для войны несколько обстоятельств (в основном жалобы армян и арабов на притеснения со стороны ромеев), Хосров I Ануширван задержал императорского посланника Анастасия и, лично возглавив войска, переправился через Евфрат. Рассказывая об этом эпизоде, Прокопий в очередной раз сделал выпад в адрес Юстиниана (вложив отрицательную характеристику в уста врагов — армян, обращавшихся к Хосрову): «...тот, кто, о царь, на словах тебе друг, а на деле — враг, пренебрегая и друзьями, и врагами, разрушил и привел в беспорядок мир человеческий. В этом ты и сам скоро убедишься, когда ему удастся полностью подчинить себе западные народы. Чего он только не сделал из того, что было ранее запрещено? Чего он не подверг потрясению из того, что было хорошо устроено? Разве не обложил он нас податью, которой раньше не было? Разве не обратил он в рабов наших соседей цанов, бывших до того независимыми? Разве не поставил он римского архонта над царем несчастных лазов, совершив таким образом недостойный поступок, противоречащий самой природе вещей и нелегко объяснимый словами? Разве не послал он своих военачальников к жителям Боспора и не подчинил своей власти город, совершенно ему не принадлежавший? Разве не заключил он военный союз с царством эфиопов, о котором римляне никогда раньше не слышали? Более того, он покорил и омиритов (химьяритов — С. Д.), завоевал Красное море, присоединил к Римской державе землю фиников. Не будем уже говорить о страданиях ливийцев и италийцев. Всей земли мало этому человеку. Ему недостаточно властвовать над всеми людьми. Он помышляет о небе и рыщет в глубинах океана, желая подчинить себе какой-то иной мир»¹.

Штурмуя или грабя (вынуждая платить выкуп) сирийские города, персы неумолимо приближались к столице всего византийского Востока Антиохии. Военный магистр Армении Вуза, командовавший в тот момент ромейскими силами, увел часть армии с собой, рассчитывая воевать с персами методами партизанской войны, — что при слабости сил было вполне оправданно и предписывалось стратегическими тех лет.

В город прибыл стратилат Востока патрикий Герман. Он нашел, что Антиохия укреплена хорошо, но в одном месте надо срыть скалу, близко подходившую к стене. Город-

¹ «Война с персами». 2. III. См.: *Прокопий. Войны*. С. 79.

ские архитекторы отказались начинать работы, понимая, что закончить их до прибытия персов не успеют, а недоделанное покажет врагу место, где следует начинать приступ. Чтобы спасти не так давно отстроенный город, от наступавшего врага решили откупиться. Хосров потребовал десять кентинариев золота (327,5 килограмма) за то, чтобы оставить в покое весь Восток. Но переговоры затянулись. Герман, не дождавшись войск из Константинополя, покинул Антиохию. Однако в этот момент гарнизон получил подкрепление (шесть тысяч солдат) с запада Сирии, а прибывший для улаживания конфликта столичный уполномоченный, асикрит Юлиан, запретил горожанам самостоятельно вести переговоры. В итоге речь о выкупе более не велась, и антиохийцы приняли решение сражаться, опираясь на гарнизон и стасиотов — молодых бойцов партий местного цирка.

Но враги оказались сильнее, и город пал¹. Причем солдаты после взятия стены (в том самом месте, где не срыли скалу!) отступили организованно, а стасиоты бились на улицах, не имея полного вооружения, и в большинстве своем погибли. Город, кроме одного из самых значительных храмов, был сожжен. Лучших жителей — мастеров, купцов, архонтов — Хосров переселил в Иран, где для них был специально выстроен город «Антиохия Хосрова», во главе которого царь поставил христианина.

Иоанн Малала считал, что одной из причин сдачи Антиохии оказалась банальная коррупция: Герман так увлекся скупкой задешево у жителей Антиохии серебра, меняя его на золото (которое эвакуирующимся горожанам легче было унести), что пренебрег своими непосредственными обязанностями: «Ни о чем не заботясь, он жил в Антиохии, скупая у [ее] жителей серебро за две и три номисмы либру»². То есть родственник императора наживал 100—200% дохода с операции: ведь в обычных условиях соотношение между золотом и серебром составляло примерно от 1:12 до 1:14, то есть около 6 номисм за либру.

Гарнизон Верои, сдавшейся Хосрову после осады, большей частью перешел к персам, так как казна задолжала солдатам жалованье за длительный период службы. Эдесса, Апамея, Константина и Дара откупились от врагов, причем в Апамее царь приказал устроить на городском ипподроме

¹ Красочное описание штурма города есть у Прокопия («Война с персами». 2. VIII. См.: *Прокопий*. Войны. С. 89—91).

² *Иоанн Малала*. XVIII. 87. С. 174.

ристания и, зная, что Юстиниан благоволит венетам, «заказал» победу прасинов. Такая вот справедливость!¹ Выкуп же с Дары он потребовал после неудачной осады, которую начал, когда уже согласился на привезенные из Константинополя условия мира. Фактически шах дважды оскорбил императора — и как человека, и как государя.

Война продолжилась.

Весной следующего года на театр военных действий прибыл «старый новый» магистр Востока Велисарий, приведя с собой контингенты из пленных готов.

Война сначала на два, а затем и на три фронта: 541—545

Восточная кампания 541 года была для ромеев не слишком успешной, хотя они разрушили одну крепость в Армении и пленили ее гарнизон. Персы напали на Лазику. Царь лазов Губаз, недовольный притеснениями со стороны византийских чиновников, перешел на сторону врага, а начальники крепостей Севастополиса (Сухуми) и Питиунта (Пицунды), боясь быть отрезанными наступавшим врагом, сожгли порученные им города и переправили своих людей в Трапезунд на кораблях.

Весной 542 года многочисленные отряды персов и союзных им арабов хлынули в Палестину. Византийцы заперлись в крепостях, предоставив неприятелю полную свободу действий. Юстиниан срочно послал туда Велисария с небольшим числом солдат на почтовых лошадях, и произошло чудо: иранские полководцы во главе с шахиншахом предпочли не искушать судьбу и увели свои полчища за Евфрат — во всяком случае, так об этом повествует Прокопий². На самом же деле Велисарий прибегнул к военной хитрости: якобы случайно показал персидскому послу многочисленных оруженосцев, окружавших его лагерь. Перс, не зная, что это всё, чем располагал магистр, испугался и повлиял на решение царя уйти. Впрочем, и в этот раз враги увели множество людей и увезли с собой большую добычу.

¹ Хосров Ануширван в легендарной традиции Востока — олицетворение законности и справедливости.

² «Война с персами». 2. XX, XXI. См.: *Прокопий. Войны*. С. 115—119.

Вдобавок к военным неурядицам в империи началась чума. За 542—544 годы эпидемия «черной смерти» привела к колоссальным людским потерям. Явившись полной неожиданностью для Юстиниана, это трагическое событие нанесло по его планам сокрушительный удар¹. Города Средневековья, даже такие, как Константинополь (где были и коммунальные службы, и врачи, и больницы), в случае эпидемий становились рассадниками заразы. Чтобы представить себе масштаб бедствия, лучше всего взглянуть на них глазами очевидцев. Вот как описал чуму Прокопий: «Около этого времени распространилась моровая язва, из-за которой чуть было не погибла вся жизнь человеческая. Возможно, всему тому, чем небо поражает нас, кто-либо из людей дерзновенных решится найти объяснение. Ибо именно так склонны действовать люди, считающие себя умудренными в подобных вещах, придумывая ложь о причинах, для человека совершенно непостижимых, и сочиняя сверхъестественные теории о явлениях природы. Хотя сами они знают, что в их словах нет ничего здравого, они считают, что вполне достаточно, если они убедят своими доводами кого-либо из первых встречных, совершенно обманув их. Причину же этого бедствия невозможно ни выразить в словах, ни достигнуть умом, разве что отнести все это к воле Божьей². Ибо болезнь разразилась не в какой-то одной части земли, не среди каких-то отдельных людей, не в одно какое-то время года, на основании чего можно было бы найти подходящее объяснение ее причины, но она охватила всю землю, задела жизнь всех людей, притом что они резко отличались друг от друга; она не щадила ни пола, ни возраста. Жили ли они в разных местах, был ли различен их образ жизни, отличались ли они своими природными

¹ Э. Люттвак, опираясь на современные данные, доказывает, что именно катастрофические людские потери из-за эпидемии и привели к тому, что у Юстиниана многое пошло не так, как задумывалось изначально (Люттвак, 2012. С. 130—140). «В результате чумы 541—542 гг. население империи настолько сократилось, что к 600 г. составляло не более 60% от того, которое было в империи до чумы» (Курбатов, 1991. С. 255). Сходного мнения придерживается и В. В. Серов, полагающий, что наибольший урон финансам Византии при Юстиниане, наряду с мощными землетрясениями 550-х гг., причинила как раз чума. См. работы: Серов, 2011; Серов, 2009.

² В «Тайной истории» Прокопий приписывает вину за все несчастья, постигшие империю, Антихристу Юстиниану. См. I Н. а. XVIII. 36—45. — *Прим. пер.*

качествами или занятиями или чем-либо еще, чем может отличаться один человек от другого, эта болезнь, и только она одна, не делала для них различия. Одних она поразила летом, других зимой, третьих в иное время года. Пусть каждый, философ или астролог, говорит об этих явлениях как ему заблагорассудится, я же перехожу к рассказу о том, откуда пошла эта болезнь и каким образом губила она людей.

Началась она у египтян, что живут в Пелусии. Зародившись там, она распространилась в двух направлениях, с одной стороны на Александрию и остальные области Египта, с другой стороны — на соседних с Египтом жителей Палестины, а затем она охватила всю землю, продвигаясь всегда в определенном направлении и в надлежащие сроки. Казалось, она распространялась по точно установленным законам и в каждом месте держалась назначенное время. Свою пагубную силу она ни на ком не проявляла мимоходом, но распространялась повсюду до самых крайних пределов обитаемой земли, как будто боясь, как бы от нее не укрылся какой-нибудь дальний уголок. Ни острова, ни пещеры, ни горной вершины, если там обитали люди, она не оставила в покое. Если она и пропускала какую-либо страну, не коснувшись ее жителей или коснувшись их слегка, с течением времени она вновь возвращалась туда; тех жителей, которых она прежде жестоко поразила, она больше не трогала, однако уходила из этой страны не раньше, чем отдаст точную и определенную дань смерти, погубив столько, сколько она погубила в предшествующее время в соседних землях. Начинаясь всегда в приморских землях, эта болезнь проникала затем в самое сердце материка. На второй год после появления этой болезни она в середине весны дошла до Византия, где в ту пору мне довелось жить. Происходило здесь все следующим образом. Многим являлись демоны в образе различных людей, и те, которым они показывались, думали, что они от встреченного ими человека получили удар в какую-нибудь часть тела, и сразу же, как только они видели этот призрак, их поражала болезнь. Сначала люди пытались отворотить от себя попадавших им призраков, произнося самые святые имена и совершая другие священные обряды кто как мог, но пользы от этого не было никакой, ибо даже и безавшие в храмы погибали там. Потом они уже теряли желание слышать своих друзей, когда те к ним приходили, и запершись в своих комнатах, делали вид, что не слышат даже тогда, когда двери у них тряслись от стука, явно опасаясь, как бы зовущий их не оказался де-

моном. Некоторых эта моровая язва поражала иначе. Этим было видение во сне, и им казалось, что они испытывают то же самое от того, кто стоял над ними, или же они слышали голос, возвещающий им, что они занесены в число тех, кому суждено умереть. Большинство же ни во сне, ни наяву не ведали того, что произойдет, и все же болезнь поражала их. Охватывала она их следующим образом. Внезапно у них появлялся жар; у одних, когда они пробуждались ото сна, у других, когда они гуляли, у третьих, когда они были чем-то заняты. При этом тело не теряло своего прежнего цвета и не становилось горячим, как бывает при лихорадке, и не было никакого воспаления, но с утра до вечера жар был настолько умеренным, что ни у самих больных, ни у врача, прикасавшегося к ним, не возникало мысли об опасности. В самом деле, никому из тех, кто впал в эту болезнь, не казалось, что им предстоит умереть. У одних в тот же день, у других на следующий, у третьих немного дней спустя появлялся бубон, не только в той части тела, которая расположена ниже живота и называется пахом (бубоном), но и под мышкой, иногда около уха, а также в любой части бедра.

До сих пор у всех, охваченных этой болезнью, она проявлялась почти одинаково. Но затем, не могу сказать, вследствие ли телесных различий или же по воле того, кто эту болезнь послал, стали наблюдаться и различия в ее проявлении. Одни впадали в глубокую сонливость, у других наступал сильный бред, но и те и другие переносили все страдания, сопутствующие этой болезни. Те, которых охватывала сонливость, забыв обо всем, к чему они привыкли, казалось, все время пребывали во сне. И если кто-нибудь ухаживал за ними, они ели, не просыпаясь; другие же, оставленные без присмотра, быстро умирали от недостатка пищи. Те же, кто находился в бреде, страдали от бессонницы, их преследовали кошмары, и им казалось, что кто-то идет, чтобы их погубить. Они впадали в беспокойство, издавали страшные вопли и куда-то рвались. Те, кто ухаживал за ними, несли бремя непрерывного труда и страдали от сильного переутомления. По этой причине все жалели их не меньше, чем самих больных, и не потому, что они могли заразиться болезнью от близкого с ними соприкосновения, а потому, что им было так тяжело. Ибо не было случая, чтобы врач или другой какой-то человек приобрел эту болезнь от соприкосновения с больным или умершим; многие, занимаясь похоронами или ухаживая даже за посторонними им людьми, против всякого ожидания не за-

болевали в период ухода за больным, между тем как многих болезнь поражала без всякого повода, и они быстро умирали. Эти присматривающие за больными должны были поднимать и класть их на постели, когда они падали с них и катались по полу, оттаскивать и отталкивать их, когда они стремились броситься из дома. Если же кому-либо из больных попадалась вода, они стремились броситься в нее, причем не столько из-за жажды (ибо многие бросались к морю), сколько главным образом из-за расстройства умственных способностей. Очень трудно было и кормить таких больных, ибо они неохотно принимали пищу. Многие и погибали от того, что за ними некому было ухаживать: они либо умирали с голоду, либо бросались с высоты. Тех, которые не впадали в кому или безумие, мучили сильные боли, сопровождавшиеся конвульсиями, и они, не имея сил выносить страданий, умирали. Можно было предположить, что и со всеми другими происходило то же самое, но поскольку они были совершенно вне себя, то они не могли полностью ощущать своих страданий, так как расстройство их умственных способностей притупляло у них всякое сознание и чувствительность.

Тогда некоторые из врачей, находясь в затруднении из-за того, что признаки болезни были им непонятны, и полагая, что главная ее причина заключается в бубонах, решили исследовать тело умерших. Разрезав опухоли, они нашли в них выросший там какой-то страшный карбункул.

Одни умирали тотчас же, другие много дней спустя, у некоторых тело покрывалось какими-то черными прыщами величиной с чечевицу. Эти люди не переживали и одного дня, но сразу же умирали. Многих приводило к смерти неожиданно открывшееся кровотечение. К этому могу еще добавить, что многие из тех, кому знаменитейшие врачи предрекли смерть, некоторое время спустя сверх ожидания избавились ото всех бед, а многим, о выздоровлении которых они утверждали, очень скоро суждено было погибнуть. Таким образом, у этой болезни не было ни одного признака, который бы мог привести человека к верному заключению. Во всех случаях исход болезни по большей части не соответствовал заключениям разума. Одним помогали бани, другим они в меньшей степени вредили. Многие, оставленные без ухода, умирали, однако многие, сверх ожидания, выздоравливали. И опять-таки для тех, кто имел уход, результат был неодинаков. И если говорить в целом, не было найдено никакого средства для спасения людей

как для предупреждения этой болезни, так и для преодоления ее у тех, кто оказался ей подвержен, но заболевание возникало безо всякого повода и выздоровление происходило само собой. И для женщин, которые были беременными, если они заболели, смерть оказывалась неизбежной. Умирали и те, у которых случались выкидыши, но и роженицы погибали вместе с новорожденными. Говорят, что три родившие женщины, потеряв своих детей, остались живы, а у одной женщины, которая сама умерла при родах, ребенок родился и остался жив. Тем, у кого опухоль была очень велика и наполнялась гноем, удавалось избавиться от болезни и остаться живыми, ибо ясно, что болезнь разрешалась карбункулом, и это по большей части являлось признаком выздоровления. У кого же опухоль оставалась в прежнем виде, у тех проходил весь круг бедствий, о которых я только что упомянул. У некоторых, случалось, высыхало бедро, из-за чего появившаяся на нем опухоль не могла стать гнойной. Некоторым суждено было остаться в живых, но язык их и речь сильно пострадали: они либо заикались, либо в течение всей оставшейся жизни говорили с трудом и неясно.

В Византии болезнь продолжалась четыре месяца, но особенно свирепствовала в течение трех. Вначале умирало людей немногим больше обычного, но затем смертность все более и более возрастала: число умирающих достигло пяти тысяч в день, а потом и десяти тысяч и даже больше. В первое время каждый, конечно, заботился о погребении трупов своих домашних; правда, их бросали и в чужие могилы, делая это либо тайком, либо безо всякого стеснения. Но затем всё у всех пришло в беспорядок. Ибо рабы оставались без господ, люди, прежде очень богатые, были лишены услуг со стороны своей челяди, многие из которой либо были больны, либо умерли; многие дома совсем опустели. Поэтому бывало и так, что некоторые из знатных при всеобщем запустении в течение долгих дней оставались без погребения. Мудрую заботу об этом, как и следовало ожидать, принял на себя василевс. Выделив солдат из дворцовой охраны и отпустив средства, он велел позаботиться об этом Феодора, который состоял при “царских ответах” и в обязанности которого входило уведомлять василевса об обращенных к нему жалобах, а затем сообщать просителям о том, что ему было угодно постановить. Римляне на латыни называют эту должность референдарием. Те, чей дом не обезлюдел окончательно, сами готовили могилы для своих

близких. Феодор же, давая деньги, полученные от василевса, и тратя, кроме того, свои личные, хоронил трупы тех, кто остался без попечения. Когда все прежде существовавшие могилы и гробницы оказались заполнены трупами, а могильщики, которые копали вокруг города во всех местах подряд и как могли хоронили там умерших, сами перемерли, то, не имея больше сил делать могилы для такого числа умирающих, хоронившие стали подниматься на башни городских стен, расположенные в Сиках. Подняв крыши башен, они в беспорядке бросали туда трупы, наваливая их, как попало, и наполнив башни, можно сказать, доверху этими мертвецами, вновь покрывали их крышами. Из-за этого по городу распространилось зловоние, еще сильнее заставившее страдать жителей, особенно если начинал дуть ветер, несший отсюда этот запах в город.

Все совершаемые при погребении обряды были тогда забыты. Мертвых не провожали, как положено, не отпели их по обычаю, но считалось достаточным, если кто-либо, взяв на плечи покойника, относил его к части города, расположенной у самого моря, и бросал его там. Здесь, навалив их кучами на барки, отвозили куда попало. Тогда и те, которые в прежние времена были наиболее буйными членами димов, забыв взаимную ненависть, отдавали вместе последний долг мертвым и сами несли даже и не близких себе умерших и хоронили их. Даже те, кто раньше предавался позорным страстям, отказались от противозаконного образа жизни и со всем тщанием упражнялись в благочестии не потому, что они вдруг познали мудрость или возлюбили добродетель (ибо то, что дано человеку от природы или чему он долго обучался, не может быть так легко отброшено, разве что снизойдет на него Божья благодать), но потому, что тогда все, так сказать, пораженные случившимся и думая, что им вот-вот предстоит умереть, в результате острой необходимости, как и следует ожидать, познали на время кротость¹. Однако, когда они вскоре избавились от болезни, спаслись и поняли, что они уже в безопасности, ибо зло перекинулось на других людей, они вновь, резко переменив образ мыслей, становились хуже, чем прежде, проявляя всю гнусность своих привычек и, можно сказать,

¹ В то время как Фукидид сожалеет о распушенности нравов, вызванной эпидемией (II. 53—54), Прокопий, видимо, уже не без влияния христианства, сообщает о целебном воздействии чумы на нравственность ожидавших смерти людей. — *Прим. пер.*

превосходя самих себя в дурном нраве и всякого рода беззаконии. Ибо, если бы кто-нибудь стал утверждать, что эта болезнь, случайно ли или по воле Провидения, точно отобрав самых негодяев, их сохранила, пожалуй, оказался бы прав. Но все это проявилось впоследствии.

В это время трудно было видеть кого-либо гуляющим по площади. Все сидели по домам, если были еще здоровы, и ухаживали за больными или оплакивали умерших. Если и доводилось встретить кого-нибудь, так только того, кто нес тело умершего. Всякая торговля прекратилась, ремесленники оставили свое ремесло и все то, что каждый производил своими руками. Таким образом, в городе, обычно изобилующем всеми благами мира, безраздельно свирепствовал голод. В самом деле, трудно было и даже считалось великим делом получить достаточно хлеба или чего-нибудь другого. Поэтому и безвременный конец у некоторых больных наступал, по-видимому, из-за нехватки самого необходимого. Одним словом, в Византии совершенно не было видно людей, одетых в хламиды¹, особенно когда заболел василевс (ибо случилось так, что и у него появилась опухоль), но в городе, являвшемся столицей всей Римской державы, все тихо сидели по домам, одетые в одежды простых людей. Таковы были проявления моровой язвы как на всей римской земле, так и здесь, в Византии. Поразила она также и Персию, и все другие варварские земли»².

Можно лишь догадываться, в каком напряжении пребывал все это время Юстиниан. Изнуряя себя тяжелой работой, он ослаб и в 542 году сам заболел чумой. Отличаясь отменным здоровьем, император выздоровел и не пострадал от ужасных осложнений, описанных Прокопием.

Однако болезнь Юстиниана повлекла за собой далекоидущие последствия как для внешней, так и для внутренней политики. Армейские командиры, узнав о случившемся (ходили даже слухи о смерти государя), стали вести речи в том ключе, что они не допустят избрания нового василевса без их участия. Когда же тот выздоровел, наиболее расто-

¹ Прокопий имеет в виду верхнюю накидку — плащ. — *Прим. пер.* Видимо, оборот «одетый в хламиду» означал человека с положением (как сейчас сказали бы: «одетый в костюм с галстуком»).

² «Война с персами». 2. XXII, XXIII. См.: *Прокопий. Войны*. С. 119—124. В цитате опущена нумерация разделов текста и удалены некоторые комментарии А. А. Чекаловой. Еще одно описание чумы сделано Евагрием, большая часть семьи которого погибла от этой болезни: *Евагрий*. IV. 29. С. 316—319.

ропные поспешили донести на товарищей, среди которых были Велисарий и Вуза. Феодора, усмотрев в настроениях двух виднейших полководцев угрозу себе, вызвала их в Константинополь и подвергла опале. Вуза на несколько лет угодил в подземный застенок, откуда вышел полуслепым инвалидом. Велисарий же лишился имущества и дружины: его богатства были конфискованы, а букеллариев вместе с вооружением распределили между столичными военачальниками и придворными евнухами.

Когда же выяснилось, что подозрения беспочвенны, императрица объявила Велисария о прощении, якобы вымоленном его женой Антониной. Полководец, и без того любивший супругу, стал ее просто боготворить. Императрица вернула ему все имущество кроме 30 кентинариев, которые подарила Юстиниану. Каковы же были богатства Велисария, если эти 30 кентинариев — почти тонна золота!¹ — лишь часть их?! И как законным образом столь значительное состояние сумел обрести человек, не занимавшийся ничем, кроме военной службы?

Однако душевному состоянию Велисария был нанесен урон. К тому же даже после снятия опалы он уже не мог вернуться на Восток — там магистром армии был назначен его вчерашний подчиненный Мартин. Велисарий занял значительно меньшую придворную должность комита царских конюшен, *comes sacri stabuli* (в этом ранге он позже и отправился в свою последнюю италийскую кампанию).

Поскольку от эпидемии вымерло много людей, цены на рабочие руки поднялись и труд ремесленников и сельских батраков вздорожал. Не вполне понимая экономику происходящего, Юстиниан в эдикте на имя префекта претория Петра Варсимы с жаром бичевал корыстолюбие этих людей, требовал возврата к старым ценам и грозил штрафами. Снова началась продажа должностей с выплатой суффрагия; соответственно, появились и злоупотребления.

Занимаясь расстроенными финансами, Юстиниан тем не менее по-прежнему находил время для богословия.

Около 543 года в Иерусалим прибыла делегация египетских монахов, разделявших воззрения христианского богослова III века Оригена. Они стали жаловаться на притесне-

¹ На март 2018 г. это только в пересчете на биржевую (COMEX) стоимость металла — около 42 миллионов долларов США! Причем в монете золото было всегда дороже — за счет его переоценки, назначаемой государством при чеканке.

ния, чинимые им в палестинских монастырях. Дело дошло до Юстиниана, и тот ревностно и с интересом вмешался. Полемика увлекла Юстиниана и даже побудила его написать против Оригена сочинение, адресовав его столичному патриарху Мине. В преамбуле император недвусмысленно изложил свои цели: «У нас всегда была и есть забота, — правую и неукоризненную веру христианскую и благостояние святейшей Божией католической и апостольской Церкви во всем соблюдать непричастными смятениям. Это мы поставили первую из всех заботою; и мы уверены, что за нее и в настоящем мире нам Богом дано и сохраняется царство и покорены враги нашего государства, и надеемся, что за нее и в будущем веке мы обретем милосердие пред Его благостию. Если враг рода человеческого и выискивает беспрестанно различные случаи, в которых старается вредить душам человеческим, но человеколюбие Божие, сокрушая его лукавство и обличая сопротивных, не допускает стаду своему потерпеть вред или рассеяться»¹. Документ этот был направлен не только Мине, но и в Рим, Александрию, Антиохию и Иерусалим: всей Вселенской пентархии. Мина поддержал императора, учение Оригена было осуждено и на Поместном соборе 543 года в Константинополе, но конфликт между монахами-оригенистами и монахами православной традиции в Палестине не затихал без малого десять лет. Монахи, разделявшие взгляды Оригена, были вынуждены или отказаться от них, или уйти из монастырей (прежде всего из палестинской Новой лавры²).

Примерно в это же время в Малой Азии начинается миссионерская деятельность очень яркого человека — проповедника и церковного писателя Иоанна, много позднее (в 558 году) рукоположенного Иаковом Барадеем во епископа Азии (Эфеса). Будучи монофиситом, Иоанн тем не менее многие годы сохранял добрые отношения с императором, бывая в Константинополе или подолгу живя там.

В декабре 542 года император 117-й новеллой упорядочил правила разводов. Отныне окончательно ушла в прошлое практика расторжения браков по взаимному согласию: теперь разойтись можно было, только имея такие веские причины, как покушение на убийство, прелюбоде-

¹ Деяния Вселенских соборов. Т. 5. С. 262.

² Монастыря, основанного частью монахов Лавры Св. Саввы Освященного, вступивших в конфликт с настоятелем и покинувших ее.

яние жены (не мужа!), открытое сожителство мужа с любовницей, непристойное поведение супруги (например, поход в баню, на вечеринку или на ипподром с мужчинами без согласия мужа). Ну и злоумышление второго супруга против императора!

В 543 году Хосров не вел активных боевых действий, опасаясь чумы едва ли не более, чем ромейских сил. Он встал во главе войска в Гандзаке, на озере Урмия, и ждал посольства от Юстиниана. Однако человек, ехавший к царю из Константинополя, заболел, и переговоры не состоялись. Ромейское войско, надеясь на неожиданность, совершило поход на Двин, но было отбито и потерпело большой урон.

Весной следующего, 544 года Хосров ответил, напад на Эдессу. Город выдержал осаду и штурм; персы ушли, получив 500 фунтов золота отступного. Мир с Ираном заключили только в 545 году, временно, сроком на пять лет, условившись потом договориться лучше. Хосров потребовал: «За перемирие на все это время римский автократор должен заплатить ему деньги и прислать врача по имени Трибун с тем, чтобы он оставался при нем назначенное время. Этому врачу удалось в прежнее время излечить его от тяжелой болезни, чем он заслужил его расположение и стал ему очень желанным человеком¹. Когда об этом услышал василевс Юстиниан, он тотчас послал ему Трибуна и вместе с ним деньги — 20 кентинариев. Так между римлянами и персами был заключен мирный договор на пять лет, произошло это на девятнадцатом году самодержавного правления василевса Юстиниана»².

Потом еще год в Константинополе пребывал персидский посол, и император ромеев, вопреки заведенному по-

¹ Примеры Стефана и Трибуна свидетельствуют о том, что византийские врачи пользовались большим авторитетом у персов. О Трибуне Прокопий сообщает еще в «Войне с готами», где говорит, что этот врач пользовался большой благосклонностью Хосрова, отличавшегося от природы болезненностью. Как-то, после того как Трибун избавил его от болезни, Хосров стал предлагать ему любые дары, а тот вместо сокровищ попросил отпустить пленных византийцев, что шах и исполнил. См.: «Война с готами». IV. 10. 11—16. Трибун известен и по другим источникам. См., например: Zach. XII. 7. — *Прим. пер.* Аэций Амидянин, лечивший Юстиниана, написал медицинскую энциклопедию в 16 книгах (*Кривов*, 2017. С. 146). Согласно легенде, сам Юстиниан выделил большие средства на больницу Св. Сампсона, расположенную рядом с собором Св. Ирины, — после того, как в ней его вылечили от терзавшего руку червя (*Иванов*, 2016. С. 157).

² «Война с персами». 2. XXVIII. См.: *Прокопий*. Войны. С. 135.

рядку, делил стол не только с ним, но и с его переводчиком. Кроме того, он издержал на посла и его свиту десять кентинариев золота. Все это давало римлянам повод обвинять своего правителя в заискивании перед чужеземцами. Юстиниан же делал то, что считал нужным.

На другом краю державы — в Африке — в 543 году снова начались беспорядки. Соломон, сменивший Германа, во-первых, прекратил выдачу маврам хлеба, а во-вторых, сделал протекцию двум своим племянникам. Их назначили начальниками областей Ливии: первого — в Пентаполисе, второго — в Триполисе. Один из братьев, некий Сергий, организовал переговоры с представителями мавританского племени левафов. По совету хорошо знавшего местные обычаи Пуденция (того самого, чье отложение от вандалов немало способствовало началу африканской кампании Юстиниана) старейшин племени не пустили в город Лептис Магну, но организовали встречу поблизости. Стороны, видимо, не доверяли друг другу, и когда один из варваров неосторожно схватил Сергия, византийский копьеносец заколол его. Началась свалка, в которой из восьмидесяти мавров уцелел лишь один. Случившееся стало поводом для осады города, во время которой Пуденция убили. На помощь своим выступил Соломон, но в одной из стычек в Би-зацине погиб и он.

Юстиниан, ясно показывая, какую из сторон конфликта он считает правой, назначил Сергия преемником Соломона. Прокопий охарактеризовал этого человека крайне неодобрительно: «Все были недовольны его правлением; подчиненные ему архонты потому, что он, будучи крайне неразумным и молодым как по характеру, так и по возрасту, всех превосходил хвастовством, оскорблял их без всякого основания и относился к ним с презрением, постоянно злоупотребляя при этом силой своего богатства и властью высокого положения; солдаты не любили его за то, что он был труслив и крайне малодушен; ливийцы — за то же самое, а также за то, что он был большим любителем чужих жен и чужой собственности»¹. Недовольны оказались и мавры (Прокопий называет их маврусиями), для которых это назначение было актом явного неуважения. Их царь Антала даже написал в Константинополь соответствующее письмо: «Теперь мы отмщены: наш обидчик (Соломон. — С. Д.) получил наказание. Если тебе угодно, чтобы мавру-

¹ «Война с вандалами». 2. XXII. Цит. по: *Прокопий. Войны*. С. 245.

сии служили твоей царственности, выполняли всё, как они привыкли делать в прежнее время, то удали отсюда Сергия, племянника Соломона, вели ему вернуться к тебе и пошли в Ливию другого военачальника. У тебя нет недостатка в людях разумных и во всех отношениях более достойных, чем Сергий. Пока он командует твоим войском, не будет мира между римлянами и маврусиями»¹. Но Юстиниан был упрям и, видимо, решил, как говорят сейчас, «не поддаваться давлению». Одной из причин такого поведения стало то, что Сергий был женихом внучки жены Велисария Антонины. Императрица Феодора покровительствовала Антонине, и, поскольку не только сегодня при авторитарных режимах начальники часто выдвигаются вследствие происхождения «из нужного круга», наглый и неумный Сергий остался на должности. Эта несгибаемость дорого обошлась государству: ее итогом стал «третий фронт», открывшийся на юге в самый разгар боевых действий в Италии и на Востоке. Повстанцы временно даже заняли Гадрумет — столицу провинции Бизацена.

Императорская чета отправила в Африку еще одного родственника — Ареовинда, мужа племянницы императора Прейекты (сестры будущего Юстина II). Но тот не имел опыта в военном деле, и мятежники разгромили один из приданных ему отрядов; правда, в этой стычке получил смертельную рану Стоца (545 год). Поскольку жалобы на Сергия не прекращались, Юстиниан все-таки заменил его на Ареовинда. Спустя пару месяцев случился новый солдатский бунт во главе с дуксом Нумидии Гонтарисом. Ареовинда схватили и казнили, а буквально через месяц был убит своими сообщниками и сам Гонтарис вместе с новой верхушкой мятежников; это произошло в мае 546 года. Лишь с предоставлением поста магистра войск Африки Иоанну Троглите в ее провинциях стало спокойнее.

В продолжение курса на доминирование строгого православия император, как и на заре правления, издавал в 541—545 годах новеллы, воспрещавшие еретикам свободу религиозных собраний и поражавшие их в гражданских правах. Все было в неизменной логике Юстиниана: раз императору дарована власть блюсти законы, он не может не пользоваться ею для пресечения столь омерзительной вещи, как инакомыслие в делах веры. Разумеется, он счи-

¹ «Война с вандалами». 2. XXII. Цит. по: *Проконий*. Войны. С. 245, 246.

тал несправедливым то, что еретики будут пользоваться теми же правами, что и православные! И поскольку первые делают «работу дьявола», он, православный император, и возглавляемое им государство должны им всемерно противостоять. Сказанное не касалось монофиситов, которым, как мы помним, покровительствовала императрица. Они вольготно чувствовали себя не только в египетской Александрии, но и в столице. В их распоряжении по-прежнему был дворец Хормизда, а также большой монастырь в Сиках-Юстинианополе, на другом берегу Золотого Рога.

В этот самый момент кесарийский епископ Феодор Аскида предложил императору рассмотреть проблему, которой ранее не уделяли должного внимания. Столетие назад три епископа (Феодор, Феодорит и Ива) допустили в своих сочинениях высказывания, близкие к несторианской ереси. IV Вселенский собор не принял их точек зрения, но и не осудил этих людей лично (все трое были авторитетнейшими богословами своего времени). Аскида посоветовал Юстиниану написать сочинение и против этих «трех глав». Почему он это сделал — то ли искренне радея о православии, то ли стремясь отвлечь императора от полемики с оригенистами (к которым принадлежал сам), — уже вторично. Важно то, что Юстиниан «загорелся», принялся мыслить и писать. Он пришел к выводу о необходимости безусловного осуждения «трех глав» и издал в 545 году на имя патриарха Мины соответствующий эдикт («In damnationem trium capitulorum»). Осуждением «трех глав» Юстиниан готовил почву для компромисса с монофиситами: он хотел выбить почву из-под ног тех критиков, которые говорили, что Халкидонский собор потворствовал несторианам. Василевс жаждал единства — пусть даже ценой уступок «по икономии», в вопросах, которые он считал не главными. Быть может, он надеялся, что в таком «подправленном» виде монофиситы примут Халкидонский собор — или, по крайней мере, сделают к этому шаг.

В итоге все четыре патриарха (Константинополя, Антиохии, Александрии и Иерусалима) с колебаниями и под давлением, но поддержали Юстиниана. А вот западная церковь — нет. Против эдикта резко высказались папский апокрисиарий в Константинополе, ряд авторитетных западных епископов и богословов. К противникам императора присоединился Вигилий. Тотила в тот момент готовился штурмовать Рим. То ли сам, опасаясь готов, то ли принуждаемый византийцами, Вигилий еще до эдикта о «трех

главах» отбыл на Сицилию в надежде пересидеть смутные времена. Узнав о письме императора, папа начал активно переписываться с западными богословами, включая африканских, — убеждаясь, что позиция Юстиниана и мнения этих уважаемых людей расходятся. В числе противников точки зрения василевса ромеев оказался диакон Фульгенций Ферранд, один из крупнейших богословов Африки и всего латинского Запада. В письме римским диаконам Пеллагию и Анатолию он упрекнул Юстиниана в том, что он-де пытается, заручившись множеством подписей, придать собственной книге авторитет, подобающий только каноническим источникам. Иными словами, Ферранд считал, что Юстиниан просто использует административный ресурс для возвеличивания себя как богослова.

Спор о «трех главах»

Собственно говоря, отторгнутые IV Вселенским собором в Халкидоне сочинения нашлись только у Феодорита, епископа Кирского, и Феодора, епископа Мопсуестийского. Они были написаны в рамках полемики с александрийским архиепископом Кириллом — ныне признаваемым святым, — чьи идеи использовались монофиситами. Третий, епископ Эдессы Ива, имел неосторожность в письме похвалить труды Феодора. Все три епископа скончались в мире с церковью (то есть не были осуждены лично) и пользовались авторитетом у православных Востока. Западное духовенство, болезненно и непримиримо относившееся к монофиситству, усмотрело в трактате Юстиниана стремление умалить роль Халкидонского собора (что могло стать пробным камнем на пути к открытому монофиситству или компромиссу с ним на неприемлемых условиях). Монофиситы, в свою очередь, считали упомянутых епископов несторианами (с которыми расходились сильнее и противоборствовали яростнее, нежели чем с православными). Дело в том, что и Феодорит, и Ива были осуждены и низложены как несториане на Эфесском соборе 449 г., и как раз в 451 г. в Халкидоне их восстановили и приняли в каноническое общение (Феодор умер задолго до IV Вселенского собора). Феодорит, действительно бывший когда-то активным несторианином, являлся автором широко известной «Церковной истории» (текст сохранился до нашего времени).

Точка зрения, согласно которой инициатором осуж-

дения «трех глав» был именно Феодор Аскида, разделяется многими историками, но есть и другое мнение, а именно: что еще раньше, в период прений с монофиситами в 532 г., сам Юстиниан впервые обратил внимание на данную проблему¹.

Эдикт Юстиниана в отношении Феодорита, Феодора и Ивы не сохранился. До нас в сочинении епископа Гермиевского Факунда дошли лишь названия трех глав этого документа — об осуждении каждого из них. Греческое «кефалайя» (κεφάλαια), «головы, главы», имеет, как и в русском языке, двоякий смысл. Поэтому когда речь идет о «трех главах», уже не ясно, что имеется в виду: сами епископы или разделы документа, хотя Юстиниан, говоря о «нечестивости трех глав», имел в виду первое.

А тем временем в Италии энергичный Тотила мало-помалу организовал сопротивление уже немногочисленным и плохо обеспечиваемым отрядам Юстиниана (ведь теперь основные ресурсы уделялись востоку).

Командование императорской армии было разобщено, и Тотила отметил свое вступление на престол переходом через По и разгромом византийских отрядов под Фаэнцей. Затем готы двинулись на юг. Миновав Рим, Тотила овладел Беневентом, осадил Неаполь и весной 543 года взял его. Назначенный императором префект претория Италии Максимиан, человек не очень опытный в военном деле, был неспособен противостоять Тотиле.

Новый король успешно применял особую тактику — разрушал захваченные крепости и стены в городах, дабы они не могли послужить в будущем опорой врагу, и тем самым принуждал имперские отряды к сражениям вне укреплений, чего они не могли делать из-за своей слабости. По отношению к пленным и мирным жителям, особенно к старой римской знати, Тотила вел себя предельно корректно. Напротив, «...начальники римского (византийского. — С. Д.) войска вместе с солдатами грабили достояние подданных императора; не было тех оскорблений и распушенности, которые они не проявили бы; начальники в укреплениях пировали вместе со своими возлюбленными, а солдаты, проявляя крайнее неповиновение начальникам, предавались всяким безобразиям. Таким образом, италий-

¹ Заболотный, 2015. С. 52; Грацианский, 2016. С. 31, 175—182, 221.

цам пришлось переносить крайние бедствия со стороны обеих войск. Поля их опустошались врагами, а всё остальное сплошь забирало войско императора. Сверх того, мучаясь муками голода, вследствие недостатка продовольствия, они же подвергались всяким обвинениям и издевательствам и без всякого основания — смерти. Солдаты, не имея сил защищать их от неприятелей, наносивших вред их полям, совершенно не считали нужным краснеть и стыдиться того, что делалось, и своими проступками они сделали варваров желанными для италийцев»¹. Логофет императора Александр по прозвищу Псалидион («ножницы») требовал от римских сенаторов денег, якобы присвоенных ими во времена Теодориха, разорял их, и без того немало пострадавших. С населения взysкивались налоговые недоимки двадцатилетней давности!

Тотила между тем направлял в Рим прокламации, в которых противопоставлял умеренности готов жадность пришельцев и предлагал свою защиту. Все это, конечно же, не добавляло италийцам стремления к сопротивлению. Восстановление суровых по отношению к простому народу римских законов на территории Италии привело к массовому бегству рабов и колонов, непрерывно пополнявших войско Тотилы. В итоге к концу 544 года византийцы лишились значительной части своих завоеваний на Западе. Правда, Рим всё еще был у них.

Годы больших проблем: 545—550

Юстиниан принял решение отправить в Италию Велисария, не выделив подкреплений. Император запретил полководцу даже взять телохранителей (причиной тому были, скорее всего, неважные дела в Азии, где тоже не хватало солдат). Велисарий нашел италийские войска обескровленными длительным и малоуспешным противоборством с Тотилой, павшими духом и весь 545-й и даже 546 год набирал новых солдат и то отсиживался в лагерях под Равенной, то выезжал в Далмацию, ибо активные действия были невозможны. «У нас нет людей, лошадей, оружия и денег, без чего, конечно, нельзя продолжать войны, — обращался в Константинополь Велисарий. — Итальянские войска состоят из неспособных и трусов, которые боятся непри-

¹ *Прокопий*. Война с готами. III. 9; Т. 1. С. 234.

ятеля, так как много раз бывали им разбиты. При виде врага они оставляют лошадей и бросают на землю оружие. В Италии мне неоткуда доставать денег, она вся находится во власти врагов. Задолжав войскам, я не могу поддерживать военного порядка: отсутствие средств отнимает у меня энергию и решительность. Да будет известно и то, что многие из наших перешли на сторону неприятеля. Если ты, государь, желаешь только отделаться от Велисария, то вот, я действительно теперь нахожусь в Италии; если же ты желаешь покончить с этой войной, то нужно позаботиться еще кое о чем. Какой же я стратиг, когда у меня нет военных средств!»¹ Восточные отряды не смогли пробиться на помощь осажденному Риму, где кончилось продовольствие.

Прокопий несколько раз подчеркивает, что помимо голода в осажденной столице Италии свирепствовала коррупция: византийцы — от начальника гарнизона Бессы до простых солдат — обогащались, продавая умиравшим от голода жителям хлеб и выпуская их из города только за взятки. Люди же доходили до поедания экскрементов друга друга и каннибализма — ведь не у всех было золото. В конце осады Бесса откровенно саботировал попытки ее снять, так как каждый день голода приносил ему деньги (которые в итоге всё равно достались не ему, а готам)².

17 декабря 546 года Тотила занял Вечный город, воспользовавшись предательством отряда исавров, охранявших одни из ворот. Считая население враждебным, король приказал беспрепятственно его грабить. Сокрушив часть стен и спалив некоторое число зданий, готы через полтора месяца сами ушли оттуда, уведя почти всех сенаторов и изгнав большинство жителей: 40 дней город стоял пустым. Затем Рим вновь подпал под власть Юстиниана, но ненадолго. Не получая, несмотря на постоянные мольбы начальника, ни продовольствия, ни подкреплений, византийцы не смогли его удержать.

Север Италии начали тревожить франки. Юстиниан требовал прекратить это «ползучее нападение», но новый король Теодабальд, сменивший Теодиберта в 547 году, не желал признавать условия договора, за который ромеи заплатили его предшественнику золотом, и открыто претендовал на север Италии.

¹ Прокопий. Война с готами. III. 12. Т. 1. С. 243, 244. Цит. по: Успенский, 2011. Т. I. С. 288, 289.

² См.: Прокопий. Война с готами. III. 17—20; Т. 1. С. 258—267.

На дунайской границе император решил применить обычный византийский прием: использовать одних варваров против других. Еще в 545 году он пытался договориться со славянами о передаче им оставленного жителями города Турриса на левом берегу Дуная в обмен на защиту местности от гуннов. От славян действительно прибыло посольство. Неизвестно кого точно оно представляло (по сообщениям византийских источников той поры, они не знали жесткой иерархии правителей), но в его составе был некий человек, выдававший себя за Хильвуда, павшего двенадцатью годами ранее. Обман раскрыли, и самозванца схватили. Дело с посольством разладилось, славяне начали бесчинствовать, и ромеям пришлось натравить на них герулов.

В 547—548 годах славяне в очередной раз разорили земли империи от верховьев Дуная до Диррахия. Нападавших было так много, что ромеи, располагавшие в Иллирике пятнадцатитысячной армией, не рискнули противостоять им в открытом бою.

Зато вдали от Европы все шло хорошо. В 548 году наконец-то окончательно была подчинена Африка: Иоанн Троглита подавил последние очаги сопротивления мятежников, прекратились набеги мавров. Византийские владения в Африке представляли собой огромную строительную площадку. Евагрий говорит о 150 (!) городах и крепостях, основанных или подновленных в правление Юстиниана. Прокопий в «Тайной истории» пишет, что Ливия настолько обезлюдела, что трудно было встретить там человека на протяжении очень долгого пути¹. Однако археологические данные опровергли Прокопия, о чем писал еще Юлиан Кулаковский: «...современное изучение археологических памятников, которое ведут французские ученые со времени подчинения Франции части римской Африки, дает огромный материал в опровержение зложелательных слов Прокопия. Множество фортов и укреплений, уцелевших под занесшим их песком во время арабского господства, является свидетельством о живых заботах правительства на благо населения и процветания культуры и промысла»².

В том же году в Константинополь явились посланцы крымских готов и попросили поставить им епископа вместо скончавшегося ранее. Юстиниан такой шанс не упу-

¹ «Тайная история». XVIII. См.: *Прокопий. Войны*. С. 309.

² *Кулаковский*, 2004. Т. 2. С. 138.

стил и отправил вместе с епископом строителей и солдат. В дополнение к Херсонесу Таврическому (его укрепления тоже обновлялись по воле Юстиниана) византийцы построили еще две крепости: Гурзувиты и Алустон. Крымские готы, сделавшись федератами империи, должны были выставлять императору три тысячи человек. В современном Гурзуфе от византийской цитадели не осталось почти ничего, а вот остатки стен и башен в Алуште сохранились (правда, в сильно перестроенном виде). Усиление византийского влияния в Крыму и северо-восточном Причерноморье означало возможность товарообмена с Востоком (в том числе — с Китаем) по путям, минуя персов: через север Прикаспия или Кавказ и далее до Хорезма.

В 545 году Юстиниан установил ранг пентархии патриархов. На первое место он поместил епископа Рима, на второе — Константинополя. Далее шли Александрия, Антиохия, Иерусалим.

В том же 545 году активная законотворческая деятельность Юстиниана закончилась. Подсчитано, что из его новелл три четверти вышли в период до 545 года, то есть фактически за 10—12 лет, а на оставшиеся 20 лет правления приходится только четверть¹. Впрочем, это не означало прекращения реформ вообще. С 547 по 553 год, готовя финал западной кампании, император довершил реорганизацию войскового управления, максимально разграничив полномочия гражданских и военных властей. «Вторая волна административного законодательства 547—553 гг. еще отчетливее выявила то, что конституционные новации в значительной мере были подчинены целям завоевательной политики, и эта волна до известной степени довела до конца замыслы, лежавшие в основе начальной стадии реформ: контроль над локальными повседневными проблемами военного администрирования был уже практически полностью передан гражданским чиновникам, с тем чтобы ничем не отвлекать магистров от полководческой деятельности. Затянувшиеся боевые действия на Западе и на Востоке во многом содействовали ускоренному превращению региональных военачальников в боевых командиров. Войска из большей части восточных провинций были отведены вместе с не связанными местными управленческими проблемами магистрами на основные фронты», — оценивает

¹ Курбатов, 1991. С. 239.

действия Юстиниана в этом направлении историк нашего времени¹.

Император все больше начинает обращаться к вопросам религии. В 545 или 546 году начался новый виток гонений на язычников в среде константинопольской аристократии. Кампанию эту Юстиниан поручил Иоанну, будущему митрополиту Эфесскому, отозвав его с Востока. В результате мероприятий этого умного, фанатичного и сурового человека ряд крупных чиновников были смещены, подвергнуты пыткам и конфискациям. В их числе оказался и бывший префект претория Востока Фока, вынужденный покончить с собой.

Другой эксперимент по управлению церковью кончился неудачно: по каким-то соображениям (то ли из-за голода, то ли из-за астрономических вычислений) император повелел передвинуть Пасху на неделю вперед. Поскольку таким образом сдвигался и Великий пост, мясникам приказали резать скот, а верующим разрешили есть мясо на неделю дольше. Многие мясники, боясь Бога больше, чем императора, скот резать отказались — и император привлек для убоя скотины палачей, заплатив им за работу из казны. Но и покупатели, кроме «нескольких обжор», несмотря на голод, отказались есть мясо в спорную неделю, и оно, видимо, испортилось.

В 546 году император издал 123-ю новеллу, на века заложившую правила управления церковью, в частности — как созывать поместные соборы и как поставлять епископов. Новелла развивала канонические правила и воспроизводила многое, установленное 5-й и 6-й новеллами, но более широко и подробно. Как и ранее (и по аналогии с гражданским управлением), запрещался суффрагий при возведении в церковный сан (это трактовалось как взятка). Оставалась только синифия в определенном новеллой размере: за патриаршество — 20 либр, за епископский или митрополичий сан — от 400 номисм до 28, в зависимости от дохода епархии. Впрочем, если доход составлял менее двух либр в год, поставляемый вообще освобождался от выплаты. С пресвитеров и диаконов синифия бралась в размере ожидаемого годового дохода от должности. Штраф за превышение — трехкратная сумма взноса. Были разъяснены и отрегулированы различные вопросы применения 6-го и 8-го Апостольских правил о невозможности сочетать свя-

¹ Глушанин, 1991. С. 201.

щенство и мирскую должность. Епископа нельзя было привлечь к даче показаний в суде или доставить туда против его воли. Любому клирику под страхом трехлетнего запрета на служение воспрещалось играть в кости, общаться с игроками или посещать зрелища. Епископам воспрещалось драться: тут Юстиниан повторил 27-е Апостольское правило, но почему-то не коснулся священников и диаконов, о которых в этом правиле тоже говорится. Любой оскорбивший клирика в храме во время священнодействия подлежал телесному наказанию, а сорвавший службу или отправление таинства — смертной казни. Помимо уже установленных 5-й новеллой бытовых ограничений и повторов ее положений, Юстиниан запрещал создание монастырей с разнополыми монахами. Был также дан запрет на использование образа монаха или вообще любого священного чина мирянами, особенно теми, кто играет на сцене, и «продажными женщинами»: переодевшийся в одежду монаха или клирика актер рисковал быть выпоротым и отправленным в изгнание.

В конце января или начале февраля 547 года папу Вигилия привезли в Константинополь: император желал закончить вопрос о «трех главах». Добровольным был этот визит или нет — мнения историков расходятся. Но не подлежит сомнению одно: в столицу империи папа явился как особа, за которой признавался высокий сан. Мастер внешних эффектов, Юстиниан встретил своего протеже с пышностью, граничившей с подобострастием. У входа в собор Святой Софии властелин империи и папа поприветствовали друг друга поцелуями, а затем под пение латинского гимна *Ecce advenit dominator dominus* («Се шествует Господь») римский епископ вступил в храм. Скорее всего, вошел он через Вестибюль воинов, где сегодня организован туристический выход, прошел через пронаос и повернул направо, в огромные Царские врата. Папу поселили во дворце Пластидии, окружив почетом и роскошью. Однако, по сути, дело пошло совсем не так, как хотел Юстиниан. Во-первых, Вигилий отказал патриарху Мине в братском общении — как раз по причине признания им императорского эдикта о «трех главах». Патриарх ответил тем же. Надо полагать, император был не просто раздосадован, но и по-человечески обижен: он наверняка рассчитывал на большую уступчивость со стороны человека, ставшего папой исключительно благодаря действиям Константинополя. Странно выглядела принципиальность Вигилия и с учетом семи кентинариев

золота, ранее полученных им от Феодоры. Видимо, император и императрица не постеснялись напомнить строптивцу о некоторых забытых им вещах, и тот 29 июня принял в общение Мину¹.

Страх оказался серьезным аргументом: Вигилий начал действовать. Он собрал около семидесяти западных (включая африканских) епископов, прибывших в восточную столицу империи, и поскольку общее согласие в вопросе достигнуто не было, потребовал от каждого из них письменного мнения. Изучив их, папа принял решение все-таки встать на сторону Юстиниана. 11 апреля 548 года Вигилий написал на имя Мины послание, сохранившееся в истории под названием «Judicatum» (решение). Этот документ был разослан по провинциям империи для чтения в храмах. А вот авторитетный африканский богослов, епископ Гермияны Факунд, написал на имя Юстиниана обстоятельный полемический трактат в защиту «трех глав» — и, судя по всему, еще до Judicatum².

Так начался 548 год, который лично для императора оказался проклятым. После долгой и продолжительной болезни, нестерпимо страдая от раковой опухоли, 28 июня умерла его любимая жена и муза Феодора. Это стало для Юстиниана сильнейшим ударом.

Поглощенный горем, Юстиниан погрузился в апатию — во всяком случае, по отношению к военным делам. Поэтому когда Антонина приехала в Константинополь просить об отставке мужа, Юстиниан спокойно на это согласился. Таким образом, Велисарий прекратил военную службу и вернулся в Константинополь.

Затем император организовал в Константинополе собор восточного духовенства (монофиситствующего). Неясно, выполнял ли он этим последнюю волю императрицы (да и была ли на то ее воля?), но очередной шаг к примирению православных с монофиситами сделал. Собор (или, точнее, совещание епископов и монахов) работал в столице год. И, несмотря на горячее желание императора и даже личное его участие в ряде заседаний, завершился без результата.

Закончился злосчастный 548 год раскрытием заговора некоего Артавана. Армянин из царского рода Аршакидов, Артаван был тем самым человеком, который смог ликвидировать захватившего власть в Карфагене Гонтариса.

¹ *Феофан*, год 6039. С. 173.

² Об этом сочинении см.: *Доброклонский*, 1880.

В Восточной империи Артаван сделал хорошую карьеру, дослужившись до поста комита федератов и консульского сана. Еще при жизни Феодоры он планировал жениться на племяннице Юстиниана Прейекте (сестре будущего Юстина II), но императрица расстроила брак, несмотря на страстное желание обеих сторон: выяснилось, что у Артавана в Армении была супруга. Артаван затаил на императора и его жену обиду, а уже после кончины Феодоры судьба предоставила ему возможность отомстить: еще один обиженный армянин, Аршак, задумав убийство императора, внушил Артавану соответствующие мысли. Аршак же имел зуб на императора за наказание: его выпороли и для позора провезли на верблюде за связь с агентами персидского шаха Хосрова (что, с учетом проступка, разумнее считать милосердием).

Если верить Прокопию, заговорщики пытались привлечь к делу Юстина (сына Германа) и самого Германа: «...у кого есть хоть капля разума, не должен отказываться от участия в убийстве Юстиниана под предлогом трусости или какого-либо страха: ведь он постоянно без всякой охраны сидит до поздней ночи, толкуя с допотопными старцами из духовенства, переворачивая со всем рвением книги христианского учения. А кроме того, — продолжал он (Аршак. — С. Д.), — никто из родственников Юстиниана не пойдет против тебя. Самый могущественный из них — Герман, как я думаю, очень охотно примет участие в этом деле вместе с тобою, а равно и его дети; они еще юноши, и телом и душою готовы напасть на него и пылают против него гневом»¹. Рассчитывали они, видимо, на то, что Герман тоже недоволен родственником-императором и станет мстить: ведь незадолго до тех событий Юстиниан изменил завешание умершего брата Германа, Вораида, и уменьшил долю имущества, доставшуюся Герману и его детям. Впрочем, сделал Юстиниан это не в свою пользу, а выделив предусмотренные законом средства на содержание единственной дочери Вораида, то есть совершив вполне справедливое и по-человечески понятное деяние.

Герман, узнав о планах, рассказал всё комиту экскувитов Марцеллу, еще одному племяннику Юстиниана (брату Юстина и Прейекты). Родственники императора организовали провокацию, вынудив одного из сообщников Артавана разглагольствовать о заговоре перед занавеской, за

¹ *Прокопий*. Война с готами. III. 32; Т. I. С. 299, 300.

которой прятался соглядатай. Выходило так, что Артаван и Аршак планировали устранить как Юстиниана, так и Велисария, а престол должен был получить Герман.

А дальше стало твориться нечто странное. Высшие должностные лица государства, члены императорского дома, будто принялись соревноваться в том, кто донесет последним. «Узнав обо всем этом от Леонтия, Марцелл даже и тогда решил не докладывать императору; он еще долго медлил, чтобы поспешностью опрометчиво не упустить из рук Артабана. Герман же сообщил об этом деле Бузе и Константиану (еще два крупных военачальника, бывший консул Вуза и Константиан — магистр. — *С. Д.*), боясь, как это и случилось, чтобы от этого промедления не возникло какого-либо подозрения.

Спустя много дней, когда было дано знать, что Велисарий уже близко, Марцелл доложил императору все это дело. Император велел тотчас же арестовать и заключить в тюрьму Артабана и его соучастников и приказал некоторым из начальников произвести допрос под пыткой. Когда стал ясен весь этот заговор и уже был точно записан в протоколах, император назначил заседание полного сената во дворце, где обыкновенно бывают разбирательства по спорным пунктам. Сенаторы, прочтя всё, что удалось выяснить следственной комиссии, тем не менее хотели привлечь к ответу Германа и его сына Юстина, пока наконец Герман, представив в качестве свидетелей Марцелла и Леонтия, не смыл с себя этого подозрения. Они, а вместе с ними и Буза с Константианом под клятвой подтвердили, что ничего Герман не скрыл от них по этому делу, но передал им все так, как я только что рассказал. Тотчас все сенаторы освободили от обвинения его и его сына, как не совершивших никакого преступления против государственного строя. Когда все явились во внутренние покои императора, то сам император был очень разгневан; он негодовал и особенно был раздражен против Германа, ставя ему в вину задержку осведомления. Какие-то двое начальников, подслуживаясь к нему, подтвердили его мысли и вместе с ним делали вид негодующих. Этим они еще больше усилили гнев императора, стараясь на чужих несчастьях заслужить у него себе милость. Все остальные молчали, подавленные страхом и своим непротивлением предоставляя свободу проявлению его воли. Один только Марцелл своей прямой и открытой речью мог спасти этого человека. Беря вину на себя, он настойчиво заявлял, что Герман давно и усилен-

но предлагал сообщить императору об этом факте, но он, Марцелл, очень тщательно разбирался во всех мелочах и поэтому так медлил с сообщением. Этим он утешил гнев императора. За это Марцелл получил великую славу среди всего народа, так как он в минуту, самую трудную для Германа, проявил всю свою душевную доблесть. Император Юстиниан отрёшил Артабана от занимаемой им должности, не сделав ему, помимо этого, ничего дурного, а равно и всем остальным, если не считать того, что всех их держал под арестом, но без бесчестия, во дворце, а не в обычной тюрьме»¹.

То, как изложил историю этого заговора Прокопий, оставляет впечатление какой-то недосказанности: хитрый грек или чего-то не знал, или намеренно искажил сведения. В самом деле: император, вовсе не отличавшийся человеколюбием, не просто оставил в живых людей, замысливших его убийство, но впоследствии (около 550 года) назначил Артавана магистром войск Фракии и поручил ему экспедицию на Сицилию! Не исключен и третий вариант: образ мыслей тогдашнего человека (в том числе и нашего героя) настолько сильно отличался от привычного нам, что просто трудно поверить в достоверность происходившего. А может, император увидел Божью кару в смерти Феодоры и решил воздержаться от казней? Впрочем, еще Ф. А. Курганов заметил: «Преступления против законов Юстиниан вообще наказывал строго, но умел являть себя великодушным относительно таких преступлений, которые касались лично только его самого»².

Семейственность при дворе Юстиниана

Приближать к себе родственников и заводить полезные знакомства с помощью брачных связей — обычай давний.

Когда на Босфоре возникла вторая столица империи, туда, вслед за Константином, потянулись и люди из его окружения. Многие были откровенно низкого звания и выдвинулись только благодаря императору. Для кого-то из них возвышение явилось чистым везением или плодом хитрой интриги. Но для большинства путь наверх лежал через упорные труды: воинские подвиги, участие в гражданском управлении, образование.

¹ Прокопий. Война с готами. III. 32; Т. 1. С. 302—304.

² Курганов, 2015. С. 391, 392.

Попав на Восток, эти умные, цепкие, удачливые люди начали смешиваться с представителями местной элиты, за плечами которой стояли поколения аристократических предков, земли и деньги. Удачное сочетание для брачных союзов!

Так формировалась новая знать. Но каждая переменна в верхах приводила к тому, что в нее вливались родственники и друзья новых правителей, формируя свои кланы. Кому-то не везло, и он «вылетал» из узкого круга, но в целом, через поколение-другое, вчерашние выскочки обрастали связями и в конечном итоге растворялись в существующей аристократии, обогащая ее «свежей кровью». Так было с испанцами при Феодосии и его детях или с исаврами при Льве и Зиноне. Так произошло с фракийцами при Юстине и Юстиниане.

Вертикальная подвижность общества в Византии всегда была много сильнее, нежели на Западе. Именно поэтому из-под пера византийских мыслителей нет-нет да и выходили заявления о том, что за происхождение от благородных предков можно ценить животных, а людей в большей степени красят личные заслуги. Сказанное, конечно же, касалось только свободных людей, а не рабов или, в Юстинианово время, колоннов: тут происхождение определяло статус человека целиком.

Поднявшись к вершинам власти, старый Юстин вытаскивал на «место под солнцем» не только Юстиниана. В составе элиты оказались и другие его племянники, Вораид, Юст и Герман. Последний сделал самую успешную (не считая Юстиниана) карьеру и вообще мог стать преемником Юстиниана, если бы не умер раньше его. Он оставил вдову Матасунту, внучку Теодориха Великого. Уже после смерти мужа та родила сына, в котором смешалась кровь готских королей и ставших владыками полумира фракийских крестьян.

Юстиниан, не имевший детей, шел по проторенной дороге, усыновляя племянников. Он приблизил к себе сына своей сестры Вигилянции — и тот в положенное время стал императором Юстином II.

Еще более в возвеличивании родственников преуспела Феодора. Вытащив с панели свою сестру Комито, она выдала ее замуж за бывшего оруженосца Юстиниана, полководца Ситу, а ее дочь Софию — за племянника Юстиниана, того самого будущего Юсти-

на II. Но любопытнее всего была судьба внука императрицы (сына незаконнорожденной ее дочери) Анастасия: после неудачной попытки женить его на единственной дочери Велисария Феодора организовала его свадьбу с Юлианой, внучкой патрикии Юлианы Аникии, несколько поколений предков которой были императорами!

Для Германа и его детей заговор имел самые благоприятные последствия: император согласился на брак Иоанна, племянника Виталиана, с дочерью Германа (чему ранее препятствовал) и на брак самого Германа с готской царицей Матасунтой.

Тем временем на Западе духовенство вставало в оппозицию императору — и папе. Против римского понтифика выступили настоятели некоторых монастырей и даже его племянник диакон Рустик. Последний демонстративно отказался служить с папой литургию на Рождество 549 года, и Вигилий в итоге лишил родственника сана. В 550 году поместный собор епископов в Карфагене под руководством Факунда отказался от канонического общения с папой из-за *Judicatum*'а. Бенената, епископа Первой Юстинианы — города, для возвышения авторитета кафедры которого император предпринял немало усилий и даже ссорился при Сильверии с Римом, — его коллеги из Иллирика, собравшись, отлучили. Скорее всего, именно этим епископам Юстиниан, упорствуя, отправил еще одно послание, где в очередной раз доказывал, что уж совершенно точно следует осудить Феодора Мопсуестийского как «злоучителя» ересиарха Нестория. В помощь императору восточные епископы, съехавшиеся на поместный собор в Мопсуестии, выяснили, что прецедент осуждения автора еретических учений, скончавшегося в мире с церковью, был, и как раз в отношении Феодора: около 470 года местная церковь перестала поминать его имя за богослужением, вписав вместо Феодора имя его противника Кирилла Александрийского.

Готовя сочинение против «трех глав», Юстиниан предполагал, что их осуждение сподвигнет монофиситов к примирению, а Запад отнесется к этому индифферентно: в конце концов, не осудив лично Феодора, Феодорита и Иву, Халкидонский собор все же не одобрил их учения. Император в очередной раз стремился примирить «всех со всеми» и обеспечить таким образом хоть какое-то каноническое единство. Вряд ли он рассчитывал на столь глубокий и долгий раскол, вызванный его собственным трактатом

по данному вопросу, — тем более в условиях неоконченной войны с готами...

В общем, Юстиниан просчитался. Пытаясь исправить ситуацию, Вигилий отказался от *Judicatum*'а. Но 15 августа 550 года папа был вынужден клясться над священными реликвиями (это были четыре Евангелия и гвозди, которыми, по преданию, был прибит Христос) в том, что приложит все усилия к осуждению «трех глав» на предстоящем Вселенском соборе. Клятва эта давалась в присутствии императора, Феодора Аскиды и некоторых сановников, причем в обмен Вигилий, чувствующий себя совершенно некомфортно из-за нарастающего конфликта с духовенством Запада, просил не только защитить его лично, но и дать привилегии «его церкви».

Тем временем Тотила подошел к Риму и в очередной раз осадил его. Город мог держаться, но исавры, которым давно не платили за службу, соблазнились посулами врагов и 16 января 550 года снова открыли им ворота Святого Павла. Почти весь гарнизон успел бежать. 300 византийских солдат, запершихся в мавзолее Адриана, сначала решили погибнуть в бою, но потом сдались готам и перешли к ним на службу.

Заняв Рим, Тотила устремился в Кампанию и далее на юг, на Сицилию. На полуострове под контролем Константинополя остались лишь четыре города — Равенна, Анкона, Кротон и Отранто. Но, несмотря на военный проигрыш, император упрямо игнорировал попытки Тотилы договориться и не принимал его послов. Вместо этого он назначил главнокомандующим в Италии своего двоюродного брата Германа, снабдив его значительными силами. Тут имелся и дипломатический расчет: женитьба Германа на Матасунте сделала его в каком-то смысле фигурой, приемлемой для тех готов, которые были готовы прекратить войну и покориться византийцам. Однако решительный и способный полководец осенью того же года неожиданно умер в Фессалонике, так и не успев начать кампанию.

Злословец Прокопий, воздавая Герману посмертную хвалу, на самом деле в который раз критиковал Юстиниана — упоминая те добрые качества Германа, которыми император, по мнению писателя, не обладал: «Так внезапно умер Герман, человек исключительной храбрости и энергии, во время войны прекрасный и искусный военачальник, все делавший самостоятельно, хороший организатор, во время мира и при счастливых обстоятельствах умевший

очень твердо охранять законы и порядок государственной жизни; он был самый справедливый судья, ссужавший всем нуждающимся большие суммы и за них не бравший никогда никаких процентов, во дворце и при народе наиболее строгий и гордо державшийся, дома же радушный, приятный в обращении, откровенный и приветливый. Насколько у него было сил, он не позволял, чтобы во дворце происходили какие-либо правонарушения против установленных порядков; он никогда не принимал участия в заговорах византийских партий и не имел с ними общения, хотя многие из власть имущих доходили до такой глупости»¹.

Из-за событий в Италии и Африке империя не могла выделить войска для нужд Востока. На протяжении 545—550 годов персы пытались расширить свое влияние в западном Причерноморье. Хосров даже пробовал выстроить в Колхиде флот. Можно представить, к каким кошмарным последствиям могла бы привести эта попытка, завершилась она успехом! Ромеев спасло чудо: удар молнии поджег заготовленный высушенный корабельный лес, который в итоге сгорел без остатка. На повторение же своей затеи персы не пошли. В 549 году ромеи неудачно осаждали одну из главных крепостей Лазики, Петру. Из ее гарнизона к концу осады могли сражаться не более 150 человек, еще около полутысячи лежали ранеными и больными. Военный магистр Армении Дагисфей ждал, что Петра вот-вот откроет ворота, но на помощь своим из Ирана Хосров отправил многочисленный отряд. Поскольку Дагисфей не обеспечил оборону горных проходов должными силами, персы преодолели их и приблизились к Петре. В римском лагере началась паника, и войско, бросив осаду, бежало. Отряд федератов-цанов, поначалу оставшийся в лагере, через несколько дней ушел в сторону Трапезунда, и Петра осталась иранской.

Юстиниан заменил на посту магистра Армении Дагисфея на Бессу, которому удалось взять Петру после нескольких жестоких приступов, перебив или ранив почти всех ее защитников. Византийцам достался пятилетний запас провианта и воинского снаряжения. Они вывезли всё, что смогли, а крепость разрушили.

Но удача под стенами Петры не привела к решительному перелому. Поскольку византийцы, собирая налоги (а как мы помним, сам Бесса тоже отличался изрядным корыстолюбием), настраивали против себя местных жите-

¹ *Прокопий*. Война с готами. III. 40; Т. 1. С. 326, 327.

лей, иранский полководец Мир-Мерое вытеснил ромеев на противоположный, левый берег Риони и занял самые богатые области Лазики.

В Константинополе Юстиниан пытался заключить мир с персидским послом, ибо пятилетний срок предыдущего мирного договора уже давно истек. Впрочем, поскольку в тот момент Иран сотрясали неурядицы (один из сыновей Хосрова по имени Анушзад восстал против отца и развязал гражданскую войну), активных действий, помимо кампании в Лазике, Иран не предпринимал. В 552 году персы согласились продлить договор еще на пять лет при условии выплаты 20 кентинариев золота за пятилетие и еще шести — за те полтора года, что прошли с окончания срока предыдущего договора, то есть по 400 либр золота в год. Однако договор не включал в себя Лазикку. Прокопий особенно отметил спесивость и высокомерие посла по имени Йазд-Гушнасп (ромее называли его Исдигусной).

Жалобы лазов на стяжательство Бессы привели к тому, что Юстиниан снял его с должности магистра войск Армении, подверг суду, по решению которого Бесса был сослан, а его имущество пополнило казну. Новым магистром стал Мартин, его войско было усилено варварами — местными, цанами и африканскими маврами.

В Италии готы оказывали сопротивление византийцам не только на суше, но и на море, собрав значительное число кораблей. Юстиниан направил туда невиданную по численности армию (более 30 тысяч человек). В значительной, если не в основной, своей части воинство Юстиниана было варварским. В его состав входили гепиды, герулы, гунны, лангобарды, армяне и даже пленные персы. Командовал этими разноплеменными отрядами препозит священной опочивальни патрикий Нарсес. Опытный военачальник и храбрый человек, уже бывавший в Италии при Велисарии, он воспринимался Константинополем как тот, кто наконец-то закончит эту войну.

Вторая армия, посаженная на корабли, отправилась в Испанию, где против короля Агилы началось восстание потомков римлян, воодушевившихся надеждой на освобождение от власти варваров-ариан спустя почти полтора столетия после завоевания. Часть вестготов также приняла в нем самое активное участие. Исидор Севильский в своей «Хронике» подчеркивал, что именно предводитель восставших Атанагильд, начав мятеж, обратился за военной помощью к Юстиниану. Армией командовал военачальник

римского происхождения патрикий Либерий. Римский аристократ, дослужившийся при остготах до должности префекта претория Италии, а затем префекта претория Галлий, он когда-то был направлен в Константинополь с посольством, остался служить Юстиниану, занимал пост августала Египта и на старости лет (ближе к восьмидесяти!) получил задание возглавить экспедицию на далекий Иберийский полуостров.

Готы тем временем овладели Сардинией и Корсикой, а годом позже снарядили три сотни кораблей и с помощью этого флота разграбили остров Керкиру и эпирское побережье. Нарсес еще не был готов выступить, и Юстиниан отрядил против готов свой флот. В 551 году около местечка Сеногаллия (неподалеку от Анконы) произошла морская битва, в результате которой готский флот был побежден. «Этот морской бой был очень ожесточенным и подобен сухопутному. Выстроив корабли в одну линию к носу с неприятельскими, они посылали друг в друга стрелы и копья; те же из них, которые стремились к славе доблести, оказавшись близко один от другого, когда корабли касались друг друга, бок о бок палубами, вступали в рукопашный бой, сражаясь мечами и копьями, как в пешем бою на суше. Таково было начало этого боя. Но затем варвары, вследствие неумения вести морской бой, продолжали это сражение в полном беспорядке. Одни из них стояли на таком далеком расстоянии одни от других, что давали врагам возможность нападать на них поодиночке, другие же, сбившись в густую кучу, в такой тесноте кораблей мешали друг другу. Можно было бы подумать, что на корабли накинута какая-то сетка из снастей. Варвары не могли ни стрел пускать в своих врагов, находящихся на известном расстоянии, — а если и пускали, то с опозданием и с большим трудом, ни действовать мечами и копьями, когда они были близко. Среди них был ужасный крик и толкотня, они все время сталкивались друг с другом и вновь шестами отталкивались один от другого в полном беспорядке. Они то стягивали фронт, поставив крайне плотно корабли, то расходились на далекое расстояние друг от друга, и в том и в другом случае с вредом для себя. Каждый из них обращался со словами побуждения к близстоящим, с криком и воплями, не с тем, чтобы побудить их идти на врагов, но для того, чтобы заставить их самих держать правильные дистанции друг от друга. Сами себе создав затруднения вследствие такого бестолкового образа действий, они были главнейшей причиной той по-

беды, которую враги одержали над ними. Наоборот, римляне храбро вели бой и искусно руководили морским сражением. Они расположили корабли носами против врагов; они не отходили далеко друг от друга и, конечно, не сходились ближе, чем это было нужно; у них были неизменные, правильно размеренные дистанции между кораблями. Если они видели, что неприятельский корабль отделяется от других, они нападали на него и топили без труда; если они видели, что некоторые из врагов где-либо столпились, то они посылали туда тучи стрел; нападая на находящихся в таком беспорядке и в смущении от собственного столь им вредящего беспорядка, они избивали их в рукопашном бою. У варваров опустились руки благодаря такому несчастному повороту судьбы и совершаемым ими одна за другой ошибкам в сражении; они не знали, как им вести сражение; они не могли ни продолжать морской бой, ни тем более сражаться, стоя на палубах, как в пешей битве на суше; бросив сражение, они стояли в бездействии перед лицом опасности, предоставив все на произвол судьбы. Поэтому готы обратились в позорное бегство в полном беспорядке и уже не вспоминали ни о доблести, ни о приличном отступлении, ни о чем-либо другом, что могло бы принести им спасение, но по большей части поодиночке в полной беспомощности попали в середину врагов. Немногие из них бежали на одиннадцати кораблях и, скрывшись от преследования, спаслись, все же остальные остались в руках врагов. Многих из них римляне тут же убили, многих других уничтожили, потопив вместе с кораблями. Из начальников готов Гундульф бежал, ускользнув с одиннадцатью кораблями, другого римляне взяли живым в плен. Затем воины готов, высадившись на берег с этих кораблей, тотчас их сожгли, чтобы они не попали в руки врагов, а сами пешком отправились в лагерь к войску, которое осаждало Анкону. Передав там все, что произошло, они прямым путем вместе с остальными отступили, оставив лагерь врагам, и сломя голову с великим шумом и смятением бежали в город Ауксим, находившийся поблизости. Немного спустя римляне пришли в Анкону и нашли лагерь врагов пустым. Доставив гарнизону продовольствие, они отплыли оттуда. Валериан вернулся в Равенну, а Иоанн (византийские флотоводцы. — С. Д.) возвратился в Салоны. Эта битва сильно подорвала и самомнение, и силу Тотилы и готов»¹.

¹ *Прокопий*. Война с готами. IV. 23; Т. 2. С. 94—96.

Артаван (тот самый, что несколькими годами ранее хотел убить василевса) возглавил экспедицию на Сицилию и очистил остров от готов.

Тотила, воевавший к тому времени на два фронта (с византийцами и франками, занимавшими север Италии), снова попытался договориться с Юстинианом о мире, но император и на этот раз его предложения отверг.

Предельное напряжение сил государства (войны, общественное строительство, реформы) и сопутствующая этому коррупция привели к тому, что начиная с конца 40-х годов VI века народный гнев стал вновь проявляться открыто. Хотя после «Ники» наступило долгое затишье, причины восстаний никуда не делись. 11 мая 547 года взбунтовался народ на ипподроме. Императору пришлось выслать эккувиторов и прочих воинов. Как и шестнадцать лет назад, солдаты рубили мечами бегущих, и пало много людей, но еще больше затоптали в панике. В июле 549 года очередное побоище между венецами и прасинами привело к убийствам и поджогам. Рассказывая об этом, летописец Феофан замечает: «А во время царского выхода к Евдому, хранители царских одежд (веститоры) потеряли царскую корону, которая нашлась через восемь месяцев, равно сохранилось и было найдено и все украшение короны, в том числе и единственный драгоценный камень». Он не связывает это событие с бунтом, но утрату венца в спокойной обстановке представить сложно. Весна 550 года в столице тоже оказалась щедрой на неприятности. В марте вырвался из стойла и потоптал многих людей слон, приведенный в качестве подарка от кого-то из индийских (эфиопских?) владык и содержавшийся на ипподроме. А 16 апреля в очередной раз буйствовали димы, и под шумок были разграблены некоторые столичные мастерские¹.

Той же весной 550 года три тысячи славян перешли Дунай, затем Гебр (видимо, Марицу) и разбили приграничные войска. Далее, в крепости Суруле (ныне Чорлу), прикрывавшей Константинополь со стороны Фракии, стояла крупная кавалерийская часть презентальной армии. Но ее командиру Асваду не удалось организовать должного сопротивления пришельцам; он был разбит, пленен и казнен самым безжалостным образом: его сожгли заживо, предварительно нарезав ремней из кожи спины. Редкие дружины византийцев, не решаясь дать сражение, лишь следили

¹ Феофан, годы 6039, 6041, 6042. С. 173, 174.

за тем, как, разделившись на два отряда, славяне занялись грабежами и убийствами: одни двинулись на Константинополь, другие — в Иллирик. Жестокость нападавших впечатляла: оба отряда «убивали всех, не разбирая лет, так что вся земля Иллирии и Фракии была покрыта непогребенными телами. Они убивали попавшихся им навстречу не мечами и не копьями или каким-нибудь обычным способом, но вбив крепко в землю колья и сделав их возможно острыми, они с великой силой насаживали на них этих несчастных, делая так, что острие этого кола входило между ягодиц, а затем под давлением тела проникало во внутренность человека. Вот как они считали нужным обходиться с нами! Иногда эти варвары, вбив в землю четыре толстых кола, привязывали к ним руки и ноги пленных и затем непрерывно били их палками по голове, убивая их таким образом, как собак, или змей, или других каких-либо диких животных. Остальных же, вместе с быками и мелким скотом, которых не могли гнать в отеческие пределы, они запирали в помещениях и сжигали безо всякого сожаления»¹.

Летом 550 года другая славянская рать отправилась в поход на Фессалонику. Огромное войско, комплектовавшееся в Сердикe для отправки в Италию, получило приказ заняться фракийскими делами. Лишь тогда славяне, напуганные этим известием, ушли в Далмацию и перезимовали там. Но довольно скоро, через год или менее того, весной, они снова напали и дошли до Длинных стен, где один из их крупных отрядов был уничтожен.

Всё, кажется, получается: 551—554

Где-то византийцы справлялись с варварами с помощью дипломатии. Как раз в 551 году ударом в тыл ромей ослабили натиск кутригуров (живших западнее Дона): подкупив соперничавшее с ними племя гуннов-утигуров (живших восточнее), они спровоцировали их набег на земли кутригуров, и те повернули назад, защищать свои кочевья. Какой-то части кутригуров Юстиниан позволил расселиться в пределах империи, рассчитывая получить из них федератов. По словам Прокопия, узнав об этом, вождь утигуров направил в Константинополь послов, чтобы вы-

¹ *Прокопий*. Война с готами. III. 38; Т. 1. С. 322.

сказать негодование по поводу такого решения императора: мол, странно ведут себя ромеи, оказывая благодеяния не им, утигурам, а жестоким людям, которые еще вчера обращали жителей империи в рабство и наверняка будут злоумышлять еще. Пришлось послать богатые подарки и утигурам!¹

И, словно оправдывая слова варвара о ненадежности таких союзников, «отличились» гепиды: вместо того чтобы выполнять обязательства, они позволили славянам с награбленным добром и пленниками уйти обратно через Дунай, взяв с захватчиков плату: по номисме за человека.

В июне 551 года Юстиниан сочинил и оформил эдиктом на имя патриарха Мины еще один обстоятельный трактат против «Трех глав» — «Исповедание правой веры» («*Confessio rectae fidei*»). Этот достаточно обстоятельный и сложный текст, объяснявший позицию императора, стал в определенном смысле ответом Фаунду, которого василевс решил не преследовать, а опровергать.

В июле 129-й новеллой Юстиниан совершенно неожиданно пошел навстречу просьбам епископа Палестинской Кесарии Сергия и отменил гонения на самаритян. Им даже было позволено передавать имущество по наследству без каких бы то ни было ограничений, делать дары и заключать частные сделки. Не исключено, что император убоился Божьего гнева: ведь как раз в начале июля на Востоке случилось мощное землетрясение, разрушившее многие города Сирии, Палестины и Армении. Пострадали Тир, Сидон, Верит, Триполис, Библос. В ливанском Ботрисе (Ботрун) скала, отколовшаяся от берега, рухнула в море и образовала новую гавань. Бедствие сопровождалось невиданным и ужасным явлением — цунами. Вот как описал его Иоанн Эфесский: «Море также и вдоль всего финикийского побережья отступило и вернулось почти на две мили. Но мы решили сообщить для потомков о страшной катастрофе и большом и замечательном знамении, которое произошло в городе Бейруте, в Финикии, в землетрясение, разрушившее города. Ибо в страшной путанице, когда море по воле Божьей отступило и отошло от Бейрута и других прибрежных городов Финикии на расстояние почти двух миль, страшные глубины моря стали видны. Вдруг замечательные, разнообразные и удивительные достопримечательности можно было увидеть — затонувшие

¹ Артамонов, 2001. С. 109—145; Риччи, 2013.

корабли, полные различных грузов, а также и другие вещи, когда воды отошли от земли. Некоторые корабли, которые были пришвартованы в портах, поселились на морском дне, и по повелению Божию они были брошены, как вода утекла. Поэтому люди бежали от этого стихийного бедствия, повергнувшего их в горе и раскаяние жестоким зрелищем гнева, и чувствовали на себе презрение не только к нечестивому миру, но и к их собственной жизни, что их сердца не были закалены, как у фараона — не от Бога, как было написано о нем, но от дьявола. Жители городов и побережья сразу же бросились в море в смелом и решительном порыве, чтобы похитить со злой скупостью огромные брошенные сокровища, которые были на дне моря — этот порыв порой стоил им жизни. Поэтому, когда многие тысячи людей, бросаясь в глубины моря в смертельном порыве, начали принимать сокровища и быстро их прятать, то другие, видя их, нагруженных смертельным богатством, бросались с еще большим энтузиазмом, чтобы не быть лишенными скрытых сокровищ, которые внезапно обнажило землетрясение, когда некоторые из них устремились вниз на дно, другие спешили выше, третьи пытались сделать все возможное посередине, и все металась в растерянности, то огромная волна моря, стремясь незаметно вернуться на исходные глубины, набросилась на перегруженных и промысляющих в глубинах людей, вихревыми потоками поливая всех этих несчастных, которые бросились найти богатство со дна моря и, как фараон, они спустились в глубины и утонули, как это написано, как камни, и Бог катил воды моря над ними, которое, как наводнение, вырвалось и изобильно потекло обратно в исходное положение. Те, кто задержался на краю берега в этих местах, и в настоящее время торопясь спуститься, те, кто был ближе к земле, бежали на берег, когда они увидели, что глубоководный поток мчится назад в исходное положение. Но после того, как они бежали, словно охотники, произошло сильное землетрясение, которое обрушило дома в городах, особенно в Бейруте. Дома, упав, раздавили тех, кто бежал от моря, и так что никто не выжил. Море поднимается против них сзади, а землетрясение обрушало вниз город перед ними, потому что из-за своего зла и жадности они были пойманы между двумя бедствиями. Это произошло с ними в соответствии со словами священников: “хотя спасены от моря, справедливость не позволила бы им жить”. Поэтому те, кто искал богатства, были доведены до пол-

ного уничтожения и погибли, и их тела были обнаружены плавающими на волнах, как мусор, а на щебне из разрушенного города, по повелению Божию, вспыхнул огонь, и почти два месяца жгло пламя, и так разгорелось среди руин, что даже камни были сожжены и превратились в известь. Тогда Господь ниспослал дождь с неба в течение трех дней и ночей, и поэтому огонь, горевший в городе Бейруте, был потушен. Любой, кто был спасен от моря, вернулся в потерпевший крах город; лежавшие в городе раненые и пострадавшие жаждали воды, так как акведук города был разрушен. Когда сообщение об этом было получено императором Юстинианом, он послал золото через несколько знатных людей, которые собрали и погребли бесчисленные человеческие тела и восстановили город в некоторой степени»¹.

Тем временем по-прежнему живший в Константинополе Вигилий высказался об «Исповедании правой веры» резко негативно и заявил об отлучении каждого, кто его примет. Его поддержали коллеги по сидению во дворце Плацидии — архиепископ Медиоланский Даций и диакон Пелагий (будущий папа). Раскол усилился: власти отрешили от кафедры александрийского патриарха Зоила, который тоже выступил против нового «Исповедания...». Еще ранее был вызван ко двору, осужден и сослан по ложному обвинению в содействии узурпатору Гонтарису главный авторитет африканской общины, карфагенский епископ Репарат, отлучавший ранее Вигилия. Опасаясь за собственную свободу, папа 14 августа скрылся в базилике Святого Петра, располагавшейся где-то поблизости от дворца Хормизда. К нему присоединились Даций и более десятка других западных епископов. Они составили документ о низложении Феодора Аскиды и отлучении патриарха Мины — но предать его гласности до поры до времени поостереглись.

Юстиниан, гневаясь на папу, распорядился арестовать его. Римский епископ спрятался в алтаре и ухватился за жертвенник. Выполняя приказ василевса, посланные им солдаты схватили папу и потащили его чуть ли не за бороду. Будучи человеком тучным, Вигилий повалил какие-то алтарные колонны, оторвать от которых его не смогли. Сцена вышла неприличная, мало того — противозаконная, и, опасаясь народного возмущения, солдаты отступили, а импе-

¹ См.: *Иоанн Малала*, прим. к с. 181, 182.

ратор, по словам летописца Феофана, «раскаялся»¹. Он поклялся на святых мощах, что ареста не будет. Папа вернулся во дворец Плацидии, но теперь, при формальной «свободе», режим содержания его и Дация был почти тюремным. Общаться с находившимися в Константинополе прочими влиятельными римскими клириками они не могли, охрана докладывала императору обо всем, что там происходило. Тем не менее 23 декабря, в канун Рождества, темной ночью толстяк Вигилий в сопровождении старика Дация и всего окружения, обманув стражу, перелез по камням, сложенным для постройки новой стены дворца, и уплыл в Халкидон. Место выбрали символичное: беглецы засели в базилике Святой Евфимии, именно там, где столетием ранее заседал IV Вселенский собор.

Юстиниан был в ярости: римские попы перехитрили его и выставили дураком. Он отправил в Халкидон Велисария. Тот должен был от имени императора гарантировать Вигилию безопасность по возвращении в Константинополь. Но Вигилий ответил, в понимании Юстиниана, нагло: он, дескать, вернется, если государь докажет свои намерения не словами, а делами, отменив эдикты. Юстиниан отправил ему оскорбительное письмо, которое благоразумно не подписал. Хитрец! Папа такое письмо принять отказался и 5 февраля следующего, 552 года опубликовал послание «Ко всеобщему народу Божию» («Ad universum populum Dei»), где жаловался на чинимые неприятности, но, поскольку стороны обещали не спорить по существу до Вселенского собора, вопроса о «трех главах» не коснулся. Император в ответ приказал поодиночке изловить и препроводить в Константинополь окружавших Вигилия епископов и диаконов. Таких набралось 14 человек (в том числе Пелагий). Тогда папа обнародовал написанное в августе 551 года осуждение патриарха Мины и епископа Кесарийского Феодора Аскиды.

И опять Вигилий обставил Юстиниана! Неканоничность действий императора, насаждавшего в церкви ре-

¹ Рассказ про уцепившегося за столбы Вигилия фигурирует в истории дважды: у Феофана под 547 г. (в базилике Св. Сергия — очевидно, что это храм Св. Сергия и Ваха около дворца Хормизда) и у самого Вигилия, когда речь идет о событиях 551 г. (папа упоминает базилику Св. Петра и Павла). Вероятнее всего, это один и тот же факт, особенно если учесть то обстоятельство, что у соседствующих храмов Св. Сергия и Ваха и Св. Петра и Павла была общая стена. Видимо, Феофан ошибся.

шения не соборные, но авторитарные, была видна невооруженным глазом. Собор же в условиях, когда римский епископ всенародно жалуется на притеснения от еретиков, этот собор организующих, оказывался скомпрометированным еще до его начала! Юстиниан это отлично понимал и рекомендовал Мине написать Вигилию покаянное письмо. Отличавшийся кротким нравом Мина это безропотно и сделал. Феодору Аскиде не оставалось ничего другого, кроме как присоединиться.

В июне 552 года Вигилий примирился с Миной и Феодором, покинул место своего добровольного заточения и торжественно возвратился в столицу, где его официально принял Юстиниан. Последний императорский эдикт о «трех главах» был отменен. Получилось, что грозный император предпочел смириться перед папой. Но смирение это было временным: Юстиниан принял точку зрения своих противников относительно недопустимости «продавливания» мнений по догматическим вопросам императорским авторитетом и волей. Церковь может в таких случаях принимать решения только соборно? Значит, быть собору!

Тем временем Нарсес высадился в Италии. В том же июне в самом центре полуострова (при Тагинах) войско Тотилы было разгромлено. Сам он при отступлении получил смертельную рану, а его диадему и окровавленные одежды Нарсес отослал в столицу. Трофеи бросили к ногам Юстиниана.

Византийцы в который раз вошли в Рим, но война не кончилась. Остатки готов отступили за По и в Тицинуме избрали королем комита Тейю. Собрав все оставшиеся силы, новый король двинулся на помощь осажденным ромеями Кумам в Кампании. В октябре 552 года армия византийцев встретила готов у подножия «Молочной горы» близ Неаполя. Готы понимали, что проигрыш будет равнозначен крушению их королевства. Ожесточенное сражение длилось три дня. По обычаю своего народа король принял в нем личное участие. Он сражался пешим, и многие знатные готы, встав рядом, отпустили своих коней, чтобы не было даже мысли о бегстве. Но это не спасло ни битвы, ни жизни короля. Тейя пал, и победа досталась ромеям. Уцелевшие остготы смогли покинуть поле боя, дав клятву или подчиниться императору, или навсегда покинуть Италию. Еще несколько месяцев Нарсес добивал оставшиеся готские гарнизоны — последние очаги сопротивления. Юстиниан мог вздохнуть с облегчением: вот теперь действительно всё!

Около 552 года у империи появился свой шелк: два несторианских монаха-миссионера, рискуя жизнью, вывели из Китая в полых посохах грену шелковичного червя¹. Выпуск шелка, монополизированный казной, стал приносить ей колоссальные доходы. Но дело даже не в этом: шелк был своего рода «стратегическим товаром» позднеантичного мира, подобно золоту и железу. Красивая ткань, в которой не заводились паразиты, ценилась всеми. Одевание из шелковой ткани, присланное в подарок, было символом могущества дарящего и статуса одаряемого. Однако до тех пор, пока персы ограничивали торговлю шелком назначаемыми в Ктесифоне лимитами, именно персидский царь определял возможности византийского императора — что было политически унижительно. Кроме того, ромеи платили за шелк золотом, то есть дополнительно ко всем выплатам снабжали своих противников ценным ресурсом. Теперь эта ситуация изменилась.

Началась подготовка к Вселенскому собору, во время которой скончался ответственный за его проведение Мина (25 августа 552 года). Новым константинопольским патриархом стал архимандрит одного из пафлагонских монастырей Евтихий. Произошло это почти случайно: монах должен был представлять амасийского митрополита на соборе и в процессе предсоборных встреч так понравился Юстиниану своей позицией против «трех глав», что император захотел видеть патриархом только его. Юстиниан даже рассказал епископам, что к нему во сне явился апостол Петр и потребовал именно Евтихия. Примерно через полгода новый патриарх в который раз обратился к Вигилию. Папа долго торговался относительно состава делегаций, места проведения будущего собора, процедуры подготовки решений — в общем, чинил всяческие препятствия. Вигилий понимал, что если епископы съедутся на собор так, как это бывало на предыдущих вселенских соборах (по нескольку епископов от митрополии), то Запад окажется в меньшинстве. Тогда он предложил обсуждать вопрос о «трех главах» в равном присутствии — от Запада и Востока, — и не где-нибудь, а в Италии. Однако церковь была не Запада и не Востока, но Вселенская! И нарушать в угоду папе установленный предшественниками порядок организации собора Юстиниан не стал — тут обычай был на его стороне. Что касается места проведения, то разоренная войной Италия очевидным об-

¹ *Прокопий*. Война с готами. IV. 17; Т. 2. С. 71.

разом не годилась, и здесь позиция Вигилия оказывалась проигрышной. Скорее для вида, чем искренне, василевс предложил папе компромисс: решить вопрос веры судом, когда сначала вопрос докладывает каждая сторона со своей точки зрения, а затем решения выносят независимые судьи. Восточные епископы сочли было такую процедуру нарушением правил, но на результат их мнение не повлияло, так как папа отверг императорское предложение. В конечном итоге, когда в начале мая 553 года V Вселенский собор открылся, Вигилия там не было. Соответственно, свои клятвы над реликвиями, данные императору, он нарушил. Многие из западных епископов, прежде всего Африки и Иллирика, получив извещение о соборе, уклонились от визита в Константинополь. Но в свите Вигилия было полтора десятка епископов, и все они при желании могли не то чтобы приехать, а пешком дойти до места заседаний, пристройки к храму Святой Софии. Однако не дошли.

Юстиниан, подчеркивая свое нежелание влиять на работу собора, намеренно не принимал в нем личного участия. Когда же по какому-то вопросу епископы желали знать мнение императора, тот направлял мандатора, который зачитывал от имени государя текст, а затем удалялся. На первом заседании таким текстом стало торжественное приветствие:

«Император цезарь Флавий Юстиниан, алеманский, готский, франкский, верхнегерманский, аланский, вандальский, африканский, благочестивый, счастливый, славный, победитель и триумфатор, постоянный август, блаженнейшим епископам и патриархам, Евтихию константинопольскому, Аполлинарию александрийскому, Домнину феопольскому, Стефану, Георгию и Дамиану благоговейнейшим епископам, занимающим место Евстохия, блаженнейшего мужа, архиепископа и патриарха иерусалимского, и прочим благоговейнейшим епископам, собравшимся из разных стран в этом царствующем городе.

Искоренять возникавшие по временам ереси посредством собирания благоговейнейших епископов, и единодушным провозглашением правой веры доставлять мир святой Церкви Божией — было всегдашнею заботою православных и благочестивых императоров, предков наших...

Когда же Господь Бог по своему милосердию вручил нам управление государством, то в основание и начало нашего правления мы положили соединить разделившихся священников святых Божиих церквей от востока до запада».

В этом приветствии Юстиниан, называя Вигилия «благоговейнейшим», не упустил случая описать его метания и достаточно недвусмысленно осудить поведение: «Помните также и заповедь апостола Петра, который говорит: “готовы же присно ко ответу всякому вопрошающему вы словесе о вашем уповании” (1 Петр., 3.15) и немедленно объявите ваше мнение о том, о чем мы вас спрашивали; потому что когда вопрошаемый о правой вере надолго откладывает ответ, — это не иное что показывает, как только отрицание им правого исповедания. Ибо в вопросах и ответах, касающихся веры, нет ни первого, ни второго (Юстиниан говорит о церковной иерархии. — С. Д.); но кто окажется более готовым в исповедании правды, тот и приятен Богу»¹.

Вигилий упрямо не посещал собор, хотя находился в Константинополе и делегатов к нему присылали не единожды. Правда, он обещал рассмотреть его определения и высказать по ним свое мнение. В конце концов, вместе с находившимися с ним западными епископами и тремя диаконами он это определение дал, фактически выступив и против императора, и против собора, то есть уже вторично нарушив клятву. В документе, называвшемся *Constitutum*, он не отказывался признавать учение Феодора еретическим, но не считал верным осуждать ни самого Феодора (которого не осудили древние отцы церкви), ни тем более Феодорита и Иву, восстановленных в общении Вселенским собором. И тут Юстиниан полностью переиграл папу. Для начала делегаты собора, прибывшие к Вигилию, отказались слушать его аргументы, предложив доложить всё императору, притом лично. Папа это сделать не пожелал, отправив к Юстиниану иподиакона. Император посланца не принял, заявив примерно следующее: «Если благоговейнейший отец наш осудил “трех глав” так же, как он это сделал ранее, то в новом осуждении нет необходимости. Если же он поменял свое мнение, то нет смысла слушать отступление от правых догматов и защиту нечестия».

Затем Юстиниан предал гласности переписку с папой, и соборные отцы убедились в том, что сначала Вигилий требовал подтверждения привилегий, в обмен осудив «трех глав», а затем, отозвав назад свою подпись под *Judicatum*’ом, поклялся осудить «трех глав» позднее и слова не сдержал! Всё это представило римского епископа в

¹ Деяния Вселенских соборов. Т. 5. С. 16—22. Титулатура Юстиниана изменена в соответствии с современнымписанием.

очень невыгодном свете. Собор, по предложению Юстиниана, исключил его имя из церковных поминаний-диптихов (это было осуждение личности Вигилия, общения с апостольским престолом собор не отверг) и продолжил работу, которая завершилась 2 июня осуждением «трех глав», учения Оригена, а также монофизитских представлений. С точки зрения сегодняшних богословов, «...имея главной целью привлечение в церковное общение монофизитов через осуждение несторианства, соборное постановление осуждает при этом симметрически обе ереси — и несторианство, и монофизитство. С одной стороны, осуждаются те, кто халкидонское “в двух природах” истолковывают по-несториански, разделяя лица и ипостаси. С другой стороны, не менее определенно осуждается монофизитское понимание “единой природы Бога Слова воплощенной”. Собор вполне сохраняет таким образом равновесие халкидонской христологии, но проявляет терминологическую широту и гибкость, показывая, что одни и те же выражения в зависимости от их понимания приобретают или православный, или еретический смысл. Допуская православное употребление нехалкидонской терминологии, Собор широко открыл двери для примирения с антихалкидонитами. Насколько удался этот замысел?.. Окраинные и заграничные народы, противившиеся Халкидону первое столетие после него, по большей части продолжали противиться и после 553 г. Но на почве греческого богословия можно говорить о существенной победе V Вселенского Собора над антихалкидонизмом. Начинается стремительное угасание антихалкидонского греческого богословия, и монофизитство окостеневаает в виде разрозненных национальных преданий окраин империи. Покушения на Халкидонское вероопределение стали уже невозможны, и ересь монофелитства имела всего лишь компромиссный характер»¹.

Надо полагать, в качестве личной мести Юстиниан долго не отпускал Вигилия в ставший имперским Рим. После демарша на соборе папа находился в ссылке на Принцевых островах; сосланы были и его коллеги — западные епископы. 8 декабря 553 года Вигилий отправил патриарху Евтихию послание, в котором признал правоту собора и присоединился к осуждению «трех глав». Но лишь через несколько месяцев после того, как 23 февраля 554 года папа

¹ ПЭ. Т. IX. С. 626. Сокращения в тексте цитаты раскрыты.

подтвердил это осуждение вторым документом с названием «Constitutum», ему было разрешено покинуть Константинополь. Напоследок Юстиниан сделал Вигилию воистину царский подарок, приказав отредактировать для него тексты Пятого собора для латинского перевода таким образом, чтобы неблагоприятная роль папы была скрыта, — вплоть до удаления текстов о вычеркивании его имени из диптихов. Дорогого его сердцу Рима Вигилий так и не достиг: выехав из Константинополя в августе 554 года (после утверждения «Прагматической санкции» по управлению Италией), он, передвигаясь почему-то крайне медленно, умер 6 июня 555 года в Сиракузах.

Пятый Вселенский собор стал вечным памятником и административным, и богословским усилиям Юстиниана. Он также является важным историческим аргументом против догмата о безошибочности папы: ведь получалось так, что вполне канонический папа «четырежды высказавшись *ex cathedra* по спорному вопросу, всякий раз изменял свою позицию»¹.

Вот теперь, опираясь уже на авторитет собора, Юстиниан буквально разгромил церковную оппозицию Запада. Кого-то, как епископа Тонненского Виктора и митрополита Иллирика Фронтинна, согнали с кафедры, схватили и сослали в далекий монастырь в Египте, кто-то скрылся и бежал сам. Впрочем, есть и другая точка зрения, согласно которой подобные прецеденты были единичными, а на самом деле император не нуждался в репрессиях, ибо авторитет собора был достаточен².

В период подготовки к собору 8 февраля 553 года новеллой (146-й) на имя префекта претория Ареовинда император предписал иудеям в тех местах, где местным языком евреев был уже не арамейский, читать только определенные переводы Ветхого Завета и запретил «неофициальный» перевод, так называемый «девторос» («второе толкование»), что вело к ограничению еврейской толковательной традиции.

Весна 553 года была отмечена беспорядками, вызванными действиями правительства: «В марте месяце первого индикта произошла порча монеты. Когда восстали бедные и наступило смятение, об этом было сообщено императору. Тот приказал остановить ценность монеты согласно той,

¹ ПЭ. Т. IX. С. 628.

² *Геростергиос*, 2010. С. 219.

которая была установлена раньше»¹. «Восстание бедных» могло быть вызвано увеличением количества фоллисов в номисме (от этого страдали те, кто держал накопления в меди, то есть беднота). Видимо, изменение курса меди было очень сильным: в 550 и 565 годах аналогичные действия к мятежам по причине «порчи монеты» не приводили².

В августе 554 года произошло сильное землетрясение, разрушившее много городов, в том числе Никомидию. Толчки продолжались очень долго — 40 дней.

В том же году Нарсес одержал победу над семидесяти-тысячной ордой вторгшихся с севера франков и алеманов во главе с двумя братьями-вождями Левтарисом и Бутилином. Но прежде чем погибнуть от ударов византийских войск и болезней, варварская орда, разделившись на две части, прошла до Сицилийского пролива и обратно, подвергнув грабежу все земли, имевшие несчастье оказаться на их пути, от Равенны до Кампании, Апулии и Калабрии. В основном боевые действия на территории Италии завершились, а готы, ушедшие в Рецию и Норик, были покорены в течение следующего десятилетия.

Юстиниан и армия

*Организация военной службы в империи менялась на протяжении веков. В ранневизантийскую эпоху в основном сохранялся принцип комплектования, сложившийся во времена императоров Диоклетиана и Константина (284—337). Согласно одной из точек зрения, в приграничных районах располагались наследники старых римских легионов, под командованием дуксов провинций обеспечивавшие оборону сухопутных границ (лимитаны, *limitanei*) и речных берегов (рипенсы, *ripenses*), а также гарнизоны крепостей. В глубинных*

¹ Иоанн Малала. XVIII. 117. С. 183.

² Шувалов, 2015. С. 27. Следует отметить, что в нунумизматической литературе иногда упоминается о порче золотой монеты, снижении содержания золота в ней. Это неточно. Юстиниан действительно начал выпускать облегченные золотые солиды, но на них стояли специальные знаки и никому бы в голову не пришло заменить одну монету другой. Кроме того, доля таких облегченных номисм (весом не 24, а 22, 21 и даже 20 силикв) в обращении была крайне мала — они очень редки. Последующие императоры чеканили облегченные номисмы минимум столетие — они тоже встречаются гораздо реже обычных. Возможно, это были какие-то специальные выпуски, например, для выплат варварам.

районах дислоцировалась подвижная полевая армия, солдаты которой именовались «свитскими» (коми-татенсы, *comitatensis*), частью которой со времени Константина стали «дворцовые» войска в столицах и крупных городах империи — палатины (*palatini*). В последние годы делаются попытки пересмотреть данную точку зрения¹ и считать комитатов не полевой армией, а войсками под командованием императора (презентальными, постоянно «присутствующими» во внутренних районах страны), все остальные наличные силы, предполагается, занимались обороной границ. Так или иначе, в Юстинианово время империя располагала презентальными («присутствующими» при ставке императора?) войсками, использовавшимися как источник резерва, и армиями под началом территориальных магистров.

К моменту вступления Юстиниана на трон римской армии в том смысле, в каком она была хотя бы при Льве и Зиноне, уже не существовало. Войска подразделялись на регулярные боевые части под командованием презентальных и территориальных магистров и дворцовые, которыми командовал магистр оффиций. Плюс в подчинении соответствующего комита находился отряд личной стражи императора — *экскувиты*. Третью силу составляли варвары-федераты, воевавшие под командой своих племенных вождей и римских начальников, *оптионов*. Во время боевых действий могли привлекаться и союзники-*fidei* или, по-гречески, «*симмахи*»; эти варвары хорошо подчинялись лишь своим командирам. В первой трети VI столетия не только федераты и союзники, но и регулярные части комплектовались из варваров. Солдаты получали содержание из казны, но могли при этом владеть землей, иметь семью и вообще, в отличие от более раннего времени, как бы «срастались» с той местностью, откуда происходили. Не случайно историки неоднократно описывали ситуации, когда те или иные части, узнав о набегах на места их постоянной дислокации, бросали участие в кампании и уходили назад — защищать семьи и имущество. Нередким явлением стало самовольное оставление части военнослужащими, по поводу чего Юстиниан издавал строгие указы префекту претория

¹ См.: Банников, Морозов, 2013. С. 34—44.

и правителям провинций. Полководцы империи, подобно варварским вождям, считали нормальным обзаводиться воинской дружиной, букеллариями. Императорам в то время хватало власти при необходимости расформировывать такие дружины и переподчинять их другому армейскому командованию. Бунты солдат против начальников, даже убийства ими своих командиров были если не повсеместно распространенным, то, во всяком случае, встречавшимся явлением. При всей своей воинственности и опытности в ратном деле федераты никогда не отличались дисциплинированностью. Объединенные в племенные союзы, они, буйные и невоздержанные, часто возмущались против командования, и управление такой армией требовало немалых талантов. Распространенным злом стала задержка с выплатой жалованья. В общем, картина складывалась нестройная и на первый взгляд малопривлекательная — но других войск у Юстиниана не было и все свои кампании он вел с малой численностью. Так, в вандалский поход отправились 15—17 тысяч человек, а экспедиционный корпус в Италии никогда не насчитывал более 25 тысяч воинов¹.

Со временем Юстиниан отошел от принципа выплат жалованья пограничным контингентам, заменив его принципом «самообеспечения», когда солдаты-лимитаны должны были обрабатывать предоставленную за службу землю, кормиться с нее и защищать ее границы. Служба при этом стала наследственной². Видимо, именно с этим связаны многочисленные упоминания в источниках о том, что император лишил армию причитающегося содержания. Согласно воззрениям некоторых современных историков, при Юстиниане происходит сокращение численности презентальных армий, а боевые действия ведут стратеги-автократы, отправляясь на театр боевых действий с относительно небольшим войском, но с деньгами и полномочиями набирать, кого надо, на месте³. Таким образом, Юстиниан лишь довел до логического конца тенденцию, наметившуюся ранее: в боевой поход от-

¹ Там же. С. 280.

² *Мохов*, 2013. С. 27. Есть и противоположная точка зрения, состоящая в том, что к концу правления Юстиниана военное землевладение вообще было упразднено, см.: *Банников, Морозов*, 2013. С. 282.

³ *Шувалов*, 2006. С. 145—147.

правлялись вексилляции, набранные из регулярных войск, федераты и союзники-симмахи. После победы симмахи уходили, а вексилляции и часть федератов могли оставаться на месте, под командованием военных магистров завоеванной территории. Все это вело к постепенному «перетеканию» сил презентальных армий в регионы, что было заметно всем, — хотя общая численность сохранялась более или менее неизменной. Такая военная организация снижала вероятность возникновения армейского мятежа — по крайней мере, теоретически. К концу правления Юстиниана константинопольское правительство, по-видимому, вообще не располагало хоть каким-то крупным войском в качестве централизованного резерва¹. Возможно, с этой тенденцией связано и уменьшение престижа презентальных магистров, снижение места этого звания в иерархии должностей VI в.² В италийскую кампанию армия, снабжение которой было организовано плохо, выражала недовольство и время от времени либо отказывалась сражаться, либо открыто угрожала перейти на сторону неприятеля (отдельные отряды или военачальники так и поступали).

Современники критиковали Юстиниана за уменьшение численности войск, чрезмерное внимание к строительству оборонительных сооружений, которые могли быть действенной мерой против врагов, только если комплектовались гарнизонами. А их, по мнению современников императора, не хватало. Но не нужно забывать, что после эпидемий чумы в середине столетия население империи уменьшилось³ и это, возможно, стало чуть ли не основной причиной нехватки солдат. К тому же нам достоверно известно, насколько более подготовленными были солдаты конца правления Юстиниана: а при возросшем «умении» можно обойтись и меньшим «числом». Однако подготовка и снаряжение таких воинов требовали дополнительных средств.

Ругая Юстиниана за все, что бы он ни делал, Прокопий писал, что и войны император вел нехорошо: «Он не считал нужным выждать подходящего времени

¹ Банников, Морозов, 2013. С. 285, 288.

² См.: Глушанин, 1991. С. 186.

³ Курбатов, 1991. С. 256.

для задуманного дела, но все затевал не вовремя: в мирное время и в пору перемирия он постоянно злокозненно вынашивал поводы для войны с соседями, а во время войны, безо всякого основания падая духом, по причине корыстолюбия чрезмерно медленно совершал необходимые для дел приготовления и вместо заботы о них размышлял о возвышенном, излишне любопытствуя о природе божества, не прекращая войны из-за кровожадности и склонности к убийствам и вместе с тем не имея возможности одолеть своих врагов вследствие того, что вместо должного по своей мелочности занимался пустяками»¹. Тем не менее все свои кампании Юстиниан завершил или военной победой, или отсутствием явного поражения. Однако платой за это стало перенапряжение сил, что привело к систематическим варварским вторжениям, разорвавшим европейские провинции.

Мечта Юстиниана о воссоединении Римской империи исполнилась. Правда, галльские владения королевства Теодориха подпали под власть франков, а бывшая северная граница на десятки, а где-то и на сотни километров сдвинулась к югу. Время от времени вспыхивали мятежи. Так, в 554 году Нарсесу пришлось бороться со своим вчерашним союзником герулом Синдвальдом, попытавшимся основать независимое королевство севернее Вероны. Собственно же Италия была разорена, по дорогам истерзанных войной областей бродили разбойники; пять раз (в 536, 546, 547, 550 и 552 годах) переходивший из рук в руки Рим обезлюдел, и резиденцией наместника Италии стала Равенна.

13 августа 554 года Юстиниан выпустил «Прагматическую санкцию», отменявшую все нововведения готов после Теодата: земля возвращалась прежним хозяевам, равно как и освобожденные королем Тотилой рабы и колонаты².

Римский сенат, многие члены которого были разорены или погибли, утратил остатки бывшего влияния, став фактически городским советом. На фоне умаления его политической роли всё большим влиянием пользовалась церковь

¹ «Тайная история». XVIII. Цит. по: *Прокопий*. Войны. С. 311.

² Примечательно, что в 552 г. в Африке Юстиниан установил иные правила: землевладелец мог вернуть себе беглого колона, только если тот бежал до вступления в Африку византийцев. Спустя шесть лет эта установка была подтверждена специально.

во главе с римским епископом — тем более что законодательство Юстиниана возвысило общественный статус епископов. В 555 году папой стал энергичный и патриотически настроенный диакон Пелагий. Усиливая свои позиции не только в политике, но и в экономике, прибирая к рукам многочисленные земли, превращаясь в источник дохода для разоренной страны, римский епископ становился настоящей властью для римлян. Так закладывалась конструкция, на века определившая судьбу Италии и всей Западной Европы. Верховное гражданское управление тринадцатью провинциями Италии было возложено на префекта претория Италии, военное — на магистра. Возобновилась раздача государственного хлеба жителям самого Рима, что не могло не радовать тамошних бедняков.

Добрые для императора вести пришли в Константинополь и из далекой Испании. Старец Либерий воевал там вполне успешно. Сначала византийцы действовали в союзе с узурпатором Атанагильдом, затем — против него и отвоевали юго-восток Испании с городами Кордовой, Картаго-Новой и Малагой. Это, конечно, была лишь жалкая часть бывлой римской Испании, но всё же еще один успех!

Со временем по велению Юстиниана власти отстроили и Рим, и Медиолан, и Равенну, и десятки других городов, но тем не менее «истинного возрождения в правление византийцев Италия так и не достигла из-за введенной здесь налоговой системы и злоупотреблений сборщиков податей»¹. Это, наверное, можно сказать и об Испании. Владение территориями, отрезанными морем и варварами, требовало всё больших усилий. В конечном итоге империя с этой задачей не справилась. Но это будет потом. Пока же в обществе царил эйфория от «воссоединения земель».

Между тем некоторые осуждали Юстиниана уже тогда. Они полагали, что пока империя, напрягая последние силы, сражалась за Италию и Испанию, Иллирик и Фракия превращались в варварские вотчины. Одним из таких критиков был, естественно, Прокопий Кесарийский: «За это время войны (с готами. — С. Д.) варвары стали владыками всего Запада. Для римлян эта война с готами, хотя вначале они одержали ряд блестящих побед... принесла тот результат, что они не только без всякой пользы для себя погубили много людей и истратили денег, но сверх того потеряли всю Италию и должны были видеть, как Иллирия и Фракия под-

¹ Чекалова, 2010. С. 53.

вергаются грабежу и уничтожению без всякого сожаления со стороны варваров, поскольку они были соседями этих стран. Произошло это следующим образом. В начале этой войны все те части Галлии, которые были им подвластны, готы отдали германцам, полагая, что у них не будет сил одновременно бороться на два фронта — и с римлянами, и с германцами... Этому факту римляне не только не могли помешать, но император Юстиниан сам подтвердил, закрепив его в их пользу для того, чтобы не встретить со стороны этих воинственных варваров какого-либо враждебного противодействия, в случае если и они будут вовлечены в эту войну. Ведь франки не считали свое обладание Галлией надежным, если к этому делу не приложит своей печати самодержавный император. С этого времени короли франков получили в свои руки Массилию (Марсель. — *С. Д.*), бывшую фокейскую колонию, и все приморские местности и владели морем в этих местах. Они стали председателями на конных состязаниях в Арелате (Арле. — *С. Д.*), они стали чеканить золотую монету из металлов, бывших в Галлии, выбивая на этом статере образ не римского самодержца, как это было в обычае, но собственно свое, франкских королей, изображение...

Когда дела готов и Тотилы оказались лучше, чем у римлян, то франки без всякого труда присвоили себе большую часть Венетской области, так как ни римляне не могли им сопротивляться, ни готы не были в состоянии вести войну против них обоих. Со своей стороны и гепиды захватили и держали в своей власти город Сирмий и большую часть Дакии, после того как император Юстиниан отнял эти места у готов. Они обратили в рабство живших там римлян и, идя всё дальше и дальше, грабили и совершали насилия над Римской империей. Поэтому-то император перестал давать жалованье, которое они издавна привыкли получать от римлян. Что касается лангобардов, то император Юстиниан одарил их городом Норикой, крепостями в Паннонии и многими другими местностями, сверх того дал им огромные суммы денег. Поэтому лангобарды переселились из наследственных владений и осели на этом берегу Истра, недалеко от гепидов. Они в свою очередь грабили Далмацию и Иллирию вплоть до пределов Эпидамна и обратили в рабство жителей. Когда же некоторые из их пленников сумели бежать и вернуться на родину, то варвары, проходя по всей Римской империи как союзники римлян, если опознавали здесь кого-нибудь из бежавших, захватывали

их как своих личных беглых рабов и, оторвав от родителей, уводили к себе домой, так как никто им в этом не препятствовал. Затем с соизволения императора другие места Даккии, около города Сингидона (Сингидун, Белград. — *С. Д.*), заняли эрулы — они и ныне живут там; и они также делали набеги на Иллирию и местности, прилегающие к Фракии, и на широкое пространство опустошали их. Некоторые из них стали римскими солдатами и были зачислены в войска под именем “федератов” (союзников). И всякий раз, когда отправляются послы эрулов (герулов. — *С. Д.*) в Византию, они без большого труда получают от императора жалованье для тех людей, которые грабят римских подданных и затем спокойно удаляются.

Так поделили между собой варвары Римскую империю»¹.

Действительно, если дела на дальнем Западе и на Востоке улаживались, то дунайская граница буквально трещала по швам. Хотя Юстиниан строил и подновлял фракийские крепости, из-за масштабных войн в Италии и на Востоке они испытывали хронический некомплект гарнизонов, что снижало их ценность даже в случае относительно малочисленных набегов. Через эту цепь укреплений продолжали рваться славяне и остатки могущественного столетие назад гуннского союза племен.

Закат: 555—565

События последних лет Юстиниана словно возвращают нас к началу его царствования: набеги варваров на европейские провинции, вялотекущее противостояние с персами, беспорядки в столице и других крупных городах, стихийные бедствия, пожары. И так чуть ли не каждый год.

Не успели в Константинополе порадоваться окончанию италийской кампании, как снова грозные вести пришли с Востока. Весной 555 года в Лазикю вторглась новая армия персов, на вооружении которой состояли боевые слоны. Элефантерия не помогла иранцам: во время осады города Фазиса ромейский воин поразил одного слона в глаз. Обезумевшее животное начало метаться, топча персидскую пехоту и распугивая кавалерию. Византийцы увидели, что у врага случилась какая-то неприятность, и перешли в наступ-

¹ *Прокопий*. Война с готами. III. 33, 34; Т. 1. С. 304—307.

ление. Иранцы были разбиты и бежали. В итоге, оставив в Лазике небольшой отряд панцирной кавалерии, персидский главнокомандующий Нахорган увел большую часть людей домой вместе со слонами. Византийцы вернулись в район своих былых владений, и в том же 555 году покинутый ранее Севастополис был вновь отстроен и снабжен гарнизоном.

А вот победитель персов Мартин по окончании кампании был снят с поста и уволен из армии в связи с преступлением, совершенным по отношению к царю лазов Губазу.

Про этот случай имеет смысл рассказать подробнее. В Лазике два высокопоставленных ромея, чиновник Рустик и офицер Иоанн, пользуясь служебным положением и рассчитывая на покровительство главнокомандующего Мартина и на то, что «война все спишет», убили царя лазов Губаза под предлогом того, что он принял сторону персов и не захотел принять участие в кампании совместно с ромеями. Губаза эти двое ненавидели по личным причинам. Юстиниан прислал из столицы опытного судью и приказал открыто исследовать все материалы дела и свидетельские показания. Ромеи оправдывались инструкцией императора, который, требуя доставить ему Губаза, разрешал его убить при отказе прибыть. Лазы возражали, говоря, что если Губаз действительно был предателем, ничто не мешало судить его по закону. А главное — он получил приказ не отправиться в Константинополь, а выступить в поход, успех которого считал сомнительным. «Дважды был судебный допрос, все обстоятельства были точно разобраны и исследованы, было установлено отсутствие какой-либо измены или стремления к тирании со стороны Губаза, а [как выяснилось] имело место беззаконнейшее и низкое убийство. <...> Когда все это судьей было установлено, то он решил сообщить, что Мартин принимал участие в подготовке этого злодеяния, довести до сведения императора. Им же (Рустик и Иоанну. — С. Д.), неопровержимо уличенным в убийстве, он вынес приговор, в котором предписывал подвергнуть их немедленно смертной казни путем отсечения головы. Их провозили по общественным дорогам, посаженных на мулов специально для колхов, что было для них предметом любопытного зрелища и напоминанием о необходимости величайшей осмотрительности. Особенно их поражал голос герольда — глашатая, кричавшего громко и пронзительно, призывавшего бояться законов и воздерживаться от несправедливых убийств. Когда же у них были

отрублены головы, все прониклись состраданием, забыв об оскорблении. Этим закончился суд. Колхи же снова почувствовали величайшее благорасположение к римлянам, восстановив старые к ним отношения»¹.

Юстиниан отлично понимал, что авторитет римлян испарится, если он позволит своим войскам творить бесчинства, прикрываясь войной, и убивать невиновных людей (союзных римлянам варваров, почти граждан), объявляя их пособниками врага и получая за это награды. Честный суд, проведенный без скидок на то, что убитый был варваром, а убийцы — своими, в этой ситуации оказался наилучшим выходом. Вместо Мартина был назначен сын Германа Юстин.

На примерах Мартина и Бессы мы видим, что во второй половине правления Юстиниан не слишком мешал своим военачальникам обогащаться на войне, но если их поведение настраивало против ромеев местное население, виноватых карал, невзирая на прошлые заслуги. Видимо, император извлек уроки из вандальской кампании.

Более года Иран не предпринимал активных действий, а в 557 году пятилетнее перемирие было вновь продлено. Для этого в Константинополь в очередной раз приехал надменный Йезд-Гушнасп. На сей раз персы заключили договор даже охотнее, чем ромеи: Хосров Ануширван вел тяжелую войну на далеких восточных границах своего царства с эфталитами — давними врагами Ирана.

Перемирие не помешало Юстиниану присоединить к империи земли цанов — воинственного племени, жившего на пути из Колхиды в Трапезунд. В 558 году военачальник Феодор покорил цанов, и василевс распорядился обложить их налогами, как всех прочих граждан империи. Византийский историк Агафий сохранил сведения о каких-то законах императора в отношении этого племени, но тексты законов не сохранились.

11 мая 556 года на ристаниях, посвященных дню основания Константинополя, жители кричали императору: «Василевс, [дай из]обилие городу!» В тот же день толпа разгромила дом городского епарха Мусония². Происходило это при персидских послах, и Юстиниан, рассвирепев, приказал казнить многих крикунов. В июле вспыхнуло вос-

¹ Агафий. IV. 11. С. 140, 141.

² Иоанн Малала. XVIII. См.: Прокопий. Войны. С. 492; Феофан, год 6047. С. 177.

стание в Палестинской Кесарии. Против императора объединились городские самаритяне и иудеи. По словам Феофана, они, «изображая из себя как бы враждебные партии прасинов и венетов, напали на христиан того города и многих убили и церкви пожгли»¹. Проконсул Палестины Стефан был схвачен и убит, а его жена, бежавшая из города, добралась до Константинополя и живописала императору ужасы мятежа. В Сирию отправилась армия во главе с неким Амантием: Юстиниан повелел рубить многим головы или руки, лишать имущества и ссылать.

14 декабря 557 года в столице и окрестных городах началось очередное землетрясение. Толчки продолжались десять дней. Город Регий к западу от столицы был разрушен полностью, а в самом Константинополе стихия повредила городскую стену и повалила статую императора Аркадия на форуме Тавра. Горожане истово молились, Юстиниан же, в знак смирения, 40 дней не носил императорский венец, отменил традиционные обеды, а предназначенные на это деньги использовал для пострадавших. Купол Святой Софии треснул и через несколько месяцев, 7 мая 558 года, во время ремонта, частично рухнул, разломав драгоценный алтарь. Из архитекторов, строивших собор, в живых уже не было никого, но у Исидора Милетского нашелся племянник, Исидор-младший, тоже механик, под руководством которого купол начали восстанавливать.

В 558 году в столицу прибыло посольство от невиданного ранее варварского народа — аваров. Юстиниан принял послов торжественно, одарил их и отправил к кагану Бояну своего приближенного Валентина. Аварский посол держал перед августом речь достаточно заносчивую, но Юстиниан оставил это без внимания. «Он был уже стар, и та твердость (прежняя, времен походов против вандалов и готов. — С. Д.) и воинственность превратились в любовь к покою»², — написал по этому поводу византийский историк Менандр Протиктор. Мог ли император предполагать, что пройдет каких-нибудь двадцать лет и именно эти странно выглядящие номады с длинными, заплетенными в косы волосами станут одними из самых опасных врагов империи? Вряд ли.

А пока враги были прежними. Зима 558/59 года выдалась очень холодной. Дунай замерз, и по его льду масса бол-

¹ Феофан, год 6047. С. 177; Иоанн Малала. XVIII. См.: Проконий. Войны. С. 492.

² Византийские историки. С. 321.

гар (гуннов-кутригуров) и славян хлынула в пределы империи. Грабившие всех и вся захватчики дошли до Фермопил и Херсонеса Фракийского, а большая их часть повернула на Константинополь. Из уст в уста византийцы передавали рассказы о зверствах неприятеля. Историк Агафий Миринейский пишет, что враги даже беременных женщин заставляли, насмехаясь над их страданиями, рожать прямо на дорогах, а к младенцам не позволяли и прикоснуться, оставляя новорожденных на съедение птицам и псам. В Городе, под защиту двойных стен которого бежало, прихватив самое ценное, все население окрестностей (поврежденная землетрясениями Длинная стена не могла служить надежной преградой разбойникам), практически не было войск. Император мобилизовал для защиты столицы всех способных владеть оружием, выставив к бойницам городское ополчение цирковых партий (димотов), дворцовую стражу и даже вооруженных членов синклита. Командовать обороной Юстиниан поручил Велисарю. «Он показал величайшую опытность и храбрость, значительно превышавшую его возраст. Он был уже стар и, естественно, весьма слаб, но отнюдь не казался подавленным трудами и не жалел нисколько своей жизни. За ним следовало не более 300 оплитов — сильных людей, потрудившихся с ним в боях, какие он вел на Западе. Прочая толпа была почти безоружна и необучена и по неопытности считала войну приятным занятием. Она собиралась скорее ради зрелища, чем ради сражения. Сбежалась к нему из окрестностей и толпа сельских жителей. Так как поля у них были опустошены врагами, то, не имея пристанища, они быстро собрались вокруг Велизария. Присоединив к своим силам толпы крестьян, он воспользовался ими умело, обнес лагерь широким рвом и часто посылал разведчиков, поручив им, насколько это было возможно, наблюдение за неприятельскими силами, определение их численности и собирание других сведений, которые удастся получить»¹.

Нужда в средствах оказалась такой, что для организации кавалерийских отрядов пришлось поставить под седло беговых лошадей столичного ипподрома. Полководец применил хитрость: он повел свою конницу в атаку, привязав к лошадям срезанные ветви деревьев. Клубы пыли скрыли убожество сил обороны, и гунны предпочли отступить. С небывалым трудом, угрожая мощью византийского фло-

¹ *Агафий*. V. 16. С. 191.

та (который мог перекрыть Дунай и запереть варваров во Фракии) и снова натравив на кутригуров их соперников-утигуров, нашествие удалось отразить. С течением времени утигуры и кутригуры ослабили себя в междоусобной войне, но мелкие отряды славян продолжали почти беспрепятственно переходить границу, просачиваться сквозь нее и селиться на европейских землях империи, образуя прочные колонии. «Ославянилась вся Греция и сделалась варварскою», — напишет спустя четыреста лет византийский император Константин Багрянородный: но начало этому процессу было положено как раз в последние годы правления нашего героя.

Описывая этот набег, Агафий Миринейский винил Юстиниана: «...император раньше покорил всю Италию и Ливию, провел успешно эти величайшие войны и первый, так сказать, среди всех царствовавших в Византии показал себя не на словах, а на деле римским императором. Но эти и подобные деяния были совершены, когда он был еще молод и полон сил. А теперь, в конце своей жизни, уже и состарившись, он, казалось, отказался от трудов и предпочитал скорее сталкивать врагов между собою, смягчать их, если необходимо, подарками и таким образом их кое-как сдерживать, чем доверяться самому себе и постоянно подвергаться опасностям. Поэтому он легко переносил ликвидацию легионов, как будто в них в дальнейшем совершенно не было нужды. Это нерадение охватило и тех, которые занимали вторые должности в управлении государством, на обязанности которых лежало обложение подданных налогами и снабжение войска необходимым. Они часто открыто обманывали [воинов], часто выплачивали содержание гораздо позднее, чем должно. Затем эти люди, искушенные в обманном по отношению к народу крючкотворстве, пересматривали списки и требовали обратно уже выплаченное. Честь и достоинство их заключались в том, чтобы возводить на воинов одно обвинение за другим и отнимать у них пропитание, и, как будто в приливе и отливе вод, то же количество, которое было доставлено воинам из податей, не знаю каким способом, выливалось обратно и возвращалось, откуда пришло. Так пренебрегали защитниками и борцами, и те, теснимые нуждой, покидали военное поприще, в котором были воспитаны, и расходились по разным местам, избирая другой образ жизни. Большая часть средств, предназначенных для войска, разбрасывалась бесчестным женщинам, возницам цирка и людям мало пригодным для

полезных дел, но зато преданным удовольствиям, занимающимся с каким-то безумным усердием и дерзостью только внутренними смутами и цирковыми спорами и другим, еще более бесполезным, чем эти. А следствием этого было то, что вся Фракия и местности, прилегающие к столице, были лишены войск, беззащитны и поэтому были проходими и легко доступны для варваров»¹.

В этот раз старику Юстиниану пришлось если не лично командовать войсками, то надзирать за восстановлением Анастасиевой стены: с Пасхи до августа 559 года василевс с этой целью пребывал во Фракии, в древнем Перинфе, называвшемся в ту пору Фракийской Гераклеей. Впрочем, самой веской причиной, побудившей императора временно покинуть столицу, могла стать чума: «черная смерть» вновь посетила Константинополь весной и летом 558 года, правда, не в тех масштабах, что ранее.

В мае 559 года после бегов в честь дня Города (они состоялись не 11, а 13 мая) «голубые» напали на «зеленых» сначала в центре Константинополя, а потом в районе порта Неория — там располагались склады купцов, многие из которых были прасинами. Их соперники переправились из Сик-Юстинианополя и начали жечь порт и всё, что было рядом. Беспорядки в центральной части Города длились два дня, сгорел дом префекта претория Петра Варсимы. Восстание подавили комит экскувиторов Марин и куропалат Юстин. Столичный епарх Геронтий больше двух месяцев вел следствие о зачинщиках и многих казнил. Летом волнения аналогичного свойства произошли в Кизике. Тогда же, летом, по Городу провезли пойманных где-то язычников, после чего сожгли их книги и статуи их божеств.

В сентябре 560 года по столице пронесся слух о смерти недавно заболевшего императора: Юстиниан, страдая сильными головными болями, долго не показывался на публике. Город охватила анархия, шайки разбойников и присоединившихся к ним горожан громили и поджигали дома и хлебные лавки. Беспорядки утихомирила лишь распорядительность синклита, который по этому поводу собрался и приказал Геронтию незамедлительно вывешивать на самых видных местах бюллетени о состоянии здоровья государя и устроил праздничную иллюминацию. В декабре «был большой пожар в пристани Юлиановой, и сгорело много домов и церквей от начала пристани до Прова.— Была так-

¹ Агафий. V. 14. С. 188.

же великая смертность в Киликии и Аназарве и Антиохии великой; были и землетрясения; и ссорились между собою православные севериане, и было много убийств. И послал царь Зимарха, комита восточного, который наказал бесчинных, и многих отправил в ссылку, лишил имущества, и казнил членотсечением»¹.

В октябре следующего года венеты и прасины затеяли драку чуть ли не напротив кафисмы, в которой находился василевс. Их попробовали разнять, но ничего не вышло. Димоты разбежались по Городу, они убивали друг друга камнями, взаимно грабили имущество противных партий. Объединившись и скандируя лозунги типа «Жги там, жги здесь! Прасин не показывается!», венеты отправились жечь кварталы «зеленых», а прасины с аналогичными кличами, в свою очередь, запалили Месу, где стояли дома многих «голубых». Юстиниан обвинил прасинов, приказал арестовать многих из них и, несмотря на просьбы жен и матерей (которых охрана гоняла палками), помиловал только к Рождеству.

Примерно тогда же император устроил очередной «поход» против язычников, поручив это проверенному человеку, Иоанну Эфесскому. Примерно за год Иоанн в рамках своей деятельности сжег в столице две тысячи «эллинских» книг, картин и статуй.

В 562 году миром на 50 лет окончательно завершились персидские войны Юстиниана. С ромейской стороны переговоры вели магистр оффиций Петр Патрикий и Евсевий, с иранской — неизменный Йезд-Гушнасп. Договор предусматривал, как и ранее, обязательства Ирана по охране кавказских проходов (Дербент и Дарьяльское ущелье) от северных варваров, за это империя обязалась выплачивать персам 30 тысяч золотых монет (примерно 417 либр золота) в год. Персы подтверждали отказ из Лазики², но другие важные области (например, Сванетия и Ивирия) от византийского влияния были свободны³. После более чем тридцатилетнего конфликта оба государства оказались ослабленными, не получив практически никаких территориальных преимуществ. Договор устанавливал порядок торговли между Ираном и Византией, определял условия

¹ *Феофан*, год 6053. С. 513.

² Содержание договора подробно изложено у Менандра, отр. 11. См.: *Византийские историки*. С. 334—337, 342—346. О перипетиях борьбы за Лазику и ее главную крепость Петру см. в: *Проконий*. Война с готами. IV. 7—16; Т. 2. С. 30—72.

³ *Ломоури*, 2003. С. 76, 77.

управления пограничными племенами, закреплял дипломатический иммунитет посольств. Отдельной статьей договора защищались права персидских христиан (они принадлежали в основном к неправославным толкам).

Окончание противостояния с Ираном положило конец крупным войнам, которые вел Юстиниан, но не прочим конфликтам. Весной 562 года состоялся очередной набег гуннов. Отбивать его пришлось магистру Маркеллу и куропалату Юстину. Варвары взяли Анастасиополь.

В октябре очередные беспорядки в Константинополе произошли из-за наказания некоего прасина, обесчестившего дочь чиновника. Во время шельмования приговоренного венеты напали на конвой (!), освободили этого человека и привели в собор Святой Софии. По действовавшему тогда закону, известному еще с V столетия, территория церкви (любое священное место внутри огады «до внешних входов включительно») пользовалась правом убежища, и никто под страхом смерти не мог извлечь оттуда безоружного человека, прибегнувшего к милосердию Бога. Юстиниан был вынужден помиловать растлителя, но наказал виновных в его освобождении. Причина мягкости императора непонятна, источники тут явно что-то недоговаривают: ведь еще в 535 году именно Юстиниан своей 17-й новеллой ограничил право убежища в отношении убийц, прелюбодеев и похитителей дев, считая, что убежище должно предоставляться обиженным и что недопустимо давать равные права и преступникам, и пострадавшим.

В ноябре случилась нехватка воды и хлеба, что привело к побоищам у источников и чуть ли не к панике, успокаивать которую пришлось молитвенным действием во главе с патриархом. Тут впору согласиться с Прокопием: «Видя, что водопровод города пришел в негодность и доставляет в город лишь малую часть воды, они пренебрегали этим и не желали хоть что-нибудь выделить на него несмотря на то, что огромные толпы постоянно давились у источников и все бани были закрыты. Между тем на морское строительство и другие нелепицы они без единого слова швыряли огромные деньги, повсюду в пригородах что-то воздвигалось, как будто им было недостаточно дворцов, в которых всегда охотно жили ранее царствовавшие василевсы»¹.

А затем произошло следующее. Столичные богачи («менялы») Маркелл, Вита и другие решили зарезать преста-

¹ «Тайная история». XXVI. Цит. по: *Прокопий. Войны*. С. 331.

релого августа во время аудиенции. Но их сообщник Авлавий, которому Маркелл заплатил гигантскую сумму в 50 либр, выдал товарищей, и когда Маркелл с кинжалом под одеждой входил во дворец, стража схватила его. Маркеллу удалось заколоться самому, остальных заговорщиков задержали (кого-то даже в церкви), и те под пытками объявили организатором покушения Велисария. Клевета подействовала, Велисарий попал в немилость¹, но казнить столь заслуженного человека по мало проверенным обвинениям Юстиниан не осмелился.

В Африке совершили набег маврусии, мстившие за убийство византийцами своего вождя. Для подавления возмущения пришлось высылать войска из Константинополя.

Последним важным событием 562 года стало освящение 24 декабря восстановленного купола Святой Софии. В связи с этим Павел Силенциарий по заданию императора сочинил стихотворение почти в тысячу строк, описав и купол с мозаичным «крестом, осеняющим город», в его своде и собор. Интересно, что Юстиниан дал это поручение придворному чиновнику, а не профессиональному литератору. Судя по всему, василевс читал стихи Силенциария и в поэзии разбирался — ведь Павел был лучшим поэтом того времени (Роман Сладкопевец уже умер).

В этом же или следующем, 563 году в Константинополь прибыли епископы из Ирана для «собеседования» по вопросам природы и сущности Христа. Друг друга стороны не убедили, но этот диспут дал импульс развитию богословия и окончательному оформлению несторианского тезиса о двух ипостасях во Христе².

В апреле 563 года толпа забросала камнями вновь назначенного городского эпарха Андрея и сражалась с солдатами; племянник императора куропалат Юстин распорядился отсечь большие пальцы рук у тех из прасинов, кто был уличен в использовании мечей³.

В августе 564 года, как и двумя годами ранее, из-за нехватки воды у водоемов вспыхивали драки и случались убийства.

В 565 году в квартале Мезенциол прасины два дня дрались с экскувитами, было много убитых⁴.

¹ *Иоанн Малала*. XVIII. См.: *Прокопий*. Войны. С. 495.

² *Заболотный*, 2015. С. 57.

³ *Феофан*, год 6054. С. 181; год 6055. С. 183.

⁴ *Дьяконов*, 1945. С. 189, 207.

Юстиниан по-прежнему оставался средоточием мира, в сиянии и блеске, — но его тело постепенно съеживалось, отказывало, раз за разом подводило своими немощами. Уже подрагивали руки и голова, глаза слезились, в уголках морщинистого беззубого рта образовывались жесткие коричневые корочки. Порой, садясь или вставая, василевс не удерживался и пускал ветры, а окружающие делали вид, что ничего не замечают. Он стал больше спать и, чего никогда не случалось ранее, иногда задремывал как бы наяву. Сидя в собрании и слушая магистра оффиций или куроपालата Юстина, он вдруг начинал видеть какие-то смутные образы, связанные то ли с тем, о чем говорил докладчик, то ли с событиями детства, то ли с чем-то неизъяснимым, прекрасным и ужасным, приходящим из горнего или, напротив, подземного мира. Эти образы налетали на его сознание, как дым, обволакивали мысли, которым следовало быть ясными, путали их, сбивали в сторону. Потом всё вдруг проходило, но появлялся страх: а вдруг это дает о себе знать безумие? Но император продолжал служить, ибо не мыслил себя без служения. Задаваться же вопросом, во благо или в тягость людям было это служение, — он не привык.

Но и тогда, уже на пороге могилы, Юстиниан не переставал думать, что поставлен Богом на высшую ступень земной власти для исправления недостатков этого мира путем веры, веры и еще раз веры. Весной 565 года в одной из последних новелл, 137-й, он по-прежнему говорит именно об этом: «...Если мы так упорно стараемся усилить гражданские законы, силу которых Бог доверил нам для безопасности наших подданных, то сколь ревностно надлежит нам стремиться укрепить каноны и священные законы, созданные для спасения наших душ»¹.

Слабеющий август всё меньше обращался к иным делам государства, предпочитая проводить время во дворце, в спорах с иерархами церкви или даже с простыми монахами.

Нет, не заботило старца ничто на земле: ко всему охладел он.

К жизни иной пламенел он любовью — и только.

В небо он мыслью стремился. А бренное тело

Будто бы вещный наш мир постепенно уже покидало...²

Эти странные слова поэт Корипп написал в стихотворном панегирике Юстину II. Более того: эту граничащую с

¹ *Геростергиос*, 2010. С. 102.

² *Корипп*. II. 265—269. С. 52.

оскорблением реплику он вложил ему в уста. Нет никаких оснований подозревать Кориппа в безумии или наглости — скорее всего, Юстин действительно изрекал нечто подобное. Это означает, что своим ближайшим окружением, родственниками Юстиниан воспринимался как чрезмерно задержавшийся. Говоря проще — надоел.

Если верить церковному историку Евагрию, летом 565 года император разослал для обсуждения по епархиям догмат о нетленности тела Христова. Документ не сохранился, и можно строить самые разные предположения: пришел под конец жизни Юстиниан к ереси афтартодокетов (учивших, что тело Христово было нетленным и до Воскресения) или только собирался исследовать данный вопрос¹. Впрочем, церковное предание гласит, что противника этого учения, патриарха Евтихия, Юстиниан низложил и отправил в ссылку. В любом случае результатов своего послания император уже не дождался — в ноябре 565 года земная жизнь Юстиниана Великого подошла к концу.

Финал: ноябрь 565

*Кулак вздымает золотой
Над Византийскою державой
Ее владыка всеблагой...*

.....
Задует ветер — все сметет.

Франсуа Вийон

Римские императоры умирали по-разному.

Иногда их жизнь обрывала война. Юлиан Отступник, получив смертельную рану копьем в печень, испустил дух в палатке на берегу Тигра. Валента убили в сражении под Адрианополем — да при таких обстоятельствах, что даже тела не нашли. Анастасий, по свидетельству автора Жития святого Саввы Освященного, бегал во время грозы по дворцу, прячась от молний и вопя от ужаса, — но рока не обманул. Валентиниана I хватил удар в тот момент, когда он, рассвирепев, орал на германское посольство. Про Зинона ходили слухи, что он либо упился до смерти, либо вообще оказался в саркофаге живым. Василиска казнили: уморили голодом, чтобы не проливать царственной крови.

¹ См.: Грацианский, 2011; Грацианский, 2016; Геростергиос, 2010. С. 221—229. Противоположная точка зрения: Карташев, 1994. С. 367.

Такие смерти верующие вполне могли счесть Божьей карой: Валентиниан был жесток, Валент поощрял ариан, Анастасий и Василиск — монофиситов, Зинон с его Энонтиконом оказался нетверд в православии. Про Юлиана и говорить нечего.

Но даже государи, отличавшиеся, с точки зрения христианской морали, безупречным поведением, не избегали случая: Феодосий Младший получил смертельные травмы, упав с коня, Иовиан вообще умер внезапно и таинственно.

Как-то так получилось, что кончина наиболее «правильных», православных царей оказывалась спокойной: заболел, умерли Константин Великий и Феодосий I, Юстина погубила старая рана, ни о чем ужасном не известно в отношении Маркиана и Пульхерии.

Так что есть все основания полагать, что Юстиниан действительно «упокоился».

Что происходило в тот момент во дворце? Нам повезло, так как сохранился панегирик Юстину II, написанный на латинском языке уроженцем Африки Флавием Кресконием Кориппом. Хорошая треть этой увесистой книги посвящена событиям, так или иначе связанным со смертью Юстиниана. Но панегирик родственнику почившего царя — произведение не вполне искреннее, там сильны законы жанра. Поэтому последние часы жизни нашего героя и то, что произошло потом, придется частично реконструировать¹.

Итак, если Юстиниан умер не внезапно (например, во сне), то до самого последнего вздоха с ним были пресвитеры и монахи. Император отходил в постели, окна были закрыты, в помещении горели свечи. У одра усыпающего беспрерывно шла служба: монахи и иереи возжигали свечи и благовония, молились. Не так, как сейчас: Андрей Критский, чей канон на исход души используется сегодня в православии, еще не появился на свет. Но читали и «Отче наш», и псалмы — пятидесятый и сто восемнадцатый:

«Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои.

Множественно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня, ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною.

Тебе, Тебе единому согрешил я и лукавое пред очами

¹ См.: *Сорочан*, 2013. С. 122; КВ-1. В основе большинства реплик текст «Панегирика Юстину», см.: *Корипп*, 2017.

Твоими сделал, так что Ты праведен в приговоре Твоем и чист в суде Твоем».

Умирающий слышал эти слова. Император уже не мог говорить внятно, и вообще трудно было понять — в сознании ли он? Вот, увидав синклитика Каллиника, повел подбородком, дернул кистью, словно подзывая к себе. Сенатор быстрыми шагами подскочил, нагнулся к пересохшему рту. Василевс что-то шептал, слабея. Стоявшие видели, как Каллиник, кивнув, отступил назад.

Юстиниан не двигался более, лишь открывал и закрывал глаза. Пение обволакивало его, укрывало саваном торжественных слов, смешиваясь с теплом и запахами. Наконец глаза Юстиниана закрылись навсегда. Это случилось в ночь с 14 на 15 ноября.

А монахи пели:

По милости Твоей оживляй меня, и буду хранить
откровения уст Твоих.

На веки, Господи, слово Твое утверждено на небесах; истина
Твоя в род и род. Ты поставил землю, и она стоит.

По определениям Твоим все стоит доньше, ибо все

Тебе.

Если бы не закон Твой был утешением моим, погиб бы я
в бедствии моем.

Вовек не забуду повелений Твоих, ибо ими Ты оживляешь

меня.

Твой я, спаси меня; ибо я взыскал повелений Твоих.

Как только василевс отошел в мир иной, Каллиник и еще несколько синклитиков явились во дворец куропалата Юстина. Они разбудили привратника и потребовали встречи с племянником императора. Поскольку всё случилось еще до рассвета, привратник спросонья никак не мог понять, чего от него хотят, и долго не открывал двери.

— Что случилось, друзья? — как и положено было воспитанному человеку, спросил вышедший к ним Юстин, хотя и ему, и его жене, племяннице Феодоры Софии, всё было совершенно ясно.

— Твой божественный отец (ведь он считал тебя не просто родственником, а сыном) умер, — ответил Каллиник на правах старшего, кому император говорил последнюю волю. — Мы пришли сообщить, что господин василевс Юстиниан передал тебе власть. Прими ее и действуй.

Медленно, запинаясь, так как не успели еще разучить текст, сенаторы продолжили хором:

— Закон призывает тебя! Двор поддерживает тебя! В тебе вся наша безопасность! В тебе наша надежда. Уступи судьбе! Наследуй отцу!

Они замолчали, и Каллиник выступил вперед:

— Не задерживай мир, возьми дар Бога, используй силу своего отца и прими имя Августа, которого тебе не хватало.

При этих словах сенаторы дружно опустились на колени и поползли к Юстину. Тот же, согласно этикету, начал отказываться:

— Нет, это тяжелая участь! Напрасно вы просите меня о такой жертве, друзья. Как я могу украситься императорской диадемой, когда мы все обязаны быть в скорби и печали. Да что мы — весь мир хочет плакать, потеряв воистину отца, а не правителя. Я же знаю, — тут куропалат сдвинул брови и заговорил громко, угрожающе, — что многие хотели причинить ему вред. Так случится и со мной, ведь тот, кто принял должность правителя, не избегнет зависти. Нет, я отказываюсь от знаков власти и лучше с грустью поеду на похороны.

Опять же, согласно этикету разыгрывая вполне установленный спектакль, сенаторы простерлись у ног супругов. Послышались возгласы на латинском и греческом:

— Благочестивый, пожалей!

— Помоги нам в опасности!

— Бог хочет Юстина!

Каллиник, опустившийся было на колени, вновь встал:

— Скоро рассветет. Если люди услышат, что дворец пуст и нет императора, могут случиться беспорядки. Мы видим твою любовь к господину нашему василевсу, но он умер, а мы — живы. Пусть же любовь к твоей стране не будет меньшей. Твой дядя, когда он умирал, приказал тебе держать власть. Не медли! Вступи на трон отца и властвуй миром, могущественный император!

Как бы нехотя и уступая чужой воле, Юстин наклонил голову и шагнул вперед:

— Во дворец!

Сенаторы поднимались с колен — кто быстро, кто с трудом. Следом, в сопровождении лишь нескольких евнухов и солдат, заторопилась София.

Они двигались быстро, почти бегом, через пустой холодный Город, заворачиваясь от морозного воздуха в плащи. Дым, поднимавшийся из кухонных труб, смешивался с моросью, окутывал крыши и наполнял воздух резким деготным ароматом — как всегда в Константинополе. Об-

ступив со всех сторон Юстина и сенаторов, шли солдаты, тяжело дыша под тяжестью щитов, копий и пятидесятифунтовых панцирей. Молчание нарушали лишь топот ног и мерное бряцание железа. Впереди, в такт движению взмахивая копьем и оглядываясь, шагал рослый кампидуктор. Железный нагрудник его украшали золоченые фалеры за заслуги, а свирепое лицо — застарелый шрам от удара гуннской саблей. Спереди и сзади рысили группы вооруженных кавалеристов. Редкая ночная стража уступала дорогу: весть о смерти Юстиниана уже начала свой путь.

Ворота из слоновой кости, расположенные перед Кохлеей, в нижней части дворца, распахнулись в тот самый момент, когда закричали первые петухи.

— Добрый знак, — зашептались сенаторы.

Охрана салютовала своему начальнику уже не как куропалату, но как новому владыке. Все ворота были накрепко закрыты, усиленная стража встала к проходам дворца и ипподрома — так распорядился, пока Юстина не было, помощник фракиец Тиверий, его земляк и воспитанник с детских лет. Увидев его, Юстин задержался и протянул руку для приветствия, показывая окружающим свое расположение. Тиверий сначала почтительно склонился, затем ответил быстрым рукопожатием. Открыл было рот, чтобы высказать соболезнование, но император остановил его:

— После. Усильте охрану, займите ипподром. — И по-медлив: — Комит экскувитов!

* * *

Отношение к смерти в Византии было двояким. С одной стороны, для православного смерть — не более чем утрата телесной оболочки, душа же восходит ко Христу, ожидая Страшного суда и (если будет на нем решено) воскресения и жизни вечной. С другой — ромеи горевали об ушедших друзьях и родственниках совершенно искренне. И «плач на похоронах» никуда не делся.

Войдя в спальню Юстиниана, новый император простерся ниц перед телом и сказал приличествующие случаю слова:

— Отец Юстиниан, свет города и мира, зачем ты покидаешь свой любимый дворец? Зачем ты отказываешься от родственников, слуг и столь многих вещей? Почему ты уже не думаешь о своих землях? Разве ты не задумывался над усталым миром? Видишь, авары и суровые франки, гепиды

и готы и многие другие племена поднимают свои знамена и готовятся к войне? С какой силой мы покорим таких великих врагов, когда ты будешь мертв, о сила Рима?

Между тем София уже взяла в свои руки распоряжения относительно похорон. По городу побежали мандаторы, требуя закрывать проезжающие повозки в знак траура. В одном из самых больших залов дворца готовили золоченые носилки для тела, окружая их длинной, расшитой золотом, драгоценными камнями и пурпуром завесой с изображениями триумфальных побед покойного. На ней склонялись в почтении поверженные варварские короли, бежали или падали сраженными враги. Лица были вытканы золотом, кровь — пурпуром. Сам Юстиниан стоял, наступив ногой на шею поверженного Гелимера, и дородная женщина, аллегория Ливии, преподносила императору корзины плодов и лавровый венок. А следом протягивала руки полуобнаженная Рома, персонификация Рима.

Тем временем под крики петухов взошло солнце, и по столице разнеслось известие. Византийцы любили красоту, поэтому даже в описании кончины человека вполне могли использовать такие вот словесные украшения: «Молва (Fama) счастливо летала, бия крыльями, через имперский город, и внезапно приходила, браня сон, когда она взвешивала людей, стучала в двери и обивала пороги, и говорила бесчисленными языками, счастливым вестником. Сон бежал, когда она приходила, тащась за ней, исчезло оцепенение, и покинуло весь город. Она стояла над людьми в своем рвении и постоянно подталкивала их, толкала их и плакала: “Вставай, вставай”, и, ругая их за их задержку, сообщала им, что дворец был заполнен встречей важных людей, которые, когда ночь закончится, подготовили имя человека, выбранного для места престарелого, ушедшего от них. Она убеждала, толкала, подталкивала, сбивала их плечи, наступала на них и стояла над ними. Они поспешили и покинули свои дома, и радостно (потому что стало известно, кто будет избран новым императором. — С. Д.) побежали по всем улицам, и повились первые ропоты, еще не ясные из-за их неуверенности, и гражданин спрашивал гражданина, когда он встречал его, и слухи прокрались сквозь все их ряды»¹.

Во всенародную единодушную скорбь верить не нужно: кто-то, конечно же, искренне печалился, кому-то было всё равно, и наверняка нашлись те, кто только порадовался.

¹ Коринт, I. С. 86.

Но многим стало не по себе, ибо нарушился привычный порядок. Если учесть среднюю продолжительность жизни в VI веке, то в ромейском обществе выросло, состарилось и умерло как минимум одно поколение, не знавшее иного носителя высшей власти в государстве, кроме Юстиниана. Шутка ли — тридцать восемь лет, семь месяцев и тринадцать дней!

У Халки собирался народ, ожидая вестей. Люди тихо переговаривались, но то тут, то там раздавался истошный всхлип или крик: у иных не выдерживали нервы. Как ни убеждали священники паству в бессмысленности скорби по отошедшему к Богу христианину, простые ромеи для таких событий использовали темные, траурные одежды — и выглядела толпа так, словно неведомо откуда пришли и встали у стен тысячи монахов и монахинь, почему-то с детьми.

Во дворце каждый занимался своим делом. Одни — размышляли, как теперь быть живым, и решали вопрос избрания нового владыки империи. Другие — заботились о мертвом и совершали положенное с телом человека, еще вчера бывшего всеильным властелином.

Внятных распоряжений о передаче власти император не оставил. Куропалат Юстин имел, пожалуй, самые большие шансы, но Юстиниан так и не сделал его соправителем. Судя по всему, единственным человеком, который сообщил сенату «рекомендацию» покойного василевса избрать на трон Юстина, был Каллиник (так события изложены у Кориппа). Юстина короновали немедленно, и противостояния это не встретило.

«Ты побеждаешь, Юстин!» — кричал народ по-латински и по-гречески. «И возникает большой шум, и траур покидает императорский двор, когда приходит новое счастье», — вспоминал Корипп¹. В общем, «император умер — да здравствует император»!

Иссохшее тело старца омыли, положили на золоченое ложе, умастили благовониями и в последний раз одели: во всё чистое и светлое, завернув в льняной саван, прандий, символ нетления и бессмертия. На голову умершего положили венец. Всё то время, пока служители занимались обряжением, монахи и иереи читали Евангелие, бормотали молитвы и псалмы. В комнатах было тяжело от сладкого дыма с ладаном, колыхалось жаркое пламя свечей и

¹ Там же. С. 87.

лампад — подобие света вечного, к которому летела душа императора ромеев. На улице в ожидании милостыни толпился народ. Юстиниан при жизни не отличался особым человекоугодием, но раздавать поминальные деньги всё равно было положено — и бедный люд тек сюда со всего Константинополя и даже из пригородов.

Во дворце совершали заупокойную литию. Вокруг тела ходил диакон с кадилом, и дым поднимался вверх — символом души, идущей к престолу Бога.

Вот василевса подняли на погребальное ложе и понесли в храм (в какой — неясно; предположим, что в Святую Софию). Впереди, как было заведено, шли рыдавшие женщины, за ними — аскитры-свещеносцы и певчие. По обеим сторонам от лектикариев-носильщиков, спереди и сзади рябило в глазах от одеяний иереев и архиереев со свечами. Разговоры тут были неуместны — и лишь псалмы и звон цепи кадила в руках диакона да женские всхлипы сопровождали императора в начале его последнего пути. Зажженные свечи образовали сплошной ковер, и на площади Августеон — это море колыхалось, ибо свечи держали живые люди, и дрожь сердец сообщалась рукам: воистину то φως της ζωής, свет жизни.

Носилки внесли в наос и поставили в самый центр, под купол, ногами к алтарю. Если бы император мог открыть глаза, он бы увидел киворий над престолом, а прямо наверху — плывущий в море света мозаичный крест купола.

В урочное время начался професис, прощание — когда родственники и соратники усопшего приходили отдать последний почёт. Люди шли и шли — потоком. Обитые серебром Царские врата были распахнуты, и через высокий мраморный порог переступали тысячи, десятки тысяч ног: сперва — в дорогих сандалиях и военных сапогах-кампагиях, затем — в обуви попроще, а то и вовсе босые.

Тем временем, слышав о печальном событии, в столицу торопились провинциальные архонты и просто значительные люди из окрестностей: Эмимонта, Родоп, Фракии, Вифинии, Геллеспонта. Чем ближе к Константинополю, тем больше народу было на дорогах. Одна за одной, подпрыгивая и лязгая на каменных плитах, катились повозки, их обгоняли закутанные в плащи верховые, и все подгоняли коней или мулов: успеть, успеть. Начальники почтовых станций выходили навстречу требовательным посетителям и сокрушенно качали головами:

— Лошадей нет. Мулов нет. Ослов тоже.

Хозяева постоянных дворов и харчевен сбивались с ног, стараясь хоть как-то обслужить огромное число приезжих, наводнивших Константинополь.

А мимо носилок всё шли и шли люди: ромеи и варвары, рабы и свободные, ремесленники и купцы, банщики и дворцовые служки, сенаторы и цирковые артисты, схоластики и проститутки. С государем прощался весь Константинополь — и вся империя. Рядом с юношами из столичных школ и модницами, надевшими в качестве траурных самые тонкие и дорогие одежды, мимо покойника двигались седые ветераны италийских кампаний и восточных войн, офицеры и простые солдаты в выцветших военных плащах. За густобровым горбоносым сирийцем с ухоженной, смазанной душистым маслом длинной бородой можно было видеть усатого рыжего герула с обветренным от далеких походов лицом; за непонятого племени широкоскулым рабом-водоносом в застиранном куцем хитончике и грубой накидке стоял вальжный кудрявый армянин в темно-коричневом плаще тонкой шерсти, с глазами, похожими на спелые маслины.

Иоанн из Студийского квартала тоже побывал тут, с отроком-внуком: сжав его плечо, он прошел мимо тела.

— Великий человек, да, деда?

— Да, да, — соглашался Иоанн.

Выйдя из церкви, отойдя от толпы, он оглянулся — не слышит ли какой паракенот-соглядатай — и, склоняясь к отроку, прошептал:

— Великий человек. Но пускай теперь его судит Бог. И спросит о моем братце Каллимахе.

Парнишка поднял на деда глаза, но ничего не произнес, а только вздохнул и пошел дальше.

На третий день императора отпели и вынесли из церкви — ногами вперед, как делаем это мы и поныне.

«Святой Боже,
Святой Крепкий,
Святой Бессмертный,

Спаси и помии-и-илуй нас...» —

тянули певчие — а на улице императора ждал народ со свечами.

Людей удалили от дворца и носилки понесли к храму Святых Апостолов. По всей дороге, на Месе и далее, люди зажигали свечи и благовония. С обеих сторон шли и пели два хора: с одной стороны — мужской, с другой — женский, составленный из монахинь.

Вот и ектирий. Возглас препозита:

— Входи, василевс, ибо ждет тебя царь царствующих и Господь господствующих!

Второй возглас:

— Сними венец с главы своей! — и золотую диадему меняет пурпурная повязка. Дальше — последняя лития, и саркофаг принял тело — будто проглотил его квадратным ртом.

Священник крестообразно посыпал императора прахом земным и отошел. Зашуршала, надвигаясь, тяжелая каменная крышка. «Буммммм...» — вздрогнула земля, когда она встала на место.

Толпа выдохнула.

Всё.

А вечером на улицах города начались песни и пляски. Народ праздновал восшествие на трон Юстина. «После своей старости, — кричали люди, — мир радуется, чтобы снова стать молодым, и возвращается к своей старой форме и внешности. Железный век теперь ушел, и золотой век восходит в твое время, Юстин!»¹

¹ *Коринт*, III. С. 99.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

— *Вечером в шатрах ты услышишь ропот и возмущение моей жестокостью, — сказал он мне. — Но я вобью им обратно в глотки их жалкое возмущение: я кую человека.*

А. де Сент-Экзюпери «Цитадель»

На третий день после похорон состоялись поминки. У саркофага собрались родственники и прочая высшая знать. По обычаю, покойника хвалили; специально приглашенные риторы читали славословия — пышные, составленные по всем канонам. Их поручили лучшим, и, вероятнее всего, в числе приглашенных для этой цели оказались и Павел Силенциарий, и Корипп. Для поминальной тризны открыли один из залов дворца. За едой и милостыней повалила толпа бедняков — их кормили и одаряли мелкими монетами. На столах в простой деревянной и глиняной посуде символически преобладали рыбные блюда¹. А знати еду и питье подавали на золоте, и на многих тарелках и кубках был он — Юстиниан, Юстиниан, Юстиниан: изображения побед, прославления и портреты.

Но похвала на поминках — вещь обязательная. А как на самом деле воспринимали Юстиниана современники? И как оценивать его нам?

Однозначного ответа не будет. Тем не менее некоторые обобщения возможны. Попробуем их сделать, опираясь на свидетельства.

Начнем с Иоанна Лида, который много лет прослужил при Юстиниане чиновником средней руки. Он охарактеризовал его правление следующим образом: «Когда государство было потрясено такими волнами и бурями зол (в предшествовавшие царствования), судьба противопоставила равное прежней лености прилежание Юстиниана, поставив начальником дел бдительнейшего из всех импе-

¹ Рыба, ἰχθύς, греческая монограмма имени Христа, из первых букв слов: Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτὴρ (Иисус Христос Божий Сын Спаситель).

раторов, который считал потерей своей жизни, если не все так же бодрствовали и ратовали за государственное дело, как он сам, чтобы овладеть не только тем, что некогда было подчинено римлянам, а потом, по лености предшественников, было потеряно, но еще и подчинить им и то, что было у врагов»¹.

Противоположная точка зрения у Евагрия Схоластика. Говоря о смерти василевса, сириец оценивает Юстиниана однозначно негативно: «...наполнив таким образом всё беспорядком и смутами и претерпев за это в конце жизни наилучшее, переместился в самые нижние пределы ада»². Здесь всё ясно: Евагрий поверил в то, что император в конце жизни стал афтартадокетом.

В отличие от Евагрия великий флорентиец Данте (он, конечно же, не может считаться современником Юстиниана, хотя ближе к нему, чем к нам) в своей «Божественной комедии» не просто поместил императора в рай, но сделал его там своим собеседником:

Был кесарь я, теперь — Юстиниан;
Я, Первою Любовью вдохновенный,
В законах всякий устранил изъян.

Я верил, в труд еще не погруженный,
Что естество в Христе одно, не два,
Такою верой удовлетворенный.

Но Агапит, всех пастырей глава,
Мне свой урок преподал благодатный
В той вере, что единственно права.

Я внял ему; теперь мне так понятны
Его слова, как твоему уму
В противоречье ложь и правда внятны.

Я стал ступать, как церковь; потому
И Бог меня отметил, мне внушая
Высокий труд; я предался Ему,

Оружье Велисарю вверяя,
Которого Господь в боях вознес,
От ратных дел меня освобождая.

¹ Курганов, 2015. С. 51.

² Евагрий. V. 1. С. 340.

Самого же подробного описания император удостоился от лично его знавшего Прокопия Кесарийского. Здесь характеристики противоречивы. Особенно удивительно то, что вышли они из-под пера одного и того же человека. Он оценил Юстиниана в трех разных жанрах: неумеренном до подобострастия панегирике («О постройках»), серьезном историко-мемуарном труде (о войнах с вандалами, персами и готами) и разнузданном поношении «Тайная история». Не историк, а истинный Протей!¹

Восхваления в адрес правителей гораздо более часты, нежели хулы, поэтому цитировать их не так интересно. Но посмотрим: «В наше время явился император Юстиниан, который, приняв власть над государством, потрясаемым [волнениями] и доведенным до позорной слабости, увеличил его размеры и привел его в блестящее состояние, изгнав из него насилувавших его варваров. <...> Император с величайшим искусством сумел промыслить себе целые новые государства. В самом деле, целый ряд областей, бывших уже чужими для римской (византийской. — С. Д.) державы, он подчинил своей власти и выстроил бесчисленное множество городов, не бывших ранее.

Найдя веру в Бога нетвердой и принужденной идти путем различных вероисповеданий, стерев с лица земли все пути, ведущие к этим колебаниям, он добился того, чтобы она стояла теперь на одном твердом основании истинного исповедания. Кроме того, поняв, что законы не должны быть неясными вследствие ненужной их многочисленности и, явно друг другу противореча, друг друга уничтожать, император, очистив их от массы ненужной и вредной болтовни, с великой твердостью преодолевая их взаимное расхождение, сохранил правильные законы. Сам, по собственному побуждению простив вины злоумышляющим против него, нуждающихся в средствах для жизни преисполнив до пресыщения богатством и тем преодолев унижительную для них злосчастную судьбу, добился того, что в империи воцарилась радость жизни»².

В своих «военных» книгах, как отмечалось ранее, историк вроде бы императора хвалил, но при случае занимался и завуалированной его критикой.

¹ Понимая это качество Прокопия, я с большим (хотя и не стопроцентным) доверием относился к приводимым им конкретным фактам — но не к обобщениям, которым веры меньше.

² «О постройках». I. I. Цит. по: *Прокопий*. Война с готами. Т. 2. С. 145, 146.

«Тайная история» в Новое время неоднократно подвергалась скрупулезному исследованию, поскольку трудно было поверить, что кто-то мог написать книгу, полную очернения сильнейших мира сего, и при этом остаться в живых. А между тем Прокопий Кесарийский не только умер своей смертью, но, возможно, даже закончил карьеру на одном из высших постов в империи — префекта Константинополя. Разумного объяснения этому нет. И за менее злобные выпады в адрес власти люди в те времена лишались если не жизни, то частей тела.

Следует еще раз подчеркнуть, что «Тайная история» — памфлет, специально написанный с целью очернения, то есть реальные недостатки в нем гротескно увеличены.

Так вот, в этом произведении Юстиниан выведен самым настоящим чудовищем: «Он с легкостью отваживался на незаконное убийство людей и разграбление чужого имущества, и ему ничего не стоило погубить многие мириады людей, хотя они не дали ему для этого ни малейшего повода. Он не считал нужным сохранять прежние установления, но ему то и дело хотелось все изменить, т. е. он был величайшим разрушителем того, что хорошо устроено... Одних он убивал безо всякого основания, других, заставив бороться с нуждой, сделал более несчастными, чем умершие, и они молили о самой жалкой смерти, лишь бы прекратить свое бедственное существование. А у некоторых вместе с богатством он отнял и жизнь. Помимо того что ему оказалось пустячным делом разрушить Римскую державу, он сумел овладеть еще Ливией и Италией, и всё ради того, чтобы наряду с теми, кто уже раньше оказался в его власти, погубить обитателей и этих мест... Был он одновременно и коварным, и падким на обман, из тех, кого называют злыми глупцами. Сам он никогда не бывал правдив с теми, с кем имел дело, но все его слова и поступки постоянно были исполнены лжи, и в то же время он легко поддавался тем, кто хотел его обмануть. Было в нем какое-то необычное смешение неразумности и испорченности нрава. Возможно, это как раз и есть то явление, которое в древности имел в виду кто-то из философов-перипатетиков, изрекая, что в человеческой природе, как при смешении красок, соединяются противоположные черты. Однако я пишу о том, чего не в силах постигнуть. Итак, был этот василевс исполнен хитрости, коварства, отличался неискренностью, обладал способностью скрывать свой гнев, был двуличен, опасен, являлся превосходным актером, когда надо было скрывать

свои мысли, и умел проливать слезы не от радости или горя, но искусственно вызывая их в нужное время по мере необходимости. Он постоянно лгал, и не при случае, но скрепив соглашение грамотой и самыми страшными клятвами, в том числе и по отношению к своим подданным. И тут же он отступал от обещаний и зарок, подобно самым низким рабам, которых страх перед грозящими пытками побуждает к признанию вопреки данным клятвам. Неверный друг, неумолимый враг, страстно жаждущий убийств и грабежа, склонный к распрям, большой любитель нововведений и переворотов, легко податливый на зло, никакими советами не склоняемый к добру, скорый на замысел и исполнение дурного, о хорошем же даже слушать почитающий за неприятное занятие. Как же можно передать словами нрав Юстиниана? Этими и многими другими еще большими недостатками он обладал в степени, не соответствующей человеческому естеству. Но представляется, что природа, собрав у остальных людей все дурное в них, поместила собранное в душе этого человека. Ко всему прочему он отнюдь не брезговал доносами и был скор на наказания. Ибо он вершил суд, никогда не расследуя дела, но, выслушав доносчика, тотчас же решался вынести приговор. Он не колеблясь составлял указы, безо всяких оснований предписывающие разрушение областей, сожжение городов и порабощение целых народов. И если кто-нибудь захотел бы, измерив всё, что выпало на долю римлян с самых ранних времен, соизмерить это с нынешними бедами, он обнаружил бы, что этим человеком было умерщвлено больше людей, чем за все предшествующее время. Он был удивительно проворен в том, чтобы без долгих слов присвоить чужое богатство. Он даже не считал нужным выдумывать какой-нибудь извиняющий его предлог, чтобы под видимостью справедливости захватить то, что ему не принадлежало. Завладев [богатством], он тут же с удивительной легкостью начинал презирать его, проявляя неразумную щедрость и бессмысленно раздавая его варварам. Одним словом, он и сам не имел денег и не позволял никому другому на свете иметь их, как будто он был охвачен не столько корыстолюбием, сколько завистью к тем, кто ими располагал. Итак, с легкостью изгнав богатство из римской земли, он явился творцом всеобщей бедности»¹.

¹ «Тайная история». VI, VIII. Цит. по: *Прокопий. Войны*. С. 277, 278, 283, 284.

В своей неприязни Прокопий договорился до вещей вроде зачатия Юстиниана от демона: «...Передают, что и мать его [Юстиниана] говаривала кому-то из близких, что он родился не от мужа ее Савватия и не от какого-либо человека. Перед тем как она забеременела им, ее навестил демон, невидимый, однако оставивший у нее впечатление, что он был с ней и имел сношение с ней, как мужчина с женщиной, а затем исчез, как во сне.

Некоторым из тех, кто состоит при нем и бывает при нем ночью, именно во дворце, из тех, что чисты душой, казалось, что вместо него они видели какое-то необычное дьявольское привидение. Один из них рассказывал, как он [Юстиниан] внезапно поднялся с царского трона и начал блуждать взад и вперед (долго сидеть на одном месте он вообще не привык), и вдруг голова у Юстиниана внезапно исчезла, а остальное тело, казалось, продолжало совершать эти долгие передвижения, сам он [видевший это] полагал, что у него помутилось зрение, и он долго стоял, потрясенный и подавленный. Затем, когда голова возвратилась к туловищу, он подумал в смущении, что имевшийся у него до этого пробел [в зрении] восполнился. Другой рассказывал, что, в то время как он находился возле него [василевса], восседающего на своем обычном месте, он видел, как неожиданно лицо того стало подобным бесформенному куску мяса, ибо ни бровей, ни глаз не оказалось на их привычных местах, и вообще оно утратило какие-либо отличительные признаки. Однако через некоторое время он увидел, что лицо его приняло прежний вид. Хотя сам я не видел всего этого, я пишу об этом, потому что слышал от тех, кто настойчиво утверждает, что видел это...

Да и как мог этот человек не показаться злым демоном, он, который никогда не ел, не пил, не спал досыта, но едва отведывал того, что ему подавалось, а ночной порой блуждал по дворцу, между тем как любовным наслаждениям предавался безумно...

...Юстиниан, будучи по своему характеру таким, как я описал, старался показать себя доступным и милостивым ко всем, кто к нему обращался. Доступ к нему был открыт для любого, и он никогда не гневался на тех, кто стоял перед ним или говорил не так, как подобает. Вместе с тем он никогда не выказывал смущения перед лицом тех, кого собирался погубить. В самом деле, он никогда наружно не проявлял ни гнева, ни раздражения по отношению к тем, кто ему досадил, но с кротким лицом, не подняв бровей,

мягким голосом отдавал приказания убить мириады ни в чем не повинных людей, низвергать города и отписывать все деньги в казну. Иной мог подумать, исходя из этих его привычек, что у него нрав овцы. Однако если кто-нибудь пытался со слезными мольбами выпросить у него прощения для того, кто оступился, он зверел и оскаливал зубы, и, казалось, вот-вот вспыхнет гневом, так что даже у тех, кто считался близким ему, не оставалось впредь никакой надежды испросить [его о милости]...

...Врагом он был непреклонным и неизменным, в дружбе же был крайне непостоянен. В итоге он погубил многих из тех, к кому благоволил, и никому из тех, кого он единожды возненавидел, не стал другом.

...Судебные решения он выносил не на основании им же самим изданных законов, но в соответствии с тем, где ему были обещаны более крупные и более великолепные богатства. Он не видел ничего постыдного в том, чтобы отнимать у своих подданных имущество, воруя по мелочам, если под каким-нибудь предлогом не мог забрать все, либо неожиданно предъявив обвинение, либо воспользовавшись завещанием, которого не существовало. И пока он правил римлянами, ни вера в Бога, ни вероучение не оставались крепкими, закон не был прочным, дела — надежными, а сделка — действительной¹.

С «демоничностью» императора Прокопий связывал и случавшиеся в Византии стихийные бедствия (землетрясения, наводнения): «В то время как он распоряжался делами римлян, приключилось множество различного рода несчастий, и одни уверяли, что это произошло по причине присутствия и злокозненности обитавшего в нем мерзкого демона, другие же утверждали, что Бог, возненавидя его дела, отвратил себя от Римской державы, уступив место гнусным демонам, чтобы все происходило подобным образом»².

Еще раз: вышеприведенная характеристика дана не давно истлевшему покойнику, не низвергнутому и проклятому узурпатору, но еще сидевшему на троне властелину мира!

А что же делать нам, какое мнение о Юстиниане составить?

В соответствии с устоявшимися воззрениями император рассматривал свою власть как «служение народу», за-

¹ «Тайная история». XII, XIII. Цит. по: *Прокопий. Войны*. С. 295, 296—298.

² «Тайная история». XVIII. Цит. по: *Прокопий. Войны*. С. 312.

боту о «достойной жизни» людей, доставление подданным блага — во всяком случае, так говорится в его новеллах (77, 80, 85, 148-я)¹. Правда, рамки подобного «служения» могут быть весьма широки и в них, при известной изощренности ума, можно вписать такие разнородные мероприятия, как прекращение премиальных выплат солдатам за каждые пять лет службы (в среднем по номисме за год), сокращение расходов на высших чиновников, «оптимизация» содержания врачей и учителей (причем не только государственных, но и муниципальных, — Юстиниан забирал эти средства в фиск), сокращение расходов на зрелища. Об этом много и подробно написано в «Тайной истории», но дошедшие до нас законы Юстиниана таких жестких мер не предусматривают.

Вообще, законы, как ничто другое, отражали характер и умонастроения человека, стоящего во главе империи.

Безусловно уважая авторитет предшественников, Юстиниан в своем законодательстве действительно искал и находил пути для новшеств: например, были расширены права детей и женщин, вольноотпущенников, рабов, закреплены права государственной (православной) церкви, определены основные принципы взаимодействия церкви и государства и т. д. Ревизии, уточнению или изменению подверглись важнейшие отрасли и понятия права — семейное (в том числе право наследования), право собственности, уголовное.

Влияние синклита Юстиниан (особенно в первые годы правления) понизил, превратив его в орган послушного утверждения своих распоряжений. Но с формальной точки зрения синклит как был, так и оставался важным институтом государства, без которого не мог быть издан ни один закон. Ведь согласно установившимся правилам, для издания любого нового закона требовалась пятиступенчатая процедура:

1) обсуждение сенатом и первыми лицами дворца проблемы, требующей нового закона;

2) получение общего согласия по предыдущему пункту и выработка проекта закона;

3) обсуждение сенатом и первыми лицами дворца получившегося проекта;

4) при наличии одобрения — передача законопроекта на рассмотрение императорского консистория;

¹ Вальденберг, 2008а. С. 104, 105.

5) при наличии одобрения в консистории — утверждение закона императором¹.

Единоличные конституции император издавать мог, но лишь в чрезвычайных ситуациях.

Что касается реального положения дел с подчинением закону, то истину в этом вопросе мы уже вряд ли установим. Прокопий в «Тайной истории» живописал картину всеобщего умаления суда, бессильного перед «заказными» делами, преступлениями, совершенными влиятельными представителями цирковых партий, а также произвола императора при конфискациях. «Юстиниан был ненасытен до богатства и так необычайно любил чужое, что продавал всех подданных за золото и тем, кто имеет власть, и тем, кто взysкивает налоги, и тем, кто стремится без всякой причины устраивать козни против людей (то есть доносчикам. — *Прим. пер.*). А у великого множества тех, кто владел немалым, он, под явно пустыми предлогами, отнял все состояние. <...> Однако он не жалел [собранных] богатств...»² «Не жалел» — значит, не стремился к личному обогащению, а употреблял богатства на благо государства так, как это «благо» понимал. Вот, кстати, история некоего Евлалия, весьма любопытным образом решившего проблему обеспечения своих детей. По каким-то причинам он, будучи комитом доместиков, обеднел и, видимо, заболел без надежды на выздоровление, имея при этом трех незамужних дочерей. Умирая, Евлалий назначил своим наследником Юстиниана, с тем чтобы император расплатился по долгам, давал бы каждой из трех его дочерей ежедневно на пропитание по 15 фоллисов (не очень, надо сказать, большая сумма), а по достижении ими брачного возраста выделил бы на приданое по 10 либр золота каждой. Согласно закрепленному в законодательстве Юстиниана правилу³, наследник отвечал по долгам завещателя в пределах стоимости имущества, установленной в присутствии уполномоченного лица (нотария) и свидетелей (на это давалось три месяца). Если стоимость долгов превышала стоимость имущества, наследник имел право отказаться. В данном случае

¹ Там же. С. 100, 101.

² *Евагрий*. IV. 30. С. 319. А. А. Чекалова указала мне на то, что эту характеристику Евагрий заимствовал из «Тайной истории» Прокопия.

³ Действует оно и сегодня: ст. 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает обязанность наследников расплатиться по долгам умершего (в пределах суммы наследства).

все имущество Евлалия было оценено в 564 номисмы, то есть менее восьми либр. Тем не менее император не отказался: он унаследовал имущество Евлалия и выполнил его условия, очевидным образом сделав это себе в убыток, а дочерей покойного препоручил заботам Феодоры¹.

Самым расходным мероприятием любого государства является война. Не стала исключением и Византия. Но, по мнению В. В. Серова, сетования византийских историков насчет разорительности военных мероприятий Юстиниана выглядят чрезмерными. Согласно подсчетам исследователя, вандальская кампания принесла доход, победы над остготскими королями в Италии — тоже, причем значительный (около 20 тысяч либр золота). Вестготская экспедиция не завершилась значительной добычей, но после нее под контролем византийцев оказались средиземноморская торговля и налоговые поступления с испанских земель. Да, разорительной получилась персидская война, но траты на нее (15—20 тысяч либр) были с запасом перекрыты западными кампаниями².

Громадные деньги уходили на обширнейшее строительство. Юстиниан покрыл сетью обновленных и вновь построенных городов и крепостей европейскую, азиатскую и африканскую части империи³. Ни один византийский властитель ни до него, ни после строительной деятельности таких объемов не вел. Потомков поражали военные сооружения, великолепные дворцы и храмы, оставшиеся со времен Юстиниана везде — в Италии и Ливии, в Колхиде и Пальмире. Только на Балканах было сооружено заново или основательно отремонтировано около 600 укреплений, среди них — более 80 крепостей на Дунае. Тем не менее существуют работы, доказывающие, что рассказы о неподъемных тратах государства на юстиниановы стройки — преувеличение⁴.

А затраты на церковь? Общая стоимость собора Святой Софии составила 3200 кентинариев золота — на март 2018 года по мировым биржевым ценам это чуть менее 4,5 миллиарда долларов США. К этому нужно прибавить расходы на содержание 525 человек причта (по закону

¹ Иоанн Малала. XVIII. 23. С. 138.

² Серов, 2011.

³ См. трактат «О постройках»: Прокопий. Война с готами. Т. 2. С. 141—288; Диль, 2010. С. 248—268.

⁴ См. работы: Серов, 2011; Серов, 2009 или хотя бы автореферат, размещенный в Интернете открыто.

Юстиниана; потом стало еще больше). Помимо Святой Софии только в Константинополе и окрестностях по велению императора было возведено еще более двух десятков храмов! Некоторые из них функционируют без перерыва по сей день — например, монастырь Святой Екатерины на Синае. Однако не все современники с восторгом относились к грандиозным масштабам созидательной деятельности Юстиниана: «...он воздвиг повсюду множество святых храмов со всяческим великолепием и другие богоугодные дома для попечения о мужчинах и женщинах, о стариках и детях и о страдающих различными недугами; он выделял на эти цели огромные суммы; он сделал также несчетное число других благочестивых [дел], которые были бы угодны Богу, если бы творящие их совершали все на свои собственные средства и если бы деяния во имя него были безупречными»¹.

* * *

В общем, если критично подойти к сочинениям византийских историков, то под напластованиями их оценок можно разглядеть реального человека, в характере которого сочетались самые разные свойства: решительный правитель, он, случалось, вел себя как откровенный трус; ему присущи были как алчность, так и щедрость; мстительный и беспощадный, он мог казаться и быть великодушным, особенно если это умножало его славу; обладая неисчерпаемой энергией для воплощения своих грандиозных замыслов, он был способен отчаиваться и «опускать руки» или, напротив, упрямо доводить до конца явно ненужные начинания. Он обладал феноменальной работоспособностью, умом, был талантливейшим организатором, умел подбирать помощников и делегировать им полномочия. С другой стороны, есть немало примеров того, как он лично брался за исполнение дел. Быть может, император до старости доказывал — и, прежде всего, самому себе, — что он, провинциал, крестьянин, — не баловень судьбы, а человек, пробившийся наверх благодаря собственным талантам?

Юстиниан отличался хорошим здоровьем и отменной выносливостью. Спал он действительно мало, по ночам занимаясь всевозможными государственными делами, за что получил прозвище «бессонного государя». В храме Святых Сергия и Вакха (ныне — стамбульская мечеть Кучук Айя-

¹ *Евагрий*. IV. 30. С. 320.

София) сохранилась опоясывающая наос надпись внутреннего антаблемента, с превеликим искусством вырезанная на мраморе. Она гласит: «Другие императоры почитали мертвых мужей, чьи деяния были бесполезны, а вот наш скиптродержец Юстиниан, споспешествуя благочестию, почтил прекрасным храмом Сергия, слугу Христа, Создателя всего. Ни горячее дыхание огня, ни меч, ни другие мучения от пыток не смутили его. Во имя Христа-Бога он пошел на смерть, кровью заслужив себе небо в качестве жилища. Пусть он во всех [начинаниях] охраняет власть недреманного владыки (Юстиниана. — *Прим. пер.*) и увеличивает могущество боговенчанной Феодоры, чей разум блистает благочестием и чьей заботой являются непрестанные усилия по обихаживанию неимущих»¹.

Поскольку император мало спал ночью, он отдыхал в дневное время. Но когда строился собор Святой Софии в Константинополе, Юстиниан вместо послеобеденного сна ходил контролировать стройку. По словам Прокопия, тогда император вообще спал не более часа².

Пищу василевс принимал нередко самую простую, никогда не предавался обжорству или пьянству. Перед Пасхой ревностно постился, по два дня подряд обходясь лишь водой и небольшим количеством трав или овощей.

К роскоши Юстиниан был безразличен, но, понимая значение внешности для престижа, не жалел на это средств: убранство столичных дворцов и зданий, великолепие приемов приводили в изумление не только варварских послов и царей, но и искушенных жителей Рима. Однако в 557 году, когда многие города оказались разрушены землетрясением, император незамедлительно отменил пышные дворцовые обеды и подарки, а сэкономленные немалые деньги отправил пострадавшим.

Юстиниан бывал снисходителен к обидчикам: так, однажды он никак не наказал племянника Анастасия патрикия Прова, который в консистории заспорил с императором, а под конец перепалки оскорбил его.

Внешне Юстиниан никогда не терял присутствия духа, не позволял себе на людях гневаться или кричать, отдавал даже самые страшные приказы мягким голосом. Он жаловал доносителей и по их наветам мог ввергнуть в опалу ближайших придворных.

¹ *Иванов*, 2016. С. 251.

² «Тайная история». XIII. См.: *Прокопий*. Войны. С. 299.

От долгого молебствования император приобрел язву на ноге, которую исцелило только прикосновение к священным мощам мучеников. В делах веры Юстиниана отличала шепетильность. Он не только истово молился и постился, но не позволял себе таких признаков «двоеверия», как обращения к астрологам или, что еще хуже, колдунам. По сведениям Прокопия, астрологов подвергали порке и шельмованию: возили по Константинополю на верблюдах для потехи толпы¹. Иоанн Никиусский сообщает, что когда императору предложили использовать против Хосрова Ануширвана некоего чародея, он отверг этот совет, с негодованием воскликнув: «Я, Юстиниан, христианский император, буду торжествовать с помощью демонов?!»² Одно, наверное, не вполне понимал (или понимал, но не хотел принять) Юстиниан: восточное, византийское христианство не является религией «законного авторитета»³. То есть в догматических вопросах ни до Юстиниана, ни в его время, ни после него императору совершенно недостаточно было, образно говоря, «топнуть ногой», чтобы все начали верить по его слову. Да, император управлял церковью как институтом, смещал епископов, отнимал или, напротив, даровал имущество. Но в вопросах веры он мог лишь облегчить победу своей точке зрения, используя возможности государства. Не случайно многие восточные мученики пострадали, противодействуя не языческим, а именно христианским императорам.

На протяжении всей своей жизни Юстиниан пытался достичь идеала: единый и великий Бог, единая и великая Церковь, единая и великая держава, единый и великий правитель. В этом смысле он оказался одним из многих в череде лидеров, безжалостно волокущих страну в светлое будущее, — при этом, как ни парадоксально, идеологию этого будущего он пытался искать в прошлом, в идеалах «непогрешимой древности». И Римская империя действительно восстановилась, но за это пришлось заплатить невероятным напряжением сил государства, обнищанием народа и сотнями тысяч жертв. Юстиниан умер, а уже его преемник Юстин II в одной из новелл сокрушался: «Мы нашли казну разоренной долгами и доведенной до крайней нищеты и армию до такой степени расстроенной, что государ-

¹ «Тайная история». XI. См.: *Прокопий*. Войны. С. 293.

² Цит. по: *Диль*, 2010. С. 63.

³ *Мейендорф*, 2007. С. 69.

ство предоставлено непрерывным нашествиям и набегам варваров»¹. Да что новелла! Если верить Кориппу, критика Юстиниана, обвинение его в неверном устройении дел государства и расточительности прозвучали уже в тронной речи нового императора: «Многие вещи были слишком пренебрегаемы, пока мой отец был жив, и в результате измученная сокровищница сократила столько долгов, что мы предлагаем, движимые благочестием, восстановить несчастных людей. Пусть мир радуется, что все, что не было сделано или претворено в жизнь из-за старости нашего отца, было исправлено во времена Юстина...»²

В XII веке при константинопольском патриархе Иоанне IX Юстиниан был прославлен как святой, с днем поминовения 2 августа. Впоследствии Константинопольская церковь добавила 14, 15 и 16 ноября. Русская православная церковь и по сей день, 14 ноября по юлианскому календарю, чтит память «христоролюбивых василевсов Юстиниана и Феодоры».

¹ 148-я новелла, цит. по: *Прокопий*. Войны. С. 373. См. также: *Курбатов*, 1991. С. 173.

² *Корипп*, II. С. 93.

ОКРУЖЕНИЕ ЮСТИНИАНА

Только написав про людей, окружавших Юстиниана, осознаешь, что самые значительные личности из них — провинциалы, как и сам Петр Савватий Юстиниан. Феодора — с востока, Трибониан — из Памфилии, Велисарий — из Фракии, Мунд — оттуда же, Нарсес и Сита — армяне, Петр Варсима — сириец, Иоанн Каппадокиец — тоже понятно кто. Анфимий — малоазиец из Лидии, Исидор — тоже. Как и многие другие, которым в этой книге просто не нашлось места...

ФЕОДОРА

(ок. 497—548, императрица с 526)

Как и Юстиниан, она родилась далеко от столицы: где-то в Сирии или на Кипре. Позже ее семья перебралась в Константинополь, где отец Феодоры, прасин Акакий, получил должность смотрителя медведей столичного цирка. Он рано умер, и Феодора, тогда еще ребенок, вместе с матерью и двумя сестрами (старшей, Комито, и младшей, Анастасией) некоторое время жила в крайней бедности. В какой-то момент матери повезло вторично выйти замуж, и она стала хлопотать о передаче должности покойного новому мужу. Простат прасинов Астерий отказал, предпочтя другого. Мать Феодоры не придумала ничего лучше, как в день представлений выйти на арену с тремя малолетними дочками и умолять народ о снисхождении. Прасины не вняли просьбе, в отличие от венетов, давших мужу вдовы искомую должность. Считалось, что из-за этого случая Феодора на всю жизнь сохранила враждебное отношение к «зеленым».

Будущая супруга Юстиниана начала свою карьеру с прислуживания старшей сестре, которая добывала сред-

ства к существованию игрой в театре и проституцией. Сама Феодора, отличавшаяся гибким телом и выразительным лицом, со временем тоже стала выступать в мимах и пользовалась успехом у столичной публики, потешая ее зрелищами не особо утонченными (см. об этом подробно выше).

После того как ее бросил Гекебол, Феодора долгое время скиталась по южным и восточным провинциям империи. Некоторое время она жила в Александрии.

Появившись наконец в Константинополе, Феодора отказалась от бывшего шумного образа жизни, оставила театр и начала совершенствовать свои знания, наняв учителей для занятий науками. Что с ней случилось — неизвестно. Быть может, она прочла либо услышала рассказ о преображении блудницы? В те времена подобных историй из уст в уста передавалось много: достаточно вспомнить хотя бы Житие святой Пелагии, бывшей танцовщицы Маргарито, или Марии Египетской, с двенадцати до двадцати девяти лет бывшей проституткой, а затем удалившейся в иорданскую пустыню и (отметим это!) еще жившей там, когда Феодора странствовала по Востоку. Автор Жития святой Марии писал, что она, уже удалившись в пустыню, даже совестилась вспомнить, сколь «неудержимо и жадно влеклась к мужчинам...», а также то, что иной раз отказывалась от платы, чтобы привлечь к себе побольше желающих¹. Читал ли этот автор «Тайную историю» или просто вышло сходным образом? Неясно. Можем ли мы предположить, что Феодора встретила Марию и получила от нее наставление? Это маловероятно: святая в пустыне чуралась людей. А вот с Севиром Антиохийским Феодора вполне могла пообщаться. Не этот ли страстный человек причастен к ее обращению и не от этого ли обращения она на всю жизнь приобрела уважение к монофиситству?.. Возможно и более приземленное объяснение: она просто решила уменьшить свою скандальную известность в качестве гетеры и подучиться, чтобы продавать себя подороже.

В общем, причин изменения ее поведения мы не знаем.

Племянник императора увлекся Феодорой, заставил дядю возвести ее в достоинство патрикии и издать указ, разрешавший лицам сенаторского сословия заключать браки с бывшими актрисами и проститутками. Надо сказать, что переход женщины из разряда публичных к более высо-

¹ Византийские легенды. С. 90.

кому статусу был затруднен еще и тем, что эти профессии были наследственными. Но он был возможен, и как раз замужество позволяло такому произойти. Женщины сцены во все времена привлекали мужчин, и чувства некоторых из них могли, как губка краску, стереть позорное прошлое — было бы желание. Византийский писатель Аристенет в первой книге «Любвных писем» использует подобный сюжет, рассказывая о некоей Мелиттарион («пчелке»), которая пела в миме, потом влюбилась в некоего молодого человека, и тот женился на ней. В итоге она даже переименовала имя, больше похожее на кличку, стала носить неброские браслеты на запястьях и ступнях («действительно достойные свободной», — замечает Аристенет, намекая на наследственный статус такой профессии), простое покрывало, простую прическу, говорила тихо и помалу и ходила по улице «склонив голову, размеренной поступью, как следует скромной женщине»¹.

Однако жена Юстина I, как уже упоминалось, оказалась категорически против союза Юстиниана и Феодоры. Свадьба их стала возможной лишь в 523 году, после смерти императрицы.

1 августа 526 года Феодора вместе с супругом была торжественно коронована императорской диадемой, и теперь толпа на ипподроме рукоплескала ей уже не как актрисе, а как своей госпоже. Феодора оказалась достойной этой чести! Обладая ясным умом и твердым характером, она долгих 22 года правила государством, будучи самой влиятельной и верной помощницей из всего окружения Юстиниана. «Император, — писала она одному из придворных Хосрова Ануширвана, — ничего не предпринимает, не посоветовавшись со мной»². Прокопий не случайно воспроизвел эту фразу в хульном сочинении. Он подчеркивал, что императрица вмешивалась не в свое дело, вела себя «не по правилам». Ведь античный мир в социальном плане был миром мужчин, и в союзе мужчины и женщины равенства не предполагалось: именно первый признавался главным, причем в самой важной сфере — общественной. Несмотря на все уважение, проявляемое в традиционном греко-римском обществе к матери, жене или девственнице, женщины были лишены гражданских прав. Речь даже не о праве участвовать в выборах, а о такой простой вещи, как насле-

¹ Византийская любовная проза. С. 44, 45.

² «Тайная история». II. Цит. по: *Прокопий*. Войны. С. 267.

дование имущества и владение им: соответствующая возможность появилась лишь у женщин Византии благодаря закону императора Константина от 326 года и позднее была подтверждена как раз Юстинианом.

Царство византийской женщины начиналось там, где заканчивалась улица: в доме. Если женщина начинала выполнять «внешние» социальные функции, это выглядело не вполне привычным, особенно если в семье был жив мужчина: отец, старший брат, муж. Конечно, принадлежность к царскому роду предполагала исключения, но приходились они, как правило, на ситуацию «безмужества». Именно в таких ситуациях действовали самые знаменитые женщины-правительницы античности: Клеопатра (которая свергла своего ничтожного младшего брата), Зенобия (начавшая править Пальмирой, когда ее муж Оденат был убит, а сын Вабаллат — слишком юн), Галла Платидия (правившая, когда Гонорий умер, Феодосий II находился далеко, а сын Валентиниан III был младенцем), да та же Ариадна, чья важнейшая роль при переходе власти к Анастасию как раз и заключалась в том, что она выбрала себе в мужа императора. Феодора стала первым примером полноценного участия женщины в управлении римским государством, причем не тайного, а открытого и зафиксированного правилами участия. Официальные лица, давая присягу при вступлении в должность, клялись в верности не только императору, но и императрице, чьи имена следовали за обращением к Богу, Богородице, архангелам Михаилу и Гавриилу, — Юстиниан по этому поводу специально издал новеллу (8-я). И не случайно посвященные надписи Юстиниана в соборе Святой Софии или Святых Сергия и Вакха сохраняли имена обоих супругов. Как и монограммы на капителях колонн Святой Софии: если приглядеться повнимательнее, видно, что они — двух разных типов; это как раз и есть их имена и титулы, «Юстиниан император» и «Феодора августа».

Столь непривычное «единение» окружающие видели и порой прославляли, находя для этого подчас самые забавные поводы. Так, Хорикий Газский в своей речи по поводу врумалий императора, отметив, что буквы их имен — соседние (в греческом I следует сразу после Θ), льстит вполне в духе времени: «Если вам когда-нибудь приходило в голову подсчитывать отдельные буквы [от имени императора], я думаю, вы заметили, что в отношении слогов это чрезвычайно долго, так как и должно быть, ведь император явля-

ется величайшим из всех достоинств. Тем не менее, как и должно быть, его имя не должно стоять в стороне от имени императрицы, даже не в буквах. В них тоже должно быть ясно, что одна общая гармония между ними существует. Соответственно, ни один посредник не явится, чтобы разделить инициалы их обоих»¹. В целом же деятельное поведение Феодоры было нетипичным и, с традиционной точки зрения, вызывающим.

Не отличаясь кровожадностью, Феодора тем не менее была злопамятна и мстительна. «Взгляд ее из-под насупленных бровей был грозен»², — как отмечал Прокопий. Она никогда не простила ни своих врагов, ни пренебрежительного к себе отношения, смещая или отправляя в ссылку неудобных ей сановников. Ее самовластие не знало границ: в течение более чем двух лет она тайком и безнаказанно продержала в подземельях дворца чем-то провинившегося перед ней Вузу, отмеченного когда-то званием консула, и никто даже не смел заикнуться о его участи. Прокопий считал, что подобное она проделывала неоднократно: «Когда же она не желала, чтобы наказание виновного стало как-то известным, она делала следующее. Если тот был именит, она, вызвав этого человека, с глазу на глаз препоручала его кому-либо из своих помощников с приказом переправить его в самые отдаленные пределы Римской державы, и тот в неурочный ночной час сажал его, закутанного с головой и связанного, на корабль и отправлялся с ним туда, куда повелела эта женщина. Там, передав его в еще большей тайне тому, кто был сведущ в подобной службе, он удалялся, приказав охранять этого человека самым тщательным образом и запретив говорить кому-либо о нем, до тех пор пока либо василиса не сжалится над несчастным, либо он не скончается, измученный годами медленной смерти вследствие невзгод существования в этом месте и полностью изнуренный»³. Некий человек, приближенный Велисария, по ее приказу четыре месяца простоял в подвале, привязанный короткой веревкой за шею, как осел в стойле; в итоге он сошел с ума и умер. Бывший консул Приск, нотариус императора, за плохие речи о ней был лишен имущества и посажен в тюрьму города Кизика. Ожидая худшего,

¹ *Хорикий*. Врумалии. 12, 13. С. 165.

² «Тайная история». X. См.: *Прокопий*. Войны. С. 289.

³ «Тайная история». XVI. См.: *Прокопий*. Войны. С. 305. О прочих упомянутых в этом месте случаях — это тоже «Тайная история».

Приск сделал подкоп, бежал и спас свою жизнь лишь тем, что принял духовное звание. Подобная история приключилась даже с пасынком самого Велисария Фотием, который дважды сбежал из застенков Феодоры и тоже вынужден был принять монашеский постриг. Она запросто могла приказать извлечь просящего защиты из храма — и ни один священнослужитель не смел ей в том воспрепятствовать.

За соблюдением всех тонкостей этикета, связанных с поклонением царственным особам, она следила с болезненным вниманием, любила богатство и внешний блеск. Как-то раз в путешествии за пределы Города ее сопровождала четырехтысячная (!) свита из различного ранга вельмож, слуг и охраны¹. Неподалеку от Святой Софии, на берегу Босфора, в квартале Аркадианы, был построен беломраморный портик со статуей августы. В честь императрицы назвали несколько городов и даже провинцию в Сирии.

«За телом своим она ухаживала больше, чем требовалось, но меньше, чем она желала. Ранее раннего она отправлялась в бани и очень поздно удалялась оттуда. Завершив омовение, она направлялась завтракать, позавтракав, отдыхала. За завтраком и обедом она отведывала всякой еды и питья, сон же у нее всегда был очень продолжительным, днем до сумерек, ночью — до восхода солнца... Попасть же к василисе было невозможно даже кому-либо из архонтов, разве что он потратит на это массу времени и труда, но все они с рабским усердием постоянно пребывали в ожидании, все время находясь в узком и душном помещении. Ибо отсутствовать здесь для любого из них означало подвергнуть себя смертельной опасности. Все это время они стояли на цыпочках и каждый из всех сил старался держать голову выше, чем соседствующие, чтобы евнухи, выходя, могли его заметить. Приглашались же лишь некоторые из них, и то с трудом и по прошествии множества дней, а войдя к ней, они в великом страхе как можно скорее удалялись, лишь пав перед ней ниц и коснувшись краешком губ ступней обеих ее ног. Говорить с ней или просить ее, если она сама не повелевала этого, было недопустимо. Государство погрязло в рабологии, получив в ее лице надсмотрщика рабов»².

Впрочем, не следует думать, что Феодора представляла собой сибаритствующую пустышку, озабоченную лишь

¹ *Феофан*, год 6025. С. 144.

² «Тайная история». XV. См.: *Проконий*. Войны. С. 302.

внешним блеском или изощренной местью своим личным врагам. В трудную минуту Юстиниан всегда находил у своей супруги поддержку. Именно решительность Феодоры на дворцовом совете в охваченном восстанием Городе в январе 532 года спасла Юстиниану трон, а может быть, и жизнь — по версии Прокопия.

Никто из историков, упоминавших о безнравственности Феодоры до брака (особенно в этом преуспел Прокопий), не смог указать ни единого примера аморальности ее после замужества. Напротив, она часто помогала попавшим в беду женщинам, сурово преследовала растлителей. Ф. И. Успенский считал, что во многом благодаря ей в Византии появились «необъяснимые с точки зрения римского права» и нетипичные, скажем, для западного Средневековья законы, охранявшие права женщин, — например, о возможности женщины наследовать имущество, о разводах, о праве женщины быть опекуном и т. д.¹ Было прекращено действие бесчеловечного правила, согласно которому свободнорожденная женщина, состоящая в любовной связи с рабом, сама становилась рабыней. Особая тема — законы, карающие, выражаясь сегодняшним языком, «нарушителей половой свободы». Кодекс Юстиниана прямо запрещал господам насиловать рабынь или принуждать рабыню к занятию проституцией. Но император пошел еще дальше: 14-я новелла, обращенная ко всему народу Константинополя, приравняла к уголовникам вообще «грабителей чести и похитителей целомудрия»². Лица, виновные в принуждении девушек к проституции, подлежали аресту и смертной казни. Столичные дома терпимости были закрыты, их содержатели изгнаны, а проституткам предоставили возможность жить в специально отведенном для их «исправления и раскаяния» монастыре³. Ну а если раб предотвращал похищение девушки, то он без всякого согласия господина получал свободу. Сама же императрица лично организовывала

¹ Успенский, 2011. Т. 1. С. 269, 270. Впрочем, наследовать имущество могли только православные женщины, см.: Геростергиос, 2010. С. 106.

² Диль, 1994. С. 60.

³ Прокопий. О постройках. I. 9. С. 170. В XVII книге «Тайной истории» Прокопий поведал, что из пятисот блудниц, торговавших собой на рыночной площади («за три обола — только чтобы не умереть с голода») и поселенных в этом монастыре, несколько в тот же вечер бросились с высоты, не в силах терпеть перемену образа жизни. См.: Прокопий. Войны. С. 306.

вала поиски лиц, которые приобретали у бедняков дочерей для работы в публичных домах (Иоанн Малала называет цену таких сделок — пять номисм за человека), выкупала этих девушек обратно и, дав по номисме и комплект одежды, отпускала¹.

Феодора покровительствовала монофиситам, и именно в ее покоях во дворце Хормизда находили убежище их опальные иерархи или простые монахи, преданные этому учению. Евагрий, говоря о различии в религиозных убеждениях стойкого халкидонита Юстиниана и его жены, замечает, что «либо они истинно так мыслили — ибо когда речь идет о вере, расходятся и отцы с детьми, и дети с родителями, и жена со своим мужем... — либо условились по какому-то замыслу... так что один лелеял наших (халкидонитов. — *С. Д.*), а другая великими богатствами поощряла чужих»². В позднем Средневековье даже появилась легенда, согласно которой Феодора происходила от благочестивого сенатора-монофисита. Иоанн Никиусский, писавший на рубеже VII и VIII веков, с благодарностью отмечал роль императрицы в спасении тысяч жителей Александрии: согласно писателю, именно благодаря ее заступничеству Юстиниан отказался подавлять силой выступление александрийских монофиситов, случившееся около 535 года³.

Если верить Иоанну Эфесскому, лично знавшему Феодору, та вполне могла заставить чиновника поступить против воли императора. К примеру, однажды она, угрожая «снять голову» дуксу Фиваиды, вынудила его задержать императорского священника-халкидонита, направлявшегося крестить нубийцев, чтобы посланный ею священник-монофисит успел сделать это раньше, — и дукс, далеко не последний человек в государстве, подчинился!⁴

По инициативе Феодоры сразу же по окончании сооружения собора Святой Софии была начата перестройка пятикупольного храма Святых Апостолов, где погребали императоров. По легенде, августе во сне явились апостолы и предложили не просить на постройку денег у мужа, но выйти к берегу Золотого Рога за Дексиократовыми во-

¹ *Иоанн Малала*. XVIII. 24. С. 140.

² *Евагрий*. IV. 10. С. 286, 287. См.: *Грацианский*, 2016. С. 115—134.

³ См.: *Евагрий*. С. 568 (Приложения).

⁴ *Пигулевская*, 2000. С. 488, 489. Сомнения в этом факте и иная версия: *Грацианский*, 2016. С. 201—204.

ротами (ныне ворота Aikarı) и покопать землю в поисках дюжины сосудов, наполненных золотом. Феодора так и сделала, в результате чего деньги были обретены. Императрица, правда, умерла до того, как постройку закончили. Этот грандиозный храм обветшал и в османское время был разрушен. Однако сам принцип пятиглавого собора пережил свой прототип в многочисленном храмовом зодчестве Руси. Грандиозное же европейское подражание собору Святых Апостолов восхищает миллионы людей и сегодня — это всемирно известный Сан-Марко в Венеции.

В Антиохии на средства Феодоры возвели собор Михаила Архангела и некое общественное сооружение, называвшееся «базиликой Анатолия», — колонны для него по приказу императрицы привезли из Константинополя¹.

Для себя лично василисса приказала выстроить дворец на азиатском берегу Босфора, в Иерии (ныне полуостров Фенербахче в районе Кадыкёй). Там она любила отдыхать в пору летней жары.

У Юстиниана и Феодоры не было детей. Существует легенда о том, что когда в Константинополь прибыл почитаемый на Востоке старец, монах Савва Освященный, Феодора попросила его помолиться о даровании сына. Кирилл Скифопольский, автор Жития Саввы Освященного, так описал эту сцену: «Император приблизился к Савве, поклонился и с радостью и со слезами облобызал божественную его главу. Потом, получивши от него благословение, принял из руки его палестинские просьбы и просил его посетить и благословить императрицу Феодору. Старец пришел и к ней. Императрица приняла его с радостью, поклонилась и сказала ему: “Помолись о мне, отец, чтобы Господь дал мне сына”. Старец в ответ на сие сказал ей: “Бог славы да сохранит Ваше царство в благочестии и в победе”. Услышавши сие, императрица опечалилась, потому что он не удовлетворил ее прошению. Посему, когда он от нее вышел, то бывшие при нем отцы укоряли его и говорили: “Для чего ты опечалил императрицу и не помолился о ней, как она просила тебя?” Старец сказал им: “Нет, отцы, из чрева ее не произойдет плода, ибо сын ее напитался бы догматами Севера и возмутил бы Церковь хуже Анастасия”»².

¹ *Иоанн Малала*. XVII. 19. С. 123.

² Палестинский патерик. Вып. 1: Житие св. Саввы Освященного. 71. С. 111, 112.

Влияние Феодоры при дворе не ослабевало до самой ее смерти 28 июня 548 года, когда после страшных мучений императрица скончалась в Константинополе от рака.

И много лет после ее смерти Юстиниан, если хотел подчеркнуть торжественность своего обещания, подкреплял его клятвой именем Феодоры. А в вечное ее поминовение он возвел постройку, дошедшую до наших дней и знакомую едва ли не каждому православному: монастырь Святой Екатерины на Синае.

Трибониан (до 500 — после 542)

Трибониан, родом из Памфилии, начал свою юридическую службу в Константинополе и за счет немалых способностей быстро достиг поста начальника скринии. В 529 году он получил должность квестора священного дворца и до 534 года сначала участвовал на высоких должностях в работе комиссии по составлению «Corpus Juris Civilis», а затем и руководил ею.

Не только великолепно эрудированный, но и не чуждый светским манерам, он пользовался при дворе авторитетом. «Трибониан был талантлив от природы и достиг высокой степени учености, не уступая в этом никому из современников, но он был безумно корыстолюбив и ради выгоды всегда был готов торговать правосудием; с давних пор он ежедневно одни законы уничтожал, а другие создавал, продавая их просителям в зависимости от нужды... Был он обходительным и во всех прочих отношениях приятным, а благодаря своей высокой образованности он очень умело скрывал болезненную страсть к корыстолюбию»¹. Впрочем, данная характеристика, скорее всего, — завуалированная критика Юстиниана: ведь главным потребителем «подправленных» законов был сам император, а делались эти искажения прежде всего при составлении Кодекса и Дигест.

Одним из требований восставших в 532 году была отставка Трибониана. Смещенный с поста дворцового квестора, в ноябре 533 года он был назначен магистром официий и исполнял эту должность до весны 535-го. Затем император восстановил его в прежней должности, которую Трибониан и занимал до самой смерти (скорее всего, во время большой эпидемии чумы, около 542 года).

¹ «Война с персами». I. XXIV, XXV. Цит. по: *Прокопий*. Войны. С. 65, 69.

Сам Юстиниан отзывался о Трибониане весьма похвально: «Он равно замечателен в деле, слове и составлении законов и ничего не ставит выше наших приказаний»¹. Трибониан не остался в долгу: однажды он заявил Юстиниану, что всерьез опасается, как бы за свое благочестие император не был бы вознесен прямо на небо.

Хорошее отношение Юстиниана к своему главному юристу не помешало конфисковать часть его имущества после смерти, уменьшив долю законных наследников, — то ли в наказание за неосновательное обогащение (то есть взятки), то ли потому, что Юстиниан мог расценивать богатство Трибониана как государственную награду — и считать себя вправе после смерти вернуть ее назад.

В более поздние времена имя Трибониана стало нарицательным для обозначения способного, но продажного юриста.

ИОАНН КАППАДОКИЕЦ (до 500 — после 548)

В течение длительного времени финансовую политику Византийской империи при Юстиниане определял Иоанн из Кесарии Каппадокийской. Он занимал должность префекта претория Востока² в 531 и 532—541 годах. Новейшие историки считают этого человека, поднявшегося до высот власти из самых низов благодаря своим талантам, истинным автором административных преобразований Юстиниана. Не случайно из новелл, изданных после 534 года, «три четверти их, адресованные по большей части непосредственно ему, относятся ко времени его пребывания на посту префекта претория Востока и лишь четверть — к оставшимся 25 годам правления Юстиниана»³.

Прокопий Кесарийский, крайне отрицательно относившийся к Иоанну, отзывался о нем как об исключительно дурном, хотя и небесталанном, человеке. «Он ничему не научился, посещая грамматиста, разве что писать письма, да и это делал из рук вон плохо. Но из всех известных мне людей он был самым одаренным от природы. Его отличала необычайная способность постигнуть необходимое и умение найти выход из самых затруднительных обстоятельств.

¹ Цит. по: Диль, 2008. С. 106.

² «Эпарха двора», по словам избегавшего латинских терминов Прокопия.

³ Чекалова, 1997. С. 81.

Самый скверный из всех людей, он использовал свои способности исключительно на дурное. До него не доходило слово Божье, и не было у него человеческого стыда. Ради наживы он погубил жизни многих людей и разрушил целые города. Награбив за короткое время большие деньги, он предался не знающему границ пьянству. Грабя до полудня имущество подданных, остальное время он пил и предавался разврату. Он никогда не мог обуздать себя, ел до пресыщения и рвоты и всегда был готов воровать деньги, но еще более же был способен расточать их и тратить. Таков был Иоанн»¹. Прокопию вторит Иоанн Лид, обвиняя Иоанна в самых разнообразных прегрешениях: разрушил государственную почту, развалил управление, пытал должников и т. п. В отличие от Прокопия Лид при этом выгораживал императора: дескать, тот и знать не знал о преступлениях своего префекта, а чиновники в страхе перед могуществом последнего молчали².

Под влиянием Иоанна в 531 году была проведена реформа государственного имущества, завершившаяся тем, что с этого момента собственность фиска (казны) и императорская уже не различались.

Вторым направлением экономических реформ Иоанна было установление монополий на те или иные товары. Императоры прошлого применяли эту практику, однако к Юстинианову времени она сошла на нет. Помимо монополий на шелк и производство пурпурных тканей Прокопий говорит о хлебе: «Но я скажу, что он (Юстиниан. — С. Д.) все время жесточайше грабил при продаже хлеба, не покупать который не могли ни ремесленники, ни бедняки, ни пораженные всяческими недугами люди. Для того чтобы всякий год получать отсюда по три кентинария, он допускал, чтобы хлеб был дороже и полон золы. Ибо этот василевс без колебаний отваживался даже на столь нечестивое деяние позорного корыстолюбия. Те же, на кого была возложена эта обязанность, прикрываясь данным предлогом, заботились о собственной выгоде и легко достигали великого богатства. Невероятно, но постоянно, даже в урожайные годы они создавали для бедняков сотворенный человеческими руками голод, поскольку было строжайше воспрещено завозить зерно откуда бы то ни было, но все обязаны были покупать и есть этот хлеб»³.

¹ «Война с персами». 1. XXIV. Цит. по: *Прокопий. Войны*. С. 65.

² *Курганов*, 2015. С. 387, 388.

³ «Тайная история». XXVI. См.: *Прокопий. Войны*. С. 331.

Как и Иоанн Лид, Прокопий неоднократно упрекал Каппадокийца в том, что, экономя на всем, он буквально разорил государственную почту, прекратил выплаты за выслугу лет старым военнослужащим или чиновникам. С негодованием вспоминал Прокопий случай, когда стремление Иоанна к экономии стало причиной гибели многих во время вандальской войны: «Эпарх двора Иоанн был очень скверным человеком и настолько способным изыскивать пути для пополнения казны за счет людей, что я никогда не смог бы достаточно подробно сие описать. Но об этом я уже говорил и раньше, когда порядок моего повествования привел меня к этому. Здесь же я расскажу, как он погубил солдат. Хлеб, которым приходится питаться солдатам во время лагерной жизни, необходимо два раза сажать в печь и тщательно пропекать для того, чтобы он сохранялся как можно дольше, а не портился в короткий срок; выпеченный таким образом хлеб, естественно, становился более легким по весу и поэтому при раздаче хлебного пайка солдатам обычно сбрасывается четвертая часть установленного веса. Поразмыслив над тем, как бы не сокращая вес хлеба, меньше тратить на дрова и меньше платить пекарям, Иоанн сделал следующее: он приказал хлеб, еще сырой, нести в общественные бани [носящие имя] Ахиллеса и положить на то место, где внизу горит огонь. И когда он становился похожим на печеный, он распорядился класть его в мешки и отправлять на корабли. После того как флот прибыл в Мефону, эти хлебы рассыпались и вновь обратились в муку, но уже не здоровую, а испортившуюся, загнившую и издававшую тяжелый запах. Заведовавшие этим раздавали этот хлеб солдатам не по весу, но выдавали хлебный паек мерками и медимнами. И вот солдаты, питаясь таким хлебом летом в местах с очень жарким климатом, заболели, и из них умерло не менее пятисот человек. Так случилось бы и с большим числом, но Велисарий запретил питаться этим хлебом и велел доставлять им местный хлеб. Он донес об этом василевсу; сам он получил от василевса одобрение за свое распоряжение, Иоанн же не потерпел никакого наказания»¹.

Главным же источником поступления средств в казну как тогда, так и сейчас были налоги. Иоанн проявлял доходившее до свирепости рвение не только во взимании существующих, но и в придумывании новых. Начал он,

¹ «Война с вандалами». 1. XIII. См.: *Прокопий. Войны*. С. 176.

впрочем, аккуратно: предельно строго взыскивая старые недоимки и применяя эпіболу. Затем постепенно появились новые поборы.

Существовал налог («диаграфэ»), который взимался в чрезвычайных случаях, увеличивая поземельную подать. Его стали брать все чаще и, в конце концов, сделали постоянным. Введенный при Иоанне новый сбор «азрикон» приносил доход до трех тысяч фунтов золота в год. Историки по сей день спорят о том, что это было, но, вполне вероятно, — штраф с тех домовладельцев, которые, в нарушение законов Льва и Зинона, строили здания, не выдерживая установленного расстояния от других сооружений (не менее 15 футов от общественного здания, 12 футов — в других случаях), или с высотой, превышающей допустимую (100 футов).

Пополняя императорскую казну, Иоанн не забывал и о себе. Жил он, утопая в роскоши и позволяя себе любые удовольствия, часто появлялся на людях в богатых одеждах, сопровождаемый распутницами. Чревоугодию он был предан настолько, что, по слухам, мог вознаградить важной государственной должностью повара, приготовившего ему вкусное блюдо. Иоанн Лид в описании этого человека не жалеет самых черных красок и грубых деталей: «Но Каппадокиец... обрушившийся на магистрат (префектуру претория. — С. Д.), древнее и таким образом священное магистрата помещение фалангам своих слуг предоставил, сам же на верхнем этаже валялся в постели, в то время как моча и испражнения виднелись по спальне, голым на ложе растянутый...»¹ Сходным образом отзывался о нем и Прокопий, также лично знавший этого человека: «...был он груб и несносен, раздавая удары всем, кто попадался ему на пути, и без всякого основания грабя сплошь все их имущество»².

Отличаясь крайним суеверием, Каппадокиец занимался магией; подозревали даже, что он — тайный язычник.

Смешенный вместе с Трибонианом, Иоанн спустя пару лет вновь стал префектом претория Востока, а в 538 году был возведен в ранг патрикия и сделан консулом³. Отмечая заслуги Каппадокийца, Юстиниан писал: «Он радеет о

¹ Иоанн Лид. Кн. II (21). 2. С. 186.

² «Война с персами». 1. XXV. См.: Прокопий. Войны. С. 69.

³ Именно в его консульство был освящен храм Св. Софии (Иоанн Малала. XVIII. См.: Прокопий. Войны. С. 489).

благе императора и возрастании общественных доходов»¹. Это был один из немногих высших чиновников империи, который позволял себе открыто критиковать императрицу Феодора, соответственно, ненавидела Иоанна. Страх перед ее мстостью превращал его ночи в ад — по крайней мере, если верить Прокопию: «Когда он, собираясь ложиться спать, входил в свою спальню, он каждую ночь опасался, что встретит тут какого-нибудь варвара, посланного убить его, выглядывал из своего покоя, осматривал входы, проводя бессонную ночь, хотя он имел при себе тысячи копьеносцев и шитоносцев, чего, по крайней мере раньше, не бывало ни у одного из эпархов двора»².

В 541 году жена Велисария Антонина в угоду Феодоре спровоцировала Иоанна на опасные высказывания в адрес императора. Юстиниан, разгневавшись, приказал арестовать его, постричь, рукоположить в священники и сослать в Кизик. Когда-то Иоанну предсказывали, что он удостоится одежды августа. Так и произошло — иерея, отдавшего новопостриженному свое облачение (так как в спешке не нашлось другого), звали Август³. В Кизике Иоанна спустя какое-то время обвинили в соучастии в убийстве местного епископа, пытали и, лишив имущества, сослали в Египет. Один из когда-то богатейших людей империи добирался к месту ссылки в грубом плаще ценой в несколько фоллисов и питался тем, что давали на стоянках добрые люди. Впрочем, он еще легко отделался: другие обвиняемые по этому делу пострадали значительно сильнее.

После смерти Феодоры Юстиниан позволил Каппадокийцу вернуться в столицу, но прежнего влияния тот уже не имел. Под именем Петра он умер в монастыре.

Константин Багрянородный приводит две приписываемые Демодоксу едкие эпиграммы на каппадокийцев:

Каппадокийца некогда укусила злая ехидна и сама,
Вкусив крови ядовитой, умерла...

Каппадокийцы всегда негодны — скопив кошелек
Еще худшие: от прибыли же самые негодные,
Если же дважды и трижды доберутся до большой
колесницы (богатства. — С. Д.),
То делаются худшими из худших...⁴

¹ Диль, 2008. С. 110.

² «Война с персами». 1. XXV. См.: Прокопий. Войны. С. 69.

³ «Война с персами». 2. XXX. См.: Прокопий. Войны. С. 144.

⁴ Константин Багрянородный. О фемах. С. 26, 27.

ВЕЛИСАРИЙ (ВЕЛИЗАРИЙ) (ок. 505 — март 565)

Все свои войны Юстиниан вел не лично, а через полководцев. К VI веку это уже стало традицией, даже если император и имел боевое прошлое. Последними государями, присутствовавшими на театре военных действий, были Феодосий Великий и (возможно) Зинон в период своего противостояния с Василиском. Следующий василевс ромеев, который не просто отправится на войну, но станет лично водить латников в атаку — Ираклий, — вступит на престол только в 610 году.

Велисарий, крупнейший полководец Юстиниана и один из самых богатых и влиятельных его придворных, был родом из Фракии и по происхождению варвар: то ли германец, то ли славянин. Начав карьеру простым солдатом, он в возрасте, когда «только что показывалась первая борода», сначала стал дуксом Месопотамии (526), воевал в качестве начальника войск в Лазике (неудачно), а затем (527) возглавил вместе с полководцем Ситой поход в Персармению¹. В 25 лет Велисарий стал стратилатом Востока, впервые как крупный военачальник проявив себя во время персидской кампании: в 530 году он разгромил при Даре войска шаханшаха Кавада. Правда, тут же проиграл персам второе сражение.

Наш соотечественник Е. П. Глушанин, отмечая эту неудачу и комментируя то обстоятельство, что в советниках у Велисария были два опытнейших чиновника, Руфин и Гермоген, замечал: «Профессиональным военным старшего поколения, заслужившим известность до интронизации Юстиниана, отводилась второстепенная роль советников молодых офицеров юстиниановой “команды”. В самом деле, на фоне того, что прежде офицеры достигали армейских магистериев путем долгого, “правильного” *cursus honorum*, служба нередко магистрами при разных императорах (Аспар, Ардабур, Иоанн Скиф, даже Зенон), а нетрадиционные карьеры (прямое назначение магистрами войск без длительной предварительной службы) были характерны для членов правящих фамилий (Василиск, Ипатий), “старт” всей первой генерации юстиниановой военной элиты являет собой значительное отступление от сложившихся традиций чиновничества. Велизарий и Сита со-

¹ «Война с персами». I. XII. См.: *Прокопий*. Войны. С. 33.

вершили просто головокружительную карьеру, превратившись из дорифоров Юстиниана в региональных магистров. Факт, что Велисарий некоторое время был дуксом Месопотамии, лишь подтверждает это, поскольку в подавляющей массе офицеры пограничной и походной армии могли выслужиться только в одной из категорий войск»¹. Такая критика имеет право на существование, но нужно заметить, что «высочки» Велисарий и Сита сделали не просто хорошую карьеру; они в конечном итоге обеспечили Византии десятилетия побед.

Из столицы прибыла для расследования обстоятельств дела комиссия во главе с Константиолом. По итогам ее работы Велисарий был снят с должности магистра Востока. Прокопий, правда, считал, что Юстиниан просто схитрил, желая утаить сведения от иностранных шпионов: вызов Велисария в Константинополь якобы для снятия с должности был лишь предлогом; на самом же деле магистр оказался в столице для разработки плана предстоящего похода против вандалов².

В тревожные дни января 532 года Велисарий не подвел Юстиниана, сыграв одну из важных ролей в подавлении восстания «Ника».

В 533 году он отправился в Африку и за несколько месяцев подчинил королевство вандалов константинопольскому престолу. Тогда Велисарий имел неограниченные полномочия стратига-автократора. По окончании кампании недоброжелатели написали в Константинополь донос: мол, тот желает захватить власть в Африке. Юстиниан письмо получил, но клевете не поверил и предложил полководцу выбор: остаться в Африке или лично сопроводить Гелимера и прочих знатных пленников в столицу. Велисарий выбрал второе. Вернувшись, он справил пышный триумф, а в ознаменование заслуг в 535 году стал консулом.

Вскоре последовало назначение на Сицилию. Под командой Велисария был взят Панорм (Палермо), а 31 декабря 535 года, в последний день своего первого консульства³, он торжественно вступил в Сиракузы, разбрасывая жителям и войску золотые монеты.

С Сицилии Велисарий спешно отплыл в Африку, где силой своего авторитета и умелой организацией войск за-

¹ См.: Глушанин, 1991. С. 183, 184.

² «Война с вандалами». 1. IX. См.: Прокопий. Войны. С. 168.

³ Консульство Велисария было продлено и на 536-й, и на 537 г.

ставил отойти от Карфагена взбунтовавшиеся отряды византийской армии.

Активные боевые действия против остготов Велисарий начал летом или осенью 536 года (после возвращения из Африки и подавления мятежа в собственных войсках на Сицилии), имея в наличии всего 7500 солдат и федератов и около четырех тысяч личной дружины. В начале декабря готы сдали Рим. Вскоре военачальнику, спешно укрепившему стены города, пришлось сражаться с огромной армией Витигиса¹. Готы обложили Рим, но, умело сопротивляясь, византийцы пресекли все попытки овладеть городом, а в апреле 537 года получили подкрепление — 1600 федератов, славян и гуннов.

Однако этим помощь Константинополя и ограничилась — итальянская армия вскоре осталась без денег и провианта. В городе ели траву, началась чума. Лишь в декабре жене Велисария Антонине и его секретарю, историку Прокпию, удалось закупить в Кампании хлеб и, наняв корабли и охрану, пробиться в Рим с продовольствием и подкреплением — тремя тысячами исавров, 800 фракийцами и 500 ратниками, набранными в Кампании².

В марте 538 года Витигис, получив известия о высадке в районе Остии десанта войск Юстиниана и рейдах византийских отрядов, нападавших из Рима на Центральную и Северо-Западную Италию, снял осаду и ушел на север. Лишь в начале лета к Велисарии с семитысячным отрядом прибыл евнух Нарсес. Между двумя начальниками возникли мешающие делу трения, однако, в конце концов (весной 539 года), Нарсес был отозван. Византийцы захватывали в Италии крепость за крепостью, готы отступали. В разоренной стране начался голод, ужасы которого описал Прокпий: «Время шло, и вновь наступило лето. На полях сам собой стал вызревать хлеб, но совсем не в таком количестве, как в прошлом году, а гораздо меньше. Так как зерна его не были скрыты в бороздах, проведенных плугом или руками человека, а им пришлось лежать на поверхности земли, то лишь небольшой части их земля могла сообщить растительную силу. Еще никто его не жал, но уже задолго

¹ Прокпий говорит о 150 тысячах, современные оценки скромнее раза в три — но всё равно впечатляют. Читателю, желающему ознакомиться с художественным описанием батальных сцен, стоит целиком прочесть «Войну с готами» Прокпия.

² *Прокпий*. Война с готами. II. 5; Т. 1. С. 128.

до созревания он вновь полег, и в дальнейшем ничего отсюда не выросло. То же самое случилось и в области Эмилиевой дороги. Поэтому жители, покинув тут свои жилища и родные поля, ушли в Пиценскую область, думая, что там они будут меньше страдать от голода. По той же самой причине не меньший голод поразил Этрурию; те из ее жителей, которые обитали в горах, вместо зерна питались желудями с дубов; они пекли себе из той муки хлеба и их ели. Вполне естественно, что большинство из них было поражено различными болезнями; лишь немногие уцелели. Говорят, в Пиценской области погибло от голода не менее пятидесяти тысяч римских землевладельцев и еще гораздо больше по ту сторону Ионийского залива. Я сейчас расскажу, так как я сам был очевидцем этого, какого они были вида и как умирали. Все были худы и бледны; плоть, не имея питательной пищи, по древнему выражению, сама себя поедала, и желчь, властвуя над оставшимся телом, окрашивая его, придавала внешнему его виду свой собственный цвет. При продолжении этого бедствия вся влага уходила из тела, кожа страшно высыхала и была похожа на содранную шкуру, давая представление, что держится она только на костях. Их синий, как кровоподтек, цвет лица постепенно переходил в черный, и они были похожи на сильно обожженных факелами. Выражение лица у них было как у людей, чем-либо пораженных, и их глаза смотрели всегда страшно и безумно. Одни из них умирали от недостатка пищи, другие же от чрезмерного ею пресыщения. Так как у них потух весь внутренний жар, который природа зажгла у них, то если кто-либо давал им есть сразу досыта, а не понемногу приучая к пище, как своевременно рожденных детей, то они, уже не имея сил переваривать пищу, умирали еще скорее, чем от голода. Некоторые, страдая от ужасного голода, поедали друг друга. И говорят, что две женщины в какой-то деревне, севернее города Ариминума, съели 17 мужчин. Случилось, что они одни только уцелели в этом месте. Поэтому проходившим по этой дороге иноземцам приходилось заходить в тот домик, где они жили. Во время сна они их убивали и поедали. Но говорят, что восемнадцатый гость проснулся в тот момент, когда эти женщины собирались наложить на него руки; вскочив с постели (по другому чтению: «разобрав и разузнав все это дело». — *Прим. пер.*), он узнал от них все это дело и обещ их убил. Вот что, говорят, произошло там. Большинство жителей, понуждаемые голодом, если где-нибудь встречалась трава, стремительно бросались к

ней и, став на колени, старались ее вырвать из земли. А затем, так как вырвать ее они не могли, вся сила покинула их, они падали на эту траву и на свои руки и умирали. И никто нигде их не хоронил: ведь не было никого, кто бы мог позаботиться о погребении. И ни одна из птиц, которые обычно питаются трупами, не коснулась их, так как на них не было мяса, которое бы они могли взять себе. Все их тело, как я выше сказал, было уже раньше поглощено голодом»¹.

С севера на позиции готов стали нападать франки, решившие в условиях войны грабить всех, кого получится. В конце 539 года Велисарий, следуя собственному плану войны, осадил и в мае следующего года взял Равенну. Город пал благодаря хитрости командующего: готы предложили Велисария стать императором Запада, и тот для вида согласился, но оговорил условие, что клятву даст Витигису лично. Когда же византийцы вошли в Равенну, сопротивляться было уже бессмысленно.

Велисарий был очень красив, строен, высокого роста. Предположительно, именно он стоит за правым плечом Юстиниана на мозаиках апсиды собора Сан-Витале в Равенне. Доброжелательное выражение лица и мягкая речь располагали к нему любого собеседника². Храбрый воин, он отменно владел разным оружием (особенно отличался в стрельбе из лука) и, случалось, бился среди простых солдат, воодушевляя их личным примером. Так, однажды, во время осады Рима готами, он вместе со своим приметным, особенной масти конем оказался главной мишенью их стрел и копий, но храбро сражался лично и не был даже ранен³. Как полководец Велисарий был достаточно опытен и удачлив, сведущ в военном деле, хотя не все битвы завершал победой. К своим обязанностям он относился весьма тщательно, всегда был подтянут и трезв. Во время италийской кампании он проявил себя и как грамотный инженер, не только уничтожая чужие и применяя свои военные машины, но и искусно соорудив, например, мельницы на лодках посреди Тибра (готы разрушили водопроводы, снабжавшие водой римские мельницы, город мог остаться без муки)⁴.

¹ *Прокопий*. Война с готами. II. 20; Т. 1. С. 175, 176.

² Панегирическую характеристику полководца см. в: *Прокопий*. Война с готами. III. 1; Т. 1. С. 211—213.

³ *Прокопий*. Война с готами. I. 18; Т. 1. С. 76—78.

⁴ *Прокопий*. Война с готами. I. 19, 21; Т. 1. С. 83, 84, 87—89.

Жалость и бессмысленная жестокость равным образом были Велисария чужды, а в интересах дела он не останавливался ни перед чем: нарушителей дисциплины и сторонников вандалов во время африканского похода, случалось, сажал на кол, но, как правило, не позволял расправляться с мирным населением или пленными. Оправдывая эту жестокость (а на кол посадили двух «массагетов», то есть гуннов, напившихся и убивших своего товарища), он, по словам Прокопия, говорил следующее: «...хорошее состояние тела, умение пользоваться оружием и всякие другие меры предосторожности на войне надо считать значительно менее важными, чем справедливость и выполнение своего долга перед Богом. То, что может оказать помощь нуждающимся, должно, конечно, быть особенно чтимым. Первым же доказательством справедливости является наказание убивших несправедливо. Если необходимо судить о том, что справедливо и что несправедливо, и исходить при этом из поступков по отношению к ближним, то для человека нет ничего дороже жизни. И если какой-либо варвар считает, что он заслуживает прощения за то, что он в пьяном виде убил ближнего, то тем, что он пытается оправдать свою вину, он, конечно, еще более усиливает необходимость признать его виновность. Ведь и вообще напиваться пьяным настолько, чтобы недолго думая убивать близких, нехорошо, а тем более в походе, ибо и самое пьянство, даже если оно не соединено с убийством, заслуживает наказания; обида же, нанесенная сородичу, в глазах всех, кто обладает разумом, заслуживает гораздо большего наказания, чем обида постороннему. Вот вам пример, и вы можете видеть, каков результат таких поступков. Нельзя незаконно давать волю рукам, похищать чужое имущество: я не буду смотреть на это снисходительно и не буду считать своим товарищем по боевой жизни того из вас, кто, будь он страшен врагу, не может действовать против своего соперника чистыми руками. Одна храбрость без справедливости победить не может»¹.

Полководец отличался богобоязненностью: Прокопий постоянно вкладывает в уста Велисария упоминания Бога; есть, по крайней мере, одно упоминание о том, что перед опасным сражением тот помолился.

Авторитетом у народа и армии Велисарий пользовался огромным, и навряд ли кто-то в столице решился бы

¹ «Война с вандалами». I. XII. См.: *Прокопий. Войны*. С. 174, 175.

не подчиниться этому человеку. Юстиниан даже взял с него клятву, что он никогда в жизни не попытается захватить престол. Личные телохранители Велисария, численностью до пяти тысяч человек, были готовы выполнить любой приказ своего начальника и кумира. Он не жалел денег для солдат, нередко платя им жалованье из собственных средств, не обделял вниманием больных и раненых. Реквизируя у населения необходимое войску, он исправно (пока была возможность) за все платил и старался не допускать мародерства. Захария Ритор, писавший свой труд во времена, когда Велисарий и свидетели его походов в Иран вполне еще здравствовали, обратил на это внимание (правда, объясняя это дополнительным влиянием другого человека): «Он не был жаден к подаркам, любил крестьян и не допускал войско их обирать, так как за ним следовал Шлимон, евнук, из крепости Идрабт, муж рассудительный...»¹

Однако часто Велисарий бывал легковерен, чем пользовалась Антонина, обманывавшая мужа буквально у него на глазах. Во всяком случае, именно таким глупым рогоносцем изображает его в «Тайной истории» Прокопий. Во все не чужд был Велисарий и стяжательства: говорили, что после италийского похода он присвоил себе значительную часть военной добычи.

Прокопий в «Тайной истории» открыто обвинял Велисария в том, что тот упустил случай взять Ктесифон и освободить пленных антиохийцев, переселенных в Иран Хосровом, — и все лишь потому, что вернулся с полпути, захотев поймать Антонину с любовником.

Благодаря роли Антонины в деле свержения Иоанна Каппадокийца (именно она спровоцировала префекта на опасные речи) Велисарий после 541 года получил дворец опального вельможи, что отнюдь не характеризует его с лучшей стороны, — вряд ли полководцу было негде жить.

В конце своей последней италийской кампании Велисарий отправил в Константинополь Антонину (а она нередко сопровождала мужа в походах). Возможно, при ее посредстве он надеялся получить то, в чем ему упорно отказывал император, — солдат и денег. Но Антонина прибыла в Константинополь, когда Феодоры, ее покровительницы, уже не было в живых, и эта миссия не удалась.

В конце 549 года Велисарий получил отставку и долго

¹ *Захария Ритор*. IX, 2. См.: *Пигулевская*, 2000. С. 562.

жил в столице бездействуя. Закат его карьеры оказался неважным из-за бесславного возвращения: «...за пять лет он нигде не стоял твердой ногой на земле Италии и нигде не прошел по ней сухим путем, но все это время скрывался в бегстве, постоянно переплывая от одного приморского укрепления к другому вдоль берега. И поэтому враги могли более безбоязненно поработить Рим и, можно сказать, все другие города»¹.

Лишь в 559 году, когда орда славян и гуннов-кутригуров подошла к Городу и угроза взятия ими Константинополя оказалась вполне реальной, Юстиниан поручил Велисария оборону. Забытый полководец полностью оправдал доверие императора, отразив набег, но Юстиниан не выразил ему никакой особой благодарности.

После «заговора менял» Юстиниан подверг Велисария более серьезному, нежели ранее, наказанию: в 562 году почти все его огромное состояние было конфисковано, а сам он выслан из столицы. Летом 564 года август «простил» Велисария, но вернул ему лишь половину отнятых богатств. Эта последняя опала через много веков трансформировалась в популярную историю о том, как полководец был по приказу императора ослеплен и остаток жизни провел, выпрашивая подавание.

Оставшийся не у дел Велисарий скончался в марте 565 года. Для потомков он стал символом верного слуги, пострадавшего от властелина. Почти через полторы тысячи лет поэт Иосиф Бродский сказал про маршала Жукова:

Кончивший дни свои глухо, в опале,
Как Велизарий или Помпей...

Шарль Диль со свойственной ему иронией заметил: «...несмотря на бесспорные военные таланты, Велисарий все-таки был скорее счастливым, чем великим полководцем. Я вовсе не порицаю его за то, что ему случилось проигрывать сражения; скорее он достоин порицания за то, что часто подвергался риску быть разбитым. Но вместе с тем он оставался лучшим из полководцев своего времени, и империя всегда нуждалась в его услугах... Как бы то ни было, но личность Велисария остается наиболее популярной из числа живших в царствование Юстиниана»².

¹ *Прокопий*. Война с готами. III. 35; Т.1. С. 311.

² *Диль*, 2010. С. 195.

МУНД (не позднее 490—536)

Еще одним варваром, сделавшим блестящую карьеру, был Мунд: по одним данным, гепид королевского рода, по другим — какой-то родственник Аттилы. То ли вследствие междоусобицы, то ли по иным причинам бежав от гепидов, он сначала отвоевал себе владение на севере Иллирика, создав фактически бандитский анклав, а затем попросил покровительства у Теодориха Великого и успешно воевал с ромеями. После смерти короля Мунд, поразмыслив, перешел на сторону империи и был назначен военным магистром Иллирика, который лично исходил вдоль и поперек в своих прежних кампаниях. Вчерашним своим врагам он служил с неменьшим рвением, нежели ранее готам. «Мунд был родом варвар, но исключительно предан интересам императора и очень сведущ в военном деле», — хвалит его Прокопий¹.

В 531 году он получил должность военного магистра Востока, хотя, по всей видимости, в восточных кампаниях реального участия не принял, так как быстро был вновь переназначен на пост военного магистра Иллирика.

В январе 532 года Мунд оказался в столице и сыграл, наряду с Велисарием, решающую роль в подавлении «Ники».

Во время готской войны Мунд командовал северной группой войск, наступавших через Далмацию. После того как была занята Салона, в дело вмешался рок: в мелкой стычке под городом пал его сын. Слепленный горем византийский командующий отдал приказ немедленно атаковать врага и сам помчался в бой. В пылу схватки кто-то нанес ему смертельную рану.

НАРСЕС (между 480 и 490—574)

О ранних годах Нарсеса не известно практически ничего — ни как он, армянин из Персармении, оказался в пределах империи, ни при каких обстоятельствах его оскопили. Видимо, в юности он был рабом, купленным для нужд императорского дворца.

Обратив каким-то образом на себя внимание, он сделал карьеру и при Юстиниане находился в числе императорских спафариев. Во время восстания «Ника» именно Нар-

¹ Прокопий. Война с готами. I. 5; Т. I. С. 33.

сес взял на себя ответственное дело, посулами и деньгами отколов от основной массы бунтовщиков часть венетов.

В 535 году он (если его не путают с другим чиновником, тезкой) смог выполнить не менее деликатное задание — заменить александрийского патриарха Гайяну Феодосием и подавить случившееся из-за этого народное возмущение.

В 538 году император назначил Нарсеса препозитом священной опочивальни и отправил в Италию, на помощь Велисария, но начальники не ладили между собой и через два с лишним года Нарсес вернулся обратно.

Препозит был одним из тех лиц, которым в 541 году поручили спрятаться за драпировками и подслушать разговор Иоанна Каппадокийского с Антониной, приведший к падению префекта претория.

В 545 году он возглавлял отражение нашествия славян и переговоры с ними. Именно Нарсес разоблачил лже-Хильвуда, которого варвары пытались представить Юстиниану под видом настоящего.

В 550 году, после смерти Германа, будучи уже в высоком сане патрикия, он получил назначение главнокомандующим на самый ответственный театр военных действий — в Италию.

После выхода «Прагматической санкции» император назначил Нарсеса префектом претория Италии. Таким образом, евнух сосредоточил в своих руках военную и гражданскую власть. Фактически он стал вице-императором Италии. Позже эта схема управления получит наименование «экзархат».

Много лет Нарсес был близок к Юстиниану и, судя по тем поручениям, которые ему выпадали, пользовался абсолютным доверием императора. Прокопий, обливавший всех грязью, о Нарсесе выражался только уважительно и считал, что это был «человек острого ума и более энергичный, чем это свойственно евнухам»¹. Хвалит его и Агафий Миринейский: «Нарсес был чрезвычайно благоразумен и деятелен и удивительно легко приспособлялся к любой обстановке. Он не очень отличался образованием и не гордился красноречием, но славился прямоотой натуры и был в состоянии словом выражать свои мысли, и это — евнух, воспитанный в изнеженности в императорском дворце. Он был низкого роста, сухощав, но выработал такое мужество

¹ *Прокопий*. Война с готами. II. 14; Т. 1. С. 154. Агафий тоже хвалит Нарсеса (*Агафий*. I. 15. С. 29).

и ловкость в делах, которые кажутся невероятными. Отсюда ясно, что кому присущ свободный и благородный дух, тому ничто и ни в каком деле не может помешать достичь первенства и стать наилучшим»¹. Есть мнение, что именно Нарсес стоит за левым плечом Юстиниана на мозаиках апсиды собора Сан-Витале в Равенне.

Он отличался богобоязненностью, очень почитал Богоматерь: «Соратники Нарсеса говорили, что он так почитал Бога молитвами и другими благочестивыми делами, прославляя надлежащим образом и Деву Богородицу, что Она открыто ему указывала время, когда следует сражаться, и он не приступал к делу, пока не получал от Нее знака»². Где-то в Вифинии он основал монастырь, приобретя для монахов земельные угодья и постройки.

Данное им слово Нарсес держал твердо; враги это знали и сдавались под его гарантии в плен. Умел он при случае пользоваться и стратегемами, военными хитростями. Так, при осаде Лукки граждане обещали сдать город через месяц, если не придет помощь, и выдали в обеспечение некоторое число заложников. Помощь не пришла, но город не выполнил договора и не сдался. Тогда Нарсес приказал вывести под стены заложников и рубить им шеи мечами. В городе раздались плач и причитания родственников и друзей павших, понеслись проклятия жестокости византийцев. В ответ на это евнух заявил, что, если лукканцы все-таки сдадутся, он вернет им павших живыми. Горожане поклялись — и ромеи немедленно продемонстрировали им живых «казненных». Дело в том, что казнь была ненастоящей: полководец дал команду привязать каждому заложнику сзади на шею палки, покрытые кожей, — по ним и пришлись удары мечей, казавшиеся издалека смертельными. Город сдался.

Не только хитростью побеждал Нарсес врагов. Агафий описывает эпизод, когда, увидев две тысячи франков-мародеров, грабивших окрестности Аримина, Нарсес лично повел в бой своих оруженосцев и прогнал варваров: «Он, считая позорным и неблагородным не защищаться при подобных обстоятельствах, быстро вышел из города, вскочив на коня, послушного и быстрого, который не только мог должным образом прыгать и скакать, но был обучен атакам и отступлениям, приказал следовать за собой и тем из своей

¹ Агафий. I. 16. С. 29, 30.

² Евагрий. IV. 24. С. 307.

свиты, которые имели хоть какой-нибудь опыт в военном деле. Они, вскочив на лошадей (их было около 300 человек), последовали за ним и бросились прямо на врагов»¹. А ведь в описанное время ему было под семьдесят!

Павел Диакон в «Истории лангобардов» рассказывает две легенды, связанные с именем Нарсеса. Первая — о том, как после смерти Юстиниана жители Рима отправили Юстину II послание с угрозой передать город варварам, если у них не заберут евнуха, разоряющего их высокими налогами. Узнав об этом обвинении, полководец иронично высказался в том ключе, что, если он, Нарсес, дурно управлял римлянами, это действительно плохо. Юстин якобы разозлился и отозвал старца в Константинополь. Масла в огонь подлила августя София, в насмешку предложившая поручить евнуху пост надсмотрщика за рабынями-прядельщицами в Гинекее. Нарсес в ответ пообещал сплести такую пряжу, которую она не распутает до смерти, и призвал в Италию лангобардов.

В реальности Нарсес, будучи глубоким старцем, действительно получил приказ о сдаче дел своему преемнику, но в Константинополь вернулся лишь в свинцовом гробу: он скончался в Риме, готовя город к обороне от лангобардов.

Согласно второй легенде, после смерти полководца некий человек явился к императору Тиверии Константину и рассказал, что он был у Нарсеса казначеем и по его поручению спрятал много золота и ценных вещей в тайном месте. Теперь же, состарившись, он не хочет унести эту тайну в могилу и желает поведать ее императору. Золото и серебро из тайника слуги Тиверия выносили несколько дней.

АНФИМИЙ ИЗ ТРАЛЛ (?— до 558)

Архитектор Анфимий родился в лидийских Траллах (ныне — турецкий Айдын), в семье философа Стефана, богатой на талантливых людей. Это ясно не только по самому Анфимию, но и по его братьям, которые достигли вершин в различных искусствах. Один из них, Метродор, прославился в качестве грамматика, другой, Олимпиодор, — адвоката, Александр стал одним из самых знаменитых византийских врачей, врачом попроще трудился еще один из братьев, Диоскор.

¹ *Агафий*. I. 21. С. 37.

Если верить Прокопию и Агафию, именно Анфимий производил расчеты и готовил чертежи собора Святой Софии.

За знания механики и математики его прозвали «Архимедом из Тралл». Александрийский математик Евтокий комментировал труды Аполлония и Архимеда, обращаясь именно к Анфимию.

Известна история о том, как Анфимий поссорился с жившим по соседству ритором Зиномом и проиграл ему какую-то бытовую тяжбу. Не имея шансов победить Зинова в суде, ученый придумал машину, которая имитировала землетрясение: «Нижние помещения были с одной стороны близки к дому Анфимия, так что общая крыша соединяла потолок одного и часть постройки другого. Здесь в различных частях помещения он разместил много сосудов, наполненных водой, обтянул кожаными крышками, снизу широкими, чтобы охватить сосуды, затем они суживались наподобие труб, прикрепил концы их к доскам и балкам и тщательно закрыл все отверстия, так что весь пар, сколько его содержалось в кожах, не улетучиваясь и не проходя наружу, свободно поступал вверх, поднимаясь по полым трубам, пока не достигал крыши. Приготовив все это скрытым образом, он подложил сильный огонь под основание сосудов и развел сильное пламя. Тотчас из кипящей воды поднялся вверх пар, сильный и одновременно густой. Так как он не имел возможности распространиться, то он несся по трубам и, сжатый теснотой, с большой силой стремился вверх, пока непрерывным потоком не ударялся о крышу и всю ее сотрясал и приводил в движение, так что бревна сильно тряслись и скрипели. Бывшие у Зинова были охвачены страхом и ужасом и высыпали на площадь, пораженные бедствием, стеная и призывая на помощь». Когда Зинов стал рассказывать о землетрясении, над ним начали смеяться окружающие, принимая его за помешанного, — ведь никто другой ничего не почувствовал. Мало того, отполировав вогнутое зеркало, Анфимий направил на дом Зинова яркий свет, сопровождая это имитацией грома, «...так что Зинов, когда с трудом, наконец, понял, откуда все это происходит, бросился прямо к ногам императора и обвинял соседа, как злого и преступного человека. Вне себя от гнева он высказал и нечто похвальное для того. Так, подражая поэтическим изречениям, он вскричал в сенате, как бы с иронией и насмешкой, что он — простой человек и ему не по плечу бороться одновременно с Юпитером, пу-

скающим громы и молнии, и с Нептуном, потрясающим землю»¹.

Труды Анфимия по механике и гидравлике (именно благодаря этим наукам функционировали древние автоматы типа часов с двигающимися фигурами) пока не обнаружены. Но сохранился его трактат о параболических зажигающих зеркалаx.

ИСИДОР ИЗ МИЛЕТА (?— до 558)

На постройке собора Святой Софии Исидор Милетский (как и Анфимий, родом из Лидии) был вторым архитектором и отвечал за наём рабочих.

Но круг занятий Исидора не ограничивался одним лишь строительством. Он изобрел какое-то устройство для вычерчивания кривых («диабету»), написал комментарий к сочинению Герона Александрийского «О сводах». Он также собрал все известные труды Архимеда, а его ученик Евстохий сделал к ним комментарий. Со временем Исидор обзавелся последователями и, видимо, создал в столице математическую школу.

Один из анонимных авторов труда, включенного в качестве 15-й книги в знаменитые «Начала» Евклида, называл Исидора «великим учителем», рассказывая о предложенном им решении задачи вычисления углов, образуемых плоскостями граней пяти правильных тел (пирамида, октаэдр, куб, икосаэдр, додекаэдр)².

Существует легенда, сочиненная недоброжелателями Юстиниана. Согласно ей император, якобы позавидовав славе Исидора, решил его погубить. Заманив архитектора на колонну со своим конным памятником на Августеоне, василевс повелел убрать лестницу. Но Исидор разорвал на лоскуты одежду, сплел веревку, спустился вниз, а веревку поджег — чтобы сгорела без остатка, — и все решили, что он умер (другой вариант легенды — веревку, пропитанную нефтью, Исидору принесла по его просьбе жена). Сам же исчез. Это, конечно же, неправда: известно, что Исидор на склоне лет за труды и способности удостоился от Юстиниана сана иллюстрия.

¹ Агафий. V. 7, 8. С. 179, 180.

² Зубов, 2000. С. 30. См. также: Начала Евклида (книги XI—XV) / Пер. с греч. Д. Д. Мордухай-Болтовского; при ред. участии И. Н. Веселовского. М.; Л., 1950. С. 155.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1 Историки Нового времени о Юстиниане и Феодоре

Ю. А. Кулаковский (1855—1919), профессор:

«Поразительная деловитость Юстиниана и желание всем лично руководить и все решать усилила автократический момент государственной организации, давила придворную аристократию, которая не дала за его время ни одного видного и крупного деятеля, способного помочь императору в его великом служении на пользу государства¹. Если Анастасий своими заботами о просвещении и своей терпимостью в смутной религиозной борьбе содействовал тому, что Юстиниан мог найти надежных помощников в великом деле кодификации права и при нем оживилось литературное творчество, то Юстиниан оставил империю своим преемникам в оскудении и духовном обеднении. Сотрудники Юстиниана были люди далеко не безупречные в моральном отношении. Дурные нравы и застарелые грехи имперской администрации упрочились при Юстиниане, и горизонт будущего омрачился. Конец своих дней Юстиниан провел в полном духовном одиночестве, и от сознания этого его спасало не покидавшее его до смерти увлечение догмой христианского вероучения»².

«Застаревшие дурные нравы имперской администрации были гораздо сильнее доброжелательных рассуждений и внушений императора, как видно из эдикта 545 года на имя префекта претория Востока Петра Варсимы (Nov. 128). Юстиниан повествует о тех же самых неправдах правителей и бедствиях провинциального населения, о которых он с ужасом говорил в эдиктах 535 года. Та же самая картина бедствий восстает в эдикте 556 года на имя префекта города Мусония (Nov. 134), в котором Юстиниан, исходя из частного вопроса о назначении заместителей, вдается в разнообразные наставления правителям провинций о том, что они должны делать и чего не имеют права допускать. На всем законодательстве Юстиниана относительно администрации лежит печать бессилия в борьбе с застарелыми дурными нравами, и главной причиной этой не-

¹ *Procop* («Тайная история». — С. Д.). h. a. 14, 7—8 — о безгласии сенаторов в заседаниях. За извращение идеала *πολιτεία* 'Ρωμαίων Прокопий резко корит Юстиниана, h. a. 13, 24—25; 32; 14, 14. — *Прим. цитируемого автора*.

² Кулаковский, 2004. Т. 2. С. 271.

мощи было его собственное попустительство к самым наглым нарушениям справедливости, которые позволяли себе его ближайшие слуги... Корыстолюбие и нажива лиц, близких к особе императора, и сановников высокого ранга — старое бедствие империи — с особенной силой проявлялись при Юстиниане. Царственная чета была окружена огромным числом родственников, которые пользовались своим высоким положением в интересах личного обогащения. Современник Юстиниана, переживший и его преемника, Иоанн Эфесский, в случайном упоминании о судьбе состояния Марцелла, брата Юстина, которое Маврикий предоставил своему брату Петру, свидетельствует, что дворцы Марцелла с их обстановкой и гардеробом и имения его могли равняться с целым царством. В предисловиях ко многим своим новеллам Юстиниан скорбно жаловался на грабежи и вымогательства, которые позволяют себе чины администрации, но сам же он оказывал поддержку этому общественному бедствию попустительством вопиющих злодейств и неправд. Самое преследование по суду виновных в вымогательствах сановников и знатных лиц имело при Юстиниане деморализующий характер, так как в применении этого способа карать виновных искали не восстановления правды и справедливости, а часто лишь обогащения двора. Административные посты замещались не лучшими людьми, а теми, кто, обогащая казну, умел составлять себе состояние. Государственная власть была бессильна против них и попускала всякие злоупотребления. Резкий тон Прокопия в его суждениях об администрации является отзвуком того бессильного негодования, в котором жили лучшие люди того времени, не умея разобраться в той тине всякой лжи и неправды, которая опутывала современную им действительность»¹.

Ф. И. Успенский (1845—1928), профессор, академик:

«По широте своих политических замыслов, ясно сознанных и строго приведенных в исполнение, по уменью пользоваться обстоятельствами, а главное — по искусству определять дарования окружающих и каждому давать соответствующее его способностям дело Юстиниан был редким и замечательным государем. С ним можно сопоставить разве Людовика XIV, с которым он действительно не раз был сравниваем. Окружающие и близкие видели в Юстиниане сверхъестественное существо, какого-то демона во плоти, по словам его историка. В своих привычках он был прост, воздержан и умерен, мало спал и много думал над своими предприятиями, сам входил

¹ Там же. С. 241.

во все дела, прочитывал все бумаги и давал им направление. В высшей степени энергичный и честолюбивый Юстиниан не знал преград при достижении своих целей, с редкой настойчивостью издавал указы за указами, невзирая ни на какие представления своих министров, объявлял войны без всяких средств на их ведение и подыскивал их по пути. Много из его начинаний не было доведено им до конца, много послужило на вред государству, но сам Юстиниан никогда не сомневался в их успешности.

В оценке его политической и административно-законодательной деятельности нужно опираться и на тот факт, что Юстиниан вступил на престол уже пожилым человеком, около 45 лет, и окончил свое царствование более чем 80-летним дряхлым стариком, а при оценке противоречивых воззрений относительно личности и деятельности Юстиниана нужно разбирать, имеем ли мы дело с началом или с концом его правления, когда рядом с ним уже не стояла его советница и помощница императрица Феодора...

Найдя расстройство в управлении, осведомившись о жестоких бедствиях населения, страдавшего от вымогательства чиновников и крупных землевладельцев, император решился применить весь авторитет своей неограниченной власти против всеми сознаваемого зла. В заботах об улучшении администрации он идет к расширению учреждений и круга служилых лиц созданием новых органов для контроля, наделением епископов правом наблюдения за гражданскими чинами в епархии и, наконец, устройством новых инстанций, в которые можно было обращаться с жалобами на низших чиновников. Рассуждая как кабинетный мыслитель и полагая, что все его мероприятия будут исполнены в точности, лишь только указы придут по назначению, он плодит канцелярские распоряжения, в которых до самых мелких подробностей разъясняет образ действий провинциальных судей, сборщиков податей и других чиновников. Выставляя главнейшее к ним требование, чтобы они были "чисты на руку" и не высасывали соки из населения, вместе с тем Юстиниан постоянно предъявлял к ним требование, чтобы они заботились об исправном поступлении податей и что их служебное положение зависит от исполнения этого требования. Чтобы понять весь трагизм этой проповеди о неподкупности и честности, достаточно указать, что, в то время как составлялись подобные новеллы, в самом дворце продавались за деньги судебные и административные должности и отдавался в аренду сбор податей в провинциях. Хотя в течение своего продолжительного царствования он много раз должен был возвращаться к своим предписаниям, повторять

и подтверждать те же самые указы, и хотя уже из этого можно бы вывести заключение, что рекомендуемые им уставы и правила не применяются к жизни, тем не менее он глубоко верил в практическое осуществление своей системы и не видел того, что, казалось бы, так легко понять. Многие его новеллы носят в своих начальных строках самоуверенные выражения: “Нам удалось при помощи Божией достигнуть (таких-то) успехов”, но эти успехи были только в его воображении, Юстиниан в этом смысле был жертвой созданной им фикции. Его громадные военные и строительные предприятия требовали больших денежных средств и таких трат, которые не покрывались обыкновенными доходами. Чтобы пополнить казну и продолжать несоразмерные с доходами расходы, он решался прибегать ко всяческому средствам и вступать в противоречие с принципами, им же самим одобряемыми и рекомендуемыми...

Общая оценка царствования Юстиниана и характеристика его замечательной личности представляют и доселе некоторые трудности. Империя Юстиниана прежде всего основывается на греко-римских началах: Юстиниан проникнут идеалами Рима и стремится восстановить Римскую империю не только в территориальных границах, но и по единству веры и закона. Но, с другой стороны, он, как представитель нового христианского государства, испытывал на себе влияние новых условий жизни, зависевших от появления новых народов, от естественной мировой эволюции и от христианской культуры. С одной стороны, пред ним высоко стоял идеал, отвлекавший его от реальной жизни и приводивший его к отвлеченным построениям; с другой, как представитель переходной эпохи, как участник, скажем более, как творец новой жизни на Востоке, он не мог не отдавать себе отчета в происходящем в его время великом процессе смены идей и настроений. Борьба противоположных элементов окрашивает и личный характер Юстиниана, как и его историка Прокопия, и, вместе с тем, влияет на его деятельность. Очень последовательно проводились и достигали цели те мероприятия, которыми поддерживалась основная идея Юстиниана: войны с соседями, церковная политика и законодательная деятельность. Но менее отчетливо были им сознаны реальные факты живой действительности, вследствие чего он не оценил истинных потребностей империи и материальных средств подчиненных ему народов.

И прежде всего следует очень пожалеть, что Юстиниан не понял средневековой Византии и не проникся жизненными интересами своих — ближайших подданных. Если бы призрак Римской империи менее овладел его воображением, то он не

употребил бы столько настойчивости и не потратил бы так много средств на далекие предприятия, каковы итальянские войны, но позаботился бы прежде всего о защите сердцевины империи и о скреплении Сирии и Палестины. Пожертвовав реальными интересами на Востоке для фиктивных выгод на Западе, Юстиниан не взвесил и тех этнографических перемен, какие происходили на Балканском полуострове. Большим несчастьем, которое, впрочем, было следствием перемещения политики Юстиниана на Запад, было и то, что он идее религиозного единства принес в жертву благосостояние Сирии и тем подготовил успехи арабов в Сирии, Палестине и Египте.

Не в лучшем свете представляется время Юстиниана и со стороны внутреннего состояния империи. После него осталось ужасное наследство: казна опустошена, податные средства народа исчерпаны до конца, армия в полной дезорганизации, неприятель угрожал с Севера и Востока, и — что самое важное — никого не вдохновляли более высокие идеалы.

Но когда становится вопрос в том смысле, как поставил его первоначально Прокопий в своих *Аνέκδοτα*, или в “Тайной истории”, т.е. в смысле негодности и даже положительной вредности политики Юстиниана, то современный исследователь едва ли может стать на такую точку зрения. Юстиниан умел пробудить силы государства и дал неимоверное напряжение всем умело сосредоточенным в его руках материальным и духовным средствам империи. Юстиниан показал, что мог сделать в VI в. настойчивый и талантливый государь, руководясь идеалами греко-римского мира. Многие последующие императоры пытались повторить Юстиниана, но никто не достигал намеченных им задач. Дав могучий подъем силам империи и направив их к достижению гигантских предприятий, Юстиниан как будто не принял в соображение того, что обширные земельные пространства не создавали еще силы Римской империи, что необходимо было поднять дух населения и сделать так же внушительным между подчиненными народами ромейское имя, как грозно и почетно было римское имя. Но финансовая и религиозная система Юстиниана вносила везде истощение, преследование и отвращение побежденных к победителям.

По смерти Юстиниана долго не видим талантливых людей, аристократия почти вся вымерла или погибла, и византийская администрация стала пополняться людьми без образования, без подготовки и, наконец, без понятий о долге и чести. Даже на престол вступают люди, ничем до того не известные и не приносившие с собой никаких традиций. Умственная, литературная и художественная производительность замирает почти

на полтора года. Нужно было пройти долгому периоду, пока народились новые люди и пока образовалась новая историческая обстановка, в которой можно было изучаемому нами византизму снова вступить на путь правильного развития»¹.

Шарль Диль (1859—1944), профессор, академик Академии надписей и изящной словесности (Франция):

«Не надо упускать из виду, что Прокопий любит представлять развращенность выводимых им лиц в размерах почти эпических; и хотя, конечно, довольно затруднительно определить степень падения Феодоры, я, со своей стороны, был бы очень склонен видеть в ней — хотя бы это ее и умаляло — героиню более банальной истории: танцовщицу, которая вела себя так же, как во все времена ведут себя женщины ее профессии: надоели наконец мимолетные связи, и, найдя серьезного человека, который обеспечивал ей прочное положение, она стала вести порядочную жизнь в браке и благочестии. Искательница приключений, если хотите, но умная, осторожная, достаточно ловкая, чтобы уметь прятать концы, и сумевшая без особого скандала женить на себе самого будущего императора. Но не в этом заключается самая важная ее черта. Есть и другая Феодора, менее известная, но гораздо более интересная: великая императрица, занимавшая значительное место возле Юстиниана и часто игравшая в делах правления решающую роль, женщина ума выдающегося, редкой сообразительности, энергичная, существо деспотическое и высокомерное, неистовое и страстное, настолько сложное, что часто могла всякого сбить с толку, но всегда бесконечно пленительная...

Царская власть стоила того, чтобы ради нее поступиться кое-чем, и добропорядочная жизнь Феодоры после брака делает, быть может, столько же чести ее практическому уму, сколько моральному чувству. Но в особенности эта женщина выдающегося ума, очень честолюбивая, страстно алкавшая власти, была поглощена заботами, имевшими мало общего с вульгарными любовными похождениями. Она обладала некоторыми выдающимися качествами, дающими право помогать верховной власти: смелой энергией, мужественной твердостью воли, спокойной храбростью, оказавшейся на высоте положения в самые трудные минуты. Благодаря этим качествам в течение двадцати одного года, что она царствовала вместе с Юстинианом, она имела глубокое и вполне законное влияние на обожавшего ее мужа...

¹ Успенский, 2011. Т. 1. С. 267, 268, 358, 359, 384, 385.

В течение двадцати одного года своего царствования она ко всему прикладывала свою руку: к администрации, куда назначала своих любимцев, к дипломатии, к политике, к церкви, все устраивая по своему усмотрению, назначая и смещая по своему капризу пап, патриархов, министров и генералов, столь же упорно добиваясь успеха для своих любимцев, сколь пылко домогаясь подорвать кредит и силу своих противников, не боясь даже, когда считала это нужным, открыто противостоять воле царя и заменять своими приказаниями повеления Юстиниана. Во всех важных делах она была деятельной сотрудницей своего мужа, и, если влияние ее и не всегда было благотельно, если ее алчность, необузданность и тщеславие, возбуждая тщеславие и алчность императора, приводили иногда к печальным последствиям, нужно также сознаться, что она часто правильно усматривала интересы государства, и политика, о которой она мечтала, если бы только у нее было время вполне закончить свое дело, усилив и упрочив Византийскую империю, изменила бы, может быть, самый ход истории...

Церковь не простила Феодоре ни грубого низложения папы Сильверия, ни упорной верности монофизитству, ни деспотической жестокости, с какой она мстила враждебным ей духовным особам, из которых папа Вигилий особенно испытал это своим тяжким опытом. Из века в век церковные историки предавали ее имя проклятиям и поношениям. Феодора заслуживает, чтобы ее судили менее пристрастно и более справедливо. Без сомнения, она преследовала свои цели со слишком страстным пылом, со слишком необузданной резкостью, со слишком упорной злобой, даже со слишком холодной жестокостью, но она выказала при этом и высокие качества, живое чувство государственной необходимости, ясный взгляд на реальные обстоятельства, и политика, о которой она мечтала, делает честь верности ее суждения и является в окончательном итоге достойной императора.

Было бы, конечно, ребячеством скрывать недостатки и пороки Феодоры. Она любила деньги, она любила власть; она упрочила положение своих родственников, выказав при этом, быть может, чрезмерную заботливость и привязанность к своей родне, и чтобы сохранить престол, на который сумела взойти, она проявила самое беззастенчивое коварство, жестокость, необузданность, неукротимость в злобе, неумолимость в отношении всех тех, кто возбудил к себе ее ненависть. Это была великая честолюбица, причинившая своими интригами глубокие смуты во дворце и в монархии. Но у нее были и иные качества. Друзья называли ее “верной императрицей” — она

заслуживала это название. Она обладала и другими, более выдающимися добродетелями: мужественной твердостью, отважной энергией, ясным и могучим умом государственного мужа. Влияние ее не было всегда благотворным, но правление Юстиниана ярко отмечено ею. Как только она умерла, начался упадок, приведший к печальному концу долгое и славное царствование»¹.

«Подводя итог данного психологического этюда, можно сказать, что Юстиниан — личность неуравновешенная, полная контрастов и, несмотря на неоспоримые достоинства, скорее посредственная; чувства его — часто мелкие, воля — иной раз нерешительная и слабая. Кроме того, император отличался ребяческим тщеславием, завистливостью, деспотизмом, вел, несомненно, необходимую, но беспорядочную деятельность. И в этом весь человек? Если бы это была полная характеристика Юстиниана, то трудно было бы понять славу, окружающую его имя. На самом деле имелось нечто иное. Если характер у него посредственный, то ум — великий и возвышающий личность, этот македонский крестьянин, взойдя на византийский престол, был продолжателем и наследником римских императоров, он был достойным представителем двух великих идей: государственной и христианской, а этого одного достаточно для упрочения его славы.

Даже среди императоров высокого происхождения многие обладали в большей мере, чем этот выскочка, чувством императорского достоинства и более благоговейно, чем он, преклонялись перед римской традицией. Прочтите его указы: Юстиниан беспрестанно обращается к воспоминаниям о Риме, черпая в них вдохновение. Как человек, он прост, почти скромн; как государь, он полон гордости и честолюбия...

Несомненно, исполнение замыслов никогда не оправдывало намерений императора. Одна часть его дела осталась неоконченной; иные дела оказались эфемерными... Но две вещи остаются и поныне: “Кодекс” Юстиниана и Святая София всегда будут защитниками дел великого императора перед потомством»².

Г. А. Острогорский (1902—1976), профессор, академик Сербской академии наук:

«Наиболее сильным аргументом в пользу цивилизующей силы византийской столицы, который только можно помыслить, является то, что происходивший из балканского захолу-

¹ Диль, 1994. С. 52, 54, 56, 57, 60.

² Диль, 2010. С. 56, 65.

ства крестьянский сын Юстиниан становится самым образованным и эрудированным умом своего столетия. Бесспорным свидетельством величия личности Юстиниана является охватывающая весь мир широта его политических целей и исключительная многосторонность его деятельности. Весьма многочисленные и прискорбные слабости его характера бледнеют перед мощью его всеохватного ума. Конечно, не он, а Велисарий и после него Нарсес вели завоевательные войны, не он, а Трибониан провел масштабную кодификацию права, не он, а префект претория Иоанн Каппадокиец принимал важнейшие меры в управлении. Но тем не менее именно он был вдохновителем всех великих деяний своей великой эпохи. Восстановление всемирной Римской империи было вечным желанием византийцев. Этому желанию реставрационная политика Юстиниана дала грандиозное выражение. И потому для будущих поколений она является великим примером, даже несмотря на то, что дело реставрации оказалось недолговечным, а его неудача имела для Империи тяжелейшие последствия... При всех своих недугах все же неоспоримо, что Империя Юстиниана являет картину грандиозной мощи. Как будто желая вновь показать себя, старая Империя обнаружила все свои силы и как в политическом, так и в культурном отношении пережила последний крупный подъем. В своем территориальном протяжении она вновь достигла наивысшей точки, объив весь средиземноморский мир. В литературе и искусстве старая культура пережила в христианском обличье невиданный расцвет, за которым уже вскоре должен был последовать период культурного упадка. Эпоха Юстиниана не ознаменовала собой, как он этого хотел, начала новой эры: она означала конец великой умирающей эпохи. Юстиниану не дано было обновить Империю. Он смог лишь на краткое время внешне восстановить ее, внутреннего перерождения состарившееся позднеимперское государство при нем не испытало. Поэтому территориальное восстановление было лишено прочного основания, и именно поэтому последствия стремительного крушения реставрационных усилий Юстиниана были вдвойне тяжелыми. После всех выдающихся успехов Юстиниан оставил своим преемникам внутренне истощенное, экономически и финансово полностью расстроенное государство. Им оставалось лишь исправлять огромные упущения, чтобы спасти то, что можно было спасти.

Самый тяжелый удар обрушился на Империю в Италии, важнейшей области восстановленной Империи, отвоевание которой потребовало затраты огромных усилий и стоило тяжелейших жертв. Уже в 568 г. в нее вторглись лангобарды, и за

короткое время значительная часть страны попала в их руки. В Испании началось контрнаступление вестготов. Важнейший византийский опорный пункт, Кордуба (Кордова), вновь занятый в 572 г., окончательно был утрачен Империей в 584 г., а еще через четыре года последние остатки завоеваний Юстиниана в южной Испании также были возвращены вестготами. Свое положение в Северной Африке, несмотря на продолжительную и изнурительную войну с местными мавританскими племенами, Империя отстаивала вплоть до большого арабского вторжения; также и в самой Италии значительные территории все-таки оставались в ее собственности в течение нескольких столетий. Эти остатки потерпевшего неудачу проекта реставрации Юстиниана составили основу, на которой в будущем зиждилась византийская власть на Западе. Однако вожденная универсальная держава была уже в прошлом»¹.

О. Иоанн Мейендорф (1926—1992):

«Вступив на императорский престол в 527 г. в возрасте 45 лет, будучи уже зрелым человеком и имея достаточный опыт управления в качестве главного советника своего дяди и предшественника Юстина, Юстиниан приступил к реализации гигантской программы возвращения имперских земель и реставрации империи. Впечатляющие успехи в отвоевании Африки, Италии и Испании не только свидетельствуют о военной мощи и политическом искусстве его правительства, но и являют необычайную популярность самой имперской идеи в глазах как местного населения отвоеванных областей, так и варваров-захватчиков. На протяжении всего своего царствования Юстиниан обнаруживал неизменное сознание этой популярности. Он был убежден, что сила империи заключена не только в военных успехах, но и в непрестанной борьбе против внутренних разрушительных сил. Пока его войска сражались на западе, севере и востоке, он постоянно занимался созданием юридического, административного и экономического фундамента, благодаря которому надеялся обеспечить прочность империи, навсегда объединившей всю христианскую οἰκουμένη.

Его религиозная политика очевидным образом выражала то же самое стремление. Она была направлена, с одной стороны, на полное искоренение тех диссидентских групп — язычников, самаритян, христиан-еретиков, — которые были достаточно малы, чтобы можно было справиться с ними простыми

¹ *Острогорский*, 2011. С. 113, 114, 123, 124. Авторские примечания к тексту удалены.

административными мерами, а с другой, — на жесткое ограничение в гражданских правах тех, кого просто уничтожить было невозможно или нежелательно. К последней категории относились иудеи, но гораздо более серьезную проблему представляли монофизиты...

Так Юстиниан столкнулся с явно невыполнимой задачей примирения Рима, Константинополя и монофизитов.

Для достижения своей цели император использовал различные тактические приемы — от прямого принуждения до свободных богословских дискуссий с несогласными группировками. У него никогда не было ни малейшего сомнения в том, что Халкидонский собор должен был считаться неизменным выражением христианской веры: в 131-й новелле, изданной в 545 г., он провозгласил правила четырех соборов — Никейского, Константинопольского, Эфесского и Халкидонского — имперскими “законами”, а вероучительные определения этих соборов — “священным писанием”. Для Юстиниана верность Халкидону была делом не только богословских убеждений, но и крайне необходимой политической целесообразности...

Любое государство — а в особенности Римская империя, и тем более при Юстиниане, — естественным образом стремится установить во всех сферах человеческой жизни, которые оно способно контролировать, регулируемый законом порядок. Представляя себе империю и Церковь единым обществом, Юстиниан не мог обойти то, что для него было очевидной обязанностью, а именно распространение компетенции закона на религиозную сферу...

Политика формального компромисса с монофизитами, проводимая Зиноном и Анастасием, провалилась не только на богословской почве, но также по причине упорного сопротивления Рима. Даже если бы Юстиниан захотел реализовать ту же политику, он не мог бы себе этого позволить, потому что отвоевание Италии, Африки и Испании вынуждало его придерживаться той религиозной политики, которая была бы приемлема для христианского Запада. Именно на этом этапе его великая мечта о всемирной империи, единой в политическом и религиозном отношении, как и его личный богословский разум, который хорошо понимал причины разделения между халкидонитами и монофизитами, были поставлены на службу той религиозной политике, которая вела ко Второму Константинопольскому собору 553 г. ...

К несчастью для Юстиниана, Халкидонский собор стал для монофизитов, и особенно для египтян, символом и “несторинства” (каково бы ни было значение этого термина),

и кровавых репрессий, обрушившихся на его противников. Некоторые из них примирятся, только когда веком позже халкидониты пойдут на действительно решающую уступку в монофелитском “Эфесисе” Ираклия (637 г.) и “Типосе” Констанса II (647 или 648 г.).

Таким образом, мечта Юстиниана о всемирной империи, которая объединяла бы Восток и Запад в “симфонию” и была бы основана на одной-единственной вере, оказалась неосуществимой. Религиозные проблемы оказались несводимы к правовой структуре государства. Соответственно, настойчивость утопического стремления Византии — как и в другой форме средневекового Запада — отождествить Церковь с государством, Царство Божие с земным царством, догматы с законом, политическую лояльность с религиозной истиной только множила и ужесточала разделение в христианском мире.

Но именно на фоне этой фундаментальной неудачи имперской идеи Юстиниана становятся заметными и его достижения. Один только перенос акцента с формул на содержание, который мы только что отметили в решениях 553 г., явился признанием со стороны самого императора, что богословские вопросы не могут решаться государственным законничеством. Это содержание христианского богословия Юстиниановой эпохи заслуживает, особенно в наше время, более высокой оценки, чем та, которую ему обычно дают»¹.

«Юстиниана иногда обвиняли в забвении интересов экономически развитого Востока, центра ремесла и торговли, в угоду политике завоевания Запада. В этом видели не только основное противоречие царствования Юстиниана, но и причину недолговечности его успехов. Вряд ли эти обвинения справедливы. Более того, ни в один другой период истории Византии не поощрялось столь активно развитие ремесленного производства и торговых связей с самыми отдаленными странами, как в правление Юстиниана. Никогда, быть может, дипломатическая деятельность византийского правительства не была так тесно связана с торговыми интересами страны. В VI в. византийские дипломаты, являвшиеся одновременно купцами и христианскими миссионерами, в поисках новых торговых путей проникали вглубь Африканского континента, в страны Азии, на Кавказ и в Крым»².

¹ Мейендорф, 2007. С. 58, 59, 63, 69, 88, 89. Не вполне могу согласиться с оценкой Юстиниана, данной о. Иоанном в его труде (см. Приложение 2 к книге), хотя бы потому, что император погубил большое число людей в угоду истинному, в его понимании, православию.

² ИСВ. Т. 1. С. 228.

Г. Л. Курбатов (1929—2003):

«Завоевания на Западе и реформы — части одной программы, направленной на стабилизацию позднеантичных отношений, ослабление внутренних противоречий и консолидацию общества.

Расчеты Юстиниана были достаточно реалистичными, но просчет “рабовладельца” Юстиниана — недооценка возможности союза недовольного италийского населения с остготами Тотилы, смело сделавшими ставку на поддержку италийцев, как и реакции массы населения Северной Африки на утверждение византийского владычества и возрождение прежних отношений. Завоевание произошло легко, но подчинение и восстановление “старых порядков” обрекло Византию на годы изнурительной борьбы. Византия оказалась втянутой в войну на два фронта.

Чума 542 г., которую никак нельзя отнести к факторам, которые можно было предвидеть, унесла значительную часть населения не только Константинополя, но и Византии, страшно подорвав экономический потенциал страны (о каких эффективных реформах можно говорить в этой ситуации?). Если же учесть растущую интенсивность набегов на Балканах, то о продолжении реформ не могло быть и речи. В той мере, в какой это виделось необходимым Юстиниану и его окружению, как принципиальный “комплекс” мер они уже были осуществлены в кодексе и последующих законах. С 545 г. правительству уже были нужны только средства и средства любой ценой. Не отставка талантливого инициатора Иоанна Каппадокийского, не “постарение” Юстиниана привели к падению законодательной активности, а совершенно новая обстановка. Юстиниан это понимал. Государство оказалось бессильным маневрировать, реально влиять на эволюцию социальных отношений. Выколачивать подати могли и его министры. И последствия болезни, и смерть Феодоры были, как и возраст, пусть немаловажной, но лишь частью факторов, влиявших на падение активности императора (бессмысленно заниматься проблемами, которые невозможно решить). Рост внимания Юстиниана к богословским проблемам также, по видимому, нельзя объяснять только наступлением старческого маразма. Во-первых, они были действительно очень важны и значимость их, с ростом неудач, вероятно, тем более возрастала. Это была, пожалуй, единственная сфера, в которой еще оставались возможности маневрирования и достижения реальных результатов. “Мания богословствования” имела вполне реальные итоги. В поисках “примирительной формулы” Юстиниану на протяжении всех последних лет его прав-

ления разными методами, но в целом все же удалось обеспечить преобладание “компромисса”, избежать стремительного нарастания конфронтации, сдерживать три колоссальные по своим “подрывным” возможностям силы — “крайних” монофиситов, “крайних” ортодоксов в самой Византии и римский престол, противодействовавший поискам компромисса. Поэтому немаловажную заслугу Юстиниана следует видеть в том, что непрерывно объединяя и сплачивая все склонные к компромиссу силы внутри церкви, он смог серьезно притормозить разрастание конфликта, который тем более был неразрывно связан с развитием социальных отношений и, в свою очередь, стимулировал обострение социально-политических противоречий.

На наш взгляд, не столь уж бесспорна однозначная оценка итогов правления Юстиниана, его политики (как ввергшей империю в пучину уже необратимого кризиса и упадка). Естественно, он не мог дать “старому” обществу “новый расцвет”. Возможно, оптимизм и самоуверенность Юстиниана в этом отношении и все события второй половины его царствования действительно подорвали многое. Но остается открытым вопрос: а не отсрочило ли правление Юстиниана, его социальная политика и реформы внутренний упадок и нарастание социально-политического кризиса на несколько десятилетий?

При всех индивидуальных особенностях характера и личности Юстиниана, пожалуй, наиболее существенной была его способность улавливать важнейшие тенденции развития эпохи. В деятельности императора полностью отразилась уникальность его времени, благодаря чему Юстиниан сумел осуществить то, что не могло быть осуществлено ни до, ни после него... При Юстиниане ранневизантийское общество вступило в последнюю стадию своего позднеантичного развития, достигнув своих высших и наиболее завершенных форм¹.

А. А. Чекалова (1943—2017):

«...Ранняя Византия, казалось, достигла наивысшего расцвета. Многое из типично византийского оформилось именно в эпоху Юстиниана, многое было сделано из того, что принесло ей известность... При Юстиниане завершается складывание многого, ставшего типично византийским в архитектуре, живописи, идеологии, а также эстетике Константинопольской школы (архитектуры. — С. Д.) в самом широком смысле этого слова... Блестящие завоевания на Западе были куплены

¹ Курбатов, 1991. С. 259—261.

дорогой ценой. Они не вызывались жизненными интересами Византии, пульс жизни которой бил на Востоке. Гигантски растянув границы от Херсонеса в Крыму до Гибралтара, завоевания Юстиниана крайне затруднили оборону державы. Правительство все больше увеличивало налоги и сокращало расходы на армию. Страна разорялась поборами и вымогательствами чиновников. Заговоры и возмущения стали обычным явлением... Юстиниан оставил своим преемникам страшное наследие. Следующие императоры — его преемник Юстин II (565—578), выдвинутый Юстином II Тиверий (578—582), зять Тиверия Маврикий (582—602) — унаследовали истощенную как в финансовом, так и в военном отношении империю и в то же время вынуждены были выдерживать ожесточенный напор авар, славян, лангобардов на севере и персов на Востоке»¹.

В. В. Серов, доктор исторических наук:

«Исследователи называют главной отличительной чертой деятельности Юстиниана непоследовательность. Подобный вывод, основанный на данных источников, верен лишь отчасти, ибо старается объединить максимальное количество порой противоречивых сведений о личности Юстиниана. В соответствии с ними он получался принадлежащим одновременно к нескольким противоположным психологическим типам с взаимоисключающими свойствами. Теоретически такое явление может существовать, но в действительности — едва ли: несмотря на известные противоречия, свойственные всякому нормальному человеку, Юстиниан всё же был целостной натурой, с определенными представлениями о жизни и поведенческими модусами; иначе он не удержался бы у власти столь долго и не сделал бы того, что ему приписывается. Для характеристики его личности наиболее подходит тип интуитивно-логического интроверта. Основываясь на этом соционическом типе Юстиниана I, можно с большой степенью вероятности предполагать обоснованность принятых им решений, касающихся сферы финансов Византии. В большинстве известных нам 35 случаев император руководствовался не тщеславием, не сиюминутными порывами или жадностью, в которых его обвинял Прокопий, а разумом, осторожностью и стремлением достичь поставленной самому себе высокой государственной задачи»².

¹ Чекалова, 2010. С. 50, 55, 57.

² Автореферат докторской диссертации В. А. Серова, <http://tmn-lib.ru/jirbis/files/upload/abstract/07.00.03/2594.pdf>.

М. В. Грацианский, кандидат исторических наук:

«Император Юстиниан Великий (527—565) является, без преувеличения, одной из масштабнейших фигур в мировой истории. Даже на фоне выдающихся личностей, стоявших во главе Римской империи вплоть до ее падения в 1453 г., — таких как Октавиан Август, Траян, Диоклетиан, Константин Великий, Ираклий, Василий II, Алексей Комнин, Иоанн Ватац, Михаил VIII Палеолог, — Юстиниан стоит особняком. Завершивший дело Октавиана Августа по развитию римского права, дело Диоклетиана как гражданского реформатора и дело Константина Великого как реформатора церковного, миротворец и завоеватель, не уступавший Траяну, Юстиниан, пожалуй, более всех претендует на то, чтобы стать символом и воплощением римского духа для всех времен существования Великой Империи.

После беспрерывных катастроф V в. на долю Юстиниана выпало вернуть Империи прежний блеск и престиж. Последовательно и планомерно Юстиниан возвращал и восстанавливал то, что оказалось потерянным или ослабевшим в предшествующее столетие. Оптимизированное административное устройство, лишенное рудиментов давно изжившей себя тетрархии, кодифицированное римское право, наконец-то приведшее к единообразию наследие золотого века римской юридической мысли и императорского законотворчества II—V вв., возвращенные под римскую власть обширные территории бывшей Западной империи, улаженные богословские споры и тяжелые церковные нестроения V в. — вот лишь самый общий перечень заслуг великого императора»¹.

Приложение 2

По юстиниановым местам (путевые заметки)

Большую часть жизни император провел в Константинополе: строго говоря, основные «юстиниановы места» там и есть. Но при подготовке книги мне захотелось побывать не в столице, а там, где герой родился и вырос: в Дардании.

Сказано — сделано.

Таурисий (ныне Таор), где родился Петр Савватий, располагается близ македонской столицы Скопье (в древности Скупы). Прямых авиарейсов на октябрь 2017 года из Москвы до Скопье не было, потому был выбран путь через Белград.

Сербскую и македонскую столицы связывают все виды сообщений, кроме речного. Если ехать автобусом, то маршрут ведет мимо Ниша. Это означало, что на следующей после

¹ *Грацианский, 2016. С. 11.*

Ниша станции, в Лесковаце, можно будет посетить Юстиниану Приму. Отличная идея! Сразу оговорюсь: то, что городище Царичин град в окрестностях Лесковаца (точнее, недалеко от деревни Прекопчелица близ городка Лебане в окрестностях Лесковаца) и есть Юстиниана Прима, — высоковероятное, но не строго доказанное предположение. Точно так же, как и то, что Таор — это Таурисий, а соседнее село Бадер — Бедерианы.

Вечерний московский рейс приземляется в Белграде таким образом, что на очередной экспресс до Скопье в 0.45 успеваешь с запасом. Главное — снять в банкомате аэропорта местную валюту, сербские динары (по не то чтобы грабительскому, но достаточно неприличному курсу). Хотя билет от Белграда до Лесковаца был куплен заранее еще в Москве, опыт подсказывал, что ехать без местной валюты в глубинку не стоило — еще неизвестно, найдется ли в Лесковаце банкомат, а о работающем там ранним субботним утром обменном пункте не стоило и мечтать.

Автобусы «Ниш Экспресс» довольно комфортабельны. Дорога до Лесковаца занимает около пяти часов, можно и вздремнуть. По прибытии выяснилось (о чудо!), что местный автобус на Лебане ровно в шесть утра, то есть через десять минут. Тут сербские динары и пригодились.

До Лебане — не более 20 километров, доехали за полчаса. По-английски или по-немецки тут понимают с трудом, но благодарение Богу за славянскую языковую общность: добавление русского позволило выяснить, что автобус до Юстинианы Примы только в восемь утра. Интересно, что про Царичин град никто из мною опрошенных местных ничего не знал, а вот Юстиниана Прима — пожалуйста. Выяснив, что до нужного мне места «пять-шесть километров и можно идти по указателям», я решил, что пешком быстрее. Вот в чем минус отсутствия навигатора: забегая вперед скажу, что до Юстинианы Примы не пять-шесть километров, а около десяти. Причем догадался я об этом не сразу, потому как указатели дают расстояние не до Юстинианы Примы, а до некоего «визиторского центра» с незатейливым названием «Феодора».

В общем, автобус из Лебане обогнал меня, когда до Юстинианы Примы было еще километра три. Знал бы, что просвистевшее мимо темно-бирюзовое громыхающее и коптящее чудо без каких-либо опознавательных знаков — это он и есть, остановил бы¹. В итоге шел около двух часов. С непри-

¹ Уже на обратном пути в Лебане я разглядел желтую надпись «Превоз»: но она была на правом борту автобуса (невидимом от левой, безопасной для пешего движения стороны дороги).

вычки подустал и сбил ноги. Хорошо хоть, что на ногах были «берцы».

«Визиторский центр» «Феодора» оказался гибридом туристического офиса и ресторана, но в столь раннюю пору там были лишь рабочие, что-то строившие.

Юстиниана Прима расположена на холме, господствующем над окрестностями. Судя по всему, это был последний крупный город, основанный римлянами «как положено», когда населенный пункт планировался и возводился одновременно: со стенами, банями, преторием и церквями. Чем-то этот город был дорог сердцу императора, и он даже пошел на конфликт с римским папой, учредив в первой Юстиниане митрополичью кафедру с крайне обширным подчинением — помимо собственно Дардании, еще несколько окрестных провинций. Лишь спустя несколько лет папа Вигилий узаконил решение императора.

В начале VII века Юстиниана Прима была разрушена и окончательно оставлена жителями после нашествия аваров. Сегодня по ее руинам вольготно бродят овцы местного старика, чей дом стоит прямо у бывших южных ворот.

Город неплохо раскопан, и по нему вполне удобно передвигаться: каждый комплекс зданий снабжен схемой и указателями. Археологи установили их предназначение, так что всё понятно и представимо. Туристы это место не жалуют — во всяком случае, в те несколько часов, что я там находился, никто из них не забрел.

То тут, то там высятся горы камня и плинфы от разобранных сооружений. На самой вершине холма идет интенсивный ремонт: на сохранившихся фундаментах возводится новодел, подобный тем, что, в угоду туристам, так много понастроили в Стамбуле. Ничего сложного в этой стройке нет: стены Юстинианы Примы не являли собой шедевр мастерства, возводились наспех, причем из местного, подверженного выветриванию, какого-то слоистого камня и плинфы. Единственное, что привело в недоумение, — это как рабочие перемежали ряды камней рядами из плинфы в четыре кирпича высотой: античные строители обычно укладывали плинфу рядами по пять.

Крепостные стены Юстинианы Примы нешироки: во всяком случае те, что видел я, у основания не более двух метров.

Проезд южных ворот выложен плиткой. Неровностью укладки она напоминает московскую, но претензий к строителям эпохи Юстиниана нет: все-таки более полутора тысяч лет это дорожное покрытие лежит без подновления.

Обратно к трассе решил выйти не у главного входа, что близ «визиторского центра», а срезав путь по холму и полям. Ока-

зался даже ближе к Лебани, чем планировал, почти на окраине соседней деревни Прекопчелицы. Автобуса в обратную дорогу я так и не дождался, хотя стоял на остановке почти час. Слава богу, сжалился какой-то местный житель, оказавшийся студентом-геологом. Недостаток английского мы восполняли жестами, а потом он запел какой-то церковный гимн, и оставшиеся минут пять до Лебани я его слушал. Пел студент очень красиво. Расстались мы весьма довольные недолгим знакомством. Обратная дорога до Лесковаца прошла без приключений, автобусы ходят часто и быстро. Сесть на экспресс — тоже никаких проблем, расписание можно узнать в Интернете.

Несмотря на то, что от Лесковаца до Скопье по карте — километров сто, экспресс идет долго, не менее трех часов, заезжая в разные городки.

Таор расположен по соседству с железнодорожной станцией Орешане. Дорога от вокзала в Скопье до Орешане — пятнадцать минут. Правда, что туда, что обратно поезда ходят нечасто, расписание нужно узнавать заранее. Я ездил туда девятичасовым поездом.

Был в Таоре дважды. Первый раз впечатлил поезд: шумный и воняющий выхлопом дизель, разрисованный художниками-граффитистами снаружи, а внутри, похоже, сделанный еще при Тито. Обшарпанность удивительная. Остановки не объявлялись, пришлось смотреть на вывески. Поезд шел очень быстро, трясясь и издавая неприличные звуки: скрип, скрежет на поворотах, изменения тона работы мотора, стук колес на стыках — намного громче, чем в России.

Второй поезд оказался значительно лучше: современный, с «бегущей строкой». Но радоваться было рано: по дороге туда «бегущая строка» на каждой остановке уведомляла, что следующая станция Лисице (когда ехал обратно — что прибыли на конечную станцию и выходить нужно налево).

Добраться до городища не составляет большого труда. Дорога от пахнущего козьим навозом перрона занимает не более пятнадцати минут. Сначала нужно перейти мост через Вардар: там заканчивается Орешане и начинается современное село Таор. Дорога делает резкий подъем, и через сто метров, на повороте, висит стрелка-указатель с надписью «Тауресиум». Далее по этой стрелке нужно пройти метров триста, не более. Судя по внешнему виду домов, люди тут подобрались зажиточные. Оно и неудивительно — с таким-то земляком. Недостаток не мешает таорчанам вести себя несколько свиновато: везде валяется пластиковый мусор; апофеозом дня оказалась свежеснятая шкура какого-то животного, брошенная людьми или вытащенная собаками прямо на проезжую часть.

В отличие от расположенного ниже современного Таора, древний Таурисий стоял на самом холме. Сто пятьдесят лет назад его раскопал сэр Артур Эванс (тот самый, что открыл знаменитый Кносский дворец). Со времен Эванса мало что изменилось: вскрытая часть городища представляет собой прямоугольник не более чем сто на сто метров. Взыскующий глаз не обнаружит здесь особых интересностей: остатки стен домов, несколько упавших расколотых колонн да их капители. Селение поднималось вверх: это видно по шурфам в виде террас, которые сделали археологи или «черные копатели». Остатки стен обнаружены и здесь. На самой вершине холма — раскоп, судя по всему, свежий, но здесь, кажется, следов построек нет. И вообще, такое впечатление, что самая вершина холма — это гигантский отвал археологической экспедиции, который кто-то решил покопать еще раз. Никаких следов Тетрапиргия (четыре башен), описанных Прокопием Кесарийским в четвертой книге сочинения «О постройках Юстиниана»: или камни растащили за полтора тысячелетия, или это все-таки не Таурисий.

Погода неустойчива. Тут, в Дардании, может одновременно светить солнце и лить как из ведра. Если встать между двумя холмами, прямо перед собой увидишь нестерпимый блеск наполовину скрытого в дымке солнца; справа переливается зеленью и желтизной осенний лес, а слева идет дождь, и вершины холмов на глазах словно покрываются серой вуалью.

Весной, после дождей, растения под ярчайшим средиземноморским солнцем приходят в неистовство — земля вокруг превращается в сплошной зеленый ковер. Почва в Дардании каменистая, светлая от известняка, но очень плодородная. Особенно хорошо на ней растут виноград, капуста, огурцы, тыквы и кабачки — как и полторы тысячи лет назад. А еще грецкие орехи: недаром же станция называется «Орешане». Природные ландшафты консервативны. Сегодняшний прохожий, расколов подобранный на дороге орех и положив в рот его нежное, ароматное ядро, наверняка, сам того не ведая, закусывает родственником орехов, которыми лакомился Петр Савватий.

Но туристов здесь нет совсем. Из объектов инфраструктуры — остатки «туалета типа сортир» без двери и с выбитой доброй половиной досок. Зато везде в изобилии растут какие-то особо занозистые тернии. Мне повезло: готовясь к походу, я надел старую брезентовую рубашку, поэтому через колючки продрался без особых потерь. Но любая более нежная одежда моментально превратилась бы в клочья.

Вид отсюда величественный. Кругом, в отдалении, высятся покрытые лесом горные гряды. До их подножий простирается ровная, как стол, прекрасно обозреваемая долина. По ней с севера на юго-запад бежит Вардар (древний Аксиос); здесь он холоден, быстр, мутен и уже довольно широк. Воздух всегда свеж — даже сейчас, когда человек изрядно уменьшил площадь окрестных лесов. Впрочем, создается впечатление, что как раз здесь вершины и ущелья остались такими же лесистыми, как и прежде. Очень далеко к западу высится покрытая снегом цепь гор Шар-Планина. На их фоне в хорошую погоду жители Тауресиума без проблем видели Скупы.

Из Тауресиума я сразу же отправился в Бедерианы. Не имея навигатора, идти по предполагаемой дороге напрямик не рискнул и воспользовался автостопом. Словоохотливый македонец довез меня до Катланова, а дальше мне следовало пройти километра два пешком, но никто из встретившихся людей не мог внятно показать направление. Осталось добираться по асфальту, но идти по оживленной автостраде я не захотел и остановил попутку еще раз. В ней ехали бабушка с внуком, и оба сносно говорили по-английски. Они любезно согласились довезти меня до Бадара. Где-то километра через четыре я заподозрил неладное, особенно после того, как мы миновали отсутствовавший в этом месте на карте туннель. Подозрения, увы, подтвердились: бабушка понятия не имела, где этот Бадар: она думала, что я знаю сам. Делать было нечего, пришлось остановиться и двинуться обратно. Неприятность заключалась в том, что в этом самом месте автострада односторонняя, то есть поймать машину обратно нельзя. По обочине трассы идти очень некомфортно и, подозреваю, запрещено. Двигаться же снаружи металлического ограждения крайне трудно: то колючки, то камни, то бетонные блоки. И мусор, мусор, мусор — везде. Такое впечатление, что каждый уважающий себя македонский водитель считает своим долгом размахнуться посильнее и лихо швырнуть на обочину мешок с барахлом, пластиковую бутылку, пивную банку или коробку из-под сока.

Но если отвлечься от мусора под ногами, вид и здесь очень красив. Внизу, метрах в пятидесяти, по дну ущелья бежит шумная Пчинья, приток Вардара. Интересно, почему Захария Ритор дважды¹ специально упоминал, что в Бедерианах была плохая вода?

Войти в туннель не рискнул. Пришлось, цепляясь за редкие деревья, буквально ползти вниз по почти отвесному скло-

¹ *Захария Ритор*. VII. 14; IX, 1. См.: *Пигулевская*, 2000. С. 557, 561.

ну, образованному колотым камнем и мусором. Хорошо еще что поехал в «берцах» — иначе не обошлось бы без травм.

На счастье внизу оказалась грунтовая дорога, точнее, расхоженная колея. Подозреваю, что она возникла стараниями рыбаков и туристов: и те и другие стали попадаться всё чаще, особенно на подступах к Бадару. Насколько тут удачная рыбалка, судить не берусь, но вот пейзажи дадут сто очков вперед даже Тауресиуму. Пчинья значительно меньше Вардара, но очень разнообразна. То она бурлит, перекатываясь через каменистый порог, то вдруг умолкает, образуя заводь с тихим течением. Горы слева и справа уходят вверх очень круто, но склоны не каменисто-безжизненны, а покрыты густым лесом. В конце октября под деревьями, обрамляющими дорогу, полно розовых цикламенов. Вверху ветви густо переплетаются, и тропа временами превращается в таинственный туннель, потолок которого осеннее разноцветье делает таким же красивым, как мозаики времен Юстиниана.

Сам Бадар ничего интересного из себя не представляет. Никаких развалин Бедерианы я там не нашел, да, впрочем, и не искал. Дойдя кружным путем до Катланова, остановил попутку и вернулся в Орешане. На заметку: автостопом в Сербии и Македонии пользовался несколько раз, для относительно коротких поездок. Машины останавливаются далеко не каждая (обычно — очень старые), но водители везут охотно. Они любят поговорить (ни английского, ни немецкого, как правило, не знают, но с южными славянами на несложные темы можно говорить и по-русски) и от предложенных денег отказываются наотрез.

Обратная дорога до Белграда не имела отношения к Юстиниану, но ее стоит описать — хотя бы для сведения тех, кто решится повторить этот маршрут.

Еще в Москве я решил не ехать автобусом, а воспользоваться поездом Скопье—Белград, прельстившись очень заманчивым расписанием: отправление в 22.19, прибытие около восьми утра. Билет смутил дешевизной, и выяснилось, что спать в поезде получится только сидя. Кассир любезно подсказала, что чуть более чем за триста македонских динаров (это рублей триста пятьдесят) можно в поезде приобрести *kushetku*, но, не объясняя причины, отговорила делать это сразу — мол, оплатите в самом вагоне.

Если судить по столице, объявлений в Македонии не делают не только в поездах, но и на вокзалах. Я ориентировался по висящему над путями табло, но когда примерно в половине одиннадцатого мигавшая надпись «arriving» вместе с информацией о поезде пропала, стало ясно: что-то пошло

не так. По платформе начали метаться, возбужденно переговариваясь, мои будущие попутчики, числом не более десяти. Довольно быстро похолодало. Впрочем, «похолодало» слишком мягко сказано. Стало очень холодно. Наконец еще через четверть часа возник полицейский. Услышав его разъяснения, мои товарищи по приключению взяли вещи и начали спускаться вниз, на вокзал. Полицейский говорил по-английски и отдельно сообщил мне, единственному тут неместному, что где-то на территории Греции поезд загорелся. Теперь составу ищут замену и часа через два обязательно найдут. Почему поезд от Скопье до Белграда загорелся в Греции, я так и не понял, но предположил, что ехать придется экспрессом Салоники—Белград. Воображение нарисовало вагоны: мягкие кресла, приглушенный свет, мирно спящие на *kushetka*'х пассажиры, любезные проводники в отутюженной форме, предлагающие входящим на станциях путешественникам чай и экзотические сладости.

Но этого счастья следовало еще дожидаться. Никаких объявлений — ни по громкой связи, ни на табло — в зале ожидания не было. Похолодало и здесь. Через час пришел полицейский и снова пообещал поезд через два часа. Звучало это если не совсем зловеще, то как-то не очень обнадеживающе.

Железнодорожная станция в Скопье совмещена с автовокзалом. Ночью здесь не работает ничего. Точнее, на автовокзале, куда более оживленном, есть и обмен валюты, и кафе — но днем. А вот на железнодорожном вокзале, кроме нескольких касс, зала ожидания и лестниц наверх, на платформу, ничего нет и днем. Мне же нестерпимо хотелось хоть чем-нибудь согреться. Единственной работающей точкой общепита оказался автомат с растворимым кофе, куда я бросил последние 50 динар, но вместо двух чашек, как явствовало из ценника, получил лишь одну. Хоть за это спасибо! Кофе чуть-чуть подогрел, и я снова побрел в зал ожидания.

Не знаю, топят ли его зимой, но 30 октября в нем было лишь чуть теплее, чем на улице. Мои товарищи по несчастью извлекли из чемоданов кто что мог, и все дружно стали напоминать бомжей. У меня же не было ничего, кроме упаковки из-под купленного в Скопье чемодана. В нее я и завернул ноги: сначала пластиковый мешок, а сверху синтетическая тряпка с эмблемой производителя чемоданов. Внимание служащих вокзала к нам выражалось в том, что, если кто-то ложился на кресло, приходил одетый в фирменный китель, свитер и шерстяную вязаную шапочку человек и приказывал сесть.

Так прошло четыре часа. Наконец кто-то вошел, и мы услышали вожделенное «десять минут». Мы медленно собрали

вещи, преобразились из бомжей в нормальных людей и поднялись на платформу, под пронизывающий ветер.

Экспресс Салоники—Белград уже стоял на путях. Не хочу томить читателя ожиданием: внешне он представлял собой раскрашенный дизель, подобный тому, на котором я в первый день путешествовал до Таора. Внутри же... Если тот был сделан при Тито, то этот, подозреваю, еще при Карагеоргиевичах. Нет, это, конечно, шутка, но вагон был в состоянии очень сильной замызганности. Когда-то, еще во времена СССР, на меня произвел неизгладимое впечатление поезд Грозный—Гудермес. Теперь таких впечатлений два. Не знаю, может быть, тот, изначальный, сгоревший поезд был лучше.

Первое, что стало ясно: *kushetka* не нужна: каждое купе представляло собой шесть повернутых друг к другу кресел, убрав подлокотники которых, можно было лечь. На весь вагон из десятка купе пришлось три человека — никаких проблем с местами. Ткань кресел когда-то была темно-малиновой, но от бесчисленного числа задов, ног, голов, чемоданов, напитков и даже сигарет цвет этот изрядно поменялся. Купе от коридора отделяла перегородка из стекла, со стеклянной же сдвигающейся дверью. В поезде оказалось тепло! О блаженство! Но буквально через минуту блаженство сменилось беспокойством: не просто тепло, но жарко. Нестерпимо жарко. В каждом купе есть регулятор температуры. Крутил свой и так и этак, но особого эффекта это не дало. Пришлось открыть дверь. То же сделали и все соседи. Уже утром в поезде посвежело: кто-то не выдержал и открыл наружную дверь, ту, которая ведет из вагона на перрон. Да-да, мы спокойно проехали пол-Сербии с открытым настежь тамбуром.

Я постелил упаковку из-под чемодана под ноги и лег головой к стеклянной перегородке. Это было единственно возможное положение: развернись в противоположную сторону, непременно получил бы тепловой удар от нагретой стены и металлической батареи под окном.

Опасения, что лежащих будут поднимать, не оправдались. Ночью, правда, в купе подвели два громогласных серба, но вставать не пришлось, а ранним утром они так же исчезли, как и появились.

О туалете говорить не буду: у читателя, привыкшего к железным дорогам Европы, может случиться сердечный приступ. Поверьте, есть от чего.

Утром выяснилось, что окно в купе открывается вполне себе легко, так что проблема с регулировкой температуры была благополучно решена.

Пейзажи за окном, замени черепичную крышу зданий на шиферную, практически ничем не отличаются от вида из окна где-нибудь меж Саратовом и Аткарском. Те же облупившиеся разрисованные полустанки, грузовые полувагоны пятидесятилетней давности на заросших травой вспомогательных путях, пыльные домики, куры...

А еще здесь нельзя, но можно курить прямо в коридоре вагона. Ну ведь не случайно же сгорел наш первый поезд, правда?

ГЛОССАРИЙ

Августал (префект августал) — наместник (префект) Египта с IV в. В византийскую эпоху было два августала — Верхнего и Нижнего Египта.

Автократор — самодержец.

Автопрагия — в ранней империи — право сбора налогов на своей территории (а не через аппарат фискального ведомства на местах). Таким правом в империи эпохи домината обладали города, а с течением времени (со второй половины IV в.) ее стали получать и частные лица — крупные землевладельцы.

Адскрипций — приписной *колон*. Термин известен с 466 г. из одного из законов Маркиана. В Юстинианово время их статус был малоотличим от рабского.

Аргиропрат — ювелир, меняла.

Архонт — «начальник», понятие, часто употреблявшееся в византийских источниках в самом широком смысле применительно к своим и иноземным чиновникам, правителям и т. д.

Архонтат — начальственная должность.

Асикрит — секретарь.

Аспасм — «целование», церемония целования *василевса* (в зависимости от ранга и вида церемонии — в стопы, колени, руки, губы, щеки или правую сторону груди).

Ауксилия — (от лат. *auxilia*, «помощь» во множественном числе) — в республиканское время вспомогательный отряд союзников Рима, в ранней Византии воинские части, традиционно имевшие наименования, восходившие к старым ауксилиям (Батавы, Герулы и т. д.), но, видимо, по составу уже не отличавшиеся от прочих частей.

Букелларии (вукелларии, букцелларии) — в Юстинианово время — личная дружина полководца (ведущая свое происхождение от варварских конных отрядов IV и V вв. на службе у римских военачальников), солдаты которой состояли на довольствии у государства.

Василевс — император.

Вексилляция — (от лат. *vexillum*, знамя) — сборные части, собранные из разных легионов для выполнения какой-либо важной задачи под единым особым командованием. С конца III в. становятся постоянными частями.

Вигла — городская стража Константинополя. В ее функции входили поддержание порядка (особенно в ночное время), борьба с пожарами.

Виндик — представитель правительства в городах Римской империи. В ранней Византии — чиновник префектуры претория, ответственный за сбор налогов.

Врумалии (брумалии) — 24 праздничных дня в году, посвященных буквам греческого алфавита. Каждый ромей отмечал день первой буквы собственного имени. В. неоднократно запрещались как языческий праздник, но они всё равно отмечались народом (да и самими императорами).

Дедитиции — «сдавшиеся», низшая категория свободных людей в Римском государстве: побежденные силой оружия варвары, не заключившие договор с Римом, отпущенные на свободу рабы, ранее заклеянные за преступления. До Юстиниана были лишены права стать римскими гражданами. Юстиниан ликвидировал статус дедитициев, приравняв их к прочим свободным гражданам.

Декрет — постановление высшего суда по отношению к низшему по отдельным судебным делам (в эпоху принципата), позже — один из видов императорских решений аналогичного плана.

Дефенсоры — 1) «защитники», воины основного боевого порядка в VI—VII вв.; 2) чиновники, защищавшие простолюдинов от произвола властей и вообще влиятельных лиц.

Диаграфе — «ропись» — экстраординарный налог на земледельцев какой-либо местности, платившийся пропорционально размеру поземельной подати.

Диаконисы — в византийской церкви женщины, выполнявшие ряд функций в церковной жизни (например, участвовали в раздевании женщин при крещении) и вследствие этого имевшие особый статус. Д. становились однобрачные, вдовы или девственницы, достигшие определенного возраста (после 40 лет). Брак для них воспрещался (законодательство Юстиниана предписывало в таком случае карать обоих преступников смертью и конфискацией имущества (6-я новелла), впоследствии наказание было смягчено до ссылки в монастырь и разделе имущества между детьми Д. (если были) и этим монастырем).

Димарх — лицо, возглавлявшее один из *димов*.

Димы — спортивные партии цирков римских городов, к V в. трансформировались в политические. Сохраняли определенную значимость до IX в. Партии были четырех основных цветов (в одежде этих цветов выступали возничие на ристаниях) — голубого (*венеты*), зеленого (*прасины*), красного (*русии*) и белого (*левки*). Наибольшее значение имели первые две: венетов возглавляли аристократы, а прасинам благоволили представители торгово-ростовщических кругов (*Чекалова*, 1997. С. 153). Существует мнение, что в ранней империи венеты были приверженцами православия, а прасины тяготели к монофиситству. По-видимому, в византийское время разница

между димами как политическими объединениями горожан и димами как спортивными фракциями цирковых болельщиков была уже незаметна, но к IX в. спортивная составляющая деятельности димов исчезает. Обширная работа о димах и фракциях — Дьяконов, 1945.

Диптих — 1) складень из покрытых с внутренней стороны воском двух табличек для письма; 2) список лиц, поминаемых церковью за литургией.

Доместик — 1) в IV—VI вв. — помощник крупного чиновника (например, наместника провинции) или военачальника; 2) воин одноименного отряда дворцовых войск, с VI в. — парадная должность.

Дорифор — копьеносец.

Драконарий — знаменосец военной части в последиокектианово время (одно время в легионах были введены штандарты в форме наполняемых ветром матерчатых драконов, потом они исчезли, а название осталось).

Дромон — «бегун», основной вид византийского боевого корабля, в VI в. вмещавшего 22 человека. Позднее — до 200 гребцов и 70 воинов; мог нести машины для применения огнесмесей.

Дукс — в Юстинианово время — командующий войском лимитанов в провинции, иногда — наместник провинции.

Ектирий — специальное погребальное сооружение при храме.

Ипостратиг (гипостратиг) — младший *стратиг*, заместитель главнокомандующего.

Кандидат — от лат. *candidatus* (ослепительно белый), обозначали солдата одного из отрядов императорских телохранителей, называвшегося так за белоснежный цвет одежды.

Катафракт — конный воин, одетый в броню. В римской армии катафракты (там они назывались «клибанарии») появились в результате знакомства с аналогично экипированной тяжелой кавалерией парфян и персов.

Кафисма (кафизма) — трибуна на ипподроме, предназначенная для императора; на кафисму столичного ипподрома из Большого дворца вела отдельная галерея.

Квезитор — учрежденная Юстинианом I должность по надзору за лицами, прибывавшими в столицу, а также по противодействию «преступлениям против нравственности» — ересям, мужеложству и т. д.

Квестор — 1) римская магистратура; 2) в Юстинианово время квестор священного дворца (*quaestor sacri palatii*) — главный юрист империи, председатель *консистория*; 3) в Византии IX—X вв. — высокая судебная должность.

Кентинарий — 100 либр золота, 7200 номисм.

Кератий — 1) мера веса золота, $1/1728$ либры, то есть в ранней Византии — около 0,189 г; 2) вес серебра, стоимость которого эквивалентна $1/1728$ золотой либры (римская единица веса — *силликва*), то есть $1/24$ номисмы.

Кесарь (цезарь) — один из самых высоких титулов, первоначально — «младшего» императора. С V в. давался в знак исключительного отличия и/или наследникам трона. Позднее перестал быть только императорским, хотя и остался достаточно высоким.

Коллегия — форма организации позднеантичных ремесленников по какому-либо виду профессии. В Юстинианово время статус членов коллегии был наследственным, дети были обязаны следовать профессии отца.

Колон — в ранней Римской империи — поселенец, арендатор земли; с IV в. — лично свободный крестьянин, который тем не менее чаще всего не мог покинуть обрабатываемую землю. Во времена позднего Рима (особенно на Западе) колонны наряду с рабами были основой сельскохозяйственного производства. С VII в. колонны в византийских источниках не упоминаются. Согласно законам Юстиниана (162-я новелла), колон (в отличие от *адскрипциция*) мог обрабатывать не только *пекулий*, но и собственную землю. Будучи лично свободными, колонны считались как бы «рабами земли» и не могли покинуть обрабатываемую землю. Вопрос о соотношении рабов и колоннов весьма непросто, см.: *Коптев*, 1995, *Шевченко*, 2012.

Комит — 1) наименование многих должностных лиц в ранневизантийскую эпоху; комит *экскувитов* — начальник императорских телохранителей; комит священных шедрот (*comes sacrarum largitionum*) ведал раздачей наград и вообще государственной казной (фиском); комит *геими литарис* («военных дел») — воинское звание ниже магистра, но выше дукса; комит федератов — начальник федератов; комит частных имуществ (*comes regum privatarum*) управлял императорскими личными поместьями, дворцами и т. д.; 2) после реформ административного управления при Юстиниане — одно из возможных званий наместника провинции; 3) на Западе — титул графа.

Консистерий — от лат. *consistere*, стоять (в присутствии императора) в эпоху Юстиниана — государственный совет при императоре из высшего чиновничества, верхов армии и духовенства.

Конституция — императорское постановление. Она имела силу всеобщего закона, если была направлена сенату, называлась «эдикт», или иным образом содержала упоминание о том,

что подлежала применению в случаях, аналогичных тем, по которому издавалась, обладала «священной общеобязательностью». Другие виды конституций (в Юстинианово время к ним относили императорские декреты, рескрипты, мандаты) силы всеобщего закона не имели.

Кубикуларий (кубикуларий) — придворный охранник (обычно евнух), ночевавший рядом со спальней императора.

Куриалы — провинциальные землевладельцы, третьи (после сенаторов и всадников) привилегированное сословие императорского Рима; во времена ранней Византии они причислялись к «достойным», *honestiores*. На куриалах лежала ответственность за сбор налогов (недоимки они выплачивали из своих средств), им было запрещено покидать свои *курии*. Упадок этого сословия приходится на середину VI в. Формально куриалы существовали и после Юстиниана, хотя их роль была незначительной.

Курия — провинциальный орган муниципального управления, в состав которого входили *куриалы*.

Либра (литра, римский фунт) — мера веса, 327,45 г для ранней Византии времен Юстиниана. Из литры золота до XIV в. чеканились 72 *номисмы*.

Лимес — римский пограничный вал. Вдоль лимеса жили солдаты и *лимитаны*. Наиболее известен лимес рейнско-дунайский.

Магистр — 1) *magister militum* (стратилат) в позднем Риме — высшая военная должность. Магистры были конницы и пехоты, но после Феодосия I по крайней мере на Востоке различия по родам войск исчезли и магистры стали «пехоты и конницы» (*peditum et equitum*). Первоначально в Византии было пять магистров (два — презентальных, «присутствующих» (подразумевались император, его ставка) *magister militum praesentalis* или *in praesenti* — командующих презентальными, центральными армиями и три территориальных — *magister militum* Востока, Фракии и Иллирика), затем до двенадцати (Армении и т. д.), и эта должность стала синекурой; 2) **магистр оффаций** — начальник служб двора, «первый министр»; 3) *magister a libellis* — «магистр прошений», чиновник, отвечавший при дворе за прием прошений на имя императора и подготовку ответов на них.

Мандат — императорское решение, наделяющее полномочиями какое-либо лицо, оформленное в виде документа.

Манихеи — восточная дуалистическая секта, последователи учения Мани, жившего (и казненного) в сасанидском Иране в III в.

Медимн — мера веса и объема сыпучих тел. Первоначально

но (в античное время) — два *таланта*, около 72 кг. Как мера объема — около 52,5 л зерна.

Модератор — после реформ административного управления при Юстиниане — наместник крупной или особо важной провинции.

Мутаторий или митаторий — пристройка к собору Святой Софии, где скрытый от большинства народа василевс молился или облачался в парадные одежды.

Нобилиссим (новелиссим) — титул сразу за цезарем, который получали младшие сыновья императоров.

Номисма — основная денежная единица Византии, $\frac{1}{72}$ *либры* золота, в переводе с греческого значит просто «монета». По мнению Ф. Грирсона (*Grierson, 1982*), основные золотые монеты Византии до конца X в. времени Никифора Фоки лучше обозначать термином «солид». Теоретический вес солида, введенного при Диоклетиане, был равен $\frac{1}{72}$ римское либры и составлял 4,55 г высокопробного золота (24 римские силиквы, или, по-гречески, кератия; реальный вес — около 4,4—4,5 г). Со времени Юстиниана несколько веков выпускались и облегченные солиды весом 22, 21 и 20, а также 23 силикв, предназначенные, по-видимому, преимущественно для выплат варварам. Также при Юстиниане довольно активно чеканились фракции в половину (семисс) и треть (тремисс) номисмы-солида. Чеканка золотых номисм была прекращена в Византии с конца 60-х или начала 70-х гг. XIV в.

Опцион (оптион) — 1) в позднеримской армии — младший командир; 2) представитель римского военного командования в отряде *федератов*, плативший им жалованье; 3) помощник военачальника, выбранный им самим.

Оффициалы — лица, несущие службу в армии или в ведомствах высших государственных магистратов.

Парабаланы — александрийская группа позднеантичных христиан, основным занятием которой был уход за больными и похороны умерших. Они соблюдали безбрачие и вообще отличались фанатизмом и были склонны к насилию во имя религиозной идеи, в том числе активно участвовали в погромах евреев и язычников.

Паракенот — доносчик, соглядатай.

Патрикий (патриций) — 1) в Риме — высшая группа наследственной аристократии; 2) в Византии первых веков — высокий (во времена Константина I — один из высших) пожизненный *титул*, дававший право занимать важнейшие посты.

Пекулий — собственность господина (обычно — земельный надел, жилье), дававшаяся рабу (а в Юстинианово время — и *колону*) на правах не собственности, но владения.

Плинфа — античный плоский кирпич из обожженной глины. Наиболее распространенный размер — 35,5 x 35,5 x 5,1 см¹.

Плюмбата — метательное оружие, похожее на массивную короткую стрелу со свинцовым утяжелением ближе к острию. Бросалась рукой.

Презид — низший статус наместника провинции.

Препозит — 1) в Римской империи эпохи домината — командир военного отряда; 2) евнух, дежуривший в покоях императора; 3) препозит священной опочивальни — начальник спальников императора (должность евнуха).

Претор — 1) в Риме — один из высших магистратов, управлявший судебную власть. Для человека, стремившегося стать сенатором, занятие этой должности было, как правило, обязательным. Институт преторов (претура) в Константинополе возник при Констанции II, в Юстинианово время — почетная должность, требовавшая немалых затрат, от которой назначаемые лица нередко уклонялись; 2) после реформ административного управления при Юстиниане — одно из возможных званий наместника провинции (наряду с модераторами, проконсулами, комитами: «Юстинианов претор»).

Префект — высокая военная и административная римская должность; префект *претория* в иерархии империи следовал после государя. Иногда префектом называли наместника какой-либо области или *архонта* крупного города. Префект Константинополя на Востоке именовался эпархом.

Префектура — крупнейшая административная единица поздней Римской империи. При разделе империи к Востоку отошли две префектуры: Восток (*диоцезы* Азия, Понт, Восток, Египет и Фракия) и Иллирик (диоцезы Дакия и Македония). Юстиниан образовал префектуры Африка и Италия.

Проастиий — 1) поместье, дом с участком, сельское земельное владение вообще; 2) хутор, крестьянское поселение; 3) пригород.

Прополома — пышная прическа, носимая женщинами высших сословий в ранней Византии.

Простат — старшина, глава цирковой партии.

Протевонт (протевон) — «первенствующий», член городского совета провинциального города, глава сельского поселения.

Протиктор — воин одноименного отряда дворцовых войск, с VI в. — парадная должность.

Рескрипт — решение императора по какому-либо вопросу, резолюция на документе, постановление по судебному делу, толкование закона.

¹ Зубова, 2011. С. 33.

Силенциарий — «хранитель тишины», в ранней Византии — придворная должность (с. обеспечивал порядок на пути следования императора), носитель которой был в ранге клариссима.

Сословия — Византия унаследовала от Рима деление на основные сословия: «достойных», *honestiores*, и «смирненных», *humiliores*. К IV в. в состав первого вошли потомки сенаторов, всадников, куриалов, а во второе, наряду с плебеями, — колоны, вольноотпущенники и, позднее, рабы.

Силиква — см. *кератий*.

Синифия — «обычное», пошлина в пользу сборщиков налога (один *милиарисий* с каждой *номисмы* подати). Вообще, установленный государством сбор (например, за назначение на должность).

Синона (синонэ) — вид повинности по обеспечению государственной потребности — обязанность продавать необходимое по установленным государством ценам.

Скриния — канцелярия.

Спортула — выплата чиновнику заинтересованным лицом вознаграждения за выполнение первым его функций.

Стигматы — в ранней Византии — знаки, выжигавшиеся на руках рабов государственных мастерских, чтобы воспрепятствовать их побегу.

Стратегема — военная хитрость.

Стратегикон — трактат по военному делу.

Стратиг — главнокомандующий, военачальник вообще.

Стратиг-автократор — военачальник, имевший очень широкие полномочия (вплоть до права объявления войны и заключения мира) на каком-либо театре военных действий.

Стратилат — многозначный термин, обозначающий командира высокого ранга.

Стратиот — солдат, воин вообще.

Суффрагий — в ранней империи — выплата императору или иному лицу за назначение на должность, ликвидированная Юстинианом.

Схолы (схоларии) — столичные «гвардейские» части, существовавшие с начала IV в. При Феодосии II они насчитывали 3500 человек и комплектовались преимущественно из готов и армян; при Зиноне их число выросло до 5500 человек; при Юстиниане в Константинополе было 11 отрядов схол.

Тессера — 1) монетовидный жетон; 2) кусочек камня или непрозрачного стекла (смальты), как правило, кубической формы, из которых складывалась византийская мозаика.

Туфа — головной убор императора в виде шапки с расширяющимся вверх плюмажем.

Федераты — варварские племена, поступавшие под руководством своих вождей на римскую военную службу; признавали над собой власть империи, жили на ее территории, получали жалованье из казны. В Юстинианово время их статус почти ничем не отличался от статуса солдат регулярных войск.

Филарх — правитель варварского племени.

Фоллис, фолл (обол) — основной, самый крупный номинал медной монеты в Юстинианово время, 40 нуммиев.

Фут — римский фут составлял 0,296 м.

Эдикт — устное или письменное распоряжение римского магистрата (позже — императора), указ.

Экзарх — 1) начальник вообще; 2) правитель *экзархата*.

Экзархат — в VI—VIII вв. — административная единица в отдаленных районах империи (Африканский, или Карфагенский — с 591 г., Итальянский, или Равеннский — с 582 г.), где вся полнота власти принадлежала одному чиновнику, *экзарху*.

Эксакиониты — арианская секта, для которой по каким-то причинам Юстинианом в указах 528 г. о преследовании ариан было сделано исключение.

Экскувиты (экскувиторы) — отряд дворцовой стражи, при Льве I изначально созданный из варваров-исавров (в противовес *схолом*).

Экскуссия — налоговый и судебный иммунитет, в том числе временный.

Эмфитевсис — долгосрочная аренда земли с обязательством обрабатывать ее и платить налоги.

Энапограф — см. *адскриптиций*.

Эпарх — градоначальник. Эпарх (префект) Константинополя в ранневизантийское время в качестве официальной одежды в знак своих «гражданских» функций носил тогу, а не иное одеяние.

Эпибола (эпиболэ) — принудительная приписка пустующих участков земли соседям, обязывавшая их платить за новые «владения» поземельные налоги.

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ И ПРАВЛЕНИЯ ЮСТИНИАНА

- Ок. 482* — рождение Петра Савватия.
Между 497 и 507 — прибытие Петра Савватия в Константинополь.
501 — беспорядки на ипподроме в Константинополе, погиб внебрачный сын Анастасия.
512, 4 ноября — мятеж по поводу прибавки в «Трисвятое», попытка провозгласить императором патрикия Ареовинда, мужа Юлианы Аникии.
517 или 518 — землетрясение в Дардании, пострадало 24 города.
До 518 — Юстиниан получает звание кандидата.
Ок. 520 — знакомство Юстиниана с Феодорой.
521, 1 января — первое консульство Юстиниана.
522 — землетрясение в Диррахии.
523 — брак Юстиниана и Феодоры.
До 525 — Юстиниан возведен в ранг нобилиссима.
525 — Юстиниан возведен в ранг цезаря.
Землетрясение разрушило Аназарв в Киликии.
526 — землетрясение разрушило Антиохию-на-Оронте. Погиб патриарх Евфрасий.
527, апрель — Юстиниан провозглашен августом.
1 августа — начало самостоятельного правления Юстиниана.
528, 1 января — второе консульство Юстиниана.
529, 29 ноября — землетрясение снова разрушило Антиохию-на-Оронте.
530 — битва при Даре. Победа Велисария над персами.
531, 19 апреля — битва при Каллинике в Сирии. Разгром Велисария персами.
532 или 533, начало — диспут с епископами-монофиситами в Константинополе.
533, 1 января — третье консульство Юстиниана.
22 июня — начало экспедиции против вандалов.
Сентябрь — битва под Дециумом. Занятие Карфагена византийцами.
16 декабря — утверждение «Дигест Юстиниана».
534, 1 января — четвертое консульство Юстиниана.
Март — пленение Гелимера. Прекращение организованного сопротивления вандалов.
2 октября — смерть Аталариха.
Декабрь — второе издание «Кодекса Юстиниана».
15 декабря — битва под Трикамаром, разгром остатков вандальской армии.
535, 30 апреля — убийство Амаласунты.
Июнь — начало похода ромеев на Италию.
536, май—июнь — собор в Константинополе, осудивший экс-патриарха Анфима.

- Осень* — мятеж Стоцы в Африке.
Ноябрь — восстание против Теодата. Убийство короля, провозглашение королем Витигиса.
10 декабря — взятие Рима Велисарием.
- 537/538, *зима* — захват Карфагена копьеносцем Максимином.
 538 — отстроена Халка: парадный вход во дворец.
 540 — землетрясение снова разрушило Антиохию-на-Оронте.
Весна—лето — взятие Антиохии-на-Оронте персами.
- 541 — вторжение персов в Лазику и взятие ими Петры.
 542 — провозглашение Тотилы королем остготов.
 Эпидемия чумы («юстинианова чума»)
 Юстиниан отправляет миссии к язычникам: в Нубию, Малую Азию и Аравию. Феодора якобы задерживает одну из них, и нубийцев крестит ее посланник, монофисит Юлиан.
- 543, *весна* — взятие Тотилой Неаполя.
6 сентября — землетрясение в Кизике, погибла половина города.
 Открытие конной статуя Юстиниана на площади Августеон в Константинополе.
- 544 — гибель префекта претория Африки Соломона.
 Разорение персами византийской Месопотамии.
28 июля — освящение перестроенного храма Святых Апостолов.
- 545 — перемирие с персами на пять лет.
 Гибель Стоцы около Сикки Венерии в Зевгитании.
- 546, *январь* — заговор и мятеж Гонтариса в Карфагене.
Март — гибель Гонтариса.
17 декабря — взятие готами Рима.
- 547 — нашествие славян в Илирике.
 Занятие Рима византийцами.
25 января — прибытие папы Вигилия в Константинополь.
11 мая — столкновение в Константинополе между димами, много людей погибло в драке и давке.
- 548, *начало июня* — сильное землетрясение в Константинополе.
 Повреждена колонна Аркадия.
28 июля — умерла императрица Феодора.
Июль — столкновение в Константинополе между димами, сгорел дом некоего Парда.
- 549, *октябрь* — от кого-то из правителей Эфиопии или Индии в Константинополь прибыл слон и был показан народу на ипподроме.
- 550, *весна* — поход славян на Фессалонику.
Март — подаренный ранее слон сбежал и убил многих людей.
Апрель — столкновения между прасинами и венетами в столице, грабежи эргастириев.
 Занятие Рима готами.
- 551, *начало* — вторжение ромеев в Лазику и взятие ими Петры.

- Июнь* — написание Юстинианом трактата «Исповедание правой веры».
- 6 июля* — мощное землетрясение и цунами на Востоке. Пострадали Тир, Сидон, Верит, Триполис, Библос, Вострис. Рухнули от землетрясения стены в Антиохии.
- Сентябрь* — освящение храма церкви Святой Ирины в Сиках.
- Битва при Сеногаллии, победа византийского флота.
- Перемирие с персами на пять лет.
- 552, *июнь* — битва при Тагинах. Гибель Тотилы.
- Лето* — взятие Рима византийцами.
- Октябрь* — битва у «Молочной горы». Гибель Теи.
- 553, *май—июнь* — V Вселенский собор.
- Восстание из-за порчи мелкой монеты; возврат к старой монетной стопе.
- 554, *16 августа* — сильное землетрясение в Константинополе и Никомидии. Упала часть стен у Золотых ворот, упало копье со статуи Константина. Землетрясение длилось 40 дней.
- 557 — землетрясение в Константинополе и Антиохии.
- 559, *13 мая* — столкновения в Константинополе между димами, поджоги. Сгорели склады в порту Неория, дом префекта Петра Варсимы.
- 560, *сентябрь* — слухи о смерти Юстиниана, дефицит хлеба и волнения в Константинополе.
- 561, *ноябрь* — пожар в гавани Кесарии, столкновение между димами.
- 562, *октябрь* — беспорядки среди венетов в Константинополе.
- Мир с персами сроком на 50 лет.
- 24 декабря* — вторичное освящение храма Святой Софии.
- 563 — волнения в Константинополе по поводу нового епарха Андрея.
- 564 — пожар в Константинополе, сильно пострадал собор Святой Ирины.
- 565, *14 ноября* — кончина Юстиниана.

БИБЛИОГРАФИЯ

Список принятых сокращений

АДСВ — Античная древность и средние века, Екатеринбург (Свердловск).

ВВ — Византийский временник (Москва).

ВДИ — Вестник древней истории (Москва).

ВМ — Византийская мозаика (Сборник публичных лекций Эллино-византийского лектория при Свято-Пантелеимоновском храме, Харьков, Украина / Под ред. проф. С. Б. Сорочана; сост. А. Н. Домановский).

МП — Мир православия (Волгоград).

ПСТГУ — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

ПЭ — Православная энциклопедия.

ХЧ — Христианское чтение (СПб.)

Источники

Августин. Исповедь — Блаженный Августин. Исповедь / Пер. М. Е. Сергеевко. М., 2013.

Августин. О граде Божием — Блаженный Августин. Творения. Т. 3: О граде Божием (Кн. I—XIII) / Сост., подг. текста С. И. Еремеева. СПб.; Киев, 1998.

Агапит — Увещательные главы, написанные Агапитом, диаконом святаяйша великия церкви Божией / Пер., предисл., коммент. протоиерея Д. С. Вершинского // ХЧ. 1827. № 27. С. 245—273.

Агафий — Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. М. В. Левченко. Л., 1953.

Библиотека... — Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб., 1999. Т. 6: XIV — середина XV века.

Византийская любовная проза — Византийская любовная проза: Аристенет. Любовные письма; Евматий Макремволит. Повесть об Исминии и Исминие / Пер., ст. и прим. С. В. Поляковой. М., 1995.

Византийские историки — Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. С. Дестуниса. СПб., 1861 (на шмуц-тителе — 1860).

Византийские легенды — Византийские легенды / Пер. С. В. Поляковой. Л., 1972.

Григора — Никифор Григора. История ромеев. Т. 1 (Кн. I—XI) / Пер. Р. В. Яшунского. СПб., 2013.

Деяния Вселенских соборов. Т. 5 — Деяния Вселенских соборов, изданные в русских переводах при Императорской Казанской духовной академии (4-е изд.). Т. V. Казань, 1913.

- Дигесты — Дигесты Юстиниана. Т. 1 (Кн. 1—4) / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2008.
- Евагрий — Евагрий Схоластик.* Церковная история в шести книгах / Пер., вступ. ст., коммент. И. В. Кривушина. СПб., 2006.
- Житие Феодора Сикеонского — Житие преподобного отца нашего Феодора, архимандрита Сикеонского, написанное Георгием, учеником его и игуменом той же обители / Пер. с греч., предисл. и коммент. Д. Е. Афиногенова. М., 2005.
- Иешу Стилит — Иешу Стилит.* Сирийская хроника // *Пигулевская Н. В.* Месопотамия на рубеже V—VI вв. // Труды Института востоковедения. Т. 31. 1940. С. 130—176.
- Институции — Институции Юстиниана / Пер. с лат. Д. Раснера; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. М., 1998.
- Иоанн Златоуст — Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе.* Т. 1—12. СПб., 1895—1906.
- Иоанн Лид — Иоанн Лид.* О должностях Римского государства / Пер. М. М. Сеницы; под ред. Н. Н. Болгова. Кн. I: Классическая и византийская традиция. 2014. Белгород, 2014. С. 287—320; Кн. II: Классическая и византийская традиция. 2016. Белгород, 2016. С. 166—195.
- Иоанн Малала — Иоанн Малала.* Хронография. Кн. XIII—XVIII / Отв. ред. Н. Н. Болгов; сост. Н. Н. Болгов, А. М. Болгова, А. В. Кобзева, К. О. Попков // Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 2. Белгород, 2014; Хронография. Кн. I—VI // Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 6. Белгород, 2016; Хронография. Кн. VII—XII // Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 7. Белгород, 2016.
- Иоанн Мосх — Иоанн Мосх.* Луг духовный.
- Иоанн Эфесский — Главы из «Церковной истории» Иоанна Эфесского // Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая историография. СПб., 2000. С. 477—543 (другое изд.: *Иоанн Эфесский.* Отрывки из хроники // *Пигулевская Н. В.* Ближний Восток, Византия, славяне. Л., 1976).
- Иордан — Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 1997.
- Исидор Севильский — Исидор Севильский.* История готов, вандалов и свевов // *Циркин Ю. Б.* Античные и средневековые источники по истории Испании. СПб., 2006. С. 114—132.
- Константин Багрянородный. О фемах — Константин Багрянородный.* О фемах. О народах / Пер. Г. Ласкина. М., 1899.
- Корипп, Иоаннида — Флавий Кресконий Корипп Африкан Грамматик.* Иоаннида / Отв. ред.-сост. Н. Н. Болгов // Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 9. Белгород, 2017.
- Корипп, панегирик Юстину — Флавий Кресконий Корипп Африкан Грамматик.* Панегирик Юстину Младшему / Отв. ред.-сост. Н. Н. Болгов // Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 10. Белгород, 2017.

Лев, Тактика — *Лев VI Мудрый*. Тактика Льва (*Leonis imperatoris tactica*) / Подг. В. В. Кучма. СПб., 2012.

Маврикий — Стратегикон Маврикия / Изд. подг. В. В. Кучма. СПб., 2004.

Марцеллин Комит — *Марцеллин Комит*. Хроника / Пер., коммент. Н. Н. Болгова. Белгород, 2010.

Моисей Хоренский — *Мовсес Хоренаци*. История Армении / Пер. с др.-арм. яз., введ. и прим. Г. Саркисяна. Ереван, 1990 (старое издание: История Армении Моисея Хоренского / Новый пер. Н. О. Эмина. М.: Лазаревский ин-т восточных языков, 1893, XXXVI, вып. 1).

Новеллы Юстиниана:

5-я: *Максимович*, 2007б. С. 39—48.

6-я: *Максимович*, 2007. С. 30—43.

79-я: *Максимович*, 2007б. С. 48—50.

123-я: *Максимович*, 2007а. С. 24—54.

Нестор Искандер — *Нестор Искандер*. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году / Подг. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 216—267, 602—607.

Олимпиодор — *Олимпиодор*. История / Пер., вступ. ст., коммент. и указ. Е. Ч. Скржинской. СПб., 1999.

Орозий — *Павел Орозий*. История против язычников (Кн. VI—VII) / Пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. М. Тюленева. СПб., 2004.

Палестинский патерик. Вып. 1: Житие св. Саввы Освященного — Палестинский патерик. Вып. 1: Житие преподобного отца нашего Саввы Освященного. СПб., 1885.

Памятники... IV—IX — Памятники византийской литературы IV—IX вв. / Отв. ред. Л. А. Фрейберг. М., 1968.

Пасхальная хроника — Пасхальная хроника (491—527) / Пер. с греч. Н. Н. Болгова // Классическая и византийская традиция (Материалы IX Международной научной конференции, г. Белгород), 2015. С. 222—227.

ПВЛ — Повесть временных лет / Подг. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева. СПб., 1996.

Петроний — *Петроний Арбитр*. Сатирикон / Пер. под ред. Б. Ярхо. В издании: *Петроний Арбитр. Апулей*. М., 1991. С. 23—152.

Приск — Сказания Приска Панийского / Пер. Г. С. Дестуниса // Ученые записки II отд. Имп. Акад. наук. Кн. VII, вып. 1. СПб., 1861.

Прокопий Газский, панегирик Анастасию — *Прокопий Газский*. Панегирик императору Анастасию / Пер. Н. Н. Болгова, А. М. Болговой // Классическая и византийская традиция. 2016. Белгород, 2016. С. 143—161.

*Прокопий Кесарийский*¹:

¹ Отдельные издания произведений, вошедшие в указанные книги Прокопия: О постройках Юстиниана / Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. 1939. № 4(9); Тайная история / Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ.

Войны — *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст., коммент. А. А. Чекаловой. СПб., 2001;

Война с готами — *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. О постройках. В 2 т. / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1996 (оригинальное, но значительно менее доступное издание: *Прокопий Кесарийский*. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950).

Ранович, 1990 — *Ранович А. Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики раннего христианства. М., 1990.

Синесий. Творения — *Синезий Киренский, митрополит Птолемаиды и Пентаполя*. Полное собрание творений. Т. 1: Трактаты и гимны / Пер., коммент. Т. Г. Сидаша. СПб., 2012.

Сказание о Софии — Сказание о создании великия Божия церкви святыя Софея, яже есть в Костянтине-граде, юже созда благоверный царь Устиан // *Летописец Еллинский и Римский*. Т. 1. Текст. Подг. текста О. В. Творогова. СПб., 1999. С. 364—372.

Феофан — Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского. М., 1890.

Хорикий. Врумалии — *Хорикий Газский*. Импровизированная речь по случаю брумалий императора Юстиниана / Пер. Н. Н. Болгова // *Классическая и византийская традиция*. 2016. Белгород, 2016. С. 161—166.

Хрестоматия, 1953 — *Хрестоматия по истории средних веков*. В 3 т. Т. 1 / Под ред. Н. П. Грацианского, С. Д. Сказкина. 3-е изд. М., 1953.

Хрестоматия, 1961 — *Хрестоматия по истории средних веков*. В 3 т. Т. 1 / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1961.

Церковные историки — *Церковные историки IV—V веков*. М., 2007.

Юлиан Аскалонит — О законах или обычаях Палестины (извлечения) / *Сюзюмов*, 1960. С. 18—34.

Литература

Артамонов, 2001 — *Артамонов М. И.* История хазар. СПб., 2001.

Банников, Морозов, 2013 — *Банников А. В., Морозов М. А.* Византийская армия (IV—XII вв.). СПб., 2013.

Банников, Морозов, 2014 — *Банников А. В., Морозов М. А.* История военного флота Рима и Византии (от Юлия Цезаря до завоевания крестоносцами Константинополя). СПб., 2014.

1938. № 4 (5). Существует старый перевод: История войн римлян с персами, вандалами и готфами / Пер. С. и Г. Дестунисов // *Записки Историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета*. 1876—1891. Т. 1—3.

Барсов, 1883 — Барсов Е. В. Исторический очерк священного венчания на царство в связи с развитием идеи царя на Руси // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1883.

Белякова, 2004 — Белякова Е. В. Новеллы Юстиниана и русский бракоразводный процесс // VIS ANTIQVVM. Древнее право. 14. С. 144—153.

Болгова, 2017 — Болгова А. М. К истории высшего образования в ранней Византии: общие направления и тенденции // Классическая и византийская традиция (Материалы XI Международной научной конференции, г. Белгород). Белгород, 2017. С. 206—304.

Бухарин, 2018 — Бухарин П. А. Азий. Последний великий полководец Древнего Рима. СПб., 2018.

Вальденберг, 2008 — Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008.

Вальденберг, 2008a — Вальденберг В. Е. Государственное устройство Византии до конца VII в. СПб., 2008.

Василик, 2010 — Василик В. В. Кондак Романа Сладкопевца «На землетрясение и пожар» как источник по константинопольскому восстанию «Ника» 532 г. // Мнемон (Исследования и публикации по истории античного мира). Вып. 9. СПб., 2010. С. 387—398.

Воронов, 1980 — Воронов Ю. Н. Диоскуриада-Себастополис-Цхум. М., 1980.

Геростергиос, 2010 — Геростергиос А. Юстиниан Великий — император и святой / Пер. с англ. прот. Максима Козлова. М., 2010.

Глушанин, 1991 — Глушанин Е. П. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991.

Грабар, 2000 — Грабар А. Император в византийском искусстве / Пер. с фр. Ю. Л. Грейдинга. М., 2000.

Грацианский, 2007 — Грацианский М. В. Православная партия и приход к власти Юстина I // ВВ. 2007. Т. 70 (91). С. 125—145.

Грацианский, 2011 — Грацианский М. В. Был ли император Юстиниан I афтартодокетом? // ВВ. 2011. Т. 70 (95). С. 105—114.

Грацианский, 2015 — Грацианский М. В. Каноническая позиция папства в деле патриарха Акакия Константинопольского // АДСВ. 2015. Вып. 43. С. 62—80.

Грацианский, 2016 — Грацианский М. В. Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского Собора. М., 2016.

Дагрон, 2010 — Дагрон Ж. Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме» / Пер. А. Мусина. СПб., 2010.

Дашков, 1996 — Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1996.

Дашков, 2008 — Дашков С. Б. Цари царей — Сасаниды. Иран III—VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. М., 2008.

Дашков, 2015 — Дашков С. Б. Византия и ее императоры. М., 2015.

- Дашков, 2017* — Дашков С. Б. Императоры Византии. СПб., 2017.
- Диль, 1915* — Диль Ш. По берегам Средиземного моря / Пер. О. Анненковой. М., 1915.
- Диль, 1994* — Диль Ш. Византийские портреты / Пер. М. Безобразовой; предисл. П. Безобразова. М., 1994 (старое издание: *Диль Ш. Византийские портреты. В 2 т.* / Пер. М. Безобразовой. М., 1914).
- Диль, 2010* — Диль Ш. Император Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке / Пер. с фр. Минск, 2010 (старое издание: *Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке* / Пер. с фр. СПб., 1908).
- Доброклонский, 1880* — Доброклонский А. П. Сочинение Факунда, еп. Гермианского, в защиту трех глав. М., 1880.
- Домановский, 2015* — Домановский А. Н. «Ника!»: борьба ранневизантийских партий ипподрома и константинопольское восстание 532 г. // ВМ. 2015. Вып. 3. С. 69—110.
- Дьяконов, 1945* — Дьяконов А. П. Византийские димы и фракции (τά μέρη) в V—VII вв. // Византийский сборник. Л., 1945. С. 144—227.
- Заболотный, 2015* — Заболотный Е. А. Церковь Востока и религиозная политика императора Юстиниана // ВВ. 2015. Т. 74 (99). С. 47—60.
- Зубов, 2000* — Зубов В. П. Труды по истории и теории архитектуры. М., 2000.
- Зубова, 2011* — Зубова М. В. История архитектуры Византии и Западной Европы. Средние века. М., 2011.
- Иванов, 2016* — Иванов С. А. Прогулки по Стамбулу в поисках Константинополя. М., 2016.
- ИСВ — История Византии. В 3 т. / Отв. ред. С. Д. Сказкин. М., 1967.
- Каждан, 1970* — Каждан А. П. Сколько ели византийцы? // Вопросы истории. 1970. № 9, сентябрь. С. 215—218.
- Каждан, 2002* — Каждан А. П. Два дня из жизни Константинополя. СПб., 2002.
- Казанцев, 2014* — Казанцев Д. А. Статус государя на Руси и в Византии: общее и особенное в практике и доктрине (кон. IX — нач. XVI в.). М., 2014.
- Калделлис, 2016* — Калделлис Э. Византийская республика: народ и власть в Новом Риме / Пер. и отв. ред. В. И. Земскова. СПб., 2016.
- Карташев, 1994* — Карташев А. В. Вселенские соборы. М., 1994.
- Козлов, 1988* — Козлов А. С. Политическая оппозиция правительству Византии в 476—491 гг. V в. Основные направления и социальное содержание // АДСВ. 1988. С. 58—72.
- Коптев, 1995* — Коптев А. В. От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в поздней Римской империи. Вологда, 1995.

- Козлов, 1998* — Козлов А. С. Политическая оппозиция Византии на рубеже V—VI вв. // АДСВ. 1998. С. 59—78.
- Кривов, 2017* — Кривов М. В. Византийская культура. СПб., 2017.
- Кузнецов, 2013* — Кузнецов В. Н. NEMO SE HOSTIIS POLLUANT Феодосия Великого // Классическая и византийская традиции (Материалы VII Международной научной конференции, г. Белгород). Белгород, 2013. С. 98—104.
- Кузищин, 1993* — История древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1993.
- Кузьменко, 2011* — Кузьменко Ю. К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика. СПб.: Нестор-История, 2011.
- Кулаковский, 2004* — Кулаковский Ю. А. История Византии. В 3 т. СПб., 2003, 2004.
- Курганов, 1881* — Курганов Ф. А. Византийский идеал царя и царства и вытекающие отсюда, по сравнению с идеалом церкви, отношения между церковной и гражданской властью. Казань, 1881.
- Курганов, 2015* — Курганов Ф. А. Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи в эпоху образования и окончательного установления этих взаимоотношений (325—565 гг.). СПб., 2015.
- КВ1 — Культура Византии. IV—первая половина VII в. / Отв. ред. З. В. Удальцова. М., 1984.
- Курбатов, 1991* — Курбатов Г. Л. Ранневизантийские портреты (К истории общественно-политической мысли). Л., 1991.
- Курбатов, Лебедева 1984* — Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Византия: Проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984.
- Лазарев, 1986* — Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1986.
- Лебедева, 1973* — Лебедева Г. Е. Кодексы Юстиниана и Феодосия об источниках рабства (начало) // ВВ. 1973. Т. 35. С. 33—50.
- Лебедева, 1974* — Лебедева Г. Е. Кодексы Юстиниана и Феодосия об источниках рабства (окончание) // ВВ. 1974. Т. 36. С. 31—44.
- Лебедева, 1980* — Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980.
- Левченко, 1947* — Левченко М. В. Венеты и прасины в Византии V—VII вв. // ВВ. 1947. Т. 1. С. 164—183.
- Ломоури, 1982* — Ломоури Н. Ю. К истории взаимоотношений Лазского (Эгрисского) царства и Византии в V в. // Византийские очерки. 1982. С. 23—36.
- Ломоури, 2003* — Ломоури Н. Ю. Византийская политика в Западной Грузии в VI—VIII вв. // ΑΝΤΙΔΩΡΟΝ (Сборник статей к 75-летию акад. РАН Г. Г. Литаврина). СПб., 2003. С. 74—85.
- Люттвак, 2012* — Люттвак Э. Н. Стратегия Византийской империи. М., 2012.

Максимович, 2007 — Максимович К. А. Церковные новеллы св. императора Юстиниана I (527—565 гг.) в современном русском переводе: из опыта работы над проектом // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. 2007. Вып. 1 (17). С. 27—44.

Максимович, 2007a — Максимович К. А. Новелла СХХIII св. императора Юстиниана I (527—565 гг.) «о различных церковных вопросах» (перевод и комментарий) // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. 2007. Вып. 3 (19). С. 22—54.

Максимович, 2007b — Максимович К. А. Законодательство императора Юстиниана I о монашестве (часть 1): новеллы V и LXXIX // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. 2007. Вып. 4 (20). С. 38—51.

Матвеева, 2015 — Матвеева Ю. Г. Алтарные завесы в эволюции литургических тканей IV—XVI вв. (традиция, семантика, иконография) // ВМ. Вып. 3. 2015. С. 112—162.

Медведев, 2001 — Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.

Мейендорф, 2007 — Мейендорф И. Ф. Византийское наследие в Православной церкви. Киев, 2007.

Мехамадиев, 2011 — Мехамадиев Е. А. Проблема разделения армии между Западной и Восточной Римской империей в период регентства Стилихона (395—408 гг.): Союзные этнические подразделения и федераты // АДСВ. 2011. Вып. 40. С. 21—30.

Мехамадиев, 2014 — Мехамадиев Е. А. Армянские войсковые подразделения в ранневизантийской армии (IV—VII вв.). СПб., 2014.

Михалицын, 2015 — Михалицын П. Е. От Мельпомены ко Христу: судьбы античного театра в Византии // ВМ. Вып. 3. 2015. С. 192—234.

Мохов, 2013 — Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII — середине IX в.: Развитие военно-административных структур. Екатеринбург, 2013.

МПА, 2014 — Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 4: Иоанн Лид / Пер. с англ. и сост. М. М. Синеицы; под ред. Н. Н. Болгова. Белгород, 2014.

МПА, 2015 — Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 5: Косьма Индикоплов и его «Христианская топография» / Отв. ред. Н. Н. Болгов. Белгород, 2015.

Острогорский, 2011 — Острогорский Г. А. История Византийского государства / Пер. М. В. Грацианского; под ред. П. В. Кузенкова. М., 2011.

Пигулевская, 1951 — Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М.; Л., 1951.

Пигулевская, 2000 — Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. СПб., 2000.

Поляковская, Чекалова, 1989 — Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989.

- Рансимен, 1998* — Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998.
- Риччи, 2013* — Риччи Йозеф. Гунны Юстиниана: Византия, кутригуры и утигуры // Konštantínove listy 6. 2013. P. 1—9 (использовалась электронная версия статьи: http://constantinesletters.ukf.sk/images/issues/2013_v6/CL_v6_iss6_1to9.pdf).
- Рудаков, 1997* — Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1997.
- Сергеенко, 2007* — Сергеенко М. Е. Жизнь древнего Рима. СПб., 2000¹.
- Серов, 2000* — Серов В. В. Административная политика ранней Византии: антикоррупционные меры // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 31—44.
- Серов, 2001* — Серов В. В. Периодизация финансовой политики императора Юстиниана I // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 52—62.
- Серов, 2009* — Серов В. В. Финансовая политика императоров Ранней Византии в VI веке: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Барнаул, 2009.
- Серов, 2011* — Серов В. В. Финансовая политика Юстиниана Великого. Новосибирск, 2011.
- Серов, 2012* — Серов В. В. К постановке вопроса о финансовой политике Юстина I Старшего // Известия Алтайского государственного университета. 2012. Вып. 4—2 (76). С. 188—200.
- Серов, 2013* — Серов В. В. Консульства Юстиниана // АДСВ. 2013. Вып. 41. С. 92—103.
- Сильвестрова, 2007* — Сильвестрова Е. В. Lex Generalis. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V—X вв. н. э. М., 2007.
- Синица, 2017* — Синица М. М. Качества для успешной карьеры чиновника в ранней Византии на примере Иоанна Лида (De Mag. III. 25—30) // Классическая и византийская традиция (Материалы XI Международной научной конференции, г. Белгород). Белгород, 2017. С. 292—304.
- Синица, Болгова, 2017* — Синица М. М., Болгова А. М. Кодекс Феодосия о профессорах // Классическая и византийская традиция (Материалы XI Международной научной конференции, г. Белгород). Белгород, 2017. С. 398—413.
- Соколов, 1909* — Соколов И. И. Патриарший суд над убийцами в Византии X—XV веков: исторический этюд // Христианское чтение. 1909. № 2. С. 216—237.
- Сметанин, 2000* — Сметанин В. А. О специфике инвариантной информации «Новелл Юстиниана» // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 45—59.
- Сметанин, 2001* — Сметанин В. А. О специфике инвариантной информации «Новелл Юстиниана» (продолжение) // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 63—85.

¹ На обложке другое название: «Жизнь в древнем Риме».

Смирницких, 2009 — *Смирницких Т. В.* Характер и специфика частной жизни женщины в ранней Византии: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Белгород, 2009.

Смирницких и пр., 2008 — *Смирницких Т. В., Болгов Н. Н., Будаева Н. С.* Проституция в ранней Византии // Проблемы истории та археології України: Матеріали VI міжнарод. наук. конф., присвяч. 150-річчю з дня народження акад. В. П. Бузескула, Харків, 10—11 жовтня 2008 р. / Від. за вип. С. В. Дячков. Харків, 2008. С. 88—89 (электронный вариант: <http://dSPACE.bsu.edu.ru/handle/123456789/8649>).

Сорочан, 2013 — *Сорочан С. Б.* Смерть в Византии // ВМ. Вып. 1. 2013. С. 96—128.

Сорочан, 2015 — *Сорочан С. Б.* Византия между христианством и язычеством // ВМ. Вып. 1. 2013. С. 237—272.

Сюзюмов, 1960 — *Сюзюмов М. Я.* О трактате Юлиана Аскалонита // АДСВ. 1960. Вып. 1. С. 3—34.

Удальцова, 1964 — *Удальцова З. В.* Положение рабов в Византии в VI в. (преимущественно по данным законодательства Юстиниана) // ВВ. 1964. Т. 24. С. 3—34.

Удальцова, 1967 — *Удальцова З. В.* Законодательные реформы Юстиниана // ВВ. 1967. Т. 27. С. 3—37.

Удальцова, 1974 — *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII веков). М., 1974.

Успенский, 2011 — *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. В 2 т. М., 2011.

Харрис, 2011 — *Харрис Д.* Византия. История исчезнувшей империи / Пер. с англ. Н. Нарциссовой. М., 2017.

Шмеман, 2003 — *Шмеман А., прот.* Исторический путь Православия. Киев, 2003.

Шувалов, 2015 — *Шувалов П. В.* Короткая жизнь фоллиса: обращение крупных медных монет в ранней Византии // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2015. С. 12—43.

Чекалова, 1997 — *Чекалова А. А.* Константинополь в VI веке. Восстание Ника. 2-е изд. СПб., 1997.

Чекалова, 2010 — *Чекалова А. А.* Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. М., 2010.

Чекалова, 2013 — *Чекалова А. А.* Западные и восточные тенденции в Византии в ранний период (борьба и взаимодействие) // АДСВ. Вып. 41. 2013. С. 32—46.

Шевченко, 2012 — *Шевченко А. А.* Зависимые слои сельского населения Римской империи IV—VI вв. на основании юридических источников: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2012.

Шувалов, 2006 — *Шувалов В. П.* Секрет армии Юстиниана. Восточноримская армия в 431—641 гг. СПб., 2006.

Oxford DB — The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. P. Kazhdan. New York; Oxford, 1991.

BB, 2009 — Becoming Byzantine: Children and Childhood in Byzantium. Dumbarton Oaks, 2009.

Evans, 2011 — Evans J. A. S. The Age of Justinian (The circumstances of imperial power). Taylor & Francis e-Library, 2001.

Grierson, 1982 — Grierson P. Byzantine coins. Los Angeles, 1982.

Moffat, 1986 — Moffatt A. The Byzantine child // Social Research. Vol. 53. № 4 (Winter 1986). New York, 1986. P. 705—723.

Teteriatnikova, 1998 — Teteriatnikov N. B. Mosaics of Hagia Sophia, Istanbul: The Fossati Restoration and the Work of the Byzantine Institute. Washington, 1998.

Vasiliev, 1950 — Vasiliev A. A. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge (Mass.), 1950.

Whittemore, 1936 — Whittemore Th. The Mosaics of St. Sophia at Istanbul, Second preliminary Report work done in 1933 and 1934, The mosaics of the Southern Vestibule. Paris, 1936.

WME 2008 — Women, Men and Eunuchs. Gender in Byzantium / Edited by Liz James. London, New York, 2008 (репринт издания 1997 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Римская империя до Юстиниана	11
Западная Римская империя	26
Восточная Римская империя	40
Юстиниан: жизнь и дела (482—565, император с 527)	54
Раннее детство: 482—489	54
Начало взрослой жизни: 489—518	64
На ступенях трона: 518—527	119
Август Юстиниан: ранние годы правления: 527—531	141
Восстание «Ника»: 532	183
От «Ники» до завоевания Италии: 532—540	202
Война сначала на два, а затем и на три фронта: 541—545 ...	262
Годы больших проблем: 545—550	278
Всё, кажется, получается: 551—554	296
Закат: 555—565	314
Финал: ноябрь 565	325
Заключение	335
Окружение Юстиниана	349
Приложения	378
Приложение 1. Историки Нового времени о Юстиниане и Феодоре	378
Приложение 2. По юстиниановым местам (путевые заметки)	393
Глоссарий	403
Хронология жизни и правления Юстиниана	412
Библиография	415

Дашков С. Б.
Д 21 Юстиниан / Сергей Дашков. — М.: Молодая гвардия, 2018. — 426[6] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1749).

ISBN 978-5-235-04158-5

Очередной том серии посвящен императору Юстиниану I, правившему Византийской державой в середине VI века. Автор в увлекательной, отчасти беллетризованной форме повествует о трудах и свершениях одного из самых замечательных правителей в истории раннего Средневековья. Строитель Святой Софии, создатель свода законов, заложившего основы всего европейского законодательства, он ценой невероятного напряжения сил сумел восстановить былое могущество Римской империи, поставив под власть Константинополя Италию, часть Испании, Северную Африку. Как показывает автор, жизнь Юстиниана — яркий пример того, как энергичный, работоспособный и одаренный человек творит историю мира.

В книге представлен сжатый очерк истории Византийской империи до Юстиниана, показаны многие черты быта византийцев, даны яркие портреты современников императора — его супруги Феодоры, сумевшей подняться к вершинам власти с самых низов общества; блестящего полководца Велисария; историка Прокопия Кесарийского, исполненного тайной ненависти к императорской чете, а также многих других.

УДК 94(100) "653"
ББК 63.3(0)4-91

знак информационной
продукции

16+

Дашков Сергей Борисович
ЮСТИНИАН

Редактор **А. Ю. Карпов**
Художественный редактор **К. В. Забусик**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова**

Сдано в набор 23.05.2018. Подписано в печать 18.07.2018. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л.
22,68+0,84 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1813740.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsecl@gvardiya.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
arvato BERTELSMANN 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04158-5

Coinsoldes.ru

нумизматика

пластика

гравюры

Помощь
по составлению коллекций
и участию
в зарубежных аукционах

coinsoldes@list.ru

АКТУАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Владимир Широгиоров УКРАИНСКАЯ ВОЙНА

В XVI—XVII вв. Западная Русь предстала зоной соперничества Литвы и Польши, Швеции и Орды, Турции, Крымского ханства и Московского княжества. Кто мог предположить тогда, что речь шла о чем-то несравненно большем, нежели об очередном разделе пространств Восточной Европы? Многовековая Украинская война явилась одной из самых плотных в истории концентрацией боевых действий, затронув абсолютно все сферы: идеологию, экономику, общественные процессы, качества лидеров и стремления народов.

УЖЕ В ПРОДАЖЕ:

Книга I Схватка за Русь До середины XVI века

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Книга II Турецкий прорыв Балканы — Причерноморье — Кавказ До конца XVI века

Книга III Встречное наступление Балтика — Литва — Поле Вторая половина XVI века

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

И. Князький
«ТИБЕРИЙ»

А. Якимович
«ГОЙЯ»

П. Люкимсон
«СПИНОЗА»

Е. Морозова
«ЛЮДОВИК XVI»

И. Родимцев, С. Аргасцева
«ГЕРОИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ»

Г. Чернявский, Л. Дубова
«РЕЙГАН»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Е. Пчелов
«ОЛЕГ ВЕЩИЙ»

Д. Кузнецов
«БЕТАНКУР»

Н. Болдырев
«РИЛЬКЕ»

А. Хорт
«СМЕХАЧИ МЕЙЕРХОЛЬДА»

Е. Матонин
«КРАСНЫЕ»

Л. Воронин
«ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

ISBN 978-5-235-04158-5

9 785235 041585 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я